

ГОЛОСА СИБИРИ

Выпуск четвёртый

Кемерово
Кузбассвузиздат
2006

ББК 84-44

Г61

Издание подготовлено при участии:

*Омского регионального отделения Союза российских писателей,
Омского государственного литературного музея
имени Ф.М. Достоевского,
Института литературы и искусства имени
М.О. Ауэзова (Казахстан),
Российского издания из Кузбасса «Наша газета»,
Сектора истории общественно-политического развития
Института истории Сибирского отделения
Российской академии наук,
Кемеровского областного отделения Всероссийского общества
охраны памятников истории и культуры,
Кузбасского регионального отделения Союза Правых Сил*

Редакционная коллегия номера:

**Ананьева Светлана (Казахстан), Вайнерман Виктор (Омск),
Кинг Виктория (США), Кушникова Мэри (Кемерово),
Лейфер Александр (Омск), Папков Сергей (Новосибирск),
Тогулев Вячеслав (Кемерово), Шагнахметов Дмитрий (Кемерово)**

Адрес альманаха в сети Интернет:

<http://www.golosasibiri.narod.ru>

Г61

Голоса Сибири: литературный альманах.-
Вып. четвертый/ сост. М. Кушникова, В. Тогулев. -
Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. - 822 с.

Выход в свет четвертого выпуска литературного альманаха
«Голоса Сибири» приурочен к 75-летию коммуны друзей и
последователей Льва Толстого «Жизнь и труд».

ISBN

© Коллектив авторов. 2006
© Брагин А.В. - компьютерная верстка. 2006
© Издательство «Кузбассвузиздат». 2006

Слово к читателю

Содружество «ГС» с сибиряками крепнет, проект набирает силу», – так писали мы, заканчивая *Слово к читателю* предыдущего номера. Минуло почти полгода – наш небольшой творческий кружок, костяком которого выступает Омское отделение Союза российских писателей, пополнился авторами из Америки и Казахстана, традиционно и долголетне связанными с Сибирью. Нам особенно приятно, что именно казахстанские журналы «Простор» (литературно-художественное издание, основанное в 1933 году), «Книголюб» и «Евразия» поддержали выход первого номера «ГС» развернутыми рецензиями, равно и то, что на недавнем международном форуме «Евразия» в Астане было сделано отдельное сообщение, посвященное нашему скромному проекту.

Ныне модная тема «евразийского» единства для сибиряков – отнюдь не пустой звук. Культурная среда Сибири и Казахстана, других республик бывшего Союза, всегда отличалась глубокими взаимопроникающими связями. В России проживает немало писателей-выходцев из Алматы, а в самом Казахстане публикуется значительное количество русскоязычных газет и журналов, поднимающих вопросы двусторонних культурных обменов. Трудно переоценить вклад таких крупных исследовательских центров, как казахстанский институт языка и литературы имени *М.О. Ауэзова*, семипалатинский *Дом Достоевского*, и многих других, в изучение истории и словесности Сибири и России. Например, тему «*Достоевский и Сибирь*» невозможно изучать вне ее семипалатинской составляющей.

Все это как нельзя лучше объясняет, почему «*Голоса Сибири*» придают такое значение «интернациональной» проблематике. Так, в этом номере читатель обнаружит первые главы нового исследования известного ученого и литератора из Алматы *Светланы Ананьевой*, посвященного *Достоевскому*, равно и особую рубрику «*Сибирь – Казахстан*» с фантазмагорическим циклом «*Песни песков*», построенном сибирским автором на основе казахского фольклора, а также

Всякое слово где-нибудь да оказывается подходящим
Квинтилиан

воспоминания о Карлаге, принадлежащие перу учредителя и основателя казахстанского Сорос-клуба *Михаила Шмулева*.

На этот раз «Голоса» уделяют особое внимание традиционной рубрике «*Лев Толстой и Сибирь*». И дело не только в том, что в 2006г. отмечается 75-летие сибирской коммуны друзей и последователей *Льва Толстого* «Жизнь и труд» – ее значительная часть была репрессирована в 30-е годы (см. материалы *Бориса Гросбейна*, «ГС» №№1 и 3). Совсем недавно потомки коммунаров, собравшиеся на слет в Кузбассе, приняли обращение в Министерство культуры с просьбой посодействовать созданию мемориального музея имени *Толстого* в наших краях, о чём читаем в статье *Марины Борисовой*. Школьный музей, посвященный толстовцам, успешно действует в стенах новокузнецкой гимназии №10, однако не в состоянии обеспечить должную сохранность бесценных экспонатов, часть коих по сию пору находится на руках у потомков – документы и вещи ветшают, требуют срочной реставрации. Затерялась переписка коммунаров с *Роменом Ролланом* и *Анатолем Франсом* (дали на руки некоему московскому литератору, и теперь не могут найти), пропала кофта, принадлежавшая лично *Льву Толстому* (для сравнения: на недавно прошедшей в Японии выставке носки *Льва Толстого* были застрахованы на сумму 1,2 миллиона долларов).

Оживленный интерес к теме «Друзья и последователи Толстого в Сибири» проявляют исследователи Японии. На наш взгляд, заслуживает всяческого внимания предложение японской стороны о покупке документального архива толстовцев. Потомки уходят, бумаги и вещи исчезают и «теряют вид». Если в Сибири нет условий для хранения документов в специализированном музее, идеей создания которого в наших палестинах пока еще, похоже, не вдохновились – пусть они сохраняются хоть в Японии! Мы же, публикуя сегодня очередную часть названных документов, равно и упомянутое Обращение потомков, в соответствующей рубрике, надеемся на помощь и моральную поддержку Государственного литературного музея имени *Л.Н. Толстого* (Москва, Пречистенка) и его директора *Виталия Борисовича*

Ремизова - тем более, что контакты Сибири с Ясной Поляной были весьма оживлёнными вплоть до 50-60гг. прошлого века благодаря последнему секретарю великого писателя, Валентину Булгакову - сибиряку по рождению и привязанности души.

В разделе рецензий – отклики на рассказы *Светланы Василенко* и новую книгу *Александра Лейфера*, равно и на нашумевший бестселлер *Дэна Брауна* «Код да Винчи», который, как и его экранизация, вызвавшая бурную реакцию, с точки зрения рецензента, представляет сугубо детективный интерес. Бесценный смысл «Кода да Винчи», едва проглядывающий за погонями и стрельбой, давно известный на академическом уровне и отчасти затронутый в «*Апокрифической повести*» (опубликованной в «ГС» №3), заслуживает куда более пристального и философического прочтения. Тем не менее, заслуга произведения *Дэна Брауна* в том, что ему удалось привлечь внимание широкого читателя и зрителя – пусть даже с помощью «детективности» – к теме столь глубокой, что она способна во многом изменить ментальность всего человечества.

В разделе «*Цветы усопшим*» – разноречивые отзывы на статью *Романа Солнцева* во всероссийском журнале для семейного чтения «*День и ночь*» (Красноярск), отчасти посвященную прокатившейся недавно по Сибири волне самоубийств поэтов. Что поделаться – иные нарушают правила вежливости, явившись к Господу без приглашения. Погибают при попытке бегства от самих себя. Склонность к неумеренному винопитию, творческая импотенция, нищета, потеря нравственных ориентиров, ксенофобия и прочие нездоровые настроения в писательской среде приводят к трагическому исходу. Весьма нашумевшие случаи зафиксированы в Кемерове (очевидно, для того, чтобы жить, перефразируя *Антуана де Ривароля*, здесь нужны более веские основания, чем для того, чтобы умереть). Но даже харакири, которое в состоянии глубокой депрессии совершил поэт *Владимир Ширяев*, не подвигло местных литераторов хоть словом обмолвиться о причинах такого явления на недавно прошедшем здесь Всекузбасском

съезде писателей (составителей «Голосов Сибири» почему-то туда не пригласили).

Череду огорчительных известий продолжают сообщения информагенств о грядущем восстановлении пантеона *Сталину* в Красноярском крае. Напомним: именно в красноярских застенках погиб потомок славного рода, литератор *Дмитрий Тизенгаузен* (подробнее см. «ГС» №№1-3) и тысячи его современников. Удивительно, что создание мемориального музея друзей и последователей *Льва Толстого* в Сибири, значительная часть коих, как уже сказано, была репрессирована, вполне может превратиться в неразрешимую проблему, тогда как идея упомянутого «пантеона», похоже, находит немало сторонников (о некоторых особенностях расстрельной политики неслетлой памяти поры см. приведенное ниже специальное исследование историка *Алексея Теплякова*).

Приводим в этом номере также монолог *Анатолия Наймана*, записанный корреспондентом кемеровской «Нашей газеты» *Леной Суриковой*. Член французского Пен-клуба, одареннейший литератор и переводчик с нескольких языков – и прежде всего поэт, даже когда пишет прозой, он имел счастье родиться в семье одного из последних колонистов-толстовцев в селе Тайнинке под Москвой и, соответственно, перенять многие взгляды отца. И еще он имел счастье быть литературным секретарем *Анны Андреевны Ахматовой*. Равно посчастливилось ему быть другом *Иосифа Бродского*. У счастливых людей – особый способ мышления. Им свойственна внутренняя свобода до конца дней, она же – «чувство собственного достоинства», о котором – приведенный монолог.

По мнению *Наймана*, появление больших литературных талантов, «помимо одаренности, которая зависит от того, на кого Бог покажет, зависит от среды, от эпохи, и зависит от того, насколько они изменяли или не изменяли своей совестью», и с этим нельзя не согласиться.

г. Кемерово,
Июнь 2006г.

Личное

Светлана Василенко
Я ВЫПАЛА ИЗ МИРА ЛЮДЕЙ...

* * *

Я выпала
 Из мира людей
 Выпала
 Из жизни
 Как мальчик-эпилептик, сын моего знакомого
 Из окошка шестого этажа:
Его позвали *голоса,*
 Пообещав вылечить.
 Выпала
 Осталась одна
 Никого уже не люблю.
 Ни с кем не дружу
 Не пишу
 Не дышу.
 Брожу по улицам города,
 Словно душа
 Неприкаянная
 После смерти.
 Бредет,
 Греется под
 Осенним
 последним солнышком.

Осень, 2005 г.
Москва

Автопортрет в пейзаже

А.Р.

Степь
 пахнущая чистой
 хлопчато-бумажной футболкой
 на теле любимого мужчины
 который был до тебя
 жизнь назад.

Форма новой поэзии, вероятно, будет формой Библии:
 свободно текущей прозой, выкованной в стихотворные
 строки...

Чеслав Милош

Змея на дороге

Полная яда
С глазами рассерженной прачки,
Или где я могла видеть женщину,
С таким же злым и бессильным взглядом?
Может быть, она была подавальщицей
Или посудомойкой в заводской столовой?
Не помню.

Кузнечик,
С внимательным взглядом зеленых глаз
Инопланетянина
Играющего со мной в салки.

Река
Названная по имени
Монгольской девочки,
Тысячу лет назад влюбившейся в русского князя
И здесь утонувшей,-
Ахтубой.

Журавль,
Отставший от стаи
Жалкий словно после похмелья
На другом берегу
А на этом -
Ворона,
Терзающая брошенный кем-то пакет
С надписью Мальборо

И я
На остывшем песке
Любящая тебя.

*Сентябрь, 2005 г.
г. Капустин Яр*

Между

Не умею
в рифму.

Это как бы еще не стихи,
Но как бы уже и не проза.
Между.

Это как бы еще не слово,
Но уже не междометие.
Междуречье.

Это как бы очнувшийся сон,
Но еще за закрытыми веками.
Между.

Это как бы уже не любовь,
Но еще и не смерть.
Между.

Между каплей и звуком.
Между болью и криком.
Между мной и тобой.
Между.

Между волком, собакой.
Молотом, наковальней.
Между плотью, тенью.
Зеркалом, отражением...

Между

Гнездом и землей,
Когда летишь,
Едва оперившись вниз
Мохнатым комком
Надеясь на
Вросшие в спину
Крылья.

*Октябрь, 2005 г.
Москва*

Харидвар¹

Среди огней, чужих молитв и криков,
 Где ты, как грозный соглядатай
 Других миров стоишь на берегу, -
 Бродить потеряно
 По каменному руслу,
 По обмелевшей речке,
 Упавшей с неба, -
 Гангу, -
 По щиколотку в серебре.

И отпуская лодочку, как дети,
 Плыть по течению с цветами,
 И руки погружая в молоко
 Реки-праматери,
 Искать на дне звезду
 Потерянного неба.
 И вдруг понять,
 Что смерти нет.

Что мы с тобой одни
 Среди огня и тьмы
 В слезах
 Стоим пред дверью,
 За которой Ждут,
 И шепчем под тамтамы:
 - Отче!..

*Октябрь 2005 г.
 Харидвар – Москва.*

* * *

Мы с Лешкой,
 Дурачком деревенским,
 Идем по Подстепке,-
 Реке,-

Будто по суху,
 По колено в снегу,-
 Он в раздолбанных башмаках,
 Впереди,
 Я в дамских сапожках,-
 За ним,
 След
 в
 След.
 Февраль.

Мы с Лешкой,
 Дурачком деревенским,
 Стоим,
 Обмакнув лица
 В голубую прорубь:
 Любуемся небом,-
 Оно в облаках всё,-
 Белых,
 Словно в сугробах.

Мы с Лешкой,
 Дурачком деревенским,
 Загораем лицами
 На февральском, почти весеннем
 Солнце.
 И я вдруг неожиданно рассказываю ему
 О тебе,
 Заколдованном принце,
 Живущем в далеком городе
 Золотом,- в замке,
 О тебе, с которым
 У меня никогда ничего
 Не было,
 Нет

И не будет,
Кроме любви
Ненужной,
Как крылья.

Лешка хмуро слушает, сплевывает себе под ноги,
То ли понимая меня, то ли не понимая.

Мы с Лешкой
Печально возвращаемся домой.
Бредем по деревенской улице,
И у одного из домов
Нам под ноги бросается
Лаящий, лязгающий цепью
Лохматый комок.
Лешка бьет большими рукавицами
Над головой дворняги,
Ее прогоняя.
И глядя в закрытые
Ставнями окна
Говорит мне,
Что в этом доме
Живет его невеста.
На мой вопрос,
Как ее зовут,
Отвечает,
Что не помнит.
Помолчав, добавляет,
Что будет любить ее
Целую жизнь,
И тогда,
Когда умрет
Она и он. И дальше,
Дальше...

Он смотрит на меня
Небесными глазами святого отрока
Ясно-ясно,
Словно просвечивая душу рентгеном,
Деревенский дурачок,
Знающий всё о тайнах мироздания,
О том, что будет с нами,
Тобой и мною, -
Здесь, на земле,
И там, после смерти,
И дальше.

Дальше...

*24 февраля 2006 г.
г. Капустин Яр*

По дороге к тебе

По дороге к тебе
Завернула в сельский магазин
Купить четвертинку.
Хотела с сыном твоим
Посидеть,
Помянуть тебя,
Нина.

Подошла к дому,
Проваливаясь в снег.
К калитке вели собачьи следы,
Человеческих не было.
Дом покосившийся, деревенский
Пустыми глазами смотрел
На меня,
Как мертвец.
Алеши не было.

«Тетя Маша, я остался один,
Совсем один!» - сказал он моей матери
В тот день, когда тебя не стало,-
И заплакал.
Ровесник моему сыну.
Нет, немного помладше:
Двадцать пять ему исполнилось этим летом,
В жарком августе,
Когда я шла
Так долго
По белой, как пудра, пыли
К тебе,
Еще живой, -
И не застала.

*24 февраля 2006 г.
г. Капустин Яр*

Собор Парижской Богоматери

Собор,
похожий
ночью
в грозу
на корабль межпланетный,
уносящий души людей
На небеса
Лиловые
Где гром и молнии
Где Бог.

Собор,
Выплывающий,
из моего детства,
когда мама длинными вечерами
читала
вслух роман
про Квазимоду,

Я выпала из мира людей...

и плакала, жалея урда.
И Квазимордой
На улице обзывали мальчишки
Друг друга.

Собор,
В котором однажды,
Двенадцать лет назад,
идя по проходу,
вдруг ввысь поднялась,
взойдя по лучу
блеснувшего солнца
И долго висела в воздухе
Над головой молившейся негретянки,
Одетой в красную шерстяную кофту
Под музыку
Баха -
Бога, взявшего себе
псевдоним.

Собор,
Куда прошлой весной
Я – забежала,
чтобы спрятаться от дождя,
в чистый четверг.
Ты –
В Страстную
Пятницу.
Пришли,
Еще не зная друг друга.

Чтобы
На следующий день
У нашей подруги,
живущей высоко в небе,
на белой мансарде,

Светлана Василенко

где над нами летал какаду по имени Жаки
и напевал мелодию из Волшебной Флейты
Моцарта,
Словно то было в раю,
Встретиться
Накануне Пасхи.

*20 марта 2006 г.
Москва*

Ямал

Собаки
с волчьими лицами.

Олени,
Застенчивые, как ненцы.

Ненцы,
По имени Прокопий и Петр.

Снег, похожий
На глазурь, которой
покрывают кулич
на Пасху.

Строганина в чуме.

Девочка Фая
Из народности ханты
Закрывшая лицо руками
То ли плачет
То ли смеется.
Как птица

Над Ямалом.
Ямалом.
Ямалом.

*20 марта 2006 г.
Москва*

Ахгуба

Нерусская,
С лицом татарской
девочки,
Здесь утонувшей,
Река.

Сверкающая,
Как меч
между Тристаном и Изольдой,
Легла,
Разделив
Восток и Запад,
Река.

Улыбающаяся
змея,
заворожившая факира,
Остановившая
орды из Азии,
превратив их в песок и легенды,
Река,

На берегу, которой
Золотая Орда
Пала
Как лошадь.

Как конь золотой,
Монгольский,
горячий.

Река...

*4-5 апреля 2006 г.
Москва*

А.Р.

Бомж по имени Ёж
Моя блажь,
Мой Вергилий веселый
Пропахший помойкой,
Отведи меня в ад,
Словно в сад
На прогулку.

Улыбаясь беззубым младенцем
ведет
Ухвативши
Обмороженной
этой зимою
Клешней
Где нет линий судьбы
На ладони, -
Тащит в ад,
словно в сад,
на прогулку.

Мы летим в электричке пустой
В никуда
И бегут перед нами в испуге леса,
Расступаясь от страха
Все отчаянней крик электрички
Безумной

В ночи
И с горы
С змеем огненным
Падаем
В тартарары
Мы в желудке
у этого змея

Мы бредем по охваченной
жаром земле
по обугленным душам
как картошка печеная
души везде
плачут стонут
и молятся Богу
мы встречаем знакомых
и просто людей
что хорошими вроде бы были
но так сильно любили
так сильно горели,
что попали сюда
догорать
угольками.
Уголками
Губ улыбаясь,
Я с ними
здоровуюсь.
Здрасьте! Я ваша тетя.
Я приехала
Ненадолго,
Но может быть скоро
буду здесь у вас жить...

Бомж по имени Еж
Моя блажь

Раздувает огонь у костра
Чтобы души уселись в кружок
И из кружки
Глотая чафирь
Говорили за жизнь
про любовь.
Голова закружилась:
Я увидела милый тебя
Ты без пары сидел
И устало смотрел
На меня
Не узнав.

Как упал
Как сломал
Расскажи
свои белые крылья?

Он любил! Он пропал!
Закричали горящие души.
Ты смотрел и молчал.
И ушел вдруг в шалаш
Одинокий
Пропавший.

Бомж по имени Еж
Моя блажь,
Мой Вергилий веселый
С милым рай в шалаше
Отведи меня в сад
Отведи меня в ад
На прогулку...

19 мая 2006 г.

**Из первых уст
(литературная гостиная
«Нашей газеты»)**

**Анатолий Найман¹: «СТРАНЕ НУЖНЫ
ЛЮДИ С ЧУВСТВОМ СОБСТВЕННОГО
ДОСТОИНСТВА»**

28 января исполнилось десять лет со дня смерти Иосифа Бродского - великого русского поэта, лауреата Нобелевской премии, так никогда и не возвратившегося на Родину в Санкт-Петербург.

Их было четверо молодых ленинградских поэтов, заявивших о себе в начале шестидесятых: Иосиф Бродский, Евгений Рейн, Анатолий Найман и Дмитрий Бобышев, которых Анна Ахматова называла «волшебным хором».

Бродского сегодня уже нет в живых. Анатолий Генрихович Найман, поэт и прозаик, прославившийся не только своим творчеством, но и тем, что в молодые годы был литературным секретарем Ахматовой, живет в Москве. Его роман «Каблуков», выпущенный издательством «Вагриус», был номинирован на Букеровскую премию 2005 года.

В разговоре с корреспондентом «НГ» Анатолий Найман поделился воспоминаниями, которые как бы накладываются на «автобиографическую» канву его нового романа:

После смерти Бродского звук умолк. Как в комнате без акустики

Я ленинградец, родился в Ленинграде в семье участкового врача - моя мама, и инженера-технолога - это был мой отец. Мама училась на врача во Франции, в Монпелье. Ее представление о европейской и мировой литературе очень повлияло на мое развитие. Что касается отца, то с годами выяснилось, что он был толстовцем, членом одной из самых поздних толстовских колоний, которая была под Москвой в Тайнинке. Он был последовательным толстовцем, от него я воспринял какие-то главные установки жизни. Или, если угодно, можно большим словом сказать - устои, с которыми я не расстанусь до сих пор.

Например, от него я узнал в отроческом возрасте, что Льву Толстому какой-то человек пожаловался, что он ужасно боится генералов, просто совершенно теряет себя. А тот сказал: «А вы посмотрите на него в бане». И действительно, нет на свете людей,

К счастью, господа журналисты, я читаю ваши газеты, чтобы знать, что я думаю.

Шарль де Голль

которые не были бы в бане другими, нежели в мундире...

Я думаю, что это были главные составляющие моего становления.

Я поступил в технологический институт в Ленинграде. И примерно на второй день обучения понял, что я поступил не туда. Потому что, начиная с первого курса, все мои интересы, вся моя жизнь, все мое время уже находились в сфере поэзии. Я впервые осознал, что стихи, которые я писал, это некое занятие моей жизни.

В общем, там, в институте, я сошелся с двумя сверстниками. Фамилии моих друзей по институту были Бобышев и Рейн. Потом, через года, может быть, два или три, к нам присоединился не имеющий никакого образования - 7 классов, но имевший совершенно замечательную одаренность, талант, Бродский. Это сейчас говорят о какой-то ленинградской поэтической школе, а тогда это совершенно ничего не значило. У нас была компания, мы любили друг друга. Но больше всего мы любили непрерывно читать или слушать стихи.

Из романа «Каблуков»: «Году к шестидесятому появился как новое действующее лицо в Ленинграде Бродский, ни из какого института, с улицы, везде читал стихи, отовсюду куда-то рвался. Где-то мы познакомились...»

Орет, как на вокзале, машет руками. При этом в коричневой тройке и брусничном советском галстуке. Передавая майонез, конечно, опрокидывает на себя, на все предметы туалета: на галстук, жилет, пиджак и брюки. Еще пунцовее пылающий румянец щеки, еще громче картавость. А года через три, когда был он уже «Иосиф Бродский» - не в окончательном, правда, исполнении, но, так сказать, в сыром гипсе - и научился делать паузы в неостановимом своем монологе и эти паузы держать, то стал он выдавать после них куски речи принципиально короткие. Не то чтобы предложения, <...> а с установкой на афоризм. И один из афоризмов, который, как и другие, он повторял опять и опять, словно бы забывая, что уже говорил его неделю назад, вчера, сегодня в самом начале вечеринки, и который никто, кроме, может, туманно колышущейся где-то Ахматовой, не принимал всерьез, да просто не слышал, разве чтобы ожидаемо вышутить и поржать, с первого раза попал мне в сердце. «Главное - величие замысла.»

Надо сказать, что показал, что такое величие замысла, показал, какого калибра должен быть поэт в России. Когда мы берем его стихи, мы попадаем под магию этих стихов. Более того, когда мы слушаем его голос, мы половину не различаем, потому что он читает слитно, громко, а все равно понимаем, какая в этих стихах сила...

Это человек, который поражает цельностью судьбы. Что повторять какие-то слова, которые мало чего значат. Это человек, который в двадцать с небольшим лет на суде ответил судье, которая его должна была законопатить на 5 лет в ссылку, на вопрос: «Откуда вы знаете, что вы поэт? Вот именно вы. Вы что, оканчивали Литинститут, вы - член Союза писателей?» А он ответил: «Я думаю - это от Бога».

У Бродского был отец, который совершенно ничем Иосифу не уступал. У него тоже был такой напор и такая едкость. Но у него не было такого таланта, как у Бродского. А так они были очень похожи физически друг на друга. Однажды Бродскому и мне дали перевести по два стихотворения Умберто Сабы, замечательного итальянского поэта. Зарплата была небольшой, но поэт настоящий. И вот мне позвонил отец Бродского, его звали Александр Иванович, и говорит: «Вы перевели свои стихи?» Я говорю: «Перевел» - «А мой еще не брался. Вы бы ему сказали...» Я как-то аккуратно сказал, что, «во-первых, у него своя большая вещь в работе (Бродский тогда писал поэму). Во-вторых, почему вы думаете, что, если я ему скажу, то он меня послушается?». А Александр Иванович ответил: «Он вас послушается. Он презирает вас меньше других».

Я всю жизнь любил Бродского, просто любил, он мне нравился. Хотя были и какие-то размолвки, и даже орали друг на друга что-то такое. Все равно я его любил. А когда он умер, я его люблю еще больше...

Когда знакомишься с человеком в 18 лет, никто не может с уверенностью сказать: «О, это будет крупная личность!» В юности что-то казалось амбициозностью, мальчишеством, не очень оправданными декларациями. Но он и 48-летний, когда мы встретились с ним после шестнадцатилетнего перерыва, показал, что это спокойно существующие в нем качества. Его декларации осуществились.

«Ахматовские сироты»

В возрасте двадцати трех лет, через общих друзей я познакомился с Ахматовой. Ахматовские сироты, как она впоследствии о нас говорила... Как странно все сошлось: чтобы была Ахматова - такого таланта и гениальности фигура, такого масштаба, такого калибра. Надо было, чтобы Сталин умер, когда нам исполнилось по 17 лет. Я знаю, что люди, которые постарше меня года на два, ровно за чтение тех же стихов оттянули срок. А в 17 лет ты вообще такой беспривязный, ни до кого тебе дела нет. Уж действительно, ты независимый, так независимый. И говоришь, что ни попадя. Но террор-то такой массовый кончился! Собственно, тем жизнь и привлекательна, что существуют какие-то мальчишки, как некоторое время нас называла Ахматова. Действительно мальчишки, без возраста, без веса, безо всего. И они просто пишут стихи...

Из романа «Каблуков»: «Меня Бродский привел, немножко даже наседавал, дескать, тебе непременно надо... С чего вдруг?.. Придешь - поймешь... Огляделся, какая-то кровать тяжелая, спинка могучая красного дерева, чуть не под балдахин и вид продавленной. Продавленное ложе. Царская ложа, из которой смотрят сны. Какой-то сундук, столик, за ним опять столик, не то комод, не то бюро. Все это вдоль стен, так что комната как будто вытянута к окну. Стулья - вроде такие, как и кровать, а вроде и из домоуправления. И на одном сидит за столиком - имени нет. Понятно, что Ахматова. <...> Меня от меня, кто я там к этому моменту был, некий Каблуков, чьей-то семьи часть, компании, улицы, всемирной истории, прочитавший, услышавший, подумавший, сказавший, только что оглядывавшийся, отключило. Ничего сверхъестественного, наоборот, кровать из какой-то стала совершенно понятной кроватью, и сундук, и столики. И та, что сидела, стала Ахматовой, Анной Андреевной, ровно такой, какой она нам и прочему миру дадена. Только находились мы, и комната, и прочий мир в единственно необходимом для всего месте. У меня в сознании мелькнуло даже, что это за место, но такая дурость, что я непроизвольно фыркнул смешком и наехавшую на физиономию улыбку отворотил конфузом в сторону. Она гуднула, вполне доброжелательно: «Вы чему улыбнулись?»

«Стране нужны люди с чувством собственного достоинства»

Я: «Да подумал, что, предположим, у платоновских идей есть материальное место - тогда, может быть, вот такое? Ну это», - и поднятым пальцем коротенько обвел нас и вещи. <...>

И мы с ней уже оба смеемся. А дальше я молчу. Они что-то говорят, иногда и ко мне обращаются, я отвечаю, но и, когда отвечаю, все во мне молчит. Потому что а) не о чем говорить и б) всё при этом в порядке. Никаких конфликтов не существует как понятия. На свете. Потому что вообще не существует мелкого. Никакого этого Ленинграда, властей и блокадного режима. Никакой россыпи несущих миссию внутри инертной массы. Нет особости, нет единомышленников. Удовлетворенности и недовольства. Уехал ты или остался - вообще непонятно, что значит, потому что одно и то же. Есть трагедия. Есть стратегия поведения - диктуемая ею. Остальное - смешное. Или скучное».

Я вообще исхожу из того, что одна из драгоценностей жизни, всячески разрушаемая, в частности, и обществом, и властью - это интимность. Поэтому есть некоторые вещи, которые я не могу рассказывать, не хочу рассказывать. Не потому, что что-то такое случилось. А расскажешь, и этого нет..

Сейчас в отечественной литературе нет фигур такого уровня. Я говорю сейчас о таких поэтах, как Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Цветаева, Маяковский и так далее. Дело в том, что появление таких фигур, помимо одаренности, которая зависит только от того, на кого Бог покажет, зависит от среды, от эпохи, и зависит от того, насколько они изменяли или не изменяли своей совести. Даже если бы Ахматова была не такой замечательной поэтессой, показательно и то, как она прожила свою жизнь, находясь одна, абсолютно беззащитная, когда знакомые люди - после постановления ЦК партии 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» против Ахматовой и Зощенко - переходили на другую сторону улицы, чтобы с ней не поздороваться. Эта женщина оказалась сильнее, чем Красная Армия, военно-морской и военно-воздушный флот! Она единственная, которая так вот выстояла. Это история, которая протекала на моих глазах. Ахматова умерла 40 лет назад, и кто только на ее костях не плясал, какой чуши о ней не заявлял. Но вдруг получается жизнь - сильнее советской власти, от которой остался один Зюганов.

Анатолий Найман

В жизни всегда есть место подвигу

История последних, скажем, 30 лет - это история постоянной сдачи позиций человеком по той или другой причине. Я видел по телевизору человека, который говорит (это было, в частности, о Хакамаде): «Вам не нравится - уезжайте». Я не понимаю, по какой причине он думает, что он может ей это сказать? Я вообще считаю, что патриотизм - вещь довольно интимная. Так же, как я не хочу говорить о том, опираюсь ли я в жизни на свою любовь к жене и детям, так я не хочу говорить о своих патриотических чувствах. Я один знаю, что такое для меня патриотизм, и я не хочу, чтобы кто-то мне это объяснял. У каждого человека свое представление об этом. Почему один человек может сказать другому: «Да Вы не любите Россию, Вы не патриот»? Это надо доказать. У меня свое представление по этому вопросу.

Как-то все измельчало и как-то, как говорил Мандельштам, поругано... Последняя крупная фигура, которую я видел из моих сверстников - это фигура Бродского. По масштабу, по калибру, что ли. Требуются огромные усилия, типа подвига, для того, чтобы стать такой фигурой. Например, человек создает какую-то страшную машину убийства, и становится трижды Героем Социалистического Труда. Потом вдруг не хочет делать то, что ему навязано кем-то, он сам хочет разобраться, и становится настоящим героем, а именно Андреем Сахаровым. То же самое мы имеем дело с благополучнейшим магнатом, которому вдруг хочется по-своему понять и что-то сделать. И это делает из него фигуру. Я имею в виду Ходорковского. Меньше всего можно предположить, что такая личность может вылупиться из магната, из того, кто сколотил невероятное состояние. Это дело времени - человек, который ведет себя таким образом, станет героем. Ходорковский высветился как человек.

Нынешнюю ситуацию я оцениваю точно так же, как и все ситуации в моей жизни. Ничего необычного делать не нужно. Просто всегда в лучшее время, в худшее, в более теплое, более холодное нужно стараться быть самим собой.

И в это понятие - быть самим собой - я вкладываю некий назидательный смысл: нужно держаться хотя бы с минимальным достоинством. Каждый человек должен иметь некий минимум свободы. В этом суть человеческой природы. Это не я сказал, а люди поталантливей

«Стране нужны люди с чувством собственного достоинства»

меня. Что составляет специфику нашего времени, так это узаконение уголовного образа жизни. Когда требуют добить слабеющего человека - это лагерные нравы. Когда население считают на проценты, сколько «за» и сколько «против», это нравы концлагерей.

Все поправки американской конституции, если в них внимательно вчитаться, ведут именно к тому, чтобы вернуть единице ее право быть личностью. Разумеется, ты проиграешь на выборах, если ты скажешь на выборах, что я хочу за этого. Во всяком случае, ты останешься с чувством собственного достоинства. Собственно говоря, какие люди нужны стране? Ей нужны только люди с чувством собственного достоинства.

Когда-то я услышал в 1964 году от Анны Ахматовой одну фразу. Ее тогда оформляли для поездки в Италию. Ей дали какую-то итальянскую премию, вполне левую, прокоммунистическую - «Europa Literaria» («Литературная Европа»). И вдруг ей, после всей ее жизни, которая уже почти застыла, сказали: «Да, можно ехать. Вы поедете за границу». Дальше началось то, что со всеми: многомесячные рассматривания каких-то элементарных анкет, задержка с разрешением до последнего дня, с билетами до последнего часа и так далее. Разумеется, это человека очень нервирует, а особенно человека 75 лет, перенесшего несколько инфарктов. Она говорила: «Чего они хотят? Чего они ждут? Что они думают, что я останусь?» Потому что больше всего тогда боялись, что человек останется. И она сказала: «Желаю моему правительству побольше таких граждан, как я».

Вот и я хочу, чтобы каждый из 143 миллионов людей, которые живут сейчас в России, мог бы про себя сказать: «Я желаю моему правительству побольше таких граждан, как я». То есть, не людей, которых считают только какими-то массами: «Такой-то процент хочет того-то». Или, «80% населения России, по переписи населения - русские, поэтому Россия мононациональная страна». Для меня существует, и всю жизнь существовал ноль целых семь миллионных процента населения России, а именно - один человек. Все, что предпринимается властью вообще и сию минуту в частности, это все имеет целью исключить единицу - одного человека. Один человек - это бесконечно малая величина, его можно сбросить со счетов.

Есть единомыслие, есть единомышленники, а есть единообразие. Вот, мне кажется, что «сплочение», «укрепление» и так далее, все вот

Анатолий Найман

эти слова, которые говорятся сейчас об обществе, по настоящему имеется в виду пюре, которое выходит из миксера. Вот это замысел людей, которые впаривают нам какие-то национальные идеи.

Всю мою жизнь некая сила, которую назовем властью, для простоты, занималась тем, что удушала все сколько-нибудь талантливое. Я говорю не просто так, не какое-то либеральное такое заявление. Вот Довлатов «пошел отсюда». Дело не в том, что он власть ненавидел. Все вместе. Бродский. Парфенов был, талантливый человек. Нет Парфенова. Шустер - отнюдь не моего романа журналист, совершенно, но он как-то выделялся. Все, ничего этого нет.

Я прожил целую жизнь. Главный принцип жизни, который я со всех сторон слышал, который я усвоил, и считаю совершенно правильным, если говорить в нематерных словах, как говорят: «Государство не обманешь». Это главная мысль. Совершенно понятно, что они тебя обманут. Мне сейчас к власти относиться очень легко, потому что все они моложе меня. Для меня особенно трудно переносимое свойство человеческой природы - самодовольство. В присутствии такой личности просто ежишься. Стыда я не испытываю. Страх не испытываю. Я считаю, что там есть что-то смешное..

Простите, что я расскажу известный вам всем анекдот, очень короткий. Из серии «встречаются оптимист и пессимист». Оптимист говорит: «Ты чего думаешь, я не понимаю, не вижу того, что ты видишь? Прекрасно вижу. Но просто у меня есть теория, что вся действительность - это пирог: слой повидла, слой дерьма. Вот я знаю, что у меня сейчас слой дерьма. Но я знаю, что дальше будет слой повидла». А через месяц снова встречаются и оптимист что-то мрачноватый. Пессимист говорит: «Что, не работает система?» Оптимист отвечает: «Нет, система работает, только то, о чем я думал, что это слой дерьма, то был слой повидла».

Я бы пожелал нашему правительству побольше таких граждан, как мы. И не обязательно, чтобы человек одаренный. Главное, чтобы он имел право вести себя, как считает нужным. Нельзя позволять себя унижать, иначе мы превращаемся в рабов.

*Записала: Лена Сурикова
При содействии клуба региональной
журналистики «Из первых уст»
фонда «Открытая Россия»*

Изящная словесность

Виктор Вайнерман
ИЗМЕНА
Рассказ

1. Даша

Впервые самостоятельно прочитав книгу, Даша уже не могла оторваться от этого увлекательного занятия. Сначала она не отдавала себе отчёт в том, что же именно так манит её? Со временем она открыла в чтении особую интимность: общение с книгой происходило наедине, книга только ей поверяла свои многочисленные и захватывающие тайны. Чем больше Даша читала, тем разительнее оказывалось несоответствие между окружающим и жизнью под разноцветными книжными переплётками. Любящие немолодые родители с их попечительной заботой, неизбежная дисциплина школы и вуза, бытовые обязанности, которые возрастали по мере её взросления, - вся внешняя и вынужденно необходимая жизнь длилась лишь в промежутках между общением с книгой. Стоило пробежаться глазами по буквам, несметными рядами замершими на белых, серых, жёлтых или коричневых страницах, как перед её внутренним взором открывался совсем иной мир. Краски в нём были не то, чтобы ярче, но чётче, предметы выразительнее, слова весомее, поступки запоминались. Люди представляли в старинных одеждах, естественно пользовались музейными предметами и говорили, применяя диковинные слова и выражения, писали письма, вели дневники, искренне верили, боролись, а иногда даже умирали за идеалы, преклонялись перед красотой и сами были нестерпимо красивы. ТАМ жили личности. Злодеи и рыцари, королевы и куртизанки, пираты и сыщики привлекали внутренней цельностью и выразительностью поступков. Даша кусала губы от восхищения. Злодеи совершали злодеяния, герои – подвиги. Слабые уступали дорогу сильным, сильные опекали слабых. Мужчины были мужественны, женщины – неотразимы.

Даше всё чаще хотелось жить среди персонажей любимых книг.

К концу десятого класса она окончательно эмигрировала в свой внутренний мир. Внешне Даша осталась прежней – всегда опрятной, вежливой, предупредительной, ласковой с родителями, внимательной к подругам, разговорчивой и даже смешливой. По-прежнему она

Слова – самый сильный наркотик из всех, которые изобрело человечество.

Р. Киплинг

не привлекала внимание молодых людей, хотя взгляд каждого из них легко мог найти в её фигуре множество приятных очертаний. Ничего не зная о способах энергетической защиты, Даша сумела окружить себя непроницаемым коконом. Она стала закрытой, как книга. Чтобы увидеть её внутренний мир, требовалось хотя бы отщелкнуть застёжки и взглянуть на титульный лист... Отсутствие мужского интереса к себе Дашу даже радовало. И если бы мама нет-нет, да не затевала разговор о замужестве, то ничто не могло выбить Дашу из блаженного состояния душевного равновесия. Образ мужчины, сформированный книгами, казался ей почти физически осязаемым. Даша настолько ясно представляла, как ОН взглянет, когда явится перед ней, что скажет, как прикоснётся, что потенциальные кавалеры, натолкнувшись на незримую проекцию этого образа, постоянно сопровождавшего Дашу, тут же переключали своё внимание на особ попроще.

Но Дима так искренне, так откровенно, у всех на глазах «сошёл с ума», увидев Дашу, заслышав её голос, так сумел привлечь на свою сторону многочисленных сотрудников и сотрудниц, так открыто ухаживал, что Дашино сердце впервые дрогнуло. Пусть он был не тем, кто являлся ей в девичьих грёзах, но он оказался единственным, кто посмел, кто решился. Может быть, это и правда, ОН?.. Когда Дима первый раз поцеловал Дашу, с её губ сорвалось: «И это то, о чём так много пишут в книгах?..» К несчастью, Дима не понял подлинного смысла этого бесхитростного восклицания. Страсть, восторг обладания, радость достижения казавшегося недостижимым, кружили голову и лишали его тонкости, превращали интеллигентного человека в гусара, порой не деликатного и даже грубого. Даша отреагировала единственным возможным для неё способом: потянувшись к нему и полностью раскрывшись, она горько разочаровалась в реальных отношениях между мужчиной и женщиной, и не нашла ничего лучшего, как снова замкнуться. Причём теперь она изо всех сил старалась сделать так, чтобы единственный человек, который прикоснулся к её тайне и вплотную подошёл к разгадке, ничего не понял и решил, что ему померещилось... Даша поверила в иллюзию, но обратного пути уже не было – она успела сказать «да» и выйти за Диму замуж.

2. Гости

Даша балетной походкой торопливо прошла к постели, подобрала полы длинной ночнушки и юркнула под одеяло, тут же натянув его до подбородка. Согревшись, расслабилась и облегчённо вздохнула. С удовольствием поправила волосы и снова вздохнула, на этот раз почти умиротворённо. Для неё наступал самый благодатный момент – приставать к ней больше никто не будет, можно спокойно спать.

Дима потянулся, чтобы поцеловать жену и пожелать спокойной ночи. Едва коснувшись губами её кожи, ощутил, что его дыхание вновь учащается. Шесть лет живут вместе, и до сих пор она возбуждает его одним своим присутствием. Но, как и обычно, первый раз сегодня оказался скорострельным. Дима, как ни старался, не смог сдержаться. Когда, после длительной прелюдии, он вошёл в неё, блаженство оказалось столь же сильным, сколь нестерпимым... Вскоре, как всегда, захотелось продолжения. Если бы она оказала ему хоть малейшее внимание, хотя бы протянула руку, дотронулась!..

Даша подставила щёку. Но лёгким поцелуем Дима не ограничился. Стал целовать шею, рука снова полезла под одеяло...

- О, Господи... О, Боже мой... Ну, сколько можно? Нет, вы посмотрите на него! Да спи уже! Вот озабоченный на мою голову... Ты отстанешь, в конце концов?! Сексуальный маньяк! Тебе лечиться нужно...

Отбиваясь, Даша выпустила традиционный словесный набор, подобранный ею для такого случая, повернулась к Диме спиной и тщательно подоткнула сзади одеяло.

- Спим. Угу?

- И тебе спокойной ночи, страстная моя!

Дима привычно откинулся на подушку и стал смотреть на ветки деревьев, с нарочитым равнодушием раскачивающиеся за окном.

Она засыпала, а Дима ещё долго таращился в темноту. Когда жена начинала что-то неразборчиво бормотать во сне, тихо поднимался и шёл в соседнюю комнату, плотно прикрывал за собой одни двери, другие. Включал телевизор. В мельтешении ярких картинок, беззвучном переключении с канала на канал Дима находил успокоение. Дрёма накатывала на него, и он начинал засыпать здесь же, на диване,

без простыни и подушки, но вдруг вздрагивал от непонятного беспокойства. По коридору, осуждающе покашливая, шествовала теща. Жечь телевизор – тратить электроэнергию... Следовало выключить телевизор. Уснёшь так – вскоре проснёшься от мерцающего света, да и завтра теща проходу не даст. Чтобы щёлкнуть выключателем, нужно спустить ноги на пол. Только бы не упустить сон... Дима делал несколько шагов по комнате и снова укладывался на диван, который теперь почему-то принимался скрипеть громко и с нескрываемым неудовольствием...

Дмитрию вовсе не нужны другие женщины - вполне хватало полноценного общения с Дашей. Однако как раз полноценного общения и не получалось. Дмитрию казалось, что она демонстративно держит дистанцию. Не хочет ни открыться до конца, ни разрешить чувствам вырваться наружу. Ему следовало бы расслабиться, отпустить от себя острые желания, отвернуться от них, посмеяться над собой... Вместо этого Дима в малейшем разногласии усматривал вселенскую катастрофу. Хотя на самом деле разногласия вовсе не казались Диме малейшими. Его сексуальный опыт и умения разбивались о Дашину вежливую и деликатную непреклонность. С ней он чувствовал себя полным простофилей и всерьёз начал сомневаться в состоянии своего здоровья. Может быть, и правда – он сексуальный маньяк, жертва собственных необузданных желаний, ему следует обратиться за помощью к узким специалистам, по нему плачет психушка?.. Чувства к Даше казались Диме такими естественными, её упреки настолько несправедливыми, что всё его естество бунтовало против постороннего вмешательства. Так они и жили: он проявлял к ней повышенный интерес («лез», как она выражалась), разговаривал с ней, пытался убедить в своей правоте. Когда разговоры не помогали, - а они не помогали никогда, - будил среди ночи и буквально тащил её смотреть фильмы по кабельному телевидению. Она их смотрела. Увиденное действовало некоторое время... но у Димки снова не хватало выдержки, и всё продолжалось, как и прежде. Даша отбивалась от мужа, как могла, аргументировала своё поведение простым пожатием плеч и пренебрежительным фырканьем...

Когда обида остывала, Дима вновь и вновь задумывался: что сблизило его с Дашей, позволило ему достучаться до неё? Он был

значительно, профессионально начитаннее Даши, и сразу же стал разговаривать с ней на её языке. К тому же основы, на которых Дима и Даша строили свои отношения с жизнью, тоже оказались удивительно похожими. Но вот это досадное, досадное, досадное несовпадение в постельных делах перекрывало каналы общения. Не хотелось откровенничать, вести задушевные беседы. Ему – потому что после них он весь тянулся к ней, хотел приласкать, слиться воедино. Ей – потому что она наизусть знала все последствия. Только откройся чуть, так он тут же зелёный свет увидит...

Результатом этих тихих семейных радостей стало раздражение – на Дашу, на себя ли? Оно устоялась в Димкиной душе так давно и так прочно, что он старательно избегал выходов «в свет» вместе с женой. Зачем ломать комедию и делать хорошую мину при плохой игре? Ему казалось, что любой человек, едва взглянув на них, тотчас увидит, что у этих ребят не всё в порядке. Так, рядом, день за днём, в тупом однообразии подковёрной борьбы, в общих хлопотах и будничных заботах, глядишь – стерпится-слюбится, и перекантуешься до полного стирания всех желаний, а вместе с ними и всех обид...

Но Даше дома не сиделось. Она норовила как можно интенсивнее компенсировать своё многолетнее домашнее заточение под маминую юбку. Теперь она замужняя женщина, а не одинокая девушка, над которой мама тряслась, как над огуречной рассадой перед неожиданно обещанными заморозками. Пусть теперь все, кто считал её серой мышкой, увидят, что она не хуже других. У неё есть семья: муж, ребёнок, мама рядом. Она вполне благополучна. А счастье... что ж, счастье – вещь субъективная. И разве дело только в постельных делах?..

На днях Даша встретила бывшую однокурсницу, и та, вдруг разудыбавшись (действительно, с чего бы это – сто лет не замечала, а тут такая благосклонность?!), стала расспрашивать о жите-бытье, всплескивать руками, – давно не виделись, столько новостей! – и, наконец, пригласила на свой день рождения. Да не одну, а с супругом.

Зная характер мужа, Даша весь вечер была к нему на редкость внимательна. Быстро догадавшись о причине, Дима истолковал согласие жены принять приглашение как очередную блажь и потому отказывался упорно, один за другим подбирая неотразимые аргументы против. Он почти добился своего, как вдруг мысль хоть о

некотором разнообразии, которое может внести культпоход в опостылевшие будни, показалась ему спасительной, и он согласился так же стремительно, как ранее отказывался, опасаясь теперь, чтобы не передумала Даша. Но Даша и не собиралась передумывать.

Добирались городским транспортом, с пересадками и длинными перегонами. Ехали сначала молча, подчеркнуто отчуждённо глядя в разные стороны. Потом одновременно представили реакцию любопытных гостей, и к дому бывшей Дашиной однокурсницы подошли – Дима, отгаивая от собственных скупых вопросов, Даша от коротких ответов, уже под ручку, в предвкушении новых впечатлений.

Приглашённых шесть человек – три семейные пары. По одну сторону стола хозяйка – миловидная шатенка в золотистом платье «под леопарда», с высокими разрезами вдоль бёдер. Дима обратил внимание на её густые волнистые волосы, собранные на затылке в продуманно-небрежный узел и скреплённые изысканной заколкой. Миловидное лицо женщины портил осязаемый холодок в глазах и лаконичность приветливой улыбки, гасшей быстро, едва вспыхнув, словно устыдившись внезапности тут же возникавших на щёчках ямочек.

Хозяйка носила экзотическое имя Эльвира.

По другую сторону стола расположился её муж Леонид – высокий мужик с черной шевелюрой, по виду, неделю не чёсанной. Он говорил, не умолкая, затевал разговор с каждой из пар и со всеми одновременно, перебивал на полуслове, зычно смеясь, гы-гыкая и радостно фыркая от собственных шуток. После первых двух рюмок Леонид, видимо, совсем забыл о поводе, приведшем гостей в дом. Его рубаха как бы сама собой расстегнулась до пуза, обнажив волосатую грудь и растущий живот. Он развалился на стуле, нагло рассматривая пришедших и, время от времени, отпуская в их адрес скабрёзные шутки со злой гнусоватой подковыркой. Дима завёлся почти сразу. Мужик вёл себя, словно капризная и самонадеянная баба, полагающая, что мир создан для придания фона её существованию. «Да я в школе таких из рогатки расстреливал!» – пронеслось в его голове. – «Оряси-на стоеросовая!» Эльвира молча и со стороны незаметно наблюдала за самовыражением мужа. Почувствовав, что наступает момент, за которым может последовать нежелательное развитие событий, она

легко встала и подошла к пианино. Гости прекратили разговоры и приготовились слушать. Боковым зрением Дима увидел, как над клавиатурой вспорхнули тонкие и удивительно пластичные руки. Тихая, светлая и немного грустная мелодия резко контрастировала с повисшим в воздухе раздражением. Однако музыка лишь ненадолго отвлекла внимание Леонида. Вскоре он громко, чтобы слышали именно его, говорил, как жена хорошо играет, и вообще, что у такого хорошего мужа другой жены быть просто не может, предлагал налить по рюмочке – и наливал: «Понравилось?», принимался расхваливать тётчин рецепт настойки, и саму уникальную тётшу: «А, вот и она! К нам, к нам! А вот и мой сынище – самый замечательный сынище в мире! Поздоровайся с гостями!.. Элочка, да ты играй, играй...»

Когда через неделю Эльвира позвонила Диме на работу, он несколько не удивился. Она же сама и назначила встречу. Последнее время Дима подрабатывал сторожем в заводоуправлении. Эльвира подробно расспросила, когда можно придти, чтобы никто не обнаружил её присутствия. Встреча прошла на удивление сухо: двое людей встретились для решения общей проблемы. Дима во время их непродолжительного разговора вспоминал монолог министра-распорядителя из телефильма «Обыкновенное чудо»: «Вы привлекательны. Я чертовски привлекателен. Зачем зря время терять?..»

Оказывается, однажды Эльвира увидела Диму с Дашей в театре. В то время её внутренний локатор одного за другим перебирал и отсеивал всех знакомых мужчин, а также незнакомцев, попадавших в поле зрения. Не каждый мог стать человеком, способным исполнить отведенную ему роль... Увидев расцветшую Дашу рядом с шикарным мужчиной, имевшим, к тому же, интеллектуальный вид, Эльвира сразу поняла, с кем именно изменит мужу.

Несколько лет назад Леонид создал собственное сыскное агентство, и теперь весь был в новой работе, которая захватывала его всё больше и больше. Мнительность, всегда присущая ему, стремительно развивалась в острую подозрительность; она же, в сочетании со страстной увлечённостью новыми идеями превращалась в параноидальную манию преследования. Эльвиру измучили странные ночные звонки, по несколько раз за ночь уводившие мужа на прокуренную

кухню, таинственные расследования, о которых она ничего не знала – «Чем меньше знаешь, тем дальше от инфаркта. О тебе же беспокоюсь, дорогая. Гы-гы» - его бесконечные командировки, после которых в карманах пиджака обнаруживались то два билета в СВ, то шпилька для волос, то фантики, смахивающие на упаковки от презервативов, а на рубахах и нижнем белье - разительно откровенный запах чужого парфюма. Ей не раз приходило в голову, что Леонид, человек, помешанный на конспирации, не мог просто так оставлять явные свидетельства своего двуличия. Чем объяснить эту явно показную беспечность? Безграничным доверием жене, исключавшим даже намёк на возможность сомнения в его правдивости? Попыткой спровоцировать её на скандал, заведомо просчитав и подготовив доказательства своей невиновности? В последнем случае, один раз отыграв ситуацию в свою пользу, он некоторое время мог бы не задумываться о прочности тылов. Или всё-таки уверенностью в собственной безнаказанности?

Эльвиру беспокоила и странная тяга мужа к оружию. Сначала она с удивлением обнаруживала в разных местах квартиры тайники со всевозможными ножами – как с откидывающимися лезвиями, так и с тяжелыми тесаками. У неё хватило мудрости ничего не сказать о своих находках, не задать вопросов. Затем удивление сменилось настороженностью, смешанной со страхом и состраданием. Может быть, Лёнке надо показаться психиатру?.. Мама уже не в том возрасте, чтобы подвергать её всяким неожиданностям, да и за сына боязно – мало ли что папаше придёт в голову. Где-то глубоко в душе начинал теплиться страх и за саму себя, но Эля, чтобы не признаваться в его существовании, гнала прочь само предчувствие страхов и сомнений. И всё же. Если Лёня вдруг оставался дома один, то, не слышно войдя в квартиру и прокравшись в спальню, можно было застать, как он выщёлкивает откидные лезвия или пристально рассматривает сталь массивных клинков...

Рос масштаб дел, которыми занималось агентство, и вместе с ним у Леонида стал расти интерес уже не только к холодному, а и огнестрельному оружию, к всевозможным средствам слежения, прослушки, к политическим и криминальным новостям, их анализу и сопоставлению. Он завёл многочисленные альбомы, где аккуратно и в необходимой последовательности размещал вырезки из отечественных

и зарубежных изданий. С этих пор, ложась с ним в постель, Эльвира уже не могла сказать с уверенностью, занимается он любовью с ней, или с вражеским агентом. Любит ли он, или отрабатывает сексуальную технику, необходимую в шпионской деятельности. В качестве игры такое поведение иногда даже захватывало. Но всё чаще хотелось не механики, не работы на результат, а простых прикосновений всем телом, тонкости, нежности...

С первых дней знакомства с Леонидом ей льстило, что при окружающих она всегда была для него королевой, чей авторитет непререкаем. Он демонстративно красиво и эффектно ухаживал. С одной стороны - цветы, вовремя сказанный громогласный тост в её здравницу, обязательно при всех преподносимые дорогие подарки. С другой – неукоснительный запрет всем сотрудникам агентства на малейшую «расслабуху» в её присутствии. Никто не имел права использовать ненормативную лексику, рассказывать похабные анекдоты или истории, из которых можно извлечь информацию о взаимоотношениях внутри агентства, о роде и способах его занятий. Люди, нарушившие требование хозяина, немедленно изгонялись, часто с позором, невзирая ни на профессионализм человека, ни на стаж его работы...

Подруги, знакомые, даже недоброжелательницы завидовали ей и тайно вздыхали: пожалуй, они бы тоже не смогли устоять... Да и выглядели Леонид с Эльвирой рядом – просто загляденье. Он – высокий, плечистый. Она – маленькая, изящная. С годами ослеплённость внешней помпезностью гасла, и Эльвира начала задумываться. Первый этап отношений, с его юношескими восторгами, взаимным узнаванием и необходимостью удваивать усилия для прохождения жизненно важных рубежей, оставался позади, исчезал из поля зрения, из ощущений медленно, но неизбежно, как перрон с дорогими людьми. С каждым днём он всё более и более превращался в воспоминания, запечатлеваясь в памяти, как статичная картинка, которую можно спокойно рассматривать, сравнивать с другими, анализировать. В результате анализа Эльвира приходила к неутешительному выводу, что нынешнее состояние их супружеских отношений никак её не устраивает. Вороша воспоминания, она пыталась найти случаи, когда ей удавалось повлиять на мужа, и с горечью обнаруживала, что в последние годы таких случаев практически не было... Требовались

радикальные меры, и в этом ряду перспектива измены становилась всё более и более однозначной. Правда, Эльвира уже не могла разобрать, какие побудительные мотивы главным образом определяли это желание. Хотела ли она отомстить мужу за весьма вероятный роман на стороне (один роман или множество - не важно, важен сам факт!)? Он ею пренебрегал! Ею, признанной королевой! И с кем он крутил романчики? Эльвиру оскорблял выбор, сделанный Леонидом – его мармазетки (она находила для характеристики девиц из его окружения ещё и не такие словечки) и мизинца её не стоили! Да пусть даже и не романчики – пусть он просто трахал их, сменяя одну другой – для неё была глубоко оскорбительна даже тень сомнения. «Представить член своего мужа во рту какой-нибудь проשמандёвки, - не слабое испытание для порядочной женщины», - говаривала она в минуты глубокой задумчивости... Так или иначе, но в результате запланированной акции Эльвира должна была развернуть Леонида к себе, оторвать и от работы, и от его на всё готовых выдрессированных подстилок, встряхнуть так, чтобы он, наконец, очнулся и потом на всю жизнь остался благодарен ей, что сделала это вовремя... Вопрос о том, как, тайно изменив мужу, она сможет развернуть его к себе, ещё не возникал в пределах её размышлений.

Димино раздражение Дашиной инфантильностью совпало с намерением Эльвиры разрушить стереотип ручной домашней кошки, который Леонид десять лет формировал в её сознании. Поведение Леонида на дне рождения собственной жены, рождённая им агрессия, не нашедшая выхода, заглушили для Дмитрия естественный вопрос: «Хочет ли он изменить своей жене именно с Эльвирой?» Самонадеянности у этой парочки было не занимать, и последствия подобной связи могли оказаться непредсказуемыми... Впрочем, недовольство своей семейной жизнью достигло у Димы такого градуса, что ему стало абсолютно всё равно, с кем, как и когда. Искать приключения он не хотел, но перспектива наставить рога самонадеянному хаму придавала интриге неожиданно яркую и привлекательную окраску.

3. Снег

Они падали медленно, торжественно, сплошной стеной. Величавость их падения могла бы стать предметом восхищения. Но некогда

любоваться снежинками, какими бы огромными и красивыми они ни были. Нужно передвигаться, спешить. В бесшумном движении густого снега, не спеша шедшего на мягких лапах сквозь улицы, бульвары и дворы, угадывалась полезная преднамеренность. Он упрямо сплавивал все и всяческие следы. Человек, сделавший несколько шагов, исчезал. Невидимыми становились его шапка, шуба, сумка, висящая на плече. И ни один, даже самый дотошный сыщик, не смог бы различить, в каком именно месте только что прошлись рифлёные подошвы его сапог. Такого тяжеловесного и привлекательного увальня можно смело брать в команду. Не подведёт... Желательно только опередить конкурента и не позволить ему перехватить дельного работягу.

Странно, как удаётся поезду раздвигать, пронизывать, разрезать плотные снеговые заносы? Мощь локомотива влекла состав вперёд, сквозь все преграды. Уверенная сила пронизывала и вагоны, передавалась людям. Колёса час за часом, день и ночь, мягко и ритмично пересчитывали сотни тысяч стыков на рельсах, успокаивая пассажиров и позволяя им сосредоточиться на своём.

Они сидели друг против друга и говорили как бы ни о чём, и в то же время вели важнейший диалог. Каждый всматривался в лицо собеседника, пытаясь уловить в его мимике, движениях рук, в молчании, во взгляде что-то, неуловимое сразу, найти ответы на тайные и потому волнующие вопросы.

Постучал проводник. Предложил чаю. Дима заказал два стакана, и, едва дверь в купе закрылась, потянул к себе сумку. Взвизгнула молния, и этот звук эхом отозвался напротив. Он поднял глаза и увидел, что Эльвира тоже держит в руках сумку. С возрастающей иронией, поглядывая друг на друга с всё дальше отступающим волнением, они стали совершать симметричные действия. Он выставил на стол коньяк, плитку шоколада и лимон. Она достала одну за другой две рюмки и набор десертных приборов – пару маленьких серебряных ложек и нож. Мысль о том, что каждый из них тщательно продумывал сборы, грела и приводила в восторг. Когда стол был накрыт, Дима потянулся к бутылке, но Эльвира остановила его. Взглянув на «визави», она достала из сумки тонкую красную салфетку и быстрыми движениями закрепила её на ночнике...

Под убывающий коньяк разговор становился всё глубже и замедлял свой бег, учащая дыхание и напоминая о необходимости, в конце концов, пересечь финишную черту. Неотвратно приближалось время совершить то, ради чего они здесь встретились.

...Когда это произошло, и она заснула, в элегантном беспорядке разметав каштановые завитки волос по подушке, Дима, в изнеможении опустился на свою полку и стал наблюдать, как тускло поблескивают в красноватом свечении металлические рюмки. Всё это время они синхронно сдвигались к краю стола. Вот подобрались к бутылке и ритмично позвякивают о стекло. Разбудят! Он сел и расставил подружек в недостижимые друг для друга места. Эльвира лежала на животе, обняв руками подушку. Её тело мягко укутывал полумрак, изредка разрываемый резким светом проносащихся мимо фонарей. Этот свет врывается в окно, жадно обшаривал Эльвиру, и, почти физически ощутимо мазнув Дмитрия по лицу, исчезал. «Казалось бы, какой-то миг, обычная близость между мужчиной и женщиной, - думал Дмитрий, - а жизнь уже никогда не будет такой, как прежде». Хотя он, конечно же, лукавил, и прекрасно понимал это. Миг включал в себя не только происшедшее между ними, а чувства, которые привели их сюда, длительные и расчетливые поиски партнеров, сам процесс подготовки к поездке... Следовало признать: да, в сознании произошли необратимые перемены. Именно поэтому жизнь больше не будет такой, как прежде. Трудно поверить, что позади остаётся повседневное будничное раздражение и мелкая суета. Впереди? Всё, что отныне находилось в будущем, манило, казалось привлекательным, захватывающим дух, необычным. Дима взглянул на спящую Эльвиру. Вот женщина, которая впервые за всю его жизнь дала понять, что он никакой не сексуальный маньяк, а очень даже ничего себе мужчина. Вполне востребованный, между прочим.

Скоро рассвет. Почти всю ночь они проговорили. Каждый рассказывал о себе. Каждому хотелось выговориться, у каждого накопилось множество сожалений, несбывшихся мечтаний, не оправдавшихся ожиданий. Каждый понимал другого, а там, где не понимал, думал, что всё-таки понимает – просто не было другого выхода. Понимание отчасти оправдывало их поступок в собственных глазах. Те, кто остались позади, не понимали и не умели их ценить. В них, тех, других, конечно же, есть неоспоримые достоинства, и они очевидны. Но мы

всё равно лучше... Ни Дмитрий, ни Эльвира не задумывались о том, что и у сыщика Леонида, и у Даши, могли оказаться и свои мнения на их счёт.

Сладкая эйфория кружила голову, заставляла рот расплываться в улыбке. Весь мир - где-то там, в невообразимой заснеженной дали. Он иллюзия, мираж, его нет. Быть может, он просто пригрезился обоим? Вот - истинная реальность, настоящий мир! Он освещён тусклым красным фонариком, в нём есть только он и она.

Дмитрий потянулся так, что захрустели суставы, опустился на колени перед полкой, на которой спала Эльвира, и нежно стал целовать её спину.

4. Любовник

Глаза слезятся от холодного ветра. Свободной рукой Дмитрий то и дело достаёт платок и промокает слёзы. Иначе они легко могут заледенеть. В другой руке у него букет ослепительно белых хризантем, его любимые цветы. Букет упакован в целлофан и завёрнут в газету, корешки тщательно закрыты. Но, несмотря на предпринятые меры предосторожности, он прижимает букет к себе, чтобы ветер не растрепал бумагу и своим дыханием не убил цветы.

Букет предназначен Эльвире.

Вчера они весь день провели вместе. Тело Дмитрия до сих пор горит от ласк. Душа поёт. Его любят! Вчера он вновь услышал от неё слова признаний, снова понял, что ей хорошо с ним и неоднократно в этом убедился.

В миг, когда он пребывал на вершине блаженства, она вдруг заплакала, отвернувшись к стене. Дмитрий всполошился: «Что случилось?» Она отнекивалась, отворачивалась. Потом повернулась всем телом и уткнулась лицом ему в плечо. «Глупый! Что могло случиться!?!.. Когда-нибудь женщины плакали от счастья в твоих объятиях?..»

Теперь Дмитрий спешит к ней домой. Леониду не до семьи. Он увлечён преследует преступников, собирает заказанное кем-то досье или занимается излюбленной аналитической работой. Сын в школе. Мама ушла по делам. Дмитрий тоже пока свободен. У него обеденный перерыв. Он мчится, чтобы увидеть возлюбленную, вручить ей цветы, обнять. Посидеть пару минут рядом...

Диму удивила холодность приёма. Открыв дверь, она не повисла у него на шее, не поцеловала. Сдержанно посторонившись, пропустила в квартиру, закрыла дверь. Отойдя в конец длинного коридора, подождала, когда он разденется. Пригласила в комнату. Нет, не в гостиную, где стоят кресла и стулья, а в супружескую спальню, где почти всё пространство занимает угловой диван. Лёнчик, по словам Эльвиры, называл этот диван «нашим сексодромом». Приняла цветы, с которых он предварительно снял упаковку. Подставила для поцелуя щёку.

- Скажешь мужу, что купила их сама.

- Я разберусь, что сказать мужу.

Она лежала на боку, подложив руку под голову, и томно смотрела на гостя. Маленькая женщина, она почти потерялась на разложенном диване. Дмитрий смотрел на неё и не верил своим глазам. Как может измениться человек всего за сутки! Вместо обычной «боевой раскраски» на лице что-то невыразительное. Даже всегда блестящие каштановые локоны как будто потускнели. И длинное платье серое, невзрачненькое... В то же время ему казалось, если прислушаться - услышишь довольное урчание...

- Что произошло со вчерашнего дня?

- Произошло? Ничего... а что должно было произойти?..

- Ты какая-то другая...

- Все мы меняемся...

- Не надо говорить банальности. Можно рассказать, что произошло?

- Какой ты настырный... Тебе обязательно всё знать... Ладно, разве от тебя скроешь что-нибудь... Всё равно выгащишь...

- Ну и?

- Знаешь... у меня вчера вечером зубик разболелся...

Она произносила слова, словно сквозь сон, с томительными паузами и с большой неохотой. Взгляд её темно-зелёных глаз будто ощупывал Димино лицо. Он не знал, как реагировать. Выразить сочувствие? Неуместно, вроде бы: зуб болел вчера. Что-то здесь не так. Должно быть продолжение. И оно последовало.

- Лёнчик был ко мне так внимателен. Принесил воду, таблетки, поправлял подушку, укрывал - меня знобило!... занимался с Дениской... даже посуду сам вымыл.

- И что?

- Я же говорю - у меня болел зуб... сильно болел, понимаешь... я уже почти уснула... в-общем... не было сил сопротивляться...

- А! Вот в чём дело... Да тебе просто не хотелось сопротивляться - скажи уж начистоту! Значит, ты с ним переспала! То-то я смогрю - какая-то ты другая... Ты специально выбрала день?... Ведь я же просил тебя!.. И ты, между прочим, мне обещала! Я всё понимаю - ты замужем, у тебя обязанности. Но неужели я просил тебя о невыполнимом - всего лишь не спать с ним в день, когда мы бываем вместе! можно же всегда отговориться... ведь и трёх часов не прошло, как мы с тобой расстались... Как ты могла!?. Тебе же хорошо было со мной? Или мало показалось? Может, захотелось сравнить? Сравнила? И как?

- Ну... с тобой лучше, но...

Эльвира томно потянулась, став ещё больше похожей на сытую кошку, и плавно опустилась на спину, продолжая смотреть на него из-под полуприкрытых век.

- Иди ко мне...

- Сейчас.

Дмитрий заговорщицки приложил палец к губам, встал и медленно вышел из комнаты.

Изо всех сил стараясь не спешить, ничего не задеть, но и не сделать ни одного лишнего движения, оделся. Боковым зрением увидел: она вышла и наблюдает за его действиями. Не глядя на неё, открыл дверь, и, дав волю чувствам, стремглав бросился вниз по лестнице, опасаясь, что его окликнут у лифта.

Ресницы звенели от замёрзших слёз. Ветер жёг щёки. Но Дмитрию хотелось ещё большей боли. Пусть всё выйдет наружу. Впереди половина рабочего дня. Никто ничего не должен заметить. Вечером идти домой... Мысль о доме резко затормозила лихорадочное возбуждение и заставила сбавить шаг. Он зашёл в ближайший магазин и привёл в порядок лицо. Дома его ждут жена и дочь... Уж его девочка точно ни в чём не виновата. Сегодня весь вечер он проведёт с ней. И от равнодушия жены, и от дневных потрясений как щитом прикроется отцовской любовью, обильно сдобренной чувством вины. Надо зализать раны. Выиграть время, чтобы успокоиться, придти в себя.

Только теперь он различил на ветках деревьев красивые искрящиеся узоры. Услышал хруст свежего снега под ногами. Господи! Оказывается, можно радоваться таким простым и доступным вещам!

Дмитрий снял варежки и до самой работы шёл, держа их в руке.

Вопреки собственным ожиданиям, он засиделся на работе и отправился домой, лишь когда стемнело. Снова захотелось пройтись. По дороге увидел телефонный автомат. Карман услужливо выдал пятнадцать копеек, и на удивление добросовестный аппарат не проглотил монету, а соединил его с вызываемым абонентом.

- Эльвира, это я. Выслушай меня. Мне трудно тебе это говорить. Я не имею на такие слова никакого права. Но я люблю тебя и не хочу ни с кем делить. Понимаешь? Или оставайся с ним, или будь со мной. Пожалуйста, определись. Позвони, если выберешь меня. Пока.

5. Серьги с гематитом

- Леонид? Здравствуйте! Это Дмитрий, муж Даши. Мы познакомились на дне рождения Эльвиры. Помните? Я просил бы у вас аудиенции. Вопрос конфиденциальный. Да. Буду.

- Леонид! Эльвира, ваша жена, - женщина, которую я искал всю жизнь...

- Минуточку... Аллё. Напротив меня сидит Дмитрий, наш общий знакомый. Он тут говорит... я хочу знать, это согласовано с тобой?... так... дома поговорим. Идёмте, я провожу вас.

И никакого мордобития, никаких резких или провокационных слов! Дмитрий чувствовал, что обманулся в своих ожиданиях. Немедленная разборка могла бы сильно смягчить, если не снять совсем, чувство вины перед Леонидом. Особенно, если бы оскорблённый муж спустил Дмитрия с лестницы...

На прощание Леонид бросил ему только одно слово: «Крепись».

- Аллё! Это Эльвира.

- Привет! Как дела?

- Я не дома. Слушай меня внимательно. Нам нужно встретиться. Срочно. Желательно немедленно.

- Может быть, скажешь, что случилось?

- При встрече.

- Я боюсь за маму и сына. Он совсем невменяемый. Вооружился до зубов. У него же целый арсенал! Грозит, что убьёт. То меня, то сына, то себя, то всех сразу. Мама всё слышит. У неё больное сердце. Я так больше не могу! Сегодня ночью набросился на меня, схватил за волосы, приставил нож к горлу. Мама случайно увидела, закричала, вызвала милицию.

- И что они?

- Приехали, спрашивают, мол, что случилось? А он им: «Мужики, а что бы вы сделали, если бы вам жена рога наставила?» Они почувствовали, попеняли, забрали нож, собрались и уехали. А на следующий день сами к нему в офис оружие привезли. Ещё и по плечу похлопали...

- Поехали к тебе. Пусть убивает меня. Посмотрим, как у него это получится. Что же он, подонок, со слабыми воюет?

- Ты с ума сошёл? Наш дом - это же его территория! На ней он может делать с тобой всё, что угодно, и его оправдают!

- Хорошо, тогда я снова выйду на него.

- Выйдешь ты... Оставь свой героизм до лучших времён! Мне только трупов не хватало! Ты забыл - он мой муж, а у тебя, между прочим, жена!

- Надо что-то решать. Ты ведь за этим пришла?

- Он требует, чтобы я в его присутствии отказала тебе и вернула все твои подарки.

- И ты что, пойдёшь у него на поводу? Он же о тебя будет ноги вытирать до конца жизни!

- Я тебя люблю. Ты знаешь. Но есть вещи, через которые я не могу переступить. Прошу тебя. Прими ситуацию такой, какая она есть. Обстоятельства сильнее нас... Так вот. Мы придём к тебе вдвоём - он и я. Молча выслушай всё, что я буду тебе говорить. Что бы я ни сказала! Слышишь? Что бы ни сказала! Помни - так надо. Считаю, что это игра, интрига. Верь мне!! Он тоже будет молчать. И никакого рукоприкладства - даже не надейся! Если и он потом захочет тебе что-то сказать, выслушай и его. Молча. По-крайней мере, не спорь. Ты любишь меня?

- Тебе известен ответ.

- Тогда сделай, как я прошу. Ради нас с тобой. Пожалуйста.

Пока они сидели перед ним, он курил горькие сигареты, гася одну и тут же закуривая другую, стараясь сосредоточиться на том, чтобы не дрожали руки, и лицо осталось невозмутимым.

Она говорила о завершении их платонического романа, а он, прищуриваясь, чтобы дым не попадал в глаза, всматривался в её лицо и видел его другим, искажённым гримасой страсти, слышал совсем другие слова, которые она шептала ему, прижимая к себе. Да уж, показать бы Леониду хоть один эпизод из их «платонического» романа, да чтобы звук был качественный...

Хорошо держится девочка. Молодец. А ведь ей сейчас труднее всех соблюдать невозмутимость. Рискует: врать одновременно и мужу, и любовнику, да ещё и в присутствии обоих. Вот интрига так интрига!.. А если бы мы с Леонидом договорились? Успели обменяться впечатлениями, так сказать... Похороним же красивую прямо здесь...

Вот уже произнесено для Лёнчика главное – между Эльвирой и Дмитрием ничего не было. Дмитрий почувствовал, что Эле стало говорить легче, ведь он не возразил, не сделал никакого жеста – молча слушал.

Она перешла к следующей части задуманного монолога - невозможности принять от Дмитрия предложение руки и сердца, ухаживаний и подарков. Глядя, как она говорит, бесстрастно шевеля губами, Дима вдруг вспомнил волнение, с которым заказывал знакомому ювелиру серебряные серьги, перстень и подвеску с гематитом и как дарил их ей в знак любви и возникшего тайного союза. Гематит... Этот камень ещё называют кровавиком. Когда его обрабатывают, он даёт пыль красного, кровавого цвета. По гороскопу это был её камень. К тому же в особенностях камня таилось нечто магическое. Словно клятва на крови... Мужу об этих украшениях она тогда сказала, что приобрела их в художественном салоне. Если она сейчас ляжет не мужу, а любовнику, то серьги должны остаться у неё. И тогда, ради возможного будущего, стоит вытерпеть это унижение.

- Вот ваши подарки. Спасибо, но я не могу их принять. Мы пойдём.

Она вышла.

Леонид спокойно потребовал держаться от его жены подальше. Дмитрий молча слушал, глядя ему в переносицу.

Когда двери за ними закрылись, он, погасив сигарету, подвинул к себе оставленную коробку. В углу, кроме прочего, лежал небольшой комок бумаги. В нём - серебряные серьги с гематитом. В застёжки серег вдеты перстень и кулон-подвеска. Полный комплект...

Взглянув в окно, он увидел, как сладкая парочка, держась под ручку, удаляется вдоль по улице.

6. Вас били утюгом по голове?

Даша замечала изменения в поведении мужа, но объясняла их тем, что он, наконец-то, начал успокаиваться. Внешне всё оставалось по-прежнему. Вот только Дмитрий почти перестал улыбаться, не делал резких движений, разговаривал спокойно и взвешенно, и не обременял её своими приставаниями... В последнее время он значительно больше внимания уделял дочери. Часто брал её на руки и просто ходил с ней из комнаты в комнату. Когда она рисовала или рассматривала картинку, усаживал к себе на колени или садился рядом, как будто старался не пропустить ни слова, ни жеста. Дашу перемены в Дмитрие не могли не радовать. Именно таким она и хотела бы видеть его всегда.

А Дмитрий чувствовал себя ни живым, ни мёртвым. Более всего он всегда ценил ясность, и теперь мучительно пытался понять, что же его гложет. Он изменил жене. Может быть, за это и наказан? Ощущение, что его использовали, причём грязно использовали, не покидало. Чувство унижения, замешанное на удивлении и невозможности поверить, что им пренебрегли, смогли пренебречь, съедало душу, не давало покоя. Совсем не кстати перед открытыми глазами вдруг возникали заманчивые и дразнящие воображение видения. Он видел плечи Эльвиры, ощущал в своих ладонях то её грудь, то бёдра; вздрагивал, вспоминая её прикосновения, от которых мурашки блаженства покрывали тело, слышал ласковые слова и признания. Память снова и снова прокручивала подробности последнего разговора. Как она продуманно и чётко говорила! Каждое слово ложилось жёстко, словно патрон в обойму. Платонический роман...

Ну-ну. Леонид, небось, торжествует. Вытер ноги об неё, отыграл ситуацию в свою пользу, морально уничтожил соперника... «Сладкая парочка». Вот уж, действительно! Дмитрий вообразил торжествующего Леонида и смиренную Эльвиру: она, глядя на своего повелителя, ублажала его, доказывая преданность и покорность...

Дочь с удивлением смотрела на отца. «Папочка, почему ты стоишь? Тебе плохо?..»

А какое право он вообще имеет удручаться и переживать? Радоваться надо! Влез в чужую семью. Мог бы её разрушить. Радуйся, что остался цел. Что твои домашние ни о чём не догадываются. Да, но ведь не влез в чужую жизнь, если бы не Эльвира, не её инициатива! Вот, блин! Опять у тебя кто-то виноват, только не ты. А тут вообще женщину винишь. Рассуждаешь, прямо как Леонид. Дался тебе этот Леонид. Учился бы у него, между прочим. Тогда, на дне рождения, надо бы совсем другие выводы сделать. Найти объяснение его хамству и себялюбию. Ведь он аналитик, человек думающий. Стало быть, должен понимать, что любой поступок имеет две стороны. На хамство могли бы и ответить. Видимо, Леонид, изучив список приглашённых, решил, что адекватного ответа не будет. Что в гости придут «люди из стада, быдло»... Следовательно, его высокомерие оказалось хорошо рассчитанным, а коли так, то оно вдвойне оскорбительно. Значит, вины перед Леонидом нет. Он просчитался и получил своё... Теперь Эльвира. Да, ей сейчас тяжело. Но она достигла поставленной цели. Муж её услышал. У него появился шанс отныне строить свою жизнь по иным принципам. Значит, и перед нею вины нет: цель оправдала средства. Даша... Ну, вот если такая она, что с ней теперь делать? Такой воспитали. К тому же, если заглянуть в её потаённые мысли, наверняка окажется, что она считает себя вполне нормальной женщиной, вот только ожидания в сексе у неё совсем другие. И тут не воспитание, а гены, а, значит, ничего не изменишь... Переделывать человека – самое бесполезное занятие на свете. Она, конечно, может измениться. Но только, если сама этого захочет. Зато у Даши есть масса иных достоинств. Она умница, хороший товарищ... Надо постараться сделать так, чтобы ей ничего не стало известно, и впредь не заставлять жену нервничать... А вот как быть с собственным ущемлённым самолюбием? С ощущением, что его использовали? Ведь, благодаря Эльвире, он избавился от комплексов, и теперь

Дашины упреки будут скагиваться с него, как с гуся вода. Значит, и он использовал Эльвиру в своих целях?.. Тот же Леонид, наверное, думает, что интрига Дмитрия с его женой на самом деле направлена против сыскного агентства. Эльвира в большой игре – всего лишь разменная фигура! Главной целью был он, Леонид! Снизить репутацию лидера, сделав пару-тройку пикантных снимков, и разослав, куда следует, или, пригрозив, что разошлешь – и агентство в кармане! Леонид сумел отыграть ситуацию в свою пользу. Он явно думает, что остался на коне. Стало быть, можно принять эту его версию как рабочую, сделать вид, что согласен с ней, и более не удручаться по таким пустякам...

Но все рассудочные конструкции рушились, едва он, ложась спать, закрывал глаза. Видения тут же подхватывали и несли в поднебесье, к солнцу, свету, простору, свежему воздуху, радости. Он не успевал возликовать, как на него набрасывались чьи-то чёрные тени и с гиканьем устремлялись вместе с ним вертикально вниз, где слышались лязгающие звуки и мерещились мрачные фигуры, грозно подступающие со всех сторон. Чтобы вынырнуть из сна, требовалось приложить серьёзное усилие. Открыв глаза, Дмитрий с тяжело бьющимся сердцем долго смотрел в ночное окно. Ветки деревьев напоминали теперь корявые чёрные пальцы. Они раскачивались из стороны в сторону, выражая несогласие, заставляя вспомнить о чём-то невероятно отвратительном. С чем они не соглашались, о чём напоминали?.. Идти в другую комнату смотреть телевизор не хотелось. Вообще не хотелось двигаться. Дмитрий радовался теперь, что Даша такая неактивная у него. Как бы он воспринял сейчас её интерес?.. Тёща тоже оказалась в прибыли. Недавно она поделилась с дочерью удовольствием оттого, что за месяц электричества сожгли на треть меньше.

Все довольны...

Зазвонил телефон. Дима сразу почувствовал, что звонят ему.

Эльвира.

Вокруг толпился народ, и в трубке почти ничего не слышно.

- Ты жив?

- Не понял... А почему... - она не дала ему договорить.

- Здоров?

- Да, вроде, не жалуясь.

- Скажи, на тебя нападали две недели назад на улице?

- Что? – Дима закрыл свободной рукой второе ухо.
 - На тебя! Нападали? Две! Недели назад?!
 - Нападали? На меня?.. Да Бог с тобой! Пстой-пстой, а должны были напасть?
 - Тебя выследили казаки по заказу Леонида. Они напали на тебя! Запороли нагайками! Ты лежал в больнице. Едва выкарабкался. Мне сказали, что это только предупреждение...
 - Ты что, с ума сошла?!
 - Так... Хорошо, а в прошлом месяце Даша ударила тебя утюгом по голове...
 - Что ещё интересного расскажешь?..
 - Это было?
 - Да нет же! – разговор становился всё острее и начинал Диму забавлять.
 - Ну, как же! Ты заразил её венерической болезнью, потому что последнее время не пропускаешь ни одной юбки. Даша, узнав о своей болезни, раскроила тебе голову утюгом!
 - Это Лёнчик снабжает тебя информацией? Он у тебя параноик. Псих ненормальный. Ты не знала?

Трубка завопила короткими сигналами.

Через неделю Эльвира позвонила вновь.

- Ты хочешь со мной встретиться?
 - А, собственно, зачем?
 - Я люблю тебя.
 - А как же Леонид?
 - Именно об этом я и сказала ему после нашего с тобой последнего разговора.
 - Странно, что все ещё живы...
 - Не юродствуй. Ты хочешь встретиться со мной или нет?
 Дмитрий молчал недолго - вечность. Искушение снова обнять её подступало к горлу и требовало поскорее назначить свидание. Но пережитое за последние месяцы сплывало в плотину, и прорвать её словами оказалось не так-то просто. Дмитрий взглянул в окно. Ветки деревьев абсолютно ничего не говорили ему. Они безучастно покачивались за окном в ярком солнечном свете...

Виктория Кинг
МАРИЯМ
(из нового романа)

Мариям завела тесто. Она всегда сама делала домашнюю лапшу, несмотря на то, что в доме было достаточно прислуги. Вообще, ей пришлось довольно долго привыкать, что вокруг постоянно суегились множество народа: телохранители, от чьих глаз невозможно скрыться ни в одной комнате, уборщицы, горничные, няньки-мамки для младшего сына, садовники, шоферы, поставщики продуктов...

Ей, молодой женщине из семьи потомственных уфимских ученых, поначалу богатство и огромные возможности, связанные с положением мужа, были в новинку и тешили самолюбие.

Она - третья жена Карима. Родила двух сыновей. А у него - дочери еще от первых браков, они жили с ней под одной крышей. Младшую – тихую, безобидную и наивную - пристроили в приличную семью, а вот старшая... Росла капризная, раздражительная, постоянно наущничала Кариму, пришлось с ней горя хлебнуть!

Мариям поправила белый платок на голове и посыпала стряпню мукой. Тесто нужно хорошо выкатать, за это умение ее очень хвалила свекровь - полная старуха с поджатыми губами, жалующаяся на все добавляющиеся болячки, припадки. Она каждый год ездила на воды во Францию, и никак не могла смириться с появлением новой снохи.

До чего докатились! Теперь подлечиться в Трускавце считается дешевой, - так, для простого люда, а мы, говорила свекровь, как-никак - элита, и согласны только на Европу.

Да, свекровь ее не любит, да и как любить-то, ведь Мариям – татарка, а муж из уважаемой башкирской семьи. Был Союз, была и «дружба народов», - женились, на ком хотели. А сейчас все больше примеряются - то по достатку, то по национальности.

«Я могу и по-башкирски говорить, но кровь у меня чисто татарская – оттого меня свекровь и ненавидит, хотя глупой меня не назовешь никак. Училась в Москве на искусствоведа, окончила институт с красным дипломом. Но разве с такой профессией можно деньги «делать»? Смех и грех. Вот и стала домохозяйкой, женой олигарха. Сижу, запертая в четырех стенах. Ну, может, не совсем в четырех, а в

двадцати пяти, и на бедную я не похожа, только одной обуви - пар сто. А на душе муторно...».

Мариям мельком взглянула на обручальное кольцо с огромным бриллиантом, которое облипло тестом и как-то в миг потускнело. Четыре карата уже не лучились и не бросали радужные блики по гигантской кухне, обставленной ультрасовременной техникой. А ведь она когда-то любила играть с солнечными зайчиками, отражающимися от правильных ровных граней благородного камня.

На глаза невольно навернулись слезы. Какую сжигающую страсть испытывала она тогда к Кариму!

Любовь ворвалась в жизнь Мариям на последнем курсе университета. Карим познакомился с ней в ресторане. В тот же вечер уехала с ним в гостиницу. И словно рассудок помутился: не спала, не ела - ждала его командировок в Москву.

Все самые счастливые моменты ее судьбы оказались связаны с гостиничными номерами в разных городах и странах. Там он был - ее. И принадлежал ей. Вдвоем им было весело и интересно. Лондон или Париж - не имело значения. Нет, конечно, днем, когда он готовился к встречам, Мариям ходила по музеям, ездила на экскурсии, но в поздних сумерках она как бы таяла в его объятиях и замирала в истоме неумных ласк.

На свадьбу пригласили пятьсот человек, из которых она знала не больше десятка. Подарки - один дороже другого. И дом... дом, который сразу стал чужим и холодным. Ее Карим исчез, растворился в ежедневной суете. Изредка проявлял внимание, вяло интересовался: «Как дела? Что нового? Как дети?». Вечерами, после банкетов - редкие небрежные поцелуи, отдающие запахом перегара, стремительные, как физиологические отправления, постельные сцены - вот и вся любовь. По ночам он громко храпел и ее безмолвного плача не слышал.

Слезами, что катятся без рыданий из широко открытых глаз, она гордилась, их никто никогда не видел, разве что тьма ночи!

Девять лет живем вместе. Девять самых долгих лет, - как будто время превратилось в мазут и медленно стекает в резервуары разобращения.

Быть в невестах, конечно, приятнее, чем женой. Интересно, у всех жен богачее такие же проблемы, что и у меня? Мужа не вижу - заняты

бизнесом. Я - не в счет. А, может, у него есть любовница?

Тесто, раскатанное на большие лепешки, легко поддавалось острому ножу, - немного погодя тонко нарезанная лапша уже подсыхала на столе. Мариям запускала ее в жирный бульон и шепотом приговаривала:

*Ества-лапша, тобой я мужа ублажу,
Ворожбу-нужду в его чашку положу,
Ты поешь, друг мой, и, ложась на покой,
Вспомни женку свою, полюбися со мной.*

*Полюбися со мной, будто с первой весной,
Примири с судьбой, словно небо - с землей,
Не ярись, не томись, ко мне душою вернись,
Не ершись, не страшись - ко мне с сердцем явись.*

Бульон закипал, Мариям медленно помешивала варево и потемневшими глазами смотрела в глубину кастрюли. Она пребывала в полугипнотическом, расслабленном, состоянии.

- Главное, чтобы желание было сильным, - так сказала ей бабка Соня - старая ведунья знала много приговоров и наговоров, Мариям ее побаивалась, хоть и не очень верила в Кабалу и прочие эзотерические премудрости. Но что не сделаешь из-за любви, - на что только не отважишься ради семейного лада!

Похлебка готова - теперь остается только накормить его мужа.

- Карим Ильясевич приехал!

Неожиданный крик охранника во дворе заставил Мариям вздрогнуть. Что-то супруг нынче рано! Засветло домой явился, на него не похоже, - может, случилось что, или приболел?

Она побежала переодеться в легкие джинсы и свежую кофточку. Возвращаясь из гардеробной, столкнулась с мужем у просторной гостиной.

- Карим, ты уже дома, как хорошо! - Мариям попыталась прильнуть к его груди, но он легонько отстранил ее от себя:

- Да, приехал сменить рубашку, у меня делегация - уезжаю.

- А... я сварила твой любимый суп. Думала, может, покормлю тебя, посижу рядом.

Лицо Карима просветлело:

- Сама кухарила! Ай да Маша, ай да Мариям Айдаровна!

- Не смейся, как будто я никогда не готовила для тебя!

Чмокнув ее в щеку, Карим проследовал в гардеробную. А Мариям так и осталась стоять в гостинной, затем приземлилась в глубокое кресло и включила телевизор. Через несколько минут она услышала «Пока!» и звук отъезжающей машины.

«Вот и поговорили, пообщались, поужинали», - подумала про себя, неожиданно разозлившись.

В комнату заглянула Саня, падчерица. Схватила с этажерки глянцевого журнала с фотографией девчушек из модной группы на обложке, и, не произнеся ни слова, удалилась. Мариям невольно вздрогнула: «Не устаивает разговора! И как же меня угораздило стать мачехой! Уж никак не предполагала до замужества, что в семье Карима предстоит столкнуться с вражеским станом!»

Отношения с падчерицами не сложились с самого начала. Наверное, потому, что чувствовали в ней ровню: со старшей разница всего то в семь лет! Сперва Мариям пыталась их задобрить, покупала подарки, подбирала новую одежду. Но девицы сразу же заревновали ее к отцу, даже подглядывали в спальню. «Хотя когда я забеременела, они в мою сторону и смотреть-то не хотели!»...

Больше всего их интересовало наследство сразу после рождения первого сына. Мариям случайно подслушала разговор младшей дочери, Муслимы, с Каримом о деньгах и активах компаний, которыми он владеет. Да, появился наследник и все сразу всполошились! Карим успокоил дочь:

- Все мои дети поровну получают то, что после меня останется!

«Когда я в любовницах ходила, - сокрушалась Мариям, - он мне такие подарки преподносил - подружки глаза к небу закатывали, не могли поверить, а сейчас - просто смех: что мне из одежды покупает, то и девочкам, только цвета другого, чтоб не завидовали. Жена и дочери для него как бы равны, он даже на шопинг нас вместе отправляет. И все же они для него - ближе, а я как бы на отшибе, сама по себе. Приедет домой с работы - они тут же к нему под крылышко слетаются, даже сыновья ждут своей очереди с отцом пообщаться, а обо мне и говорить нечего - я для него не больше, чем часть интерьера, траченный молью ковер, потертая мебель, к которой привыкли,

хотя и обойтись без нее - никак».

По телевизору показывали повости. Мариям слушала в пол уха, и вдруг насторожилась - в Москве взорвали офис крупной компании. Страшные кадры с развороченными авто, трупами и кровью на мостовой, пустыми, почерневшими глазницами окон, взволновали. Взрывы прогремели в здании Людмилы Аркадьевны, - дизайнера, Мариям у нее проходила искусствоведческую практику. В этого человека невозможно было не влюбиться - работавшие с ней студенты буквально боготворили ее. «Господи, жива ли она?» - мелькнуло в голове, но в следующую минуту Мариям увидела на экране Людмилу Аркадьевну, у которой брали интервью.

- Какой ужас, какой ужас, прямо перед Новым Годом! Хорошо, что она не пострадала!

От расстройства Мариям вскочила и почему-то бросилась бежать на кухню. Там она увидела, как Саня мирно уплетает только что так любовно приготовленный для Карима суп с лапшой.

- Неплохо получилось, вкусно! - ухмыльнувшись, похвалила Саня.

- Кушай на здоровье! - только и смогла ответить Мариям и, развернувшись, заторопилась в свою комнату к телефону. В записной нашла номер Людмилы Аркадьевны и несколько раз попыталась связаться. Но - безуспешно.

Внезапно Мариям осознала: ее старшая падчерица поела «завороченную» лапшу!

Суеверный страх пронзил ее, тело тут же взмогло, руки затряслись. «И что ж теперь будет?» - подумала в ужасе.

В спешке она набирала теперь номер бабки Сони.

- Хоть бы старуха дома оказалась!

Бабка ответила и Мариям взволнованно, шепотом, поведала о случившемся. На том конце провода послышался смех:

- Ну и натворила ж ты, девочка! Теперь и не знаю, чем помочь. Одно скажу, - может, отношение к тебе мужней дочери к лучшему переменится или она совсем озлобнет. Поживем - увидим!

«Ничего себе - успокоила! Какая же я идиотка, ворожкой занялась, мало мне других проблем, совсем ум потеряла!»

Рассердившись больше на себя, чем на ворожею, Мариям в сердцах швырнула телефон, - тот развалился у нее на глазах.

«Господи, что за день! Взрыв у Аркадьевны, падчерица ворожбу-лапшу сожрала, нет, я схожу с ума!»

- Мама, мама, наконец-то елку привезли! Она такая огромная, пушистая, смотри, охранники ее вдвоем еле-еле тащат! - оба сына, Равиль и младший Фархат, вприпрыжку, крича от восторга, пробежав через гостиную, ринулись вниз по лестнице в вестибюль. В дверной проем с усилием протискивались мужчины с красавицей-елкой дивного роста.

Мариям заторопилась вслед: «Будет чем заняться и отвлечься!»

- Осторожно, осторожно, не поцарапайте паркет, - она покрикивала на обслугу и показывала, где установить дерево. - Поднимайте наверх, и поставьте в углу гостиной, справа от камина.

- Мам, а где игрушки? - наперебой спрашивали сыновья.

- Узнайте у Лизы!

Но Лизе, главной домработнице, не надо было напоминать, вскоре она появилась с коробкой, наполненной новогодними украшениями.

Осторожно приставили елку к огромной крестовине. Спустя несколько минут пушистые ветки уже дотягивались до потолка во всей красе и благоухали хвоей.

Остаток вечера провели в радостных хлопотах, на елке вспыхнули разноцветные огоньки, и ощущение наступающего праздника разлилось по всему дому. Мариям с трудом уговорила сыновей пойти спать. Укладывая в постель и поправляя одеяла на каждом, она гладила их черные кудри и целовала в щеки. У братьев были отдельные спальни, ей приходилось бегать из одной комнаты в другую и договариваться, кому первому она будет петь колыбельную или сочинять очередную сказку. Несмотря на то, что Равилю уже восемь лет, он капризничал, как маленький, и требовал внимания больше, чем Фархад. Вот и сегодня, пообещав Фархаду рассказать сказку, она ушла к Равилю и, полулежа на его кровати, запела колыбельную, которую сама же и придумала, когда он только родился.

Нежный мотив наполнял детскую покоем, и вскоре глаза ребенка с длинными пушистыми ресницами закрылись и его мерное дыхание под звуки мелодии совпало с частотой ударов сердца Мариям. Она всегда наслаждалась этой гармонией ритмов, невольные слезы умиления тихонько скатывались по щекам. Напоследок голос дрогнул и, выждав мгновение, она соскользнула с кровати. В соседней

комнате, раскинув руки, сладко спал младший сын, рядом лежал белый медвежонок. Мариям полюбовалась малышом и, прикрыв дверь, на цыпочках пробралась к своей спальне.

В доме - тишина. Она включила свет. Устало стащила с себя одежду. Не принять ли душ?

Мариям нравилась просторная ванная с джакузи и двумя стеклянными кабинками. Постояв под теплой струей, тщательно вытерлась мохнатым полотенцем. В зеркале отразились изящные очертания ее ноготы. По-кошачьи выгнула спину - пропорции фигуры оставались девическими, мышцы упругими, движения гибкими, и даже небольшой животик не портил красоты.

Вернувшись в спальню, одела тонкую ночную сорочку и легла. Свернулась клубочком в прохладе простыней, закуталась в пуховое одеяло, и постепенно согрелась.

Погасив свет ночника, задремала.

Сквозь сон почувствовала ласковые прикосновения настойчивых рук, - невольная улыбка коснулась губ.

- Карим, - с легким вздохом еле слышно произнесла Мариям.

А рука медленно двигалась вверх от колена к бедру и она невольно раздвинула ноги, повернувшись на спину. Ноздри вздрогнули от истома, но что-то вдруг насторожило. Запах, странный запах мгновенно вспугнул Мариям и резким движением, сбрасывая с себя что-то руки, она села на постели. В полумраке увидела лихорадочно горевшие глаза. Ужас пронзил все ее существо. Она закричала, сильными толчками спихивая кого-то с кровати.

- Ты что? Ты что тут делаешь! - завопила Мариям что есть мочи.

Нашарив выключатель, дернула за шелковый шнурок. В ярком свете она увидела полуобнаженную Санию.

- Не ори! Тихо, кыска моя! - смущенно залепетала падчерица.

У Мариям в голове мгновенно пронеслись картины одна хлеще другой. «Ах, так вот почему она запиралась с подружками! Да, да, та блондинка, с серьгой в ноздре! Кошмар, как же я... с самого начала не догадалась! А девичники в сауне? А бесконечные поцелуйчики, когда встречаются и расстаются! Ой, мамочки!»

- Ну, что ты, в самом деле, успокойся! - шепотом напирала девица на Мариям. - Давай поиграем! - и попыталась опрокинуть мачеху на подушки.

- Сволочь, убирайся отсюда! Только тронь - я тебя прикончу! Прикончу! – схватив думку, Мариям изо всех сил стукнула ею по голове неудачливой соблазнительницы.

- Сука! - зло бросила Саня и выскочила из спальни, хлопнув дверью. Вслед ей полетел будильник.

Мариям колотило, зубы отстукивали:

- Мразь, мразь, грязь, грязь!

Она долго не могла успокоиться. Мозг отказывался работать – казалось, случившемуся нельзя найти разумное объяснение и оправдание.

А что, если Саня вовсе не... а это на нее ворожба так подействовала! Чувство вины разлилось жгучей струей по жилам - Мариям расплакалась:

- Я просто чудовище! Наворожила, - и девочка в бессознательном состоянии совершила бесстыдный поступок, что же я натворила! Бабка Соня должна мне помочь, надо снять это чертово заклятье!

Умаявшись от неприятных дум, Мариям только к утру забылась тяжелым, с кошмарами, сном...

Проснувшись от чувства, что ее вышвыривают из постели. Острая боль от падения заставила вскрикнуть. Посыпались сильные удары в живот.

Открыв глаза, увидела разъяренного Карима, который молча, без остановки, бил ее ногами. Мариям захрипела, сдерживая дыхание. Ничего еще не понимая, попыталась перехватить его ногу, но тщетно, - послышался хруст ломающихся под тяжестью башмака пальцев руки, пинком отброшенной в сторону.

Она перестала сопротивляться. «За что? За что?... Неужели Саня на меня наговорила?» До сознания, наконец, дошли вопли Карима:

- Стерва, как ты посмела дочь осквернить! Убью, размажу! Тварь! На мою кровь посягнула, блядого придорожная!

Боль снова пронзила все тело, окрашивая в кровавые всполохи мелькающие руки и ноги Карима, потом все померкло. До нее еще доносился плач сыновей, что сбежались на шум. Ей казалось, что дети, пытавшиеся остановить отца, отлетают от него, будто птицы с надломленными крыльями.

- Не трогай их, пощади! - зашуршали последние слова в устах Мариям, которая как будто провалилась в небытие.

Карим остановился. Перед ним на полу лежала в крови жена, пацаны орала и плакали, повисая на его руках, челядь испуганно выглядывала из коридора.

- Разберитесь! - коротко бросил он, стряхивая с себя детей, словно надоедливых кутят, и рывком, стремительно удалившись в кабинет, с грохотом хлопнул дверью.

В скважине повернулся ключ. Карим сидел за столом и рыдал, стиснув голову руками. Послышалась сирена скорой помощи, но он даже не шевельнулся.

* * *

Мариям медленно приходила в себя. Она еще не понимала, что лежит на больничной койке.

«Что это было? Кошмарный сон? Надо разбудить детей. Наверное, Лиза уже приготовила завтрак, а я валяюсь в постели!»

Попытка пошевелиться отозвалась мучительными судорогами, и Мариям все вспомнила. Она беззвучно заплакала. Где-то внутри, в грудной клетке, засадило.

- Какая же я крошечная и беззащитная в этой вспухшей полумертвой телесной оболочке!

Слезы не облегчали пустоту, образовавшуюся под сердцем, они терзали Мариям, оплакивавшую ее сокрушенное катастрофой существование:

- Все, все вдребезги. Все кончено!

Палата большая. Люкс. Прислушалась к окружающим звукам. Где-то в глубине комнаты капала вода.

На висках выступил холодный пот. Ей вдруг захотелось умереть. Но внутренний голос взорвался отчаянным воем: «У тебя же дети малые, куда собралась?! Не имеешь права несмышленьшей сиротами оставлять!»

Открыв глаза, произнесла:

- Дети, где мои дети?

Ответа не последовало. С трудом попыталась сесть. Правая рука - в гипсе. Неловко повернувшись, Мариям оперлась на нее. Громко ойкнув, приподнялась.левой ладонью провела по лицу. Пальцы нащупали разбитые губы, заплывшие глаза и отеки на щеках.

«Хорошо поработал, не промазал!».

- Во рту пересохло от неожиданно охватившей злости:
 - Эй, кто-нибудь! Помогите! – крикнула истошно.
 Дверь отворилась и появилась сиделка в белом халате.
 - Очнулись?
 - Похоже...
 - Вот и хорошо.
 - Можно воды?
 - Конечно, конечно.

На этом диалог закончился. После ухода медсестры Мариям бес-
 силенно упала на высокие подушки.

Прошло три дня, из родных и знакомых не приходил никто. Ей
 ставили уколы, давали лекарства, мерили давление, заставляли вста-
 вать, но она отказывалась, все ждала чего-то...

Родители уехали в отпуск, так что не навещают ее, а кому, кроме
 них, она нужна?

По обрывкам разговоров, что вели в ее присутствии санитарки,
 Мариям знала, что праздники уже минули. Где-то в центре города
 стреляли петарды. Увы, россыпи фейерверков ей с детьми увидеть не
 довелось.

Мариям много спала или лежала молча с закрытыми глазами.
 Время текло, сменялись дни и ночи, она что-то вяло ела. Медперсо-
 нал не приставал к ней с расспросами, - только и радости!

Через неделю, ближе к вечеру, объявилась домработница Лиза.
 Тихонько поскуливая и шмыгая носом, приблизилась:

- Ой, Мариям Айдаровна, несчастье-то какое!
 - Здравствуй!
 - Я не могла придти раньше, нам строго-настрого запрещено вас
 навещать.
 - Как мои дети? Живы ли, здоровы?
 - Мальчики в порядке, все с ними хорошо.
 - Спасибо, Лиза. Иди домой.
 - Я вам передачу принесла, тут вот...
 - Не надо. Уходи, пожалуйста.
 - Да, да... до свидания.

Дверь бесшумно закрылась.

В положенный час Мариям не могла уснуть. Мерила шагами
 палату и сосредоточенно думала. Ей нравилось разгуливать по

больничному боксу, это успокаивало нервы. Пытаясь найти выход из
 сложной жизненной коллизии, она строила несурзные планы, изоб-
 ретала головоломные комбинации, воображала, как наказывает Ка-
 рима и Санию. Она видела себя, поджигающей офисы и производ-
 ственные корпуса, или как стегает плетью мужа и падчерицу на виду
 у толпы.

Мстить - вот чего ей хотелось, она ненавидела Санию и как бы
 умерла для Карима. К рассвету, истерзанная тщетными фантазиями,
 Мариям заснула, накрыв лицо простыней.

Спустя два дня после визита Лизы она вдруг почувствовала, что
 пространство как бы всколыхнулось. Это невозможно объяснить сло-
 вами, но интуиция подсказывала - произошли перемены. «Где, с кем
 и почему?» - задавалась Мариям вопросами, на которые не находила
 ответа.

Была пятница, десятый день пребывания в госпитале, когда в па-
 лату, в распахнутой норковой шубке, вбежала Сания. От неожидан-
 ности и такой наглости у Мариям перехватило дыхание, а девушка
 бросилась перед кроватью на колени и, сложив в мольбе руки, запри-
 читала:

- Мари-и-ям, дорогая, прости, прости меня, - и, не дав той опом-
 ниться, продолжала:

- Я в мечеть ходила, молилась каждый день, ты должна меня про-
 стить, я все для тебя сделаю, не губи меня, пожалуйста! Не говори
 отцу, как все было на самом деле, он меня убьет, а я молодая, я... я
 жить хочу, ты же знаешь, что милости мне не будет - он меня из-под
 земли найдет!

- Встань! Как ты посмела сюда придти! - Мариям не узнавала
 собственного голоса, - глубокого и сурового.

- Мариям, отец тебя любит, сильно любит, он три дня не выходил
 из кабинета, он и сейчас ни с кем не разговаривает, в доме жить страш-
 но. Прости, я не знаю, что делать, я совсем запуталась.

Мариям холодно посмотрела на Санию и вдруг поняла, что суще-
 ство, опустившееся перед ней на колени, неизмеримо несчастнее ее
 самой. Сердце сжалось от глубокой печали и жалости к падчерице:

- Я все понимаю... Я старалась быть хорошей - но ты меня отвер-
 гала. За что ты невзлюбила меня?

- Ты не права, я была в тебя влюблена с самого начала и...

- Не перебивай! Если не изменишься - для здешнего общества ты перестанешь существовать навсегда.

- Но... это невозможно, это невозможно, я...

- Я ничего твоему отцу не скажу, но ты дашь согласие на брак с Ибрагимом.

- Никогда! Ни за что на свете!

- Тогда я расскажу всю правду. Ты будешь охаяна на весь свет и останешься без гроша в кармане. Ты этого хочешь?

- Нет, нет, пожалуйста...

- Тогда слушай, что тебе надо сделать. Первое: ты идешь к отцу и говоришь ему, что я, Мариям, в тот вечер от досады, что он уехал - напилась. Была страшно пьяная и случайно забрела в твою комнату, - решила, что это моя спальня и тебя приняла за Карима. Ты ему скажешь, что очень сильно ревновала его ко мне и потому всю историю приукрасила, чтоб сделать мне больно, к тому же спросонья перепугалась... Попроси у него прощения за меня... Второе: назначь день свадьбы. Твой отец и родители Ибрагима давно сговорились о вашем браке, все условия и приданное согласованы. У тебя нет другого выхода - я хочу, чтобы ты исчезла из моего дома и как можно быстрее. Выйдешь замуж, - а там сама решай, куда и как брести по жизни...

- Может, я в Канаду уеду, там теперь можно однополые браки регистрировать. Если я выйду за Ибрагима, моя Надира не перенесет - на себя руки наложит!

- Меня это не касается, я знать ничего не хочу обо всем этом. Принимаешь мои условия? Да или нет? Отвечай!

- ...Да.

- А теперь уходи. Устала я.

- Мариям...

- Что еще?

- Спасибо.

- Ладно. Иди. Все сделай, как я сказала.

Сания удалилась. Мариям полегчало, она встала с кровати и, выйдя в коридор, попросила у медсестры большое полотенце для душа - решила привести себя в должный вид и быть готовой к любому повороту событий.

На следующий день утром Карим приехал и забрал ее домой.

***

После возвращения в семье относились к Мариям крайне обходительно, как к малознакомым или тяжело больным: лишней раз не притронутся, не спросят, не побеспокоят, просьбами не одолевали, даже в глаза не смотрели. Будто все всё знают, но молчат, а на ней - как бы ярлык неприкасаемой.

Объяснение с Каримом оказалось кратким: понимаем, принимаем, но что было - то минуло, главное на сегодня - подготовка к свадьбе, событию важному, шумному, хлопотному.

Мариям отвели одну из гостевых спален, чтобы могла спокойно прийти в себя и окрепнуть. Она перенесла туда компьютер и, в основном, проводила время в одиночестве - сыновей отправили на зимние каникулы к матери Карима в пригородную усадьбу. После госпиталя Мариям их не видела.

Карим к ней почти не наведывался и, если заходил, рассказывал о мелких текущих делах, а однажды спросил совета, куда отправить молодых в свадебное путешествие, как будто ее мнение что-то значило.

Ежедневно заходила Сания - так, только поздороваться и справиться о самочувствии. Казалось, в их взаимоотношениях ничего не менялось, и они обе забыли о разговоре в больнице.

Незаметно пролетел месяц, отпраздновали свадьбу, молодожены теперь в Ванкувере. Вернулись сыновья, Мариям не разлучалась с ними - вместе рисовали, играли, делали уроки. Фархад способный ученик, ему было только шесть, когда он пошел в школу. Она занималась с детьми английским. Мариям, прекрасно владевшая разговорным, читала мальчикам небольшие рассказы на языке Альбиона.

Отношения с Каримом оставались прохладными, новых подружек Мариям не заводила, а со старыми судьба развела: интересы не совпадали, да и забот у каждой хватало. Не с кем посоветоваться, поговорить, излить душу. Родителям Мариям представлялась блистательным символом удачи, счастливой в замужестве, разочаровывать их не хватило бы духу.

Как-то поздно вечером она под села к компьютеру и, скуки ради, отправилась в круиз по Интернету. И случайно натолкнулась на статистику народонаселения России:

143 миллиона человек...
 Из них 38 миллионов пенсионеров...
 37 миллионов детей...
 10 миллионов инвалидов...
 5 миллионов наркоманов и алкоголиков...

Работоспособных только 53 миллиона...
 Из них только 26,5 млн. относительно здоровых...
 На 1000 браков приходится 800 разводов...
 72 млн. состояли в браке...
 11 млн. разведенных...

Мозг лихорадочно заработал: получалось, что если каждый пятый разведенный, имеющий детей, женится еще раз, то во втором браке окажутся 2,2 миллиона, а ведь это приблизительно 1,1 миллиона мачех и 1 миллион пасынков и падчериц!

Цифры впечатляли. Мариям никогда не задумывалась над тем, сколько мачех в стране. Казалось, что злой рок подшутил только над ней. А получается, что в такой беде она не одинока!

«Один миллион - это же огромный социальный слой! Интересно, а сколько их в Америке?»

Вбив в поисковик английское слово «stepmother» - мачеха, Мариям изучила десятки веб-сайтов. Выяснилось, что Америка уверенно держит одно из первых в мире мест по разводам, - вторых жен и мачех там тоже хватает! Маленькое открытие удивило и развеселило Мариям.

Бегло пробежав по ряду статей, зашла в «чат» - наиболее популярный способ общения нового тысячелетия. Можно писать, о чем думаешь, и получать со всего мира отклики.

В специальном женском Интернет-форуме обсуждали, как правильно выстроить отношения с детьми, у которых внезапно появились «двойные»: родители, бабушки и дедушки, дяди и тети. И правда, - множество детей живут в двух семьях. В одной - мачеха, зато отец родной, в другой – отчим, но «настоящая» мама. Можно представить накал ревности и степень отчуждения, раскалывающие устроенную или неустроенную, спокойную или нетерпимую, жизнь в подобных «родственных» сообществах. Мариям читала:

<365> Нельзя стать хорошей мачехой, даже если сильно захотеть – ничего не получится! Вторых жен – несть числа, только их невозможно полюбить - нас по сказкам, вбитым с детства, всегда представляют в образе злых и коварных женщин.

<Kara> Любовь, конечно, не купишь, но интеллигентные взаимоотношения с другой семьей поддерживать все-таки можно. Например, собираться с детьми на праздники или дни рождения.

<365> Да как же собираться? Если у моего мужа бракоразводный процесс шел три года? Как его бывшую «экс» можно спокойно воспринимать?

И вдруг Мариям, подчинившись непонятному импульсу, подключилась к диалогу, обозначив себя псевдонимом <Mar>.

<Mar> Всем привет! Я Мара. А меня парчерица просто подставила, наговорила отцу, оклеветала, и тот меня избил, я провалялась десять дней в больнице.

<365> Привет, Мара. Как это избил? И ты не заявила на него?

<Mar> Нет.

<Kara> Привет. Глупо.

<365> Страшно! Ты его еще любишь?

<Mar> Не знаю.

<Kara> А у меня, девочки, еще хуже было!

<365> А ты где живешь?

<Kara> В Америке, а вы?

<Mar> В России.

<365> А я в Австралии. У вас в Штатах как принято с приемными детьми общаться?

<Kara> Как в суде решат: время посещений расписано по дням. Если дети живут на два дома, родитель или родительница обязаны предоставить каждому отдельную комнату и муж платит алименты. Иногда бывшая жена может получить полное обеспечение, а у вас

какие правила?

<Mar> У нас кулаком по зубам, фингал под глазом – вот и все правила!

<365> В Австралии обязаны строго следовать букве закона 365 дней в году.

<Kara> Сколько лет в мачехах ходите, девочки?

<Mar> Я девять.

<365> Четыре года. Мне пора, пока, до встречи в следующий раз.

<Kara> Мара, заходи в частный чат, хочется с тобою поближе познакомиться.

Мариям сразу согласилась, и контакт стал более доверительным.

<Kara> Как твое полное имя?

<Mar> Мариям.

<Kara> Меня зовут Каролин.

Кибер-знакомства в наш век не такая уж новость, но этим двум было о чем поговорить. Женщины обменялись адресами электронной почты. Мариям с облегчением вздохнула, она была довольна, что ее английского хватило на небольшую переписку. Воображение пыталось нарисовать образ женщины, с которой она только что общалась в виртуальном пространстве.

Мариям засыпала с легким чувством радости, - той, которую обретаешь после разговора на кухне с лучшей подругой. Можно получить дельный совет, болтать обо всем на свете, не таясь, - о фасонах платья, о слезах по утраченной любви, об анекдотах и сплетнях о звездах кино. Теперь она не одна!

В России ночь оплетала снами немеренные просторы, а в Америке начиналось утро. Каролин, поставив последнюю точку под письмом к незнакомой женщине, проживающей на другом конце света, задумалась, насколько все в жизни дело случая!

Евгений Асташкин ЧЁРНЫЙ ОТПУСК

Семён выходил в тамбур покурить лишь когда было совсем невмоготу. Протиснется в грохочущую железную каморку, словно в камеру-одиночку, дюжину жадных затяжек, и быстро назад в своё купе. Благо, и в ресторан не надо ходить - официанты носят по вагонам свои алюминиевые кастрюльки, заключенные в металлический каркас, двухсторонний, словно весы. После любого отсутствия в купе Семён деловито задирает крышку вагонного лежака и делал вид, будто что-то ищет в своей поклаже. Отодвигая замочек кожаной наплечной сумки, он нащупывал ребристую рукоятку пистолета Макарова и облегченно переводил дух: «На месте!..»

Зачем он взял с собой в дорогу пистолет, Семён и сам не знал. Видимо, сказала застарелая привычка. При оружии всегда чувствуешь себя более уверенно. Во время отпуска владельца этой штуки табельному оружию самое место в милицмейском сейфе. Ведь прекрасно понимал, случись что, - вдруг пропадет пистолет в дороге! - его начальнику Николаю Ивановичу несдобровать. Да и самому в первую голову отвечать, такое ЧП не пройдет бесследно.

Попутчики от скуки закартёжничали, купе словно проходной двор: заходят соседи, включаются в игру вместо выбывших. Семён тоже сыграл несчётно в подкидного. Когда надоело, стал всё затяжнее поглядывать в окно. Впрочем, и другие игроки дружно оставляли свой азарт, когда за окном показывалась лесополоса. Возле кустарников, опуханных вокруг для защиты от степных пожаров, бросались в глаза девственные островки в щедрых тюльпанных брызгах. Кое-кто сокрушался, что с освоением новых массивов тюльпанов становится всё меньше и меньше.

Давно уже обосновался Семён в небольшом степном городке. Когда-то служил здесь да так и остался. По душе пришлась ему степная неизмеримость, где взгляд не наткнется на неизменные спутники цивилизации: телеграфные столбы, дороги. Начинать он здесь водителем, возил начальника райотдела милиции Николая Ивановича. По долгу службы разъезжал по сёлам и глухим отделениям, где на магазинной полке ещё можно было обнаружить музейные лампы-новые радиоприёмники, работающие от больших квадратных батареек.

Заглушит иногда «газик» в степи, где весной бушует тюльпанное море. От суховея сочные цветы бьют бесконечные поклоны. В душу закрадывается эфирный образ невыразимости, заставляющий почувствовать единение с этим нарядным безмолвием. Оно, однако, относительное. Вдруг на свою глиняную горку заберётся сурок и уставится на тебя в безопасном отдалении. Или под боком просвистит суслик. А то иногда на дорогу выбежит сайгак и будет бестолково нестись под самым капотом, выбиваясь из сил и не догадываясь свернуть в сторону. Ночью же в свете фар вдруг запляшут на колдобинах тушканчики, словно какие лешие. Днём их никогда не увидишь, а в сумерках же откуда они только берутся?..

Позже Семён перешёл работать в уголовный розыск. Но шоферское дело не забыл. В выходные с Николаем Ивановичем иногда выезжал на рыбалку. Семён отлично ориентировался среди многочисленных заливов и стариц Ишима, в этом ему не было равных. Можно так забуриться, что долго придётся искать обратной дороги, всё время натываясь на непроезжие ручьи или притоки, которые в иное жаркое лето напрочь пересыхают. Если кончится бензин или сломается машина, хоть караул кричи. Так и сблизился Семён с Николаем Ивановичем.

В отпуск Семён собрался внезапно. Как-то с высоты второго этажа райотдела в раздумье посмотрел на верхушку молодого карагача. Это деревце он сам посадил на субботнике лет семь назад. Теперь оно подтянулось, раскинув тонкие сетки своих ветвей. Когда тополя-топольги в одночасье зазеленеют клейкими листочками, карагач не спешит радоваться маю. Самым последним из местных древесных собратьев он выпускает крохотные резные листики, потом появляются и круглые крылатки с семечком посередине. Зато карагач и осень не празднует - до самого снега держит свои листья.

Семён неожиданно для самого себя вспомнил, что такое же дерево посадил в далёкой Покатиловке его отец. Это дерево заслоняет окно в его отчем доме, правда, называют его там по-другому - вяз. И крылатки у него поменьше, а по краям с ресничками...

Пронзила его тогда мучительная мысль: да он же целый век не был в Покатиловке, где в родном доме остался единственный жилец - его матушка!.. Даже прикинул: двадцать лет получается. Мать приезжала в гости четыре раза, а он так и не удосужился. Со всей ясностью

Семён ощутил себя на этом отрезке времени - сорокапятилетним, с не совсем удачной семьёй, - супруга на старости лет завела подружек-собутельниц, как бы и дочка с пути не сбилась, скоро заканчивает школу...

Боясь, что не скоро вынырнет из круговорота дел, Семён срочно отпросился у Николая Ивановича в отпуск, тем более что не позволял себе этого уже третий год. Толком ничего не объяснив жене, Семён взял билет до Покатиловки, вернее, до ближайшей станции, от которой добираться до матери на перекладных добрых три часа буйным лесом. Покатиловку когда-то нарекли неперспективной, молодежь большей частью разъехалась.

Семёну повезло, он доехал до Покатиловки на почтовой машине, которая ходила в ту сторону раз в неделю. Посылки и корреспонденцию оставляли в здании бывшего сельсовета, а потом всё это кто-нибудь из детворы разносил по домам. Водитель почтовой машины, снимая с кузова тощий мешок, сказал Семёну:

- Погоди, заодно захватишь газеты Митрофановны...

Он знал в этой деревеньке всех. Семён взял из рук шофёра небольшую кипу газет, из одной выпал клочок бумаги. Семён подобрал его с влажной травы и узнал собственную телеграмму, которую, оказывается, обогнал.

Сочная от недавнего ливня чёрная дорога пружинила под ногами. Семён ожидал, что не узнает своей деревеньки, но обострённо почувствовал запах оброненного здесь детства. Многие узнавалось: вот этот изгиб улицы, вот эти деревянные настилы вдоль заборов вместо тротуаров. Переверни любую доску, а под ней наверняка длиннющие дождевые черви, таких нет на целине, там гораздо суше.

Дисгармонию в привычные картины детства вносил стоящий у одного из плетней сравнительно новый оранжевый «Кировец» с прицепом. Раньше здесь у заборов можно было видеть лишь сани, конные косилки да грабли на больших железных колёсах. За это время новых домов почти не прибавилось, но зато появились брошенные. Чернеют ветхие срубы, показывают крестовины заколоченных окон.

Семён от ограды оглядел свой бревенчатый дом, в котором родился. Не раз мальцом, цепляясь за торцы, забирался под кровлю на чердак, иногда срывался, ударяясь спиной плашмя об землю так, что дух захватывало и, казалось, уже не сможешь больше вдохнуть никогда.

Сейчас в доме чего-то не хватало. Вяза! Он громадился под окном, а теперь на его месте лишь торчит из травы шербатый пенёк.

Ещё не отворив жердяной калитки, Семён увидел мать. Она шла по двору в стареньком халате и несла корзинку, в которой пищали цыплята. Поставила корзинку на солнечном месте и, словно подтолкнутая неосознанным всеведением, обернулась к калитке.

- Сёма!

- Вот моя телеграмма, собственноручно доставил. - А у самого комок в горле. - Совсем вы тут одичали...

- А я с цыплятами, - как бы оправдывалась старушка, промокая слезинки полой халата. - Не хотела нынче разводиться их, да недоглядела. Клушка вывела их под крыльцом. В прошлом году эта клушка тоже удружила: в самую осень вывела под крыльцом цыпляток. Уж и намучилась я с ними зимой, хорошо хоть сарай тёплый. Надо бы, Сёма, забить ту дыру под крыльцом, у меня уже руки не слушаются. Голодный, небось? Пойдём, я окрошку сготовила...

Тот же самый деревянный обскобленный стол и даже зарубки знакомые. Семён ел деревянной расписной ложкой, от которой отвык, а мать всё расспрашивала.

Завечерело. Хозяйка включила свет. Занесла корзинку с цыплятами и поставила на подоконник. Семен все так же млел за столом на лавке, прислонившись к теплой сосновой стене. Он не мог насмотреться на родную убогость. Деревянные полы в идеальной чистоте. В деревне их почему-то никто не красил. Мыть их одно мучение. По три часа натирают их еловыми ветками, подсыпая песок, пока не забелеют.

- Мам, а что с тем вязом?..

- Молния ударила позапрошлой осенью...

Старушка, не привыкшая ни минутки сидеть без дела, достала с полки клубок пряжи и стала вязать. Вдруг она спохватилась:

- Ты знаешь, люди говорят, Шпень вчера приехал, совсем вылетел из головы. У своих гостей. Сынок его Федька даже на ферму не ходил - отпросился...

Семён откинулся от стены, словно ударило током:

- Откуда?.. Живой, значит... Вот это новость!..

- Да ты не ходи к ним, шут его знает, что у него на уме. Зверь он и есть зверь, ещё и тебе чего-нибудь сделает...

Семёна передёрнуло. Он отчётливо вспомнил шершавую физиономию Шпenea. Лет восемь тогда было Сёмке, а не забыл этой гадкой рожи: правый угол тонких бескровных губ подтянут вверх, глаза с неустанно-пытливым блеском, сбоку носа пупырчатая бородавка, которую так и хочется отщипнуть...

Мать ещё что-то говорила, а Семён слышал только гнетущий шум в ушах, нехорошо отдавалось сердце в висках. Перед глазами всплывал знойный сентябрь сорокалетней давности - середина войны. Под сурдинку годовых напластований резанула слух отрывистая немецкая речь, её он мальцом слышал каждый день - оккупанты бродили по селу, пытались на тарбарской смеси заговаривать с молодками, под молчаливо-укоризненным взором хозяев ловили кур в чужих дворах. В то время в Покатиловке участились облавы. Сёмка знал, что отец ночью прикреплял к некоторым плетням какие-то листки. А вчера он закрывался в комнате со своим другом и они о чём-то негромко переговаривались, наказав Сёмке поглядывать на калитку и постучать в дверь, если возле дома нарисуются фашисты. В тот день Сёмка решил наловить в речке рыбы. Под вечер вернулся, держа в руке бидончик с уловом. Едва зашёл в комнату, почувствовал: произошло что-то ужасное. Мать сидела на полу причитая, а на столе лежало что-то длинное, завёрнутое в белую простыню. На белых досках пола чернели засохшие брызги крови.

- Изверги! - стонала мать. - Ничего у них нет святого!..

Она судорожно прижала к себе Сёмку, потом встрепенулась:

- Полезай на чердак и спрячься в ящике с шерстью, а то они и тебя спрашивали!..

Сёмка узнал, что когда он был на рыбалке, приходили два немца и с ними Шпень - он добровольно вызвался служить у них полицаем. Отца связали, стали стегать ремнями. Особенно усердствовал Шпень. Он и раньше, когда работал на колхозной ферме, старался отличиться перед заезжим начальством, нашептать на своих недругов. Шпень дулом «Вальтера» тыкал связанному в горло под яблочко. Из раны хлынула кровь. Немцы допытывались, кто вешал листовки. Они подозревали отца в связях с партизанами. Когда истязуемый упал со стула без сознания, немцы и Шпень ушли разочарованные. Через полчаса они вернулись, но отец Сёмки уже был мёртв.

Буквально на следующий день Покатиловку отбили партизаны. Командир партизанского отряда на коне подъехал к сёмкиному дому и спешился:

- Эх, добрый был товарищ, сколько нам помогал, - сказал он убитой горем вдове. Потрепал Сёмку за вихор и неожиданно добавил: - Отомсти за своего батьку!..

Вскоре подошли и части Красной Армии. До Сёмки докатилась весть, что Шпеня поймали в соседнем селе. Больше о нём никто ничего не слышал. Все считали, что с ним расправились коротко - самосудом. Сёмка лишь жалел, что его при этом не было.

И вот через столько лет Шпень живой и здоровенький снова топчет места сёмкиного детства. Эхо далёкой войны вернулось на мгновение, наступило Семёна, будоража раненую память...

Несколько дней подряд Семён как бы ненароком проходил мимо дома Шпеней, но всё напрасно. Ублюдок не показывался на людях. Даже в жуткий ливень Семён специально «подежурил»: с час простоял возле «Кировца», укрываясь зонтиком и ощущая тяжесть пистолета под мышкой. Время от времени выглядывая из-за трактора, осматривал двор своего недруга. Во дворе под бесконечными струями плясали лужи, мокли на завалинке резиновые сапоги, с крыши хлестал ручеёк в кадку, и она давно была переполнена. Но наружная дверь не открывалась, дом омертвел. «Неужели он и в сортир не выходит? - зло думал Семён. - И как он вообще осмелился вернуться в то место, где каждый встречный плюнул бы ему в лицо?..»

Лишь раз укараулил Федьку, своего одногодку, с которым в детстве частенько дрался. Федька, отягощённый таким незавидным отцовством, боязливо поздоровался и после нескольких общих фраз торопливо углубился в свой двор, сославшись на дела. «Сторожит папашу, не прогонит такого нелюдя!..»

Вечерами Семён не находил себе места. Окна без занавесок - деревенская примета. Было неуютно смотреть, как в загустевающих сумерках смыкаются и надвигаются на тебя лесные кущи. Казалось, кто-то смотрит на тебя из-за елей и берёз.

- Хоть бы занавески какие повесила, - сказал Семён матери.

- А от кого прятаться? - не поняла мать.

Семён всё-таки вечерами стал занавешивать окна газетами. Мать их утром снимала и аккуратно сворачивала.

А старый Шпень всё не появлялся на улице. «Прячется от меня, - догадался Семён. - Не ожидал, что и я сюда приеду...»

Семён уже побывал почти во всех домах Покатиловки. Селяне одинаково поражались приезду Шпеня. Мало кому удавалось его увидеть, да и то лишь издали. Семён поправил избу матери, выровнял перекошенный плетень, забил дыру сбоку крыльца, чтобы не лазила туда клушка. Побывал на могилке отца. Потом его потянуло в лес, и он погожими днями бродил по едва видимым тропинкам, собирая грибы. Его не покидала надежда встретиться со старым Шпенем. Посмотреть бы ему в глаза, напомнить обо всём!..

Отпуск подошел к концу. Семен снова заговорил с матерью о своем:

- Бросай свою лачугу, чего тут терять? Кур отдадим соседям, а скарб перевезём на почтовой машине, водила не вредный, поможет. Если хочешь, будем приезжать сюда летом, как на дачу, всё равно дом никто не купит...

Мать замахала руками:

- Что ты! Скажешь тоже... Здесь могилы моих родителей. А твой отец?.. Нет, мне здесь доживать свой век...

С неискويمой досадой на себя уезжал Семён из Покатиловки: не удалось забрать мать и встретиться с убийцей своего отца. К старому Шпеню напоследок не зашёл, хотя мог бы, несмотря на сторожевого пса с длинной цепью. Боялся, что не сдержится и наделает лишнего. «Чёрт с ним! - плюнул он в сердцах. - Столько лет прошло...»

Прибыв на почтовой машине в райцентр, он сразу же двинулся на автогостанцию. Решил добираться до областного центра, а оттуда лететь самолётом, иначе опоздает на работу. Автобус, уходящий в область, был переполнен. Семён насилу упросил водителя взять его без билета.

В проходе теснились женщины, одна из них держала на руках младенца. Семён стал протискиваться вглубь автобуса. Рассеянно окидывая взглядом сиденья, он увидел среди сидящих пассажиров Федьку с женой. Лихорадочно пошарил глазами поблизости и на предпоследнем сиденье его внимание зацепила какая-то потусторонняя фигура сторбленного старика в черном долгополом плаще. Старик свободное место рядом с собой занял чемоданищем. Шпень!

Семён, держась за поручень, торопливо придвинулся к старику:

- Здорово! Узнаёшь?..

Старик, не возражая на тыканье, потревоженно осклабился своим ассиметричным ртом:

- Узнаю, Семёна...

Семён говорил тихо, но его слова расплавленным свинцом затекали в уши сидящему:

- Значит, не расстреляли тебя тогда? А жаль... Сколько лет дали-то?..

- Пятнадцать. Отсидел весь срок без амнистии...

- Ещё бы тебе амнистию на блюсточке!.. Где сейчас?

- Я честно работал, имею почетные грамоты... Сейчас на пенсии.

- Где живёшь, спрашиваю? Нужна мне твоя пенсия!..

Старик заёрзал: видно, не хотел говорить. Тут у женщины, стоявшей в проходе, заплакал на руках ребенок. Она с измученным лицом протиснулась к старику и, кивнув на его чемодан, едущий неодушевлённым пассажиром, попросила:

- Можно я сяду рядом?

Старик неожиданно заворчал, бородавка возле носа так и заходила:

- Я взял два билета. Нигде не дадут покоя!.. Ездят тут всякие!..

Семён судорожно схватился за своё горло, едва справляясь с нервным удушьем. Если бы не умоляющие взгляды Феды с женой, он наверняка бы скинул старика с кресла. Сдержав себя, он прохрипел:

- А ну убери чемодан, гад!..

Старик кряхтя взгромоздил на колени поклажу и придвинулся к самому окну. Женщина села рядом, благодарно посмотрев на Семёна. А старик уперся взглядом в окно, изредка боязливо косясь в сторону Семёна и раздувая ноздри.

На окраине одного из сел автобус, надсадно затарахтев, остановился – что-то случилось с мотором. Водитель объявил:

- Можете отдохнуть минут двадцать...

И тут же задрал капот. Семён уже не осознавал самого себя. Пристально глядя на Шпеня, он с расстановкой произнес:

- Пойдем, покурим...

Тот дёрнулся и недружелюбно проскрипел несмазанной дверью:

- Я не курю ...и вообще не хочу выходить...

Чтобы успокоиться, Семён вышел из душного салона и подошёл к обочине. Метрах в пяти от него ощерился крутыми склонами глубокий овраг, на дне которого лежал вверх гусеницами немецкий танк. Он весь поржавел.

«Гад остаётся гадом, сколько бы лет ни прошло»,- подумалось Семёну. Он подставил лицо под струи залётного ветра. С почти графической ясностью зависли в его сознании слова старого партизана: «Отомсти за своего батьку!» Семён заскрежетал зубами, машинально нащупав под пиджаком свой «Макаров». Окажись сейчас рядом Шпень, он не задумываясь разрядил бы его в этого гада, чтобы он покатился в овраг, к тому подбитому танку...

- Поехали! - закричал водитель. Семён вошёл в автобус, и тот сразу стронулся с места. В проходе стало заметно просторнее. Семён огляделся и увидел, что старого Шпеня и Феды с женой в салоне уже нет. «Уехали на попутке», - сказала женщина с ребёнком.

Семён облегчённо вздохнул и вспомнил Николая Ивановича.

«Небось, издёргался весь, если выяснилось, что я не сдал на хранение пушку...»

Александр Аханов
БРАКОНЬЕРША
(из цикла «**Легенды**
Карской экспедиции»)

Ещё вчера в лесу было белым-бело, чисто, словно снег был выметен большой метлой, а сегодня сильный южный ветер гнул и ерошил потемневшие ели и сосны. Березы размахивали голыми ветвями, замахиваясь на осины. На землю, на уже хилый снег, сыпались куски коры, хвоя, мелкие сухие веточки. Крупный редкий дождь добивал остатки снега. В ноябре такие резкие перемены погоды не редкость.

Была суббота, я уже добыл зайца к ужину и в прекрасном настроении возвращался к себе на кордон. Проходя мимо небольшого болотца, спустился с дороги в мох – клюквы пощипать, которой в этом году было много. Наевшись до лёгкой оскомины сочной кислотинки, вышел на чистое место посмотреть – не пасётся ли где-либо

поблизости тетерева или глухаря. Дойдя до колка молодых сосенок, обогнул его и... наткнулся на трёх охотников. Они были заняты разделкой туши лося. Та-та-та! Браконьеры... Отступить было поздно, всего с десяток шагов отделял меня и эту живописную группу. Неожиданно леснику при форме и оружии показывать лесным татам спину. А охотники так увлеклись, что заметили меня, когда над ними навис. Первым поднял голову парень лет двадцати, ойкнул от испуга, вскочил, и с криком «ата!» резво захлюпал по болоту не хуже гончей.

Второй – невзрачный мужик в возрасте, с красным нарытым лицом, от изумления выронил топор, которым рубил мясо, и сел в кочку. Опомился, шустро повернулся, схватил лежащее рядом ружьё и тоже пустился бежать. А вот третий... третий, невысокий, кругленький, отшатнувшись, зыркнул за мою спину чёрными глазами и крикнул вдогонку беглецам звонким женским голосом:

- Эй, мужики! Штаны не потеряйте! Фуражки испугались? Да он же один!

Я опешил: «Баба!!!» Такого ещё не видывал...

Вгляделся в красивое лицо - вот ведь чёрт! Лет сорока, тёмные волосы, ладная такая - всего в достатке, местами даже с избытком... Ах, ты какая!.. Пока обретал дар речи, женщина сунула за голенище сапога самодельный, крупный такой нож. «Ничего себе, дамочка»... Меж тем, «дамочка» стёрла мхом кровь с рук, достала пачку дорогих сигарет не нашего производства и протянула мне:

- Закуривай, лесной хозяин!

- Не курю.

- Хм, ну, как хочешь!

Закурила сама, указала сигаретой на лося:

- Мы... за клюквой приехали, смотрим - лежит, бедолага. Наверное, от волков спасался, да сердце прихватило. Упал, а реанимации в лесу нет!..

- И вы, конечно, гуманно добились, чтобы не мучился – ехидно подсказал я.

- Как в бинокль подглядывал, – расцвела красавица, глаза заискрились, заиграли.

- А ружьё, стало быть, взяли, чтобы от волков отбиваться? Ваши документы и лицензию на отстрел!

Дама улыбаться перестала - глаза как смотровые щели или как две бойницы:

- Ты, что, дед? С печки вчера упал? Где я тебе в лесу документы возьму? Выпиши - покажу!

Слова лесной охотницы несколько зацепили мое самолюбие:

- Это какой я тебе дед? У меня жена не старше тебя будет! Так что не воображай, бабушка! Мне ещё до пенсии лет шесть трубить...

Глаза красавицы приняли нормальное состояние, улыбнулись:

- До пенсии ещё дожить надо, лесной страж! Да для молодой жены здоровье сохранить. Так что слушай, лесник. Давай по-хорошему. Ты хоть и представитель закона, да на многие-многое вёрсты один. И радиотелефона у тебя нет, - не с кем посоветоваться... Лось большой, на всех хватит - бери, сколько унесёшь и тащи своей молодухе!

Покупают! В свою браконьерскую компанию зовут. Ну, уж, чёрта с два! Видали мы таких! Чтобы потом где-то в городе говорили, что есть, мол, у нас один человек на кордоне...

- Да нет, - говорю, - взятку не беру, не по чину даёте! Без ваших подачек мне дичи в лесу хватает! Стрелять пока что не научился...

Мужик за спиной браконьерши что-то вякнул, и, чуть приблизившись, сделал угрожающий жест своим ружьём. Моё висело на правом плече стволами вниз и, воспользовавшись годами отработанным приёмом, я мог мгновенно его вскинуть... Я чуть шевельнул плечом, примеряясь...

Браконьерша мгновенно бросила взгляд на меня, на мужика, рыкнула:

- Не дури! Поганец, твою мать! - и тот сник.

- Дрессированный! - усмехнулся я.

Она промолчала... Парень маячил невдалеке, с поганой какой-то улыбочкой наблюдая перепалку.

Да-а... ситуация... Влетел, как бык в трясины! С мужиками проще - молодой, если пальба начнётся, в штаны точно наложит, да и старый муж дистанцию держит, тоже не так чтобы рвался к подвигу. Но по роже видно - стрельнуть может, и ружьё у него ничего себе - «Кольт» пятизарядный, не моей «ижевке» родня... Хотя... без бабиной команды - вряд ли... А вот эта... стерва, чистая атаманша, как та сука в собачьей стае - не то ластится, не то зубами вцепится, а кобели за ней следом...

Однако, отступить некуда: строгость на себя напустил и мужику:

- Оружие на землю!

Бабёнка лицом потемнела:

- Ну ты, обабок трухлявый! Не трясися шляпой, голова отвалится! И не будь бараном - мы не овцы – волки! Будешь бодаться - загрызём!

А грудь полная и ядрёная, так и ходит под ватником, так и прыгает! Ах, ты... стерва! Видно - на испуг такую не возьмёшь... от лося не отступит, и точно, если не загрызет, то уж ножом пырнёт... Да и не в ноже, конечно, дело... а в чём-то таком, непонятном... Что же мне её, тоже стрелять?! Хоть и волчица, но женщина ведь...

А эта... продолжает:

- За лося всего пятьсот рублей, а за попытку изнасилования не меньше трёхки отнесут, понял? А то и выше поднимут! А мужики свидетели, как раз тебя с меня снимали, когда на меня напал... а?

Я даже воздухом подавился от возмущения, да... сказать-то нечего! Эта стерва точно на любые подлости пойдёт, чтобы, если и не посадить, так хоть по судам потаскать! Как раз для разнообразия, на старости лет... мать её! Лесной монстр – насильник! И что ты будешь делать? Стою – размышляю, и даже забыл, зачем я сюда вообще сунулся. Не страшно - противно... Плюнул и повернулся - уходить.

- Эй, лесник, мясца-то возьми для своей старухи, - красавица засмеялась как-то злобно – мстительно, и не передашь ведь словом!

Но и я не остался в долгу:

- Чтобы вас со свежатинки да пронесло!

Красавица махнула ножом, ухмыльнулась:

- Спасибо на добром слове. Если и пронесёт, так не впервой!

Ветер на минуту стих и до меня донеслось:

- Галка, так и отпустим?

- Молчи, дурак, без имён! Язык отрежу, паскудник! Хватит с меня и звериной крови!

Меж лопаток стало холодно. Ускорил шаг: «Шмальнут в спину, и буду как тот лось меж кочек лежать».

Выбрался с болота на склон. Обернулся. Браконьерша сняла шапку и церемонно поклонилась. Артистка! А я ей кулаком погрозил... ведь посадила бы, стерва, и не поморщилась! Нашему суду поди докажи...

Иду по дороге и думы передумываю – в голове, как и в лесу, шумно, от настроения одни обломки. И стало вдруг по-настоящему страшно. Вспомнил, как в прошлом году, примерно в эти же дни искали мы районного охотоведа, что бесследно пропал в тайге. Тридцатилетний здоровяк, он в одиночку ходил в рейды – ловил браконьеров. Они его боялись, за силу и неумолимость. Не раз грозились:

- Берегись, законник, ты мишень крупная!

Может, вот так же в спину, как в меня сегодня метили, и убили? Мороз продрал и шея даже поворачиваться не стала – заледенела вдруг. Не эти ли? Иду, запоздало оглядываюсь, ружьё наготове. Дрожь унялась, когда изгородь кордона увидел.

Топилась банька, было хорошо, отмяк я... А после сытного ужина, да со стаканчиком холодной водочки, совсем хорошо стало. По телевизору показывали двухсерийный фильм «Сказание о Рустаме». Там иранский богатырь боролся со злым духом. Жаль, что все разговоры в стихах – под них и уснул. Проснулся же, когда дочка шаха в него влюбилась и сама в спальню пришла, но тут на самом интересном месте дверь закрыли! А злой дух, в образе мудреца, хитренько так подмигнул нам, зрителям, и стишок выдал:

*Сказал один поэт – он с правдою был дружен:
Где баба вмешана – там чёрт не нужен!*

Я даже крикнул:

- До чего же верно подмечено!

И сразу вспомнил встречу на болоте, красивую браконьершу, пропавшего охотоведа. Настырный был мужик. Может, с этой агаманшей и столкнулся, и не отступил, как я. А, с другой стороны, – что бой устраивать? Ну, застрелил бы кого-то из них? Пока ещё стреляю неплохо, думаю, всех бы и положил. А у них наверняка дети... Но ведь они меня точно не пожалели бы... Да и что сейчас стоит лесник, его слово? Одни обязанности и никаких прав! Вступи я с ними в перепалку, настоящую, огневую – потом следователи затаскали бы:

- Как вы могли в живых людей... почему не арестовали... почему свои права не использовали... почему не поставили в известность...

И посадить могли бы... Бывали же случаи подобные у нашего брата... Это в кино хорошо – достал автомат и та-та-та... И к тебе никаких

вопросов... А когда в тебя из «Кольта», а ты из старой двустволки... Конечно ты будешь, неправ! А потом затаскают по следствиям да судам!

Принял с расстройства ещё чарочку и спать отправился – утро, как говорят, вечера гораздо умнее... И действительно – поехал утром в посёлок, взял у знакомого двух щеночков кавказской овчарки. Так, на всякий случай. Начальству, разумеется, впрямую об инциденте не сообщил, но поинтересовался, когда же, в конце концов, нам новое оружие выдадут, и какое.

- Вопрос решается..., – ответствовали мне.

Виктор Богданов **ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА В ТРАВЕ**

Голос человека услышал я в траве впереди и пошёл туда сырým пасмурным лугом. Сначала я пошёл из любопытства, но голос оказался сиротливым, безутешным, и, наверное, нужно было как-то помочь ему: может быть, просто молча постоять рядом, послушать его и уйти.

Я склонился над местом, откуда слышался звук – и он умолк, и я увидел только сочные стебли немых растений. Я удивился этому. Утром здесь был дождь, и пахло мокрой плодородной землёй. Я поднял голову и снова услышал тот же голос в стороне, дальше. Я подумал, что влажный воздух мог обмануть мой слух, и опять пошёл на голос.

Когда я осторожно приблизился к нему, он пропал. Я проворно бросился в травы, чтобы успеть поймать скрытного обладателя голоса. Меня обдало щекочущим холодком быстрых нежных прикосновений растительных тел, но никого не было нигде вокруг.

А, понял я, со мной кто-то играет – какое-то хитрое озорное существо. Но почему оно так жалобно зовёт меня?... А голос уже раздавался за моей спиной, и я направился к нему – я не обиделся.

Так я ещё долго бродил и бегал по лугу, припадая к земле и напряжённо прислушиваясь. Я вошёл в азарт, и мне было интересно узнать, чем же всё это кончится и как объяснится.

И всё-таки я скоро устал, сильно ушиб ногу, запнувшись о древесный корень, и начал досадовать. Я подумал: всё потому так и выходит, что от меня требуется совсем другое: покинуть луг и не мешать. Я

обозлился на себя и загадочного невидимку и хотел уйти прочь. Но тут голос сделался таким несчастным, плачущим, надрывным, что я усомнился: а вдруг и вправду нужно кого-то выручить из беды, а я его брошу.

На окраине луга росло одинокое корявое дерево, и я внезапно очутился возле него. Под деревом сидела девочка и смеялась. Она была маленькая-маленькая, она даже не умела ходить. Я слышал теперь один лишь её смех и чувствовал, что мне радостно и светло.

Я взял девочку на руки и отнёс к себе.

«Я нашёл тебя в траве. Я слышал чей-то голос, безутешный человеческий голос в луговых травах, и хотел помолчать рядом с ним, чтобы ему было легче. А нашёл тебя – в сырой траве под корявым деревом, после дождя. И ты смеялась...» – говорил я потом тебе.

21 марта 1992 г.

Наталья Елизарова **ВОСПОМИНАНИЕ**

Володе, с любовью

Кафе закрылось. Последние посетители ушли. Я сказал жене, что хочу побыть один. Хельга, вымыв пивные кружки, убрала их в шкаф, потом обернулась ко мне. Её брови были сосредоточенно сдвинуты, глаза метали молнии. «Что ты там бормочешь, старый дурак? – сказала она. – Собирайся, пора домой». Я сделал вид, что не слышу. Мне хотелось, чтобы она поскорее ушла.

Пересчитав дневную выручку, она закрыла кассу. «Если снова напьёшься в стельку, можешь домой не приходиться! – сказала она, снимая крахмальный передник. «Не сердись», – выдавил из себя я; присутствие жены начинало раздражать.

Когда-то я любил Хельгу, но за тридцать семь лет совместной жизни я от неё устал. Я знал эту женщину досконально: о чём она думает, что скажет через минуту, какая на ней сорочка под платьем. Я старался быть терпеливым с ней, пытался быть ласковым, но с каждым годом у меня это получалось всё хуже и хуже. Мне было жаль жену, но я не мог выдавить из себя даже крупицу нежности.

Наконец, она ушла. Я погружаюсь в воспоминания, такие давние, что иногда мне начинает казаться, что всё это произошло не со мной.

... Утром мы вывели их на расстрел. Меня пошатывало после бессонной ночи. Накануне мы с Куртом посетили местный бордель. Мой друг меня подначивал, стараясь выдать признание, что сегодняшней ночью у меня впервые была женщина. Я упрямо отрицал его предположение. Говорил, что в Берлине у меня осталась невеста, с которой я «это» уже испытал. Наверное, я не слишком умело соврал, потому что Курт мне не поверил.

Я вспомнил свою вчерашнюю любовницу - тощую французскую шлюху лет двадцать пять с белёсой кожей, через которую просвечивались голубые вены. Она очень обрадовалась, когда я угостил её шоколадом, и спросила, есть ли у меня выпить. Спиртного я с собой не захватил, только плитку шоколада, - Курт уверял, что все француженки без ума от него. Девушка сказала, что я милый мальчик, но мне необходимо расслабиться. Она расстегнула мои штаны. Я не чувствовал ничего, кроме брезгливости и страха заразиться. Ни капли вожделения... Когда я вышел от неё, меня долго преследовал приторный запах дешёвой пудры.

Я сказал Курту, что если он не заткнётся, я разобью ему морду. На нас прикрикнул лейтенант. Мы прекратили перепалку и угрюмо взглянули на него. Лейтенант не пользовался ни авторитетом, ни уважением среди солдат. Его покрытый мягким цыплячьим пушком подбородок, тщательно отполированные ногти, ленивые высокомерные интонации вызывали всеобщую ненависть.

... Тех, кого мы должны были расстрелять, было шесть человек: трое пленных солдат, два местных крестьянина, взятых по подозрению в помощи партизанам, и девушка. Они выходили по одному из низкого, пропахшего псиной барака. Мы отобрали их нехитрые пожитки и скинули в кучу, потом повели к освещённому прожектором плацу.

Внезапно шедший впереди заключённый набросился на Курта. Оба повалились на обледенелую землю. Остальные бросились враспынную. Я пустил в убегающие спины автоматную очередь. Увидел, как один из мужчин упал на колени. Несколько секунд он хватал окровавленным ртом воздух: слышалось свистящее судорожное дыхание. Потом упал лицом в грязный снег и зачих. В это время Курту

удалось вытащить из кобуры пистолет и застрелить своего противника. Лейтенант, выкрикивая ругательства, метался по плацу и палил в воздух. Нам было приказано немедленно задержать беглецов.

... Набирая скорость, мы мчались вперёд по узкой просёлочной дороге. Сквозь рёв мотоцикла до меня доносился голос Курта: «Жми, Руди, жми! Мы не можем позволить им скрыться!» Мы гнали пленных, как собаки дичь. Это была самая настоящая травля. Постепенно мы прикончили беглецов всех до одного, кроме девушки. Ей удалось скрыться в лесу. Я и мой товарищ бросили мотоцикл на обочине и прошли прочёсывать ельник.

Снег в лесу уже посерел и начал оседать, а кое-где на пригорках и вовсе сошёл, обнажая прошлогоднюю пожухлую листву. Воздух был наполнен запахами прелой травы, земли и можжевельника. Повсюду слышалось хриплое приветствие ворон. Солнце заливало глаза ослепительным белым светом. Неожиданно я вспомнил себя ребёнком, когда, забравшись на стул, декламировал гостям Гейне: «Счастьем девственным томимы, расцветают лес и нивы, и смеётся в небе солнце: ты явился, май счастливый!» Гости угощали меня конфетами и спрашивали: «Кем ты станешь, когда вырастешь, маленький Рудольф?» «Врачом, как папа, - отвечал я. - Буду спасать людей». Меня тискали, целовали в обе щёки и называли славным мальчуганом. Папа и мама не скрывали своей радости - они гордились мной.

... Сейчас не май, как в стихах Гейне. Март. До мая ещё нужно дожидать, и я не знаю, есть ли у меня шансы. Германия начала терпеть поражение. Для нас, солдат, это становилось с каждым днём всё более ощутимо. Наше командование нас ни во что не посвящало, но мы ловили тревожные нотки из писем родных, когда они жаловались, что стало плохо с продуктами, из раздражённых фраз офицеров, срывающих на нас злость... Я не знал, выиграет ли Германия эту войну, но мог сказать наверняка, что врачом уже не стану никогда. Я не смогу спасать людям жизни после того, как привык убивать.

Какая-то птица, вспорхнув, низко пролетела над головой. Я, как зверь, шёл по следу и вспоминал похороны моей матери. Мне тогда было одиннадцать с половиной лет. Я до последней минуты не хотел верить в то, что она может умереть, и молил Бога, чтобы он не забирал её. Клялся, что стану послушным и хорошим, и свято верил в то, что молитва мне поможет. «Боженька, великий, милосердный, спаси,

пожалуйста, мою мамочку!!!»...Когда её хоронили, грачи на кладбище устроили свадебные танцы. . .

Я заметил мелькнувшую в зарослях тень. Скомандовал остановиться. Девушка продолжала бежать. Тогда я обрушил в её сторону автоматную очередь. Пули изрешетили стволы деревьев. Девушка, закрыв руками уши, заметалась в панике. Я догнал её в два прыжка, ударил прикладом. Она, потеряв равновесие, упала.

. . . Я держал её на мушке. Она тяжело, прерывисто дышала. Мне казалось, я слышу стук её сердца. Я прицелился. Её огромные голубые глаза застыли на дуле моего автомата.

Она была одних лет со мной, не обладала какой-то особенной красотой. Худая, грязная, оборванная девчонка с рыжими засаленными волосами. Я ощущал над ней власть. В моих руках находилась её жизнь: я мог оборвать её через секунду, или вернуть в лагерь, где ей пришлось бы умереть после чудовищных нечеловеческих пыток. Я почти физически ощущал её отчаянную молитву: «Господи, великий, милосердный, спаси и помилуй!» Я знал, что она до последней минуты не поверит в неизбежность своей смерти, и знал, что Бог не защитит её от страданий. . .

Возможно, я никогда не пойму причин своего поступка, но я её отпустил. Когда ко мне подбежал мой товарищ, я сказал, что ей удалось сбежать. «Эта сучка не могла далеко уйти!» – бесновался он. Я молча открыл фляжку со шнапсом и не успокоился, пока не выпил всё до последней капли. «Ладно, чёрт с ней!» – хмуро махнул рукой Курт.

Война закончилась. Я долго никому не рассказывал эту историю. Боялся, что посчитают слабаком. Но однажды в баре, накачавшись виски, развязал язык. Реакция моих приятелей ошарашила, – мне не поверили! «Брось заливать!» – сказал Курт, которого война сделала безногим. – Я бы еще поверил, если бы ты её трахнул и отпустил, а то, подумаешь, какое благородство!» В эту минуту я подумал про себя, что если бы знал, что мне никто не поверит, я бы застрелил девушку. Но такое ощущение было только в первое мгновение, потом оно прошло и сменилось беспокойством, которому сопутствовал вопрос - на него мне никто никогда не даст ответа - жива ли она? . . . В последние годы я всё чаще вспоминаю войну. Терзания и боль уже оставили меня, но вместе с тем я отчётливо понимаю, что мне не следовало выживать на ней. Тот, кто мёртв, всегда безгрешен.

Галина Кудрявская И ПЛАКАЛИ ПТИЦЫ... (Глава из повести)

Сквозь ликующее веселье трелей прорываются явственно различные судорожные вздохи, всхлипы, не утоленные весенней радостью возвращения. И зачем было улетать? В какую-то обетованную землю? Или обетованная как раз вот эта, наша, куда они теперь воротились? Может быть, они и сами не знают, зачем летают то туда, то обратно, подчиняясь неведомой воле. Оттого и плачут. И счастье возвращения не утоляет печали расставания с тем, что остается вдаль. А осенью снова улетать, оставляя часть души. Слезы радости, слезы печали, вечные слезы разлуки.

Мама уверяет, что это тот же самый скворец, но он смотрит на меня чужими, не узнающими, глазами. Нет, мы не знаем друг друга, а тот клевал с моей руки крошки хлеба. Значит, они не возвращаются, и каждый раз прилетают другие? И получается разлука навсегда? Живут же, никуда не улетая, воробьи и вороны.

- Ну, эти-то всеядные, - вздыхает бабушка, - че попало нажрутся. И холода не боятся... А скворушка - птица нежная, горлышко застудит...

В вороньем «карке» и воробьином «чик-чирик» слез не слышно, хотя, кто его знает, у каждого свое горе, может, они осенью умирают от зависти, когда другие летят на юг. Ведь я тех, улетающих, люблю больше. На них печать тайны, недоступной мне. Больше моей любви они любят свободу. Сержусь, но прощаю.

Солнце сияет неистово. Неистово поет и плачет скворец, обживая новый, сколоченный папой к весне, скворечник. На проталине, соревнуясь, восторженно тянут к свету и теплу жесткие зеленые пальцы первые травинки.

Я прижимаюсь спиной к нагретой солнцем стене дома и расстегиваю верхнюю пуговку своей «плюшки», любимого плюшевого зеленого пальтишка. От меня идет пар. Мою голую шею, нахально открытую солнцу и ветру, не видит бабушка, хотя и сидит у окна на огромном, обитом железом, сундуке.

Бабушка, широко открыв глаза и рот (словно ртом она тоже видит), вдергивает нитку в игольное ушко. Рядом стопка белья - починка. Нитка не вдергивается. «Позови меня!» - кричу ей мысленно,

иначе увидит мою самовольную шею. И тут же забываю о нитке, устремляясь внутренним взором к вожделенным сокровищам вздыхающего под плотным бабушкиным телом сундука.

О, сколько раз мы с братом уже проникали тайно в его темное чрево, чихая от запаха нафталина и залежавшейся одежды. Чего там только нет: какие-то платки, шали, даже казачья папаха, оставшаяся от погибшего деда. На всем печать ушедшего времени, заволаживающая нас. И там лежит яркий, как поле в июне, шелковый отрез на будущее мамино платье. А если останется кусочек, то и мне будет сарафанчик. Сошьет тетя Поля, соседка.

Пальцы мои начинают ощущать бархатистую поверхность ткани. Она холодная, не живая. А мамино платье, висящее в комнате на стуле, теплое и пахнет мамой. А этот отрез только нафталином - чхи! Что-то в нем есть пугающее, мертвое. Это от тех узлов, догадываюсь я, которые лежат в правом нижнем углу. Там же смертная одежда бабы Таси и бабы Ани. Надо сказать Юрке, не зря мы к ним никогда не прикасались, словно это уже сами бабушки, холодные, чужие, оставившие нас без своей любви.

Бабушка так и не вдернула нитку, хотя глаза и рот стали еще шире. И вдруг...

Нет, память подводит меня. Это «вдруг» - случилось вовсе и не весной, а в разгаре лета. Да и было оно совсем не вдруг, а вполне ожидаемо и подготовлено мною.

Война уже закончилась, мне пять лет. Мало что понимая, я радуюсь отраженной радостью взрослых. Возвращения, встречи, гости, праздники, застолья, словно один большой ликующий день растянулся на все лето. «То не тучи, грозовые облака...» - поют за столом. Мама с папой уходят высоко, под те самые облака, а тетя Маруся, обнимая за плечи вернувшегося живым мужа, опускается вниз, к земле, словно благодаря ее за то, что не забрала дядю Ваню. И я вижу, как убегают страшные тучи, и очищается небо над всеми нами. Хмельное, с примесью слез, веселье взрослых опьяняет и меня. Я люблю всех, всех, всех, и домашних в первую очередь. Но гости, они, как перелетные птицы, ими надо дорожить особенно, они не навсегда.

Мама своя, домашняя, простая. А подруги прилетают яркие, с подкрашенными губами, в красивых платьях, с уложенными волнами волосами, с ридикюлями. А там - надушенные платочки, помада,

пудра, гребенки. Мамин ридикюль стоит в шифоньере, скучный, пустой.

Но калитка всегда заперта. Вдруг придут они, желанные, жданные, постучат тихонечко, а мы не услышим... От одной этой мысли жить нестерпимо. И я открываю калитку настежь. Я так уже делала, правда, тогда никто не пришел.

А тут... Тут они и прилетели. Яркие, горластые. Целая стая шумных пестрых птиц. Сколько их было - сто? десять? Только они заполнили все пространство двора.

Наш дом открыт чужому горю, может быть, потому, что и своего через край. Не всех, поживших у нас во время войны и после, сохранила моя детская память, но тепло их сердец согревает меня до сих пор. Нищие не уходили от нас голодными. Но цыганский табор - это уже чересчур. У них дурная слава, в дом пускать нельзя.

Я впервые вижу цыганок так близко, рядом. Когда мы с мамой встречаем их небольшие стайки на улице, она уводит меня стороной подальше, говорит, что цыгане воруют детей. Вечерами, лежа в кровати, я представляю, как это происходит, и горько плачу в подушку от невозможности разлуки с мамой.

И вот они тут, задевают меня, взмахивая крыльями шалей. В них что-то заволаживающее, пугающее. Они кружат по двору. Толстые, черные, гортанно кричащие, больше похожие на ворон, если бы не пестрые одежды. Нет, они перелетные, на зиму улетают.

Цепким детским взглядом я замечаю смуглые худые руки, черные каемки ногтей, рваную бахрому юбок, грязные босые ноги, пустые груди, выставленные из кофт, с присосавшимися к ним голодными молчаливыми цыганятами.

Жалость и страх, страсть и жалость прижимают меня к сетке, за которой куры и надрывающаяся от лая Пальма. А там, за юбками, шальями, гамом, мама и бабушка. Плечом к плечу. В дверях. Как стражники. Мама подала цыганкам миску картошки, которую тотчас же расхватили жадные руки. Исчезла и миска. Им бы захлопнуть дверь, да тут я, приросшая к сетке.

Мама держит меня взглядом, и я цепляюсь за ее взгляд, как за спасение. Я онемела и не могу сделать ни одного движения. И тут в мой слух врзается еще одна пронзительная нота. Это кричит скворец. Там какая-то беда. Я вижу, как мечется птица, то припадая к

крыше сеней, над которой возвышается шест со скворечником, то устремляясь к своему птичьему дому, словно кого-то зовя, приманивая за собой. Я различаю на серой крыше маленький серый живой комочек, скворчонка.

Мама, я, скворец, скворчонок, цыганка с голодным цыганенком. Мы как будто связаны воедино чем-то сильным, мощнее соединяющим нас, чем разделяет пространство двора, неба, земли, понятий. Желанием жить, не пропасть.

Цыганки подступают к маме, ощупывают, трогают.

- Дай! Дай! Дай! Кар! Кар! Кар! – галдят цыганки. – Дай, погадаю, дай, молодая, красивая. Что было, что будет... Про короля твоего трефового... Не туда король ходит...

У мамы сдвигаются брови, она и сама знает.

- Дай пить, дай младенцу, видишь, плачет!

И мама совершает тактическую ошибку, кидается в кухню за ковшом, ослабив оборону, хотя никакой младенец не плачет. И тотчас за ней, отодвинув бабушку, как тень, проскальзывает молодая цыганка.

Теперь уташат все, думаю я, останутся одни голые стены. Тетя Поля говорила, на Октябрьской улице кого-то обчистили до голых стен. Я не знаю, что это такое, у нас и так стены голые, просто выбелены известкой, но мне становится еще страшнее.

Мама ловит цыганку, когда та уже снимает со стула ее единственное платье, и выгалкивает взашей, все-таки прихватив ковш. Весь табор долго пьет, передавая ковш из рук в руки, словно они только за этим и зашли к нам – напиться. Они все кричат и кричат что-то другу другу на своем языке. И в их крике я слышу слезы не то по потерянно-му, не то по так и не найденному счастью.

А мама, вытолкнув цыганку, снова прищипливает меня к себе взглядом.

- Галька! Галька! – кричит она глазами. – Сюда, ко мне, немедленно!

Она надеется, что в своем воровском кураже они меня не замечают, и боится намекнуть даже словом на мое присутствие. Я понимаю ее молчаливый призыв, но оторваться от сетки не могу, да и можно ли ринуться в эту кипящую реку, отделившую меня от мамы. Иногда цыганки заслоняют меня, и тогда мама следит за калиткой. Догнать! Отнять! Не дать увести. Она взглядом примеряет ко мне их юбки, шали, переоденут, не узнаешь, не найдешь!..

Цыганки, кружа по двору, ищут поживу. Но тут только поленица дров под навесом и, наверное, не одно душистое березовое полешко спряталось в складках юбок. К курицам не попадешь, Пальма – зашитница, а не то бы им – каюк.

На неистовый лай Пальмы в воротах появляется тетя Поля. Останавливается настороже.

- Тетя Поля! – кричит через двор мама. – Беги за милицией!

Тетя Поля, мигом оценив обстановку, исчезает.

Цыганки кружатся еще минуты две-три, милиционеры не на дороге валяются. И улетают шумно и крикливо, как и прилетели. Одна из них, в красном платке, перед тем как выпорхнуть, склоняется над мной, заглядывает в глаза, гладит по голове и произносит:

- Счастливой будешь, девочка.

Мама летит вслед за ними. Захлопнуть, задвинуть перекладину. Отгородиться от опасного мира.

И только заперев калитку, поднимает глаза на меня. И взлетает прут возмездия. Она выдергивает его из свежей метлы, стоящей в углу двора. И как это цыганки ее не уташили...

Я начеку, меня еще нужно догнать. В моем ужасе, там, у сетки, было и ожидание грядущего наказания, впрочем, по моим тогдашним, да и теперешним, понятиям, совершенно справедливого.

В маме еще горит огонь борьбы за меня, за дом. И погасить его можно только так, через прут. Обжигая меня, она остывает. Мы носимся по двору, я от нее, она за мной. Исхлестав прutom воздух двора и пару раз достав мои голые руки и ноги, чиркнув по ним кончиком прута, как спичкой, мама останавливается и опускается на крылечко. Плачет, уткнувшись лицом в ладони. И тогда я подбегаю, припадаю к своему спасению и плачу вместе с ней.

О чем мы плачем? О несправедливости жизни, в которой так много горя, об этих вечно голодных цыганках и цыганятах, не имеющих пристанища, живущих иной, непонятной нам жизнью? О том, что легко отделались, что меня не уташили?

И тут, сквозь слезы, я снова слышу крик скворца.

- Мама, - едва выговариваю я, - там скворчик выпал...

И мама, вечная спасительница, спасает и его.

А я долго еще вспоминаю цыганок и мечтаю о том времени, когда у меня будет много всего, чтобы накормить их.

И все-таки в то лето скворец клевал крошки с моей ладони. Значит, они возвращаются.

Продолжение следует...

Пётр Ореховский **БЕССОННИЦА**

1

Случившееся не наступит. Неизбежное проносится мимо, как мощный локомотив, за ним долгой чередой порожних вагонов грохочут последствия. И вновь вся эта железная цепь событий тебя никак не задевает, хоть ты и чувствуешь себя калеккой.

Что, собственно, происходит? Завтра – это сегодня через шестнадцать часов. Ты можешь проспать и больше – и сразу угодить в послезавтра.

Вот она, главная мысль: будущее приходит к нам во сне.

2

Новая социология. Ты выписываешь определение дурака: «Дурак – человек с определенным образом мышления, которому присущи следующие черты:

1. Постоянное завистливое сравнение себя с другими.
2. Непременный вывод о своем превосходстве над остальными по всем ведомым ему параметрам;
3. Отсутствие сомнений».

На дураках держится социум – куда бы люди направляли энергию, если бы не завидовали друг другу? Кто бы захотел быть начальником – или, того хуже, президентом?

Ты явно асоциален. По крайней мере, ты так думаешь – это ведь очевидный способ себе польстить. Однако таким образом ты пытаешься показаться умнее – ведь ты не дурак? – и принизить других. Да еще как! – не кого-то конкретно, а все общество в целом. И возвыситься самому на этом фоне. Чем это отличается от того способа мышления, определение которого ты только что выписал?

Вот ведь глупость какая.

3

За окнами проходит абсолютно чужая ночь. Где они теперь, твои ночи, когда на улицах города тебе казалось так уютно и тепло. Недалеко от тебя идет совсем другая жизнь. Загадочная женщина сгибает руку в локте, держа между пальцами в кольцах длинную тонкую сигарету, – и к ней тут же тянется угодливая мужская рука с огнем зажималки. Тебе неприятна эта картина – и только.

Ты лезешь в холодильник, достаешь пакет холодного молока, наливаешь в стакан. Потом пьешь его залпом, как водку. Где-то ты слышал, что от теплого молока должно клонить в сон. Но греть его – выше твоих сил. Ты продолжаешь перебирать свои и чужие мысли, надеясь, что со временем это занятие навеет крепкий здоровый сон. Обрывки фраз и стихов складываются в калейдоскоп, но он тонет в сосущей душу пустоте. Ты сожалеешь, а перед глазами плывет: «сожаление – пустая трага времени», «не жалею о разлитом молоке», «жалость к себе – способ почувствовать себя несчастным». Наперекор чувствам ты думаешь, что никогда себя не жалел.

Но рано или поздно такое случается со всеми. Отчего же ты решил, что у тебя все будет иначе?

4

Ты снова занимаешься классификацией. «Обыватель – человек, стремящийся к безопасности и богатству. Старается завязывать отношения только с теми людьми, которые могут помочь ему в реализации этих ожиданий. Людей, не имеющих таких связей, он презирает».

Ты считаешь себя обывателем. Но тогда и нужно вести себя, как обыватель: завязывай связи и старайся быть нужным. Хотя ты, кроме безопасности и денег, хочешь еще и славы. И что такое слава? Это всего лишь другая сторона социализации – признания заслуг индивидуума другими людьми. За эти заслуги ему дают звания, звездочки, должности и прочие воображаемые или действительные знаки отличия, чтобы было видно, насколько он лучше других.

Так что теперь его дурость становится заметна издали. С ума сойти.

Ты опять идешь к холодильнику выпить молока. Ты начинаешь думать о том, кто конкретно осуществляет это самое признание

заслуг. А делает это государство, расположенное, конечно же, в Москве. Ты попадаешь в новый замкнутый круг – пожалуй, ни в чем в России нет такого единства мнений, как в ненависти к Москве и москвичам. Этот город, как чирей на широкой российской заднице, болит и мешает жить всем остальным. Единственный способ избавиться от этого чувства – стать москвичом самому.

Ты думаешь, что это вполне по-обывательски: население Сибири и дальнего Востока за эти десять лет сократилось на десять миллионов, и значительная часть оставшихся в живых твоих земляков осела в столице и вокруг нее. Добывать нефть, варить сталь и алюминий, ловить красную рыбу в пределах московской кольцевой автодороги гораздо проще, чем за Уралом. Да и государство заметит твои заслуги, если ты станешь его членом, то бишь чиновником. Главное – попасть к ним внутрь.

...Интересно, а почему не сановником? Сан-чин, чин-сан. Молоко кончилось.

5

Медленно, как в тягучем ночном кошмаре, проходит субботний день. Тебе кажется, что ты не спишь уже месяц, а не вторые сутки. Ты заставляешь себя выйти навстречу июльскому солнцу. Прохожих на улицах мало – многие за городом, и вообще на дворе пора отпусков.

Твоя фигура на парковой скамейке напоминает вопросительный знак. Солнце быстро начинает припекать затылок, ты встаешь, в глазах моментально темнеет. Тебя шагает из стороны в сторону под удивленные, пока еще не брезгливые взгляды прохожих. На пьяного ты не похож, но, заходя в магазин, ты кладешь в проволочную сетку кроме молока еще и пиво.

Каков ассортимент.

Она оставила тебя примерно год назад, и было почти такое же лето. Ей надоели съемная квартира, твои амбиции, вечное безденежье и непонятный идол работы. Ты поздно возвращался, но сначала она тебя честно ждала. Потом ей надоели одинокие вечера. А потом наступили ночи, когда поздно приходила она, а ты спал, отвернувшись к стене.

Она не могла этого понять: ведь ты же не пил, и – она знала – у тебя не было других женщин. Что-то должно было произойти, и она

верила в неизбежность твоей удачи. Вот и произошло – ей исполнилось тридцать, и она уехала, не оставив адреса, и даже развели вас по почте.

Это был олимпийский цикл – она выдержала четыре года. Уходя, она сказала, что ты просто упрямый ученый дурак. Это задело тебя гораздо больше, чем факт ее ухода, – сам ты привык считать себя покладистым добродушным парнем.

Тебе кажется, что она здесь не при чем, а бессонница связана с дополнительным тяжелым годом работы. Сейчас тебе стали гораздо больше платить, но этого все равно мало для покупки жилья. Впрочем, какая разница. Мысли твои смешиваются, и ты обнаруживаешь, что проспал уже час. Молоко не помогло, но тебя достала первая же бутылка пива. В тихой надежде ты закрываешь глаза... открываешь... но стрелки будильника, как приклеенные, теперь стоят на одном месте.

6

Сна нет, и будущее не наступает. Ты перебираешь телефоны людей, которым мог бы позвонить. Все они так или иначе связаны с твоей работой, и рассказывать о своих личных проблемах ты не хочешь. Разглядывая темнеющий за окном горизонт, ты смотришь в глаза одиночеству. Время от времени тебе кажется, что оно уже проглотило тебя, но ты не испытываешь неудобства. Все дело просто в сне, который где-то задержался и никак не хочет зайти к тебе в гости.

Вместо этого ты смотришь сон наяву, нажимая кнопки пульта управления телевизором. Время новостей. Ты любишь смотреть российские политические новости, воспринимая их по жанру как нечто среднее между фэнтези и детективом. Действующие лица для тебя не более реальны, чем персонажи мультфильмов, и ты с любопытством ждешь, чего они там опять выкинут. Если тебе сказать, что у них есть семьи и друзья, враги, увлечения, ты легко с этим согласишься – ведь все это время от времени демонстрируется по телевизору. Но поверить, что они живут с тобой в одной стране, ты не можешь, даже если к тебе в дом привести живого президента.

К тому же они говорят о каких-то партиях, движениях, которые, судя по названию, есть и в твоём городе. Но это совсем смешно,

поскольку своих-то ты знаешь как облупленных – сборище бездельников, мошенников и демагогов. Невозможно понять, чем они отличаются от сект дианетики или кришнаитов. И все скопом говорят о гражданском обществе и о себе, любимых, как его столпах. Но местных-то ты игнорируешь, а центральных... смотришь вперемежку с рекламой, триллерами и боевиками.

7

Кончается субботняя телевизионная ночь, а за окном уже брезжит воскресный рассвет. На экране идут титры какой-то эротической мелодрамы, которую ты смотрел вполглаза в периоды рекламных пауз, основное время посвящая мистическому ужасу с вампирами. Их, как и тебя, весь фильм одолевала бессонница.

Лицо Шарон Стоун, на которое ты смотрел на протяжении последних пяти минут, заставляет тебя задуматься о своей интимной жизни. Два коротких романа за этот год разрешились в общей сложности семью бурными ночами; ты подозреваешь, что для тридцатидвухлетнего мужчины это маловато. Однако, судя по твоему общему вялому состоянию, вряд ли причиной бессонницы является избыток тестостерона.

Ты думаешь, не позвонить ли какой-нибудь из этих женщин; тебе все равно какой. Обе они старше тебя – одна существенно старше, почти на десять лет, и поэтому ты трогательно полагаешь, что они должны будут понять, как тебе сейчас ужасно плохо, несмотря на то, что идет четвертый час утра. При этом первой из них ты не звонил уже восемь месяцев, а другой – шесть. Что-то все же тебя останавливает, и мысли принимают иное направление.

Теперь ты думаешь о любви.

Где-то ты слышал, что определить, любишь ли ты женщину, очень просто: надо сосчитать, сколько раз за день ты думал о ней – и сколько раз о себе. Если счет – в ее пользу, значит, ты ее любишь. По этому критерию выходит, что ты все еще любишь свою жену. Ты рассказывал ей мысленно многое из того, чего в действительности никогда не рассказывал. И тебе хорошо с этим собеседником. Другой твой слушатель – ты сам; но ты себе не нравишься – ты слишком часто возражаешь, перебиваешь и язвись в разговорах с самим собой. А она не делает этого никогда.

Но отчего же ты отпустил ее?.. отчего решил, что так будет лучше?.. почему не боролся? Ты просто не хотел ничего менять, даже ради нее. Видимо, заключаешь ты, слишком мало ее любил, хотя эта формулировка сразу заставляет задуматься, что такое мало и много. Этот вопрос заставляет тебя разозлиться. В конце концов, если люди живут вместе и занимаются сексом, в глазах общественного мнения они любят друг друга – почему бы и нет? Некстати тебе приходят на ум воспоминания об изощренных ласках твоей сорокалетней любовницы, у которой ты жил неделю и потом исчез восемь месяцев назад; у тебя даже уши краснеют. И ты шепчешь себе под нос: ну, и что это доказывает? ничего это не доказывает...

Ты опять лезешь в холодильник за пивом, но его там уже нет. Вместо него ты пьешь молоко. Кухонные часы показывают семь. Еще два часа – и можно будет позвонить, наврать что-то насчет восьми месяцев и попытаться договориться о встрече. Ты идешь в комнату, но проходя мимо входной двери, ты вдруг отчетливо вспоминаешь другое раннее утро, май, жену, отсутствовавшую всю ночь. Она вернулась и позвонила в дверь, ты открыл и впустил ее с букетом роз на длинных, чуть не в больше половины ее роста, стеблях. Она была очень красива и очень грустна – и сказала в ответ на твое недовольное бормотание, что никто не умер от недостатка секса, а умирают только от отсутствия любви. Ты надулся в ответ и молча ревновал. На такой букет роз могла бы уйти минимум четверть твоего тогдашнего месячного заработка.

Ты так никому и не позвонишь в это воскресенье. К вечеру ты почувствуешь сильное головокружение и прилив слабости, да такой, что, кажется, невозможно поднять руку. За ночь с воскресенья на понедельник ты проспайшь едва ли более пяти часов. Но ты решишь, что этого достаточно, и отправишься на работу. Оттуда коллеги и доставят тебя в мертвый послеобеденный покой больницы, несмотря на твое слабое сопротивление. Тебя госпитализируют, но – ничего страшного: это микроинфаркт и нервное переутомление. Через неделю ты уже выйдешь из больницы и вернешься к старой жизни. А что, собственно, случилось? И даже если что-то случилось, то что тебе еще остается?

Апрель 2002 г.

Алиса Поникаровская
КРЫСЫ

В мире вращающихся картинок. И все по нормам, по нормам, как крысы вонючие, серые, мерзкие... На хрена тебе сумка-то, ты, чувырла? Затарилась жрачкой, сиськи отрастила, пузо вперед, и домой – шары выпучив! Взять бы эту сумку и в рот твой покрашенный, в пасть золотозубую, всю, целиком; вбить, вогнать, чтоб до самой задницы необъятной, чтоб ручка от сумки из нее торчала!!!

Воспаленный глаз в зеркальце ищет новый объект, да чего далеко ходить-то, стоит вон урод, штаны фирменные: папаша с мамашей разорились, майка с надписью иностранной, от горшка два вершка, а туда же, челкой машет, жвачка во рту – животное жвачное! Чтоб у тебя голова раздулась как этот пузырь, больше, больше, бельма выкатились, губы отвисли; да лопнула со звоном, с треском, чтоб мозги на стекла и кровавая каша на сиденья!!!

А эта-то, эта! Губки бантиком, ручки холеные, ногти красные... Задницу обтянула, и стоит, фря, фу-ты, ну-ты, не подступись! Крыса! Ногти по одному щипцами горячими, медленно, со вкусом! А потом загнуть ее раком, штаны эти мерзкие сорвать и прямо тут, чтоб до самого горла, чтоб умоляла и просила, до смерти, до стеклянных глаз, вытарашенных в ужасе...

А ты, бабка, куда прешься?! В твои годы дома сидеть надо, на завалинке международное положение обсуждать! А то туда же: тяпку в зубы, и на огород, горбатиться для внучков своих гребаных. Старайся, старайся!!! А они потом тебя в дом престарелых или в дурку, зажилась, мол, бабуся, свет застишь, хату занимаешь; пинка под зад, и лети себе, божий одуванчик, вали, да побыстрее...

Скоро смена кончается... А че – смена-то? Опять в берлогу свою холостяцкую? Супчик из пакета, носки вонючие, паутина по углам... Крысы, крысы!!! Ненавижу!!! И все куда-то едут, у всех дела. Взять бы всех, весь мир, и мордой о стол, носом, носом, чтоб слюнями, соплями, да кровью своей захлебнулись!

Это что еще за уроды?! Всяких возил, но таких... Его бы за лохмы длинные, и как тряпкой по полу салона, сапогом в очки его круглые, ишь, вырядился, штаны драные вокруг шеи обмотать, да на перекладине на задней площадке повесить, чучело, тьфу, смотреть противно!!!

А у нее ноги от самой шеи – все наружу, смотри, не хочу! По-выдергать бы по одной, костыли в зубы, пусть попробует теперь покрасуется! Улыбается, дура! А глаза-то, глаза! Огромные, не то синие, не то зеленые, волосы до задницы, ну, чисто русалка! ...Много их таких, ноги поотрывать, вот заголосила бы! Или...

Б...ь, ну какие глаза! Чего ты нашла-то в этом ублюдке волосатом? Чего у него есть-то, чего у меня нет? Да я б такую всю жизнь на руках носил, только скажи! Мать честная, какие глаза! Квартира есть, я для тебя из нее конфетку сделаю, оближешь и в рот положишь! Машина нужна? Будет! Последнюю рубаху сниму, мужики с депо калым обещали, через год будет машина! Одну, обую, в золоте ходить будешь! На хрен тебе этот волосатик? Отпустим его, и пусть катится по-добру, по-здорову! А я вот он, здесь, только посмотри! Крысы кругом, крысы, а я вот он, вот он я!!!

Наверно, кто-то взмахнул волшебной палочкой, и девушка в салоне полупустого троллейбуса отвела взгляд от своего спутника, что-то ей шепнувшему, и быстро посмотрела в сторону водительской кабины. Быть может, он молился в тот момент, если умел молиться, исступленно и яростно, как до того уничтожал пассажиров...

Девушка отвернулась, улыбнулась весело, и он, не увидев, а догадался каким-то седьмым чувством, как она, скорчив гримаску, бросила что-то презрительно-уничтожительное... Парень ее кивнул и, наклонившись, поцеловал оба глаза. Сначала один, потом второй...

И троллейбус обезумел. На дикой скорости он врезался в кирпичный дом, превращая всмятку всех, находящихся в салоне, и последнее, что они услышали, кроме треска рвущихся проводов и собственного ужаса, истошный, сумасшедший вопль водителя:

- Крысы! Крысы! КРЫСЫ!!!

Пётр Тушнолобов
ПИРОЖНОЕ НА ДЕСЕРТ

Добро и зло в Стране Чудес – как и везде – встречаются,
Но только здесь они живут на разных берегах.

В. Высоцкий «Песня Кэрролла».

На последней паре Николай Петрович заметил влюблённый взгляд своей студентки Ани. Это был долгий, призывный взор, широко открытые блестящие глаза и томная улыбка. Он сидел напротив неё за первым столом, слушая выступление Наташи, бойко отвечавшей на вопрос.

Наклонившись к Ане, он прошептал:

- Кто на кого в суд подавать будет? - намекая на её фразу о том, что в Америке, даже за пристальный взгляд, могут привлечь к ответственности.

- Я не буду, - тихо сказала она и опустила глаза. Несколько минут он слушал выступление студентки, смотрел на некрасивую, неулыбчивую Машу, сидящую рядом с ней, а потом увидел, как Аня что-то написала в тетради и показывает ему.

«Можно ли с помощью тренинга избавиться от влюблённости?» - прочитал он.

- Я никогда с подобным не сталкивался. Наоборот, на тренинге очень легко влюбиться. Ты, наверное, читала Николая Козлова?

- Да, – едва слышно проговорила она. Теперь Николай Петрович уже не слышал ни выступающую, ни лёгкого шума в группе. Он полностью погрузился в разговор с девушкой, что называется, «уехал».

- А зачем от неё избавляться? - недоумённо спросил он.

- Если вы мне откажете, я буду сильно страдать, – сказала она и выразительно посмотрела на него. До него не сразу дошли её слова.

- Я тебя правильно понимаю? - после длинной паузы переспросил он, думая, что ослышался.

- Да, - быстро ответила она. Николай Петрович был ошарашен. Подобного с ним давно уже не бывало.

После занятий к нему подошла Наташа и сказала, что хочет сдать экзамен досрочно. Они пошли на кафедру, но вместо вопросов по

предмету, он спросил её о том, на какую оценку она претендует, и поставил желанную «четвёрку». А её попросил пригласить Аню на кафедру.

Он уже надел дублёнку, когда она вошла и, блестя карими глазами и улыбаясь, спросила:

- Вызывали? - Они сели за стол напротив друг друга.

- Только не молчите, - умоляюще попросила она.

- Мы с тобой похожи, - сказал Николай Петрович, не зная, с чего начать. - Я не напоминаю тебе отца?

- Нет, я его почти не помню.

- За тобой муж сегодня приедет?

- Да.

- А на лекцию ты идёшь?

- Конечно, потому что это первое занятие. Надо. Мне стало так плохо, когда вы закрыли дипломат и попрощались...

- Давай завтра встретимся в час и обо всём поговорим. Читальный зал, кажется, работает, там и посидим. – Он ласково пожал ей руку, а она, открывая дверь, оглянувшись, сказала:

- Целоваться мы, конечно, не будем, – и озорно улыбнулась.

- Я так прощался со своей первой любовью на кладбище, когда мне было двенадцать, а ей пятнадцать лет, - почему-то вспомнил и проговорил вслух Николай Петрович.

- Ах, как романтично! - воскликнула она.

Когда Николай Петрович вошёл в вестибюль университета, Аня уже ждала его. Вместо библиотеки они пошли в небольшую часовню, где девушка поставила свечку. Тоненькая жёлтая палочка стала, покосившись немного набок.

«В церкви – смрад и полумрак,

Дьяки курят ладан...

Нет, и в церкви всё не так,

Всё не так как надо!» - зазвучал у него в голове хриплый голос поэта.

Затем они отправились в кафе. Взяли по чашке кофе. В зале играла легкая музыка, и было пусто. Выбрали столик в углу. Несколько часов пролетели незаметно. О чём они говорили? Обо всём. Её интересовало всё, что касалось его. Аня выяснила, что он занимался, как и

она, танцами, плаванием и каратэ.

Их руки соприкоснулись. И мужчина, и женщина почувствовали какое-то необъяснимое блаженство единства. Оба ощутили расслабление. Пока они разговаривали, их тела, словно имея собственное сознание, танцевали, хотя соприкасались только руки. Оба чувствовали возбуждение. Состояние было такое, как будто их накрыл кокон. Они, вдруг, оказались поодиночке, являясь одновременно единым целым. Время летело незаметно. Переживание покоя, комфорта и наслаждения не покидало их. Его мягкие, нежные прикосновения к её ладони, заставляли Аню замирать от счастья.

- А я и хотела, чтобы ты взял меня за руку.

Она видела его трижды во сне. В последнем сне они целовались в подземном переходе.

- Чего ты хочешь? - спросил он прямо.

- Я хочу поддерживать связь. Я не хочу тебя терять. Я хочу влезти к тебе в душу. - У него, потом, эти слова вызвали неприятные ассоциации. Во-первых, человек карабкается, старается, а во-вторых, следит в душе...

- Расскажи, как это всё у тебя развивалось. Я запомнил лишь три эпизода. Когда ты сказала после занятий о том, что я, наверно, физик или математик, если стремлюсь всё разложить по полочкам. А затем намекнула, что познакомишь меня с редактором газеты. Так мог сказать только человек, объединившийся со мной. Второй раз: ты пожалела о том, что занятия закончились. А когда ты посмотрела на меня, - я всё понял.

Она не могла ясно вспомнить, что происходило по порядку. Кофе был выпит. Ей пора идти на занятия. У неё муж-шофёр и сыну девять лет. С Виктором она живёт десять лет, и он её единственный мужчина.

- Почему же тогда ты влюбилась? Тебе не хватает одного мужа?

- Может быть, не достаёт новизны, разнообразия...

- Да, потребность в смене впечатлений действительно существует.

И тогда он предложил ей тайное свидание в гостинице. Вначале она быстро согласилась, но потом сказала, что испытывает одновременно желание и страх. Она хочет получше узнать его. Решили снова встретиться в кафе.

На встречу он опоздал. Она ждала его в кафетерии и читала газету. Когда они шли через дорогу, Аня разбила немолодую пару, поняла это и засмеялась. Он краем сознания зафиксировал это. Они обошли с разных сторон высокого бородача, и вышли на набережную.

Вначале она заговорила о политике (приближались выборы в госдуму). Это ему было скучно. Потом попросила рассказать о себе. Он говорил, но она перебивала его. Ей рассказ показался автобиографичным. Она показала свои семейные фотографии. Летом она работает и отдыхает в детском оздоровительном лагере «Чайка». Аня спросила, что он предпочитает на экзамене: обычно они что-то покупают в складчину преподавателю. Николай Петрович стал подозревать её. Тем более, она попросила поставить оценку в зачётку. Это игра или серьёзно?

- Чем ты занимаешься ещё? - спрашивала Аня. Он ответил, что в последнее время увлёкся литературой.

Она учила его, как надо печататься в газетах, рассказывала, как делают другие препода, когда принимают экзамены. Они продают свои книги... Это конечно, смахивает на подкуп...

- А я люблю детективы, - щебетала она.

- А я к ним равнодушен.

- Мы с мужем увлекаемся всякими интересными делами. А вся семья втягивается в это: ходим по снегу босиком, выписываем книги и журналы, занимаемся вегетарианством.

- А у вас тоже так?

- Нет, у нас по-другому. У каждого своя жизнь. Жена говорит, что очень любит меня. Она искусствовед. Очень часто ссоримся. Иногда по несколько дней не разговариваем. У меня такое ощущение, что мы говорим с ней на разных языках. Да и ссоры возникают из-за каких-то пустяков. Через пару дней я уже не помню, с чего всё началось. Несколько раз порывался уйти, чтобы не мучиться. Она уговорила. Обещала, что всё изменится. Да и дочку жалко. А ничего не меняется...

- Мы живём с моей матерью. Дом один, а входы разные. Как ты себя ведёшь в компаниях?

- Я разный. Могу подстраиваться, могу быть лидером, тогда ко мне приспосабливаются. Мне нет нужды командовать, проявлять свою власть, так как я уже пережил это.

- А я в компаниях тамада. Как ты относишься к спиртному?
- Равнодушно.
- Я люблю шампанское и вино. Дети на фотографиях нравятся только своим родителям, - заметила она, увидев, как он быстро просматривает фотографии с её сыном.
- Расскажи о себе.
- Я занудный депрессивный тип...
- Ты же сам справляешься со своими депрессиями?
- Да, сам...
- Тебе нравится наша группа?
- Вопрос для меня не имеет смысла. Группа не девушка, чтобы нравиться или не нравиться. Она просто есть. Надо ещё разобрататься, что для тебя «нравится» и для меня.
- Давай по-простому. Вот один препод говорил, что наша группа не дружная. И по тесту так получается. Но я не согласна. Я вообще многое вижу по-другому.
- Я тоже на некоторые вещи смотрю иначе, чем большинство. Вторую половину жизни живут иначе, чем первую. Первая - социализация. Задача - стать как все. Войти в общество. Во второй, если тебе отпущено природой, ты можешь стать иным. Что-то дать людям, культуре, обществу. Или, если не дано, остаться таким же. Это для мужчин. Женщина - родила и уже выполнила своё предназначение. А у мужчин не так.
- Не у всех.
- Конечно, не у всех, а находящихся на определённом уровне развития. У тех, кто ниже, другие проблемы:
- « Где найти недостающий рупь
И - кому потом бежать за водкой».
- Я, как раз, сегодня ночью не спала. Пиво пила. Мы катались на машине до двух ночи. Мама была недовольна. Муж вчера приехал поздно. Я всё равно ждала. Я не ложусь, пока он не придёт.
- Сколько он получает?
- Тысячу.
- Таксует?
- Да.
- На своей?

- Нет. Нашу жалко. На государственной. Своя - это своя. Тут детали покупаешь за собственные деньги.
- Николай Петрович подумал, что для неё он, как государственная машина для мужа. Своего мужа жалко, а чужого ...нет... Во всяком случае, меньше.
- Она показала ему фотографии Виктора. На фото молодой, высокий (188), скуластый, стройный, широкоплечий, симпатичный мужчина. «Женщины любят длинноногих и политически грамотных», - вспомнилось ему классическое.
- Зачем я-то тебе нужен?
- Я взбалмошная женщина. Мне надо всё сразу. Я не могу ждать. Не знаю... Когда муж приходит домой усталый, я встречаю его в открытом купальнике. Окружаю теплом и заботой. Он работает по двенадцать часов в сутки. Я им восхищаюсь. Ты, наверно не хочешь идти домой? У нас все преподаватели заканчивают раньше...
- Они долго гуляли по набережной, пока не замёрзли. В кафетерии к ним пристала старуха и попросила посторожить её вещи, пока она вымоет руки снегом. Потом она начала нести какую-то ахинею о Боге.
- Если ваш спутник (муж, партнёр или любовник) недоволен, пусть скажет.
- Да, я недоволен, - жестко сказал Николай Петрович, - дайте нам поговорить.
- Круто, - сказала Аня и засмеялась.
- Она предложила ему сходить в церковь. И тогда он почувствует, что такое Бог. Бог создал всё.
- Бог - это всего лишь слово. Некоторые считают Богом человека, отца небесного, который всё видит и знает. Другие - всё... это Бог. Атеисты говорят, что Бога нет. Верующие, что он есть. А я не знаю, есть ли Бог.
- Ближе к истине второе, - сказала она.
- Что ты чувствовала, когда эта женщина вопила?
- Зависть. Она ближе к Богу.
- Вы с ней похожи.
- Он обратил внимание, что ей не нравятся его долгие паузы.
- Как Ельцин...
- Она собралась уходить.

– Дома муж сомика готовит.

Он остановил её перед выходом из кафетерия и сказал, что они не говорили сегодня о главном. Она попросила задать вопрос, самый главный.

– Мы должны осознавать, что может произойти всё, что угодно. Наши семьи могут быть разрушены. Всё тайное становится явным.

– Лучше встречаться реже, но по-умному. Если ты, например, сломаешь ногу, я буду опечалена, а если муж – буду страдать. Семья – это святое. Ты же не покинешь свою семью ради меня или ещё кого-либо? Я согласна быть твоим пирожным на десерт.

Ещё раньше они затронули тему еды и секса. Она сказала, что любит вкусно поесть и поспать, не любит себе в этом отказывать. Он ответил, что еда и секс – это одно. Кому не хватает секса, заедают это и толстеют.

– Да? – удивлённо взглянула она.

Он уточнил, что значит, в её лексиконе, пойти на всё (она спросила его об этом тогда, в аудитории, когда призналась).

– Это постель?

– Ты уже ответил на свой вопрос. Я хочу лучше узнать тебя. Поэтому я отказалась от тайного свидания, хотя вначале согласилась. Я сожгла стихи, так как ты сказал, что настоящие стихи не надо показывать тому, кого любишь.

– Гогель ты мой, – сказал он, улыбаясь.

Они вышли из кафетерия и двинулись к остановке.

– Пойдём длинной дорогой! – воскликнула она

– Аня, в твоих действиях есть расчёт?

– Ты о чём? Расчёт, когда человек может что-то дать: деньги, рестораны, подарки. Что с тебя взять?

– Есть тип женщин, которые, как мужчины донжуаны, соблазняют, а затем бросают жертву. Ей плохо. Они наслаждаются этим. В этом расчёт. Я не хочу никого использовать, но не хочу, чтобы меня употребляли в своих целях.

– Что ты такой хмурый? Посмотри, скоро Новый год. Вон, ёлка на балконе. Тебе нравится ёлка? – болтала она без умолку. – Ты всегда такой?

– Обычно я спокоен, в состоянии Будды. Я специально работал над собой.

– У меня бы ты не был спокоен. Муж как-то стал приходить домой пьяным. Я знала, что ругаться нельзя, принимала таким, какой он есть. Он, в конце концов, послал своих дружков: у меня есть жена. Надо с тобой поработать в другом направлении. Ты не будешь долго думать. Будешь радоваться жизни!

– Мои чувства в смятении. Ты мне веришь? – возбуждённо спрашивал он, заглядывая ей в глаза.

– Да, я очень рада.

Договорились, что он позвонит её сестре. Аня будет там в это время.

«Да, давненько со мной не бывало такого», – думал он в автобусе. Жизнь шла по накатанной колее. Он «пахал», зарабатывал деньги. Жена тоже. Дочь выросла. И вдруг... Самое главное, что он чуть не попался. Ведь он ей предложил свидание. Она согласилась. Потом попросила перенести. Сказала, что боится. Он даже подобрал подходящий вариант: звонил, узнавал, прикидывал. Если бы она сразу согласилась, капкан бы захлопнулся. Самое главное, что его аморфное существо само не знало, на что решиться: оно то соглашалось, то отвергало. «Отец Сергей наших дней, – устало усмехнулся он, – какой палец ты себе рубить будешь?» Он понял, что его унизили во вторую встречу, когда он заговорил с ней на своём языке. В первый раз он просто пытался её понять. Ему это удалось. Он чувствовал её возбуждение.

– Я знаю только сексуальное возбуждение, – прошептала она.

– Может быть от страха, гнева, ненависти или других чувств.

История повторялась: группа не хотела учиться по-настоящему и делала вид, что получает образование. И она не могла любить: прикидывалась, что любит (влюблённость, флирт). Как группа не способна к настоящей учёбе, так и её лидер к любви. Надо было, чтобы и «волки были сыты и овцы целы».

А мне это надо? – задал себе вопрос Николай Петрович и не нашёл ответа. Дома он пытался анализировать, что происходит. Может, это настоящее чувство, и она не осознаёт, что делает, поддавшись ему. Ведь говорит же она, что утром хочет прекратить всё, и верх берёт рассудок, а вечером мечтает приблизить развязку, так как побеждает чувство. А может быть, это осознанная лживая игра? Цель – экзамен, курсовая для себя и подруг. В каком-то фильме он видел

подобную историю. И где тут истина?

Следующий раз они встретились у её двоюродной сестры. Он играл с ребятами, разговаривал с Валентиной. Пили чай с тортом. Просматривали тесты в книге. Какие мужчины и женщины нравятся? Она напросилась. Он: очаровательные, страстные, умные.

- А я какая?
- Ты аферистка, красивая, проницательная, хитрая.
- А мне нравятся очень умные мужчины.
- Умные, это, какие?
- Чтобы мог выбраться из любого положения.
- Это находчивые.
- Чтобы с ним было, как за каменной стеной.
- Это надёжные.

Когда шли к машине, она бросала на него страстные взгляды и пожимала руку. Ладонка показалась ему грубоватой. Он как-то сказал ей, что у неё есть садомазохистские черты. Она ответила, что и в самом деле обнаружила их в себе.

- Кто ты по знаку зодиака?
- Рак. А ты?

– Рыба. Я так и знала. Союз рака и рыбы наиболее прочен и гармоничен, – сказала она, глубоко дыша и радостно смеясь.

Поездка в переполненной машине с дочкой сестры на руках напоминала какую-то групповуху. С одной стороны от неё сидела подруга, на коленях у Ани девочка, справа он. Оба были возбуждены. Её руки блуждали по его левому бедру. Он отключил мысли. Она фантазировала и слушала музыку. Николай Петрович вспомнил, что в кафетерии сказал ей:

- Если у твоего мужа есть женщины, а у моей жены мужчины, то, вскоре, мы будем жить со всем городом.
- У моего никого нет. Я его знаю до доньшка, все желания до единого.
- Так и я в своей уверен. Ей никто не нужен, кроме меня, дочери и книжек.

Они опять встретились у сестры. Болтали втроём. Он балагурил. Она сидела и смотрела на него. Николай Петрович попросил её

принести попить. Аня принесла поднос с чаем, пирогами и вагрушками. Он уронил крошки от пирога на стол, но нисколько не смутился. Она принесла полотенце. Когда сестра вышла из комнаты, он неожиданно залез рукой к её левой груди и несколько секунд ласкал её, получая удивительное наслаждение от её нежности, округлости, бархатистости, прохлады. Она была поражена, но сидела, ничего не предпринимая. Только потом спросила, улыбнувшись:

- Тебе понравилось?
- Да, очень, – довольно сообщил он.

Они стояли у подъезда и договаривались о следующей встрече. Решили встретиться через три дня здесь же. Её отвозил муж Валентины. Николай Петрович решил поехать на трамвае.

Когда они снова встретились, он обратил внимание, что она печальна и похудела. Она пила вино, болтала и разговаривала с мужем по телефону. Её «ты ложки трубку, нет, ты...» слегка задевало его слух.

Они долго сидели и говорили о своих отношениях. Она сказала, что у неё это серьёзно. Она страдает, ничего не ест, постоянно думает о нём, пишет стихи, ждёт, когда они встретятся.

Он неожиданно для себя прикоснулся к её полуоткрытым губам чуть-чуть, едва-едва. Это доставило ему острое наслаждение, а она осталась недовольна.

- Ты любишь нежные прикосновения?
- А ты нежные и сильные?
- Да-а...

Они долго не могли договориться о следующей встрече. Ему не хотелось уходить. Она торопила. Они сделали логический расчёт: это настоящее или флирт? Если настоящее, то идти на всё это что – постель или как получится?

- А как мы будем жить?
- После разводов мы живём вместе. У меня будет квартира.

Она пошла его провожать. Было холодно. Когда их губы соприкоснулись, они одурели от блаженства. Её губы обволакивали его, он чувствовал их влажность, мягкость, упругость, жадность. Их языки сплелись, и они застонали. Это был почти «улёт». Его охватило возбуждение, тесно слитое со страданием. Одновременно краем сознания он контролировал ситуацию.

– Я не хочу тебя терять, – словно в тумане услышал он напоследок. – Я завидую твоей жене, что ты у неё есть.

- Ты любишь своего мужа? – спросил он.
- Обожаю.
- Второй брак не может быть лучше первого.
- Я это знаю.

Она подарила ему стихи, талисман и безделушку. Он ей своё последнее стихотворение, рождённое в муках вины, тоски и безысходности.

После праздника она позвонила ему.

- Да, я слушаю.
- Можно, Николая Петровича?
- Это я.
- Ты не один? Это Аня.
- Нет.
- А когда будешь один?
- Не знаю.
- Тогда сейчас договоримся.
- Завтра в одиннадцать часов в университете?
- Хорошо. Встретимся в двести двадцать второй аудитории.
- Пока.
- До свидания.

Он не пришёл на свидание. А она была. Николай Петрович заболел. Аня позвонила ему через неделю и сказала, что ей было плохо, и она страдала.

Они встретились в кафе «Сайгон». Это было молодёжное кафе в подвальчике, на центральной улице города. Молодой парень, официант, принёс меню. Она полистала его несколько минут, потом попросила чай с лимоном или джин с тоником. Ни того, ни другого не оказалось. Вскоре они пили чай без сахара, заедая конфетами, которые были в её сумочке. В кафе играла громкая музыка, и это ему сначала не понравилось, но потом он привык говорить под музыку. Когда он разделся и повесил дублёнку в углу на вычурную металлическую вешалку с толстым крючком,

то обнаружил, что на левом локте его серого свитера прилипла жвачка.

- Где же я так вляпался? – недоумённо спрашивал он и пытался отделить жвачку от свитера. Они пили чай, шуршали конфетными фантиками и болтали.
- Как ты провёл Новый год?
- Скучно. Как обычно.
- Как мне хотелось, чтобы ты был рядом, чтобы позвонил, поздравил. Мы ухотались, всё снимали на видео.
- У меня жена заболела. Я вызвал врача, купил ей лекарства.
- Когда моему приходилось ждать, по полчаса, по вечерам в университете, он спрашивал меня, в чём дело. Я говорила: вот так, от звонка до звонка. Муж сказал, видно, у него дома неблагополучно.
- У нас с тобой было столько вариантов: кафе, баня, квартира.
- Вот это и нравится мне в тебе, что у тебя всегда много вариантов.

– Почему нравится? Я ничего не понимаю. Я представляю себя Аней. Мне двадцать восемь лет. Я хороша собой. У меня есть муж, который носит меня на руках. Я не просто его люблю, а обожаю. Мне всё в нём по душе. Меня не устраивает лишь то, что я живу в частном доме, в котором нет душа. Я не понимаю, зачем мне (Ане) изменять с каким-то преподавателем. Если бы у меня была ты, любимая, – зачем мне ещё кто-то? – почти закричал Николай Петрович.

Аня потупилась и несколько минут молчала.

- У тебя хорошая память, – наконец, сказала она. – Ну, я не знаю. Вот как ты видишь наши отношения в идеале?
- Я живу один, ты живёшь с сыном. Мы встречаемся. Это не брак. Хорошее дело браком бы не назвали. Я занимаюсь творчеством.

– Этот идеал недостижим. Муж говорит, что я вампир. Я высосу из тебя всю кровь. Во-первых, ты не сможешь заниматься всё время творчеством. Во-вторых, мне нужны всякие вещи, в материальном плане. Например, я хочу золотые серьги с изумрудами. В-третьих, мне мало будет просто встречаться, мне нужна опора семьи. В-четвёртых, я с сыном пропишусь в твою квартиру, а тебя выгоню.

– Вот это уж дудки. А что касается серег с изумрудами – нет проблем. Деньги для меня не имеют никакого значения, поэтому у меня их и нет. Но, если я ставлю цель их иметь, то они появляются. Завтра гробану банк и все дела.

– Правда? – Её глаза сверкнули счастливым светом.

– Дай мне немного времени. Сколько они стоят?

– Я не знаю. Надо зайти посмотреть. Ой, о чём это я? Ты будешь думать обо мне плохо и снова станешь подозревать. Я хочу задать вопрос, но боюсь, что ты обидишься и неправильно его истолкуешь. Мне надо готовиться к экзамену или нет? Я посмотрела первый вопрос и ничего не поняла.

– А как ты сама хочешь?

– Я думаю, нет.

– Правильно думаешь. Вообще, это говорит о том, что ты мне не доверяешь. Для меня это такой пустяк, это совершенно ничего не значит. Я написал стихотворение о нашем поцелуе. Это было бесподобно. Хочешь знать, что я чувствовал? Твои губы просто обволакивали меня. Эта нежность, страстность, прохлада. Я сошел с ума.

– Я тоже чуть не потеряла сознание. Покажи мне его. – Он достал листок бумаги и положил перед ней.

– Тебе понравилось?

– Да. Очень.

– Мне твои стихи тоже показались интересными. И ты мне очень нравишься. Я отдыхаю, глядя на тебя. Помнишь, у сестры ты стала на колени и на полу разглядывала фотографии? Ты сделала это специально для меня?

– А если нарочно, то ты тут же меня обвинишь и начнёшь подозревать?

– Нет. Я это одобрю. А как ты видишь наши отношения в идеале?

– Твой вариант нереален и слишком дорог. Я предпочитаю, ничего не меняя, встречаться, хотя бы иногда. Мне надо видеть, слышать тебя и осязать.

– Я изредка читаю в газетах рубрики для знакомств. Так вот: молодая красивая женщина, одинокая в браке, познакомится с женатым состоятельным автолюбителем для редких, но незабываемых встреч. – Её слегка задел и покорила пример, но вида

она не подала.

– Мне иногда кажется, что тебе нужно только моё тело. Тебе интересно со мной?

– Интерес от ума. Мне хорошо с тобой. Ум, язык – это вторичное. Главная реальность – чувство. Помнишь в библии? Бог – это любовь. А любовь – это чувство. У Ошо есть интересная градация пути к Богу: секс – любовь – молитва – медитация. Что для тебя любовь?

– Я люблю мужа. Я готова пожертвовать ради него чем-то, готова идти за ним куда угодно.

– А влюблённость?

– Влюблённость эгоистична. Когда я влюблена, то думаю о том, чтобы мне было хорошо. Я не могла поверить, что ты ответишь на мои чувства. Ведь вокруг столько молодых, красивых девушек, незамужних.

– У меня такое впервые. Чтобы меня любила женщина, которая мне нравится. Обычно было: я любил – меня не любили, меня любили, но мне они не нравились. И когда это случилось, я подумал, что это подарок судьбы, что это шанс, который я не имею права упускать. Пусть всё вокруг рухнет. Когда-то я специально пытался понять, что такое чувства, потом почти умертвил их. И вот ты возродила их. Это чудо!

Они долго договаривались о следующей встрече. Её слова о встрече через десять дней вызвали в нём глубокое чувство грусти. Решили встретиться на квартире. Он расплатился за чай, и они вышли на улицу. Зашли в магазин посмотреть предмет её вожделений. Серег с изумрудами не оказалось. Но цены приятно удивили его: от одной до четырёх тысяч рублей, то есть его двухмесячный заработок. Когда выходили, он засмеялся:

– Представляешь, завтра утром по радио передают: ночью обчистили магазин с драгоценностями.

– Не надо, – испуганно сказала она, – я тебя сразу выдам.

Пока они сидели, он обратил внимание на то, что она несколько раз посмотрела на часы. Её лицо иногда неузнаваемо менялось. В ней, как и в нём, словно жили два человека. Один в маске, приветливый и улыбчивый. Другой страдающий, беззащитный, настоящий. У него было такое чувство, что сражение, которое шло в её душе, отражалось и на лице.

- Давай выпьем шампанского!
- Надо было раньше предложить. Тогда бы я согласилась на баню.
- Ах, я же забыл, что тебя надо напоить, а потом с тобой можно, что угодно делать. Но я не хотел, чтобы ты соглашалась за счёт вина. Это всё равно, как если бы ты укололась.
- Нет, просто у меня бы пропали комплексы. Я бы тебе всё рассказала. – Она показала ему открытку с симпатичной зверушкой.
- Это Бузя. Нравится?
- Да-а.
- Я хочу, чтобы ты обнял и поцеловал меня. А здесь нельзя. Следующий раз встретимся в подъезде! Ты в детстве целовался в подъездах?
- Нет. Я жил в селе. У меня это было за околицей.

Они не виделись десять дней. Он писал стихи. Она делала курсовую. Встретились на кафедре. Он заранее созвонился и договорился о квартире. Аня принесла курсовую.

– Посмотри и поставь оценку...

Он быстро посмотрел, сунул курсовую под кипу бумаг на столе и выставил ей отличную оценку. Когда позвонил по телефону, во рту пересохло от волнения.

– Ты договорился?

– Да, выходи, я закрою и сдам на сигнализацию. – Он догнал её на улице.

– Так быстро? – улыбнулась она. Они дошли до остановки и сели в автобус.

– У меня проездного нет.

– У меня есть деньги.

На остановке зашли в магазин, купили шампанского и шоколад «Наслаждение». Долго искали нужный дом. Наконец, нашли. Она осталась у подъезда, а он вошёл и поднялся в квартиру. Ему открыла молодая девушка в чёрных лосинах. В однокомнатной квартире было полупусто. Там стоял детский манежик, стол на кухне с телефоном. Быстро договорились обо всём. Николай Петрович заплатил пятьдесят рублей, получил адрес и телефон хозяйки квартиры.

– Если вам будет нужно, можете звонить мне, у меня есть две квартиры или Ольге, у неё четыре.

Поехали на квартиру. Снова долго искали. Аня громко смеялась и слегка подтрунивала над ним. Наконец, нашли серый пятиэтажный дом, похожий на общежитие. Чёрную железную дверь открыла женщина бальзаковского возраста. Николай Петрович несколько удивлённо уставился на неё.

– Что вы так смотрите, – недовольно произнесла женщина. Видно, её тяготила эта служба содействия интимным связям. Потом, словно спохватившись и, вспомнив, что она оказывает услугу, затараторила:

– Ключ я вам оставлять не буду, чтобы не беспокоить больше. Дверь захлопнете сами. Можете быть здесь до четырёх часов. К шести придёт Галина. Я сейчас уйду.

Это была обычная малосемейка. Слева у окна стояла односпальная деревянная кровать с ровно уложенной на ней стопкой постельного белья. Рядом находился старый продавленный диван. У стены располагались столик и два кресла. Справа у входа чёрно-белый телевизор, на стене приклеены фотообои: прекрасный вид с горами, рекой и лесом. На крохотной кухне было почти пусто: он едва отыскал там два бокала. Ванна совмещена с туалетом.

Он выключил телевизор, но ей это не понравилось. Ей нужна была музыка. Он обнял её, и они закружились в медленном танце. По телевизору показывали клип с её любимой Алсу. На нём были синие потёртые джинсы и серый свитер. На ней такие же джинсы и оранжевая кофта, заправленная в них. Он не мог скрыть своего волнения и желания, целовал её нежно и страстно. Она вяло отвечала ему. Он расстегнул её кофточку и стал целовать упругую, гладкую, нежную мякоть, тёмный сосок. Возбуждение в нём то нарастало, то спадало. Взяв на руки, он перенёс её на кровать и стал расстёгивать ремень джинсов, молнию... Она слабо сопротивлялась. Видно было, что её раздирают противоречивые чувства: желание и долг. Он не смог справиться с чёрным лифчиком и спустил лямки, обнажив грудь. Вдруг она резко встала с кровати и застегнула кофточку и джинсы.

– Может быть, шампанского? – спросил он волнуясь.

– Да.

Он начал лихорадочно открывать бутылку. Пробка не хотела поддаваться. От его яростных усилий на указательном пальце правой руки показалась кровь.

– Ну, вот и первая кровь, – съязвила она. – Пробка не поддавалась до тех пор, пока он ключом не вытолкнул её. Они выпили «за нас», за любовь, за Аню. Она быстро пьянела, но контроля над собой не теряла. Он опять начал наступать, раздевал, относил её на кровать, сам обнажился до плавков. Она мучилась, даже заплакала, но ничего с собой поделать не могла. Этот барьер оказался для неё непреодолимым. Они целовались, обнимались, он усаживал её на колени лицом к себе, садился к ней на колени. Их тела извивались, страстно желая друг друга, но она была неумолима. Его рука проникала в её оранжевые плавочки и касалась чёрных курчавых волос между ног.

Он заметил, что она постоянно сворачивается в позу эмбриона, палец прикасается к губам.

Несколько раз она брала в рот большой палец его правой руки. Она явно находилась сейчас в состоянии возрастной регрессии. Ею владел страх. Ничего хорошего и не могло произойти. Он для её бессознательного был большой и страшный мужчина, который хочет с ней сделать что-то. Может быть, он казался ей отцом, которого она не помнила.

– А у тебя есть средства предохранения? – спросила она с вызовом, забравшись на кресло с ногами.

– Ты не за того меня принимаешь. Ты думаешь, я это ношу с собой постоянно?

– Они есть в киоске.

– Сходить?

– Не надо.

– А с мужем вы их используете?

– А вдруг у меня будет ребёнок?

Он не знал, что говорить на это. Он понял, что ничего не выйдет, еще на кафедре, когда она сказала:

– Ты сильно обидишься, если у нас ничего не получится?

Он тогда не придавал значения её словам. Думал, что это банальное опасение, но это оказалось самопрограммирование. По телевизору шёл фильм «Пять вечеров» с великолепными Гурченко и Любшиным. Некоторые фразы сознание фиксировало. Время катастрофически истекало. Он оделся и, обнимая, успокаивал, целовал и гладил её. У неё возникло чувство вины. Она говорила,

что не хочет, чтобы он страдал, пусть лучше она будет мучиться. То вдруг переходила в обвинение:

– Я же хотела, чтобы с помощью тренинга избавиться от влюблённости. А ты ... Теперь я уже не знаю, что со мной. Почему меня к тебе так тянет? Зачем ты пришёл читать лекции? Может, это любовь? – они оделись, захлопнули двери и пошли к остановке. По дороге она повеселела и уже шутила.

– Ты чувствуешь удовлетворение от того, что произошло? – спросил он.

– Ты не понимаешь. Одна моя часть чувствует удовлетворение, что я осталась верной мужу. Другая нет. Ты же поставил мне двойку за поведение.

– Я логически рассчитал ситуацию так. Либо мы расстаёмся сегодня (её лицо приняло несчастное выражение), либо всё остаётся как прежде. Если всё остаётся, то либо по твоему варианту (встречаться по-умному), либо по-моему, через разрыв с семьями. Поэтому я не думал ни о каких средствах предохранения. Я просто тебя больше никуда бы не пустил.

– Юрка сильно любит отца. Ты не сможешь относиться к нему как к родному.

– Отцовское чувство либо есть, либо его нет. Я – идеальный отец. Двадцать лет я живу ради дочери с нелюбимой женой. – Ему стало жалко себя. Они доехали на автобусе до трамвайной остановки. Когда выходили из автобуса на его остановке, он пошутил:

– Сейчас пойдём ко мне в гости, знакомиться с женой и дочерью.

На трамвае доехали до остановки, где жила её сестра. Аня собралась поработать в интернете. Зашли в павильон, чтобы договориться о следующей встрече. Она увидела свой любимый шоколад и попросила купить. Он без разговоров выполнил её просьбу. Решили, что она позвонит через неделю.

Погода резко изменилась. Похолодало. Дул резкий пронизывающий до костей ветер. Он сильно замёрз, пока добрался домой. В голове всё время витал её образ: чёрные, длинные, густые, распущенные волосы, упругий живот, который он ласкал руками, языком и своим животом. Он слышал их диалог:

– Может быть, это и хорошо, что я не сдаюсь, если наши отношения будут развиваться по твоему варианту? И что со мной: с ним я думаю о тебе, с тобой о нём.

– Крыша едет не спеша, тихо шифером шурша. – Он испуганно взглянул на потолок и продолжил:

– В потолке открылись люки, не пугайтесь, это глюки. Слушай анекдот. Два мужика разговаривают: «Ты водку пьёшь? – Нет. – Сигареты куришь? – Нет. – Наркотиками балуешься? – Нет. – К девочкам ходишь? – Нет. – Как же ты тогда расслабляешься? – А я и не напрягаюсь...».

– Ты делаешь всё, как мне нравится. Или это всем нравится? Я хочу поехать в Санкт-Петербург, сходить в Эрмитаж. Я люблю живопись и стихи. Мне хотелось бы пожить с тобой за границей в отеле. Тебе надо обязательно сходить в церковь. Покреститься. Муж у меня некрещёный, мы с ним не венчались. Ты машину водить умеешь?

– Нет.

– Ты купишь мне машину, когда вернёшься из заграницы?

– Надо сначала выставить свою кандидатуру на международном рынке труда.

– Такое чувство, что мы давно друг друга знаем.

– Конечно, вместе пили...

– Я не понимаю, зачем ты узнаёшь о цене серёжек? Неужели я тебя мотивирую зарабатывать деньги?

– Наверное, ты единственное, что может меня настроить на этот подвиг.

То, чего они так страстно хотели и к чему так долго готовились, произошло не так, как они воображали. Они договорились о встрече по телефону. Он на этот раз точно знал, что будет. Квартира оказалась занятой. Им около часа пришлось ждать у подъезда. Комната была попримечнее, чем первая. Он опять волновался, как мальчик. Аня ушла в ванну и через несколько минут пришла, закутанная в простыню. Он уже разделся и ждал её. И тут началось безумство плоти. Утомившись, она села, прижавшись к стене, боком к нему. Николаю Петровичу показалось, что она так и не отдалась ему. Только однажды он заметил, как она «улетела»,

расслабившись на несколько секунд. Хотя времени было много, она заторопилась, так как должна была быть в это время у сестры. Аня пошла в ванну. Он за ней. Как будто зная, что больше не увидит её, Николай Петрович целовал её смуглое детское тело, играл с маленькими грудками и гладил жесткие волосы внизу живота. Она смеялась и ласково отстранялась от него.

Когда они шли к остановке, она спросила:

– Интересно, как расстанутся те, кто изменяет своим супругам?

– Чувства рассеиваются, как только кто-то почувствует угрозу распада семьи или обнаружения неверности.

– Мой-то гоняет на машине по всему городу. Он запросто может меня увидеть. Он чувствует, где я. А я, дура, иду спокойно...

– Да, и я хорош: моя работает здесь недалеко. И живём мы рядом.

Он снова проводил её до дома сестры. В трамвае она сказала:

– Ну, вот, теперь ты будешь много зарабатывать, у меня большие потребности.

Когда Николай Петрович пришёл на экзамен, то обнаружил на своём столе бутылку коньяка, коробку конфет и большой букет цветов. Экзамен прошёл быстро. Когда всё закончилось, Аня подошла к нему с зачёткой. Он выставил ей оценку за курсовую и спросил, куда она сейчас идёт. Она ответила, а Николай Петрович сказал, что ему в другую сторону.

Около месяца они не встречались. Но вот наступил день её рождения. На серьги с изумрудами, конечно, он денег не накопил. Он купил две маленькие фигурки нецкэ. Одну выбрал сам, а вторую попросила она. Аня торопилась к своей подруге: ей надо было договориться по работе в лагере летом. Он поехал с ней. Они долго блуждали в поисках дома её знакомой. А когда нашли, она не взяла его с собой. Предчувствуя, что это последняя встреча, он привлёк её к себе и жадно поцеловал в губы. Рядом застучали куски мусора в мусоропроводе, обшарпанная лестничная площадка вернула их к реальности.

11.04.2006

Ирина Юсупова
НАУЧИ СЕБЯ ЛЮБВИ
Повесть

(Продолжение. Начало см. «ГС» №3)

Первое, что ее здорово удивило, так это то, что станция, с которой нужно было добираться до дома, была *та самая*. То есть ближайшая к тому месту, где все это произошло. «Конечно, совпадение», – сказала она себе решительно и пошла к поселку, благо, в завещании план проезда был очень четкий.

Потом она шла по дачному поселку и удивлялась все больше и больше. Поселок был, видимо, престижный. Она не очень разбиралась в этом, ее больше интересовали квартиры в Москве, а не дома в Подмоскovie. Но тут сразу было видно – дома все не простые и дорогие, участки большие и красивые. Военная охрана на общем входе, где у нее тщательно проверили документы. . . И это замечательно. Она уже твердо решила, что если это не ошибка, и дом, действительно, ее, то она, конечно же, продаст его. Продаст и купит квартиру.

Вот и *этот дом*. Она сначала прошла несколько раз вдоль ограды, пытаясь разглядеть, что же там, за кружевным забором. Потом еще раз проверила документы в сумке. И, все-таки волнуясь, достала ключи, открыла калитку. . .

На участке почти ничего не росло. То есть, ничего такого огородно-дачного. Дом стоял далеко, к нему вела выложенная голубыми плитками дорожка. Вокруг почти лес, только очень ухоженный, словно нарисованный. . . Она подошла к дому и решила тоже сначала обойти его вокруг.

. . . Да. . . Не нужно быть особым знатоком, чтобы понять, что дом дорогой. Кирпичный, с тонированными стеклами, с крышей из настоящей черепицы. Она присела на крылечко, не торопилась входить. Все-таки здесь какая-то ошибка. Не было у них никогда таких богатых родственников. Да и не родственников тоже не было таких. Сейчас она похвалила себя, что не сказала ничего родителям. Уж они-то уже бы хозяйничали здесь всюю. . . Хоть и фанаты городишки, да от такого дома не отказались бы. . . «Вот что, – решила она для себя. – Я буду ждать полгода. Как сказал нотариус. Наверняка кто-нибудь объявится из настоящих родственников. И уж потом все вместе будем всё

решать». Она так подумала потому, что никогда и ничего не только не украла в жизни, но даже и не брала просто так. Все зарабатывала. Пусть не совсем правильно, но ведь это ее дело. И тело. . .

Она все-таки решила войти. Что же здесь такого? Она имеет право, наконец. . .

. . . Внутри дом ошеломлял еще больше. С дорогой обстановкой, с удобствами, которых она и в Москве не имела. Зимний сад, сауна, бар, бильярд. . . Несколько гостевых спален, каминный зал, в подвале небольшой бассейн. . . Она, совершенно подавленная, вернулась в холл, села на диван. Мысли кончились. . . Сидела вот так, без мыслей очень долго. А потом появилась первая: «Что-то здесь не так. . .» То есть не с фактом наследства, а вообще в доме. . . Ага, вот оно что. . . Дом, если верить документам, принадлежал очень пожилой старушке, восьмидесятидевятилетней. А вот обстановка. . . Словно здесь жила молодая и шикарная женщина. . . Взять хотя бы ее спальню. Там все дышало эротикой. Каждая безделушка, каждый изгиб мебели наводил только на одни мысли. . . Когда она, не удержавшись, заглянула в зеркальный шкаф, у нее захватило дух. . . Да от таких туалетов у кого хочешь дух захватило бы. Поэтому она, все чего-то стыдясь и боясь, поскорее закрыла его и спустилась вниз. И вот теперь сидела и думала, какой человек в здравом уме может представить себе почти девяностолетнюю бабулю в том самом золотом пеньюаре. . . Хотя. . . При таком достатке. . . Сейчас чего только не делают. . . Пластические операции, подтяжки, кто знает. . . Может и мозги научились обновлять. . .

Так, ничего путного и не придумав, она отправилась еще раз осмотреть участок. . . И здесь была загадка. Судя по документам, здесь было двадцать пять соток. А казалось, что все сто. Это из-за леса или из-за планировки?

Она шла по периметру участка, по ходу рассматривая и дивясь каким-то редким деревьям, названия которым она даже и не знала. Вдоль всего забора густо росла малина, смородина, еще какие-то кусты. . . В одном месте была большая прогалина и она увидела соседний дом, значительно меньше ее дома, но тоже очень непростой и красивый. Перед домом – лужайка с изумительной яркой травой. А на лужайке – абсолютно голый мужчина. Загорал. Она замерла и быстро, со знанием вопроса, оценила и мускулистое, хорошо сложенное тело, и четкий профиль, . . . и все остальное. Мужчина то ли

действительно так крепко спал, то ли так хорошо притворялся. Но когда она пошуршала кустами и покашляла, он даже и не шевельнулся. Она перешла к более решительным действиям:

– Здравствуйте...

Он приподнял голову, посмотрел в ее сторону. Потер глаза, пробормотал:

– Кажется, я уснул...

– Здравствуйте, – повторила она. – Я ваша соседка.

Он все еще отгонял остатки сна, смотрел на нее удивленно, ... и не торопился прикрыться.

– Здравствуйте... Соседка? К Анне Алексеевне в гости? – теперь он встал и также, не смущаясь, стоял перед ней.

– Нет. Не в гости, – она усмехнулась. – Вы не забыли, что без одежды? Или вы нудист?

– Без одежды? – он удивленно оглядел себя, улыбнулся, и все равно нисколько не смутился. – Ну, да... Забыл. Извините.

Он поднял полотенце, на котором лежал и опоясался вокруг бедер. Все это он проделал как-то естественно, без суеты и стеснения. И опять спросил:

– Не в гости? Родственница?

– Нет. Ни то, ни другое и ни третье. Наследница.

– Наследница? – он опять удивился. – Это как же? При живом человеке – наследница?

– Послушайте, – она подошла поближе к забору. – Вы ее хорошо знали? Вы не расскажете мне что-нибудь про нее? Я ничего не понимаю...

– Знал? Почему знал? – он нахмурился. – Вы что, хотите сказать... Она что, ... умерла?

– Я ничего не знаю. Меня нашли через нотариуса. Он сказал: «Вскрыли конверт после смерти...» Я ничего понять не могу, – повторила она.

Мужчина нахмурился. Видно было, что искренне расстроился.

– Вот оно что... Хорошая была женщина... Очень... – и потом опять удивленно поглядел на нее. – А как же вы ничего не знали? Она вам дом завещала, а вы не знали? При жизни, значит, знать не хотели, – он криво усмехнулся, – а как до наследства дело дошло...

– Не надо так поспешно судить! – она повысила голос. – Вы же тоже ничего не знаете! Я и сама этого не понимаю, не было у меня никакой родственницы... Поэтому и просила вас по-хорошему поговорить... А вы... – она развернулась и уже хотела уйти, но он остановил ее:

– Да подождите кипятиться! Ведь, согласитесь, как-то неожиданно... Сейчас... Я по-человечески оденусь и зайду, хорошо? Вы стойте здесь.

Он зашел за ближайший куст и вскоре вышел оттуда одетый в обычные потертые джинсы и полосатую майку. Подошел к забору и ловко, как кошка, вскарабкался и перелез через него.

– Так быстрее, – улыбнулся смущенно. – Калитка очень далеко.

– Пойдемте в дом, – попросила она. – Так жарко...

– В дом... – он, казалось, заколебался. – Здесь хорошая беседка есть... Там дальше, за кустами, вы еще не видели?

– Нет, я туда пока не дошла. Все-таки лучше в дом. Что-то меня уже ноги не держат, с утра в пути...

Когда они вошли в дом, он начал оглядываться:

– А ведь я здесь впервые.

– Но... – удивилась она. – Мне показалось, вы знали ее хорошо?

– Вполне. Но вот в дом к себе она никогда не приглашала. Мы чаще всего в той самой беседке говорили. Или, если зимой, она ко мне ходила. Я даже хотел как-то обидеться... – он опять улыбнулся. – Но потом решил, что у старого человека могут быть свои причуды...

– В том-то и дело, у старого... – она обвела вокруг руками. – Посмотрите, похоже это на жилище старого человека?

Он стал внимательно рассматривать огромный холл, в котором они находились. И хотя это был только холл, а не спальня, его удивление все росло. Она же в это время рассматривала его. Чем-то его облик напоминал канонический образ Иисуса. И возраст примерно тот же. Темные удлиненные волосы, небольшая бородка, четкий профиль... Хотя фигура, пожалуй, поспортивнее. Вот только глаза... Глаза у него были разные и, видно поэтому, странные. Она это еще на улице заметила. Один, действительно, «канонический» – голубой и чистый. А другой – серо-зеленоватый, мутный и неприятный.

– Да... – он задумчиво обернулся к ней. – Интересно. Вот ведь, сколько жили бок о бок, а я и не знал, что Анна Алексеевна увлекается абстракцией, – он кивнул на картины, развешанные по стенам.

А потом засмеялся: – И не просто абстракцией, а мистико-эротической, так можно сказать... – и потом опять нахмурился. – Вы что же, не знаете даже, как она умерла? Вроде, такая бодрая была, энергичная...

– Ничего я не знаю. Вызвали к нотариусу, подписала кучу бумаг, дали ключи, адрес... Даже платить ничего не пришлось, все уже было уплачено заранее... Ничего я сама не понимаю...

– А ваши родители? – опять удивился он. – Кому, как не им знать! Что они говорят? Может, просто, по каким-то причинам, скрывали от вас эту родственницу?

– Знаете, я не могу доказать, поверьте так, – она тяжело вздохнула. – Мои родители такую *родственницу* никогда бы не забыли. Поэтому я им ничего даже не сказала... Вообще, я решила ничего пока не делать... Подожду полгода, может и больше, кто-то да объявится из настоящих родственников... А если нет, тогда и продавать...

– Продавать?! – он ошеломленно посмотрел на нее. – Такой дом? Продавать?! Да вы что?!

– Мне квартира нужна. В Москве. Я в коммуналке живу. Недавно москвичкой стала...

– Какая квартира?! У вас теперь такой дом!

– А я в Москве хочу, – сказала она упрямо. – Не хочу в деревне жить.

– В Москве?! – он засмеялся. – Да... ну вы даете... Да что там хорошего, в этой дымовухе? А здесь...

– А здесь у меня не хватит средств, чтобы содержать даже десятую часть этого дома! Вот только как продавать... Страшно. Я с такими деньгами никогда не имела дела...

– Одумайтесь! – он говорил так же оживленно. – Продать всегда успеете! Ведь можно сдавать. И расходы окупятся, и еще вам немало останется!

– Ладно, это все потом... Вы мне рассказать про нее хотели... Ну, про Анну Алексеевну...

– Рассказать... – он задумался. – Знаете, а ведь рассказывать особенно нечего. Я здесь живу всего пять лет. Мне этот дом приятель продал. Он в Америку уехал, насовсем, хотел вообще так отдать... Но я все-таки ему кое-что вручил, почти символически... Заработал тогда неплохо...

– А вы кто?

– Художник. И реставратор. Даже больше реставратор, – он улыбнулся. – Во всяком случае, если судить по заработанным деньгам... Так вот... Анна Алексеевна... Я, честно говоря, думал, что не она тут хозяйка. Хотя я здесь, внутри, и не был, но издалека видно, что это за дом... Думал, живет, за порядком наблюдает... Сейчас так многие делают. Ну, вроде управляющей, экономки... Спросил пару раз, кто хозяйка, она ушла от ответа... Я больше и не приставал...

– А кто еще здесь бывал?

– Я как-то и не любопытствовал... Да и для этого нужно на дорогу выходить и смотреть – кто там и к кому приезжает, ведь отсюда не видно...

– Ну, а еще? Что еще вы можете о ней рассказать?

– Очень хорошая была женщина. Интеллигентная, грамотная. Веселая. Добрая, – он задумчиво смотрел в одну точку. – Мир она словно осязала, чувствовала... Природу... Так с ней приятно поговорить было... Картины мои смотрела, и советы очень дельные давала, словно сама только что от мольберта...

– Природу... – она усмехнулась. – Что ее чувствовать? Какой прок? Он удивленно посмотрел на нее:

– Прок? Пожалуй, никакого... Просто красиво... Да, самое главное забыл – она была великолепной травницей. Все знала. Вот здесь, действительно, был прок. Вот мой глаз, заметили уже, да? – он показал на мутно-зеленый.

– Что с ним?

– Он раньше нормальный был, как и правый. А потом я одним раствором нечаянно себе в него попал. Все. Слепота и навсегда. Все врачи отказались. Конечно, второй еще оставался, ... но все же. А она вылечила. Вот цвет только изменился, – он улыбнулся. – Жуть какая-то, прямо детей пугать... Но главное – вижу! И даже без очков.

– Да, это, действительно, здорово... – она тоже задумалась. – Только я, все-таки, больше врачам верю... Ну, и что же еще?

– Еще... – он опять задумался. – Она очень много всяких легенд, сказок и историй знала... Эх, жалко не записывал! Они у нее такие нетрадиционные были... Ни на что не похожие. И рассказывала она их странно. Будто все это на самом деле было. Рассказывает, а сама поглядывает лукаво – хочешь верь, хочешь нет... Жалко, очень жалко

ее... – подытожил он и опять вздохнул: – Где хоть она похоронена?
 – Не знаю. И нотариус не знает. Просто ему уведомление о смерти пришло.
 – А вдруг ошибка? – он загорелся надеждой, но потом опять сник.
 – Хотя вряд ли... Я уже и сам стал думать – где же она? Никогда так надолго не пропадала...
 – А вы все время здесь живете?
 – Почти. Редко в Москву выбираюсь, по делам в основном, да за реактивами.
 – У вас там квартира? – она оживленно и с интересом посмотрела на него.
 – Да, – он усмехнулся. – Двухкомнатная. Никто, кроме меня не прописан, – он уже просто иронично смотрел на нее. – Ведь вас это интересует?
 Она прищурила глаза, и теперь уже зло посмотрела на него.
 – Вам этого не понять. Вы, москвичи, не знаете, что значит по шесть часов тратить на дорогу, что значит ночевать на вокзале после театра, что значит ради работы жить с кем попало!
 – Простите... – он улыбнулся виновато. – Но разве там... ну, где вы родились, так уж плохо? Почему Москва?
 – Да там такое же захолустье, как здесь! Лес, водохранилище, поля... и больше ничего!
 – Значит, там здорово... – довольно констатировал он. – Наверняка церкви есть старые, строения... Все в мире не так... Вот вы живете там и бежите в Москву, другие, как я, например, бегут из Москвы...
 – Как же, как же... – она все еще злилась. – А квартиру-то, все-таки, не продали!
 – Все-таки не продал, – он опять улыбнулся. – Но все еще впереди...
 Они замолчали оба, думая каждый о своем, потом она то ли спросила, то ли утвердила:
 – Я думаю пока здесь остаться. У меня отпуск. Ведь это ничего?
 – Я думаю – это замечательно, – он посмотрел на часы. – Ох, ты, заболтался я с вами... У меня там один раствор готовится... извините, убегаю...
 – Постойте! – он уже был в дверях, задержался, обернулся. Она же вдруг почему-то смутилась. – Вы вечером свободны?

Давайте помянем Анну Алексеевну... Да и еще, может, что вспомните?
 – Хорошо, – он опять посмотрел на часы. – После восьми я совсем свободен. Устроит?
 – Конечно. Да, если вы не один... ну, жена, родные... приходите все.
 – Нет, один, – он посмотрел сбоку, со стороны своего страшного глаза. – Кто же за меня замуж пойдет? – засмеялся: – Боятся...

Когда он ушел, она с досадой подумала, что даже не узнала, как его зовут, да и сама не представилась... И, главное, опять ничего не прояснилось... Ну и пусть. Действительно, надо пожить здесь. Если кто и приедет из родственников, то, конечно же, сюда.

Пошла в магазин, который заметила еще, когда только шла от станции. И по дороге опять думала о «соседе», так пока она его называла. Что-то и в нем было не так... Не глаз, здесь все понятно... Вот что. Он, пожалуй, единственный из всех ее знакомых мужчин, говорил с ней просто как с человеком. Все мужики сразу же начинали шарить по телу глазами, спрашивать молча, ждать намеков... Она усмехнулась. Вот ведь до чего дошло... Когда человек ведет себя нормально – это ее уже удивляет... И даже обижает. Что же, она ему не понравилась? Или он не по женщинам специализируется? Хотя... кто их разберет, художников?... У них свой мир.

Готовила она вкусно и быстро. Даже блинов успела напечь, все как полагается. Кухня была восхитительная. Только она во всем сразу, конечно же, не успела разобраться. Столько техники... И поэтому она, по старинке, пользовалась только плитой. В шкафу, в гостиной нашла все необходимое для стола, накрыла его, села ждать. Сосед пришел немного раньше. Опять со стороны забора. Одет теперь был более цивилизованно – темные брюки и шелковая, тоже темная рубашка. Принес с собой какую-то странную бутылку. Как будто кривую, и как будто пыльную...

– Вот, – протянул ей. – К столу.
 – Спасибо, только я всего купила... Да, меня Татьяна зовут, давайте хоть познакомимся, – она протянула руку.
 – Юля, – он взял ее руку и поцеловал, чем здорово удивил ее.
 – Как?

– Ну, Юлиан, вообще-то, ... но так как-то проще. Или Юлий, как хотите. Учудили предки... – он засмеялся.

– Могли бы поменять, если не нравится.

– Нет, не хочу, – он задумался. – Да и зачем? Разве это что-то изменит? Я думаю, нет... Хотя, вот Анна Алексеевна, как раз, говорила, что имя во многом определяет жизнь человека. Мы ведь о ней будем говорить, да?

– Да. Так она что, и астрологом была, по совместительству?

– Это не астрология... Даже и не знаю, что... Я в этом не очень разбираюсь... Она вот хорошо все знала: руны какие-то, нумерология, кабалистика, кости, сны, карты... Впрочем, как частность, и астрология, конечно. Вот как раз имя-то она мне и не советовала менять. Говорила, что очень даже подходит.

– А что советовала?

– Жизнь, – он усмехнулся. – Вернее, образ жизни. Говорила, что я – семейный человек, а не одиночка. Да только, как-то все не получается...

– Ну, это просто, – они уже сидели за столом, он открывал бутылки, а она с опаской смотрела на его длинные тонкие пальцы, казалось, они сломаются от такого напряжения... – Для мужчин, я имею ввиду.

– Не скажите, – он налил и себе и ей, поставил бутылку. – И дело не в мужчине или женщине... Жена – это больше, чем просто женщина...

– Любовь? – она усмехнулась. – Какой от нее прок...

– Да что же вы во всем только прок ищете? – удивился он. – Такая молодая девушка...

– Да, молодая, – она перебила его. – И плевать на всю любовь, если жить негде!

– Как негде? – он засмеялся. – А дом?

– Не мой он, – она вздохнула. – Не знаю, как это получилось, видно, ошибка... Поживу пока, поиграю в наследницу... А потом, я думаю, настоящие родственники приедут. Так что, я на него и не рассчитываю... У меня есть работа, есть цель... Я своего добьюсь.

Он покачал головой.

– А если долго добиваться придется? Если успеете состариться?

– Пусть. Все равно.

– Ну, а потом? – не унимался он. – Ну, добились вы цели. Потом что?

– Как что? – удивилась она. – Потом жить буду.

– Вот так раз! – он рассмеялся. – А до этого, значит, жить не надо? Ох, и странная вы женщина, Татьяна...

Она вспомнила, сколько раз ей это говорили, стало обидно до слез...

– А не нравится – я вас не держу!

– Таня, что вы, обиделись? – он встал, подошел к ее стулу, наклонился, заглянул в глаза. – Простите, ради бога! Я не хотел... И вообще, ведь мы Анну Алексеевну поминаем, да? Так давайте...

Они молча, не чокаясь, выпили. Потом он сказал:

– Вот что я еще вспомнил. Она каждый день куда-то уходила. А вот куда – не знаю. Никогда и нигде я ее не встречал. Конечно, может, и совпадение... Но все же... За пять лет могли бы где-то встретиться, в магазине, на станции, в лесу... Нигде и никогда. Вообще, я только сейчас понял, что все наши встречи были по ее инициативе. Она хотела – встречались. А если я хотел позвать – ее дома не было... Странно... Раньше я как-то об этом не думал...

– А про родственников своих она вам ничего не рассказывала?

– Нет... Хотя... – он нахмурился, пытаясь вспомнить. – Она как-то однажды странно сказала, ... да... вот, говорит, придет время умирать, кому же все передать? Человек, говорит, *непростой* нужен... Я, помню, удивился, начал, как и вы, про родственников спрашивать, а она ушла от ответа, заговорила о чем-то, ... потом я и забыл о вопросе...

Опять они пили, не чокаясь, опять разговор шел о женщине, жившей здесь, и опять яснее от этого ничего не становилось... Он все также спокойно смотрел на нее и она вдруг поняла, что это ее раздражает. Даже и не раздражает, ... слово-то было трудно найти этому чувству... Просто это было неправильно в ее жизни, нелогично, а она это не любила. И вообще, она здорово опьянела, в голове была какая-то каша. «А, не убудет...» – решила, как всегда. Встала, молча сняла блузку, повесила ее на спинку стула. Под блузкой она ничего не носила, и так было хорошо. Подошла медленно к нему. «Сейчас, – подумала, – встанет и, как миленький, полезет целоваться...» Он не вставал, улыбнулся:

– Красиво... Я бы вас с удовольствием нарисовал. Попозируйте?

– Что? – она растерялась, подошла ближе. – Нарисовать?

– Да, – он встал, взял ее блузку со стула и стал одевать ее. Она так была шокирована его поведением, что даже не сопротивлялась. – Только лучше днем, и лучше, когда я трезвый, – он засмеялся. – А то такое нарисую! ...Сами же потом ругаться будете...

До нее, наконец, дошло, что он просто дал ей, как говорится, «от ворот – поворот»...

– Да иди ты куда подальше со своим художеством! – вырвалась из его рук, застегивающих последнюю пуговку. – Ты импотент или голубой?

– Нет, – он теперь серьезно посмотрел на нее. – Просто я не занимаюсь этим ради нечего делать. Это стоит более достойных отношений...

– Ах, вот оно что! – она уже завелась. – Я для него не достойна, конечно, мы москвичи-интеллигенты, мы такие тонкие, сложные и непонятные, а тут какая-то глупая провинциалочка!

– Да нет, – он опять улыбался. – Не глупая. И очень красивая. Просто еще маленькая... Не доросшая до настоящего чувства...

– Так, так... – она зло прищурилась. – А настоящее чувство должно быть всего одно! Что, ты уже исчерпал свой лимит, или все еще трепетно бережешь?

Он опустил глаза, не замечал ее злости, о чем-то задумался... Потом сказал:

– Я пойду, пожалуй... Поздно уже...

И пока она собиралась с мыслями, что бы еще такое позабористее ему сказать, встал, подошел к ней, странно посмотрел в глаза, опять взял и поцеловал руку, улыбнулся:

– До свидания, – и быстро ушел.

...Долго она еще, заведенная, бегала по дому... Надо же! В кои-то веки, сама, без всяких денег, предложила человеку себя, и на тебе! Нет, он, видно, и правда импотент или голубой! Конечно, разве в таком сознаешься... Ну, ничего... Уж она ему скажет! Уж она... А что она? И сама не знала – и что скажет, и что сделает... И вообще, какое ей до него дело? И что, вообще, в нем

такого? И с какой это дури она так себя повела? Просто, выпила лишнее... И вообще... Сосед, он и есть сосед...

...А вот ночью, вернее, под утро, ей приснился какой-то странный сон-не-сон. Это даже был и не сон вовсе, а голоса. Словно кто-то сидел в комнате, и разговаривал. А она, как сквозь туман, слышала этот разговор и никак не могла проснуться...

– Нет, я ничего не чувствую. Она абсолютно не *тот* человек... – женский голос был приятный и тихий, казалось, его обладательница сидит где-то совсем рядом, у изголовья.

– Но *она* ушла *правильно*! И дом, дом... – второй голос принадлежал, видимо, немолодому мужчине.

– Она обычная, даже слишком... Это не она.

– Обычные люди не пьют *настоящий* Мерло, – усмехнулся мужчина.

Женщина засмеялась:

– Это Юлька купил. Я его в магазине перед закрытием видела.

– А... вот оно что... Тогда, понятно... То есть, на самом деле, ничего не понятно... И все-таки, она была последняя, кто...

– Тише! Она просыпается... Уходим...

– Тоже странно, что так быстро...

– Уходим...

...Она, наконец, собрав все силы, разодрала этот вязкий и страшный сон. Вскочила на постели, огляделась. В комнате тишина. Никого. Сердце бешено колотилось. Она подлетела к двери. Заперто. Изнутри. Она сама вчера вечером тщательно закрыла все существующие в доме замки.

– Дурь какая-то... – пробормотала про себя.

Вспомнив один детективчик, быстро пощупала все стулья. Холодные. Все-таки сон... Или?... Как он там сказал? Мерло? Быстро слетела по лестнице в гостиную. Где эта его бутылка?... Merlot... Чье же это? Как прочитать? Ага... France... Видно, так и будет – Мерло... Стало как-то очень нехорошо, даже затошнило... Кто-то, при всех закрытых замках, ходит у нее по дому, смотрит, что она пьет, что-то выясняет... И правда дурь...

Потом еще немного подумала. Как всегда, искала логичное объяснение. Пробормотала, успокаивая сама себя:

– Да, видно, он и сказал, когда отдавал... Просто не обратила внимания, а потом вспомнилось...

И все же она решила пойти к соседу. Надо, чтобы все в жизни было ясно, понятно и правильно... Вот только вчерашнее... Да, подумаешь!...

На этот раз он опять был на лужайке. Одетый в линялые треники. Все на том же полотенце... только стоя на голове. Видно, что-то из йоги. Она не раз видела эту позу со скрещенными ногами в разных журналах. Глаза закрыты... Опять, что ли спит? Она еще подождала, думая, что он не сможет так долго простоять, но он, казалось, собирался провести именно так весь день. Тогда она, пошуршав опять кустами, сказала:

– Эй, соседи, бог в помощь!

Он, не меняя позы, открыл глаза, кажется, улыбнулся. Трудно было понять в таком положении.

– Доброе утро, как спалось на новом месте?

– Отвратительно. Что мы вчера пили?

– Мерло, – он все не менял позы, но спросил удивленно. – А что, неприятности? Но от него не должно бы... В нашем магазине очень хороший поставщик, я с ним знаком.

– Нет, дело не в этом... – она даже не знала, говорить ему все или нет. – Ты мне говорил что-нибудь о нем, называл? – она решила не церемониться и окончательно перейти на «ты».

– Что говорил? – он заинтересовался. – О чем? О вине?

– Слушай, поменял бы ориентацию! – она досадливо поморщилась. – Так очень сложно говорить, потом достоиншь положенное...

– Ориентация у меня традиционная, – он засмеялся, легко и мягко встал на ноги. – И менять я ее не собираюсь. Так что там про вино?

– Название. Ты мне называл его?

Он задумался, потом сказал уверенно:

– Нет.

– Так... – опять у нее в голове была каша. – Значит, не называл...

– Да что случилось-то? – он опять удивленно посмотрел на нее. Потом подошел поближе к забору и даже всполошился. – Что

с тобой? На тебе просто лица нет...

– Конечно, потеряешь тут и лицо и все остальное, когда по дому кто-то разгуливает и обсуждает, что я пью...

– Кто? Когда? – он все также тревожно и непонимающе смотрел на нее.

– Утром. Я еще почти спала. А кто-то был в комнате. Двое. Мужчина и женщина... Проснулась – нет никого...

– А сигнализация? Ты вечером включала?

– Конечно. Все, как сказали на охране.

– Тогда быть этого не может. Ты что, не знаешь, сколько мы за эту сигнализацию платим?

– Конечно, не знаю. Все текущие расходы по дому оплачены на год вперед. И я еще не смотрела никаких книжек по оплате...

– Тогда у тебя впереди «приятный» сюрприз! – он засмеялся, потом опять задумался. – Да не бери в голову, значит, просто сон, – а потом опять засмеялся. – А может и не просто сон... Ведь у тебя там, кроме вина, еще и водочка была, а?

– Ничего я больше не пила, – буркнула она. – И потом... Эти двое называли его во сне, именно Мерло, а я ведь до этого и не знала...

– Ассоциативные загадки дедушки Фрейда... – пробормотал он.

– Чего? – она нахмурилась. – Хватит умничать, побереги это для других.

– Ладно, – он легко согласился. – Да правда, мало ли что может присниться? Кстати, ты на нашем озере еще не была?

– Нет, конечно. Я и не знаю, где.

– В другом конце поселка. Сходи обязательно. Вода чистая, песок, чудо-место...

– У меня бассейн в подвале, – усмехнулась она. – Ароматизированный, с подсветкой. Хоть он и ненадолго мой, я думаю, но пока есть.

– А загорать?

– Солярый.

– Да зачем? – он удивлялся искренне. – Такая красотища вокруг... И вдруг – бассейн...

– Какой от нее толк? Только комары да мухи покусают...

– Ну, да, – он грустно усмехнулся. – Толка никакого, конечно... Я просто забыл...

– Ну, ладно. Пойду опять дом посмотреть, – она не знала, о чем еще говорить, а он, казалось, и не ждет продолжения. – Там во всем и за неделю не разберешься.

– Давай. Если что непонятно, сигнализация там, или еще что – зови.

Она вдруг почему-то захотела позвать сейчас же, но не нашла предложения, да и он уже опять подошел к своему полотенцу и медленно и плавно завязался в такой жуткий узел, что она невольно ойкнула. Он только улыбнулся, подмигнул страшным глазом, а потом и вовсе ушел в себя, опять закрыв глаза...

На озеро она, конечно, не пошла: «Успеется». Опять ходила по дому, смотрела мебель, вещи, вздыхала, удивлялась... И сколько же все это стоит? И подумать страшно. Опять зашла в комнату хозяйки. Ночевала она в одной из гостевых спален. Здесь не захотела.

...Наряды эта загадочная старушка предпочитала в бледно-зеленой цветовой гамме. Шикарные туфли, видимо, ручной работы, изысканное белье... Она, не удержавшись, приложила один из этих шедевров к себе... Нет... Не пойдет. Все было сделано на высокую и стройную женщину, скорее всего, даже худощавую... У нее же бедра и грудь никуда не пройдут, да и длинновато будет... Что ж, одним искушением меньше... Потом она открыла трюмо и замерла то ли в восторге, то ли в ужасе... Ну, как можно *такое* вот так просто держать? Без сейфа, даже без ключа... Или это бижутерия? Она не очень разбиралась. Пойти спросить у Юлия? А если настоящее? Тут у кого хочешь искушение появится... Да и не знает она его совсем... Решительно закрыла трюмо. «Тоже успеется». Подошла к книжному шкафу. Знакомых авторов не было. Вообще на многих книгах и авторов то не значилось. Они были старые, некоторые в кожаных переплетах. Взяла одну наугад. Ничего не понятно. Вроде по-русски, а слова все незнакомые... Хотя... Ведь Юлий говорил... Она всякой мистикой увлекалась. Наверно, и книги на эту тему... Хотела поставить, но... Вдруг поняла, что ей нравится этот текст. Вот так без смысла, без понятия, о чем речь. Просто он был какой-то музыкально-завораживающий... Она продолжила чтение, начала даже потихоньку шептать вслух... Что было потом, она так и не поняла. Только очнувшись на полу, книжка валялась рядом.

– И что здесь со мной все время происходит? – она уже просто рассердилась. – Видно, и правда говорят, что от богатства крыша едет, – и сказала, обращаясь к стенам и к себе сразу: – Да знаю я, что это не мое! Я это прекрасно понимаю, ясно?

Поставила книгу на место, опять продолжила осмотр. В одном из отделений огромного зеркального шкафа было много картин. Некоторые стояли в рамах, а некоторые были свернуты в трубочку. Она выгасила их все, разложила по всей спальне, стала рассматривать. Почему эта самая Анна не повесила их? Ей, например, многие понравились значительно больше, чем те, которые были на стенах. Веселые, яркие. А не мрачные, как там. Ага, вот и предлог появился... Уж кому, как не Юлию, разбираться в картинах? Потом задумалась. И что это она о нем все вспоминает? Мужик, как и все. Руки, ноги... еще кое-что... Ну, может, не такой простой, как ее знакомые... Вот, йогой занимается... Глаз странный... Ну и что?... Но пойти все-таки решила...

...А у соседа уже была целая толпа людей. Она решила понаблюдать за ними из-за кустов. Три колоритных мужика, один другого страннее, и две девицы, сразу же не понравившиеся ей... Хотя, почему? Наверно потому, что Юлий оживленно беседовал со всеми, был веселый и радостный... Один из мужчин, толстый, бородатый и здоровенный, хриплым басом немилосердно перевирая дебурговскую «Lady in red», уже готовил мангал. Бледная и даже какая-то зеленоватая девица нанизывала шашлык на шампуры. Вторая, рыжая, стриженная почти под ноль, сидела в раскладном кресле в одних шортах. Ее плоская грудь, наверно, и у отсидевшего двадцать лет в одиночке не вызвала бы никаких эмоций... Два других мужчины стояли рядом с Юлием, держали в руках какие-то журналы, тыкали туда пальцами и оживленно что-то обсуждали. Бледная девица так же вяло, как нанизывала шашлык, вставляла в их речь какие-то мудреные словечки, и мужчины отвечали дружным хохотом... И здесь она только в общих чертах понимала, что речь идет о картинах. У них был тоже свой, непонятный ей язык. А Юлия она впервые с их знакомства видела таким – веселый и смеющийся, он словно даже помолодел... Окликнуть? Ведь шесть художников (а в том, что это художники, она уже почти не сомневалась) лучше, чем один... Нет... Не хочет она влезать в чужие компании. А вот у нее до сих пор так и не было компании... Хотя... Какой от них прок?...

Она думала, что гости к соседу приехали надолго, и решила основательно заняться домом и собой. Пока вымыла полы, пока все убрала, пока поплавала в бассейне и позагорала в солярии, прошло довольно много времени. Вдруг в дверь раздался звонок. Она подошла к переговорному устройству, вспомнила, что объяснял охранник. Сразу же нажала нужные кнопки, на экране телевизора появился Юлий.

– Татьяна! Мне тут гости столько вкусотищи притащили, просто грех не пригласить. Придешь?

– Заходи, – она нажала нужную кнопку. – Чего не через забор?

– Иду, – он уже открывал дверь, засмеялся. – Через забор, боюсь, не получится, я очень растолстел...

На самом деле он и не растолстел вовсе, только, действительно, помолодел. В руке – ромашки, отдал ей. Она удивилась, с чего бы это? Но промолчала. Только сказала:

– Жалко, что у тебя гости. Я тут много картин нашла, хотела спросить, что из них стоящее.

– Так нет уже, уехали.

– Уехали? Так быстро?

– Да, они почти проездом, – он виновато улыбнулся: – Ты уж извини, что я не стал тебя при них приглашать...

– Да мне то что... – она хотела казаться равнодушной, но на самом деле обиделась: «Конечно, что им до меня...»

– Нет, правда. Если бы я тебя позвал, то они как чумовые бросились бы тебя рисовать, и весь разговор насмарку... а мне очень нужно было с ними поговорить и обсудить кое-что... Я познакомлю как-нибудь в другой раз, хорошо?

– Да ладно, хорошо... – она все-таки выдержала равнодушный тон. – Посмотри лучше, что я нашла. Пойдем наверх.

Когда они вошли в спальню, Юлий присвистнул:

– Ну, дает Анна Алексеевна! Нет, она, конечно, очень хорошо выглядела... но... Видно, что-то я в этой жизни упустил! – засмеялся. – Спальня одинокой старушки... Да...

– Ты сюда посмотри, – она отодвинула створку зеркального шкафа, ту, где висели пеньюары. – Нравится?

– А вообще, что-то здесь не то... – он задумался. – Ладно, где картины?

Она опять стала доставать картины, которые уже убрала, и раскладывать их по спальне. Юлий внимательно на все смотрел, иногда опять присвистывал, иногда смеялся, называл какие-то имена, которые она никогда не слышала. Потом подвел итог:

– Вот это, – он разложил их все по кучкам, указал на одну. – Убери подальше и никому не показывай. То есть показывай, но по одной, через подставных лиц и не здесь, а в Москве. Я, конечно, не самый большой специалист, но почти уверен, что это Моне, Дега... – он посмотрел на ее сосредоточенное и несчастное лицо, усмехнулся. – В общем, очень известные художники. За эти картины, если только они настоящие, можно не только квартиру, а весь поселок купить. Да и останетса, пожалуй. Так, что дальше... Это просто копии. Правда, очень хорошие и грамотные, но все же... Эти можно и повесить. Вот эти, – показывал дальше. – Раздери меня на кусочки, не знаю. Даже стыдно. И неплохие, вроде, картины. Ребята через неделю обратно поедут, спросим, может, они чего путное скажут... Так... Вот этими можешь смело растопить камин, хоть и красивые, но ведь тебе нужен прок? А вот эта... – он взял последнюю, провел пальцем по поверхности, задумался, потом показал ей палец. – Видишь?

– Что? – она подошла поближе, посмотрела на палец. Он был в краске. – Ну и что?

– Там, под краской, что-то есть. Это просто гуашь.

– А с чего ты взял, что под ней что-то есть? Может, просто гуашью и нарисована?

– Гуашью не рисуют по холсту, – он улыбнулся. – Да и видно, с обратной стороны, вот и вот, – показал на холст. – Видишь, цвет другой, не такой, как снаружи...

– И что?

– Эта гуашь тоже ничего из себя не представляет... Я бы отмыл.

– Как? Прямо в тазу? Или тряпкой?

Он засмеялся:

– Нет, конечно! Ведь нужно и ту, другую, не попортить. Хочешь, займусь?

– Сколько?

– Что сколько? – он удивился.

– Ну, сколько ты за это берешь? Ведь это работа... Я должна буду заплатить...

– Эх, Татьяна, – вздохнул он грустно. – Да что же у тебя все на деньги-то меряется? Так я тебе ее отмою. Ради интереса. Тебе – картина, мне – интерес. Пойдет? И не волнуйся, при тебе могу работать, не свистну...

Она подумала, потом неуверенно сказала:

– Но, ведь... я все-таки, не знаю, имею ли право... А если все это не мое? И картина...

– Да я тебе такую же мазню первокурсника, если надо, за пару часов изобразю! – у него уже появился прямо спортивный азарт. – Ну, неужели не интересно?

– Хорошо, уговорил.

– Тогда пойдем прямо сейчас. Ведь я тебя на ужин пригласил, ты помнишь? – он улыбнулся. – Или ты все еще злишься?

– Вот еще, – она и возмутилась, и смутилась одновременно, – Просто я пьянею быстро... И вообще... Забудь...

– Ну, уж нет! – он засмеялся. – Забыть – это вряд ли! Уж очень красиво...

Дом Юлия, конечно, не шел ни в какое сравнение с ее, но тоже был очень неплохим. Весь отделанный деревом, уютный и какой-то теплый. Он провел ее в большую комнату, которая была, видимо, и мастерской, и гостиной, и кабинетом, и вообще самой основной в доме. Вся заваленная холстами, красками, иконами, картинами и вещами, названия которым она даже не знала. Компьютер в углу здорово удивил ее.

– А это зачем? – показала она на него. Действительно, ну для чего нужен художнику компьютер? – Или он рисует за тебя? Сейчас столько программ...

– Нет, рисую я, слава богу, сам, – он улыбнулся. – А это... да, в основном, для общения, для информации... в общем, чтобы от жизни не отстать.

– Ага, вот она, твоя хваленая деревенская жизнь! – хмыкнула она. – Одна видимость...

– Это новый уровень деревенской жизни, – он поднял назидательно палец. – Такой, какой он должен быть на самом деле. Ведь для чего-то же изобрели и компьютеры, и телефон, и Интернет?

– Ты что же, с подростками в чатах болтаешь?

– Почему же только с подростками? – он удивился. – Во всем мире у компьютеров сидят самые разные люди, и очень интересные, между

прочим.

– А... только время терять... – она даже рукой махнула. – Что толку...

Он посмотрел грустно, сказал:

– Ладно, пошли к столу...

Пить она решительно отказалась, хотя он и уговаривал хотя бы попробовать какое-то вино, очень редкое, по его словам. Вкусностей, действительно, было много, гости у Юлия были щедрые. Но по его произвольным взглядам в угол, куда он поставил картину, она поняла, что ему не терпится заняться работой. Тогда она сказала:

– Ну что, я пошла? Ты уже весь извелся...

– Извини, – он виновато улыбнулся. – Но ведь согласишься – очень интересно...

– Да почему?

– Часто за такой замаской прячут что-то очень важное... Так что лучше останься.

– Да не боюсь я, что ты ее свистнешь... И мешать только буду...

– За доверие спасибо... – он задумался. – А вот мешать... Я и правда не люблю, когда под руку смотрят, но мы вот что сделаем. Мольберт я от тебя разверну, а ты пока... музыку хочешь послушать?

– Давай.

Он затопил камин, усадил ее в кресло рядом, подошел к высокой стойке с аппаратурой, которую она не сразу заметила, опять задумался... Потом поставил какой-то диск. Зазвучал рояль. Она поморщилась:

– Это классика? А нормальной музыки у тебя нет?

– Нормальной? – он удивился. – Это какой же?

– Пугачева, Киркоров... На-На... Буланова... ну, что-то в этом роде...

– Ох, Татьяна... – вздохнул он. – Вот посмотришь на тебя – ты словно создана самой природой, без участия людей... Тебя на лесной поляне, лунной ночью легко представить... с лешим в обнимку... – он улыбнулся грустно. – А ты... Ты, все-таки, послушай сначала... При свете камина... свечей... сейчас зажгу... Послушай, а потом будет тебе и Киркоров...

– Ладно, – она вздохнула. – Что хоть это?

– Шопен. «Призрачный бал». Слушай...

Он ушел в другой угол, там под светом направленной на холст лампы весь погрузился в работу. На голову нацепил что-то похожее и на лупу часовщика, и на зеркало окулиста одновременно, придвинул низкий столик с разными пузырьками, кистями, тряпками... В комнате запахло химией. Она же слушала этот самый «Призрачный бал». Сначала не нравилось. Хотелось чего-нибудь веселого, заводного... Но она все смотрела на Юлия, как он сосредоточенно возится с картиной. Полумрак, треск поленьев в камине, свечи... Рояль в сопровождении оркестра... Она начала думать о нем. И что в нем такого? Просто не похож на всех, с кем доводилось встречаться... Зайди такой к ним в офис, и не заметила бы – обычный, ничего интересного... Да и странный к тому же. Один в доме с женщиной, а возится не с ней, а с картиной... И вдруг она, закрыв глаза, представила себя, танцующей с ним... Под этот самый «бал»... И поняла, что он ей уже нравится. «Бал», разумеется, а не Юлий...

– Да... – он нарушил молчание. – Занятная картина. Только вот опять не знаю – кто автор... Но видно, что старая. Лет триста, не меньше. И зачем, кстати, ее замазали? Красиво же... Вот, посмотри.

– Уже можно? – она вдруг поняла, что ей жалко отрываться от музыки, которую он выключил с дистанционного пульта.

– Я только начерно, чтобы видно было. Потом нужно потщательнее дочистить. А как музыка? – он посмотрел, наконец, на нее и обрадовался. – Вижу – понравилось! – засмеялся. – Это обнадеживает...

Она уже подошла к картине... И тут... Боже, так не бывает!

– Таня! Что с тобой?! – он вскочил, сразу же подхватил ее за плечи, и вовремя... Еще немного и грохнулась бы... – Ты что?

Он почти донес ее до дивана, сбегал за водой и, придерживая под голову, пытался напоить. Напугался здорово:

– Тебе лучше или «скорую» вызвать? У тебя что болит – сердце? Нет? Что?

– Ничего... – она еле прошептала. – Уже ничего не нужно... Ты уверен... Что она старая?

– Кто?

– Не кто, что... Картина.

– Это она тебя так напугала? – он во все глаза смотрел на нее. – Чем?

– Эта женщина, что на ней... Я недавно, совсем недавно, понимаешь, была свидетелем того, как ее убили...

Продолжение следует....

Рифмы и ритмы

Татьяна Нагорская
ВНОВЬ ОДИНОЧЕСТВО НАПОЛНИЛО
БОКАЛ...

Памяти Е.А. Баратынского

Блится кружевом сиреневая мгла...
 Что это? День иль ночь?
 Иль ангелов крыла?

А звезды россыпью ложатся на ладонь.
 В чем сущность их?
 Вода или огонь?

Вновь одиночество наполнило бокал...
 Я это счастье так упорно... звал.

* * *

Памяти З.Н. Гиппиус

Почему? Почему? Почему
 Я опять расплескала воду?
 Почему я в ночи не кричу
 И так сильно люблю свободу?..

Все найти и все потерять –
 Столько раз, сколько Богу угодно.
 Почему? Почему? Почему
 Я... сама от себя... не свободна.

* * *

Памяти А.А. Ахматовой

Там было всё... Рисунки, акварели,
 Написанные не моей рукой

Понятия большинства людей о поэзии так туманны, что
 туманность служит им определением поэзии.

Поль Валери

И письма, что как голуби летели
 И звали, так упрямо, за тобой...
 Витрины магазинов в лунном свете
 И мокрый снег, не тающий в душе...
 Так было... в прошлом, умершем столетье...
 Так было лишь в моем карандаше...
 Нарисовать тебя, себя, тот город,
 Пытаюсь вновь... Но все наоборот –
 И вместо радости лишь одинокий холод,
 И вместо глаз лишь слез водоворот...

...Брожу опять вдоль Финского залива,
 Но чувствую, что больше линий нет!
 А рядом кто-то, очень бережливо,
 Мне подает мой шерстяной жакет...

Умберто Саба
ГРЯДУЩЕЙ ОСЕНЬЮ

Грядущей осенью, с отлетом ласточек,
 Вдруг шевельнется грусть в груди моей.
 Подымут гвалт скворцы среди нагих ветвей
 Прощальный, на бульваре ... среди лампочек.

Потом, в разгар зимы, опять приходит грусть,
 И воробей, на крыше, другом будет пусть!

Нет ласточек, увы, средь одиночества ветвей,
 Как, впрочем, нет любви у поздних наших дней...

Перевод с итальянского Петра Кузнецова

К 70-летию поэта
Юрия Воробьяева

Игорь Егоров
СЛОВО О ПОЭТЕ

Я познакомился с Юрием Викторовичем Воробьёвым в начале 70-х годов, и с первой же встречи, несмотря на разницу в возрасте, у нас с ним возникли самые добрые, тёплые, дружеские отношения.

Я показал ему свои первые стихотворные опыты, о которых теперь даже и неловко вспоминать, но всё-таки он тогда не сказал о них ничего плохого, а наоборот, поддержал меня и очень деликатно предложил попробовать написать стихотворение в такой строгой, но изящной, форме как сонет. Это предложение было настолько доброжелательным, что я с воодушевлением взялся за написание сонета, и, в сущности, именно с этого момента Юрий Викторович ввёл меня в мир настоящей поэзии, о которой у меня были довольно случайные и совершенно наивные представления. И, конечно же, Юрий Викторович показал мне свои стихи, которые сразу как-то необыкновенно легко вошли в мою память. Да разве могут не запомниться такие строки:

*Я вспоминаю Вас всегда,
И мне становится теплее,
Когда в окно стучит беда,
Я вспоминаю Вас всегда.
Когда метели без следа
Заносят тёмные аллеи,
Я вспоминаю Вас всегда,
И мне становится теплее.*

Впоследствии я прочитал в его воспоминаниях об этом стихотворении, что Квятковский – автор «Поэтического Словаря» – назвал его лучшим триолетом в русской поэзии.

А эти стихи:

*Я от себя бегу как от напасти,
Я сам себя сжигаю изнутри,*

В никогда не утоляемой жажде подражательности,
то есть верности деталям, состоит здоровье поэзии, ее
возможность пережить неблагоприятные для нее времена...

Чеслав Милош

*Моя любовь, обида и несчастье,
Моя судьба с кудрями Самари!*

Многим известна картина Ренуара «Портрет актрисы Жанны Самари», но как удивительно поэтично, свежо мелькнуло это имя в стихах Юрия Викторовича!

А какие блестящие переводы из английской поэзии принадлежат его перу! Я помню, просто из любопытства сравнил его перевод стивенсоновской «Страны покрывал» с переводом Брюсова и был поражён, насколько перевод Юрия Викторовича оказался совершеннее (а ведь Брюсов считается мастером поэтического перевода). Поэтому неудивительно, что и Корней Чуковский оценивал поэтические переводы Юрия Воробьёва как «безупречные, чеканные» (да, Юрий Викторович переписывался с Корнеем Чуковским – а это уже о многом говорит!) Но он был знаком не только с Корнеем Ивановичем Чуковским, но и с другими интереснейшими деятелями культуры. О встречах с ними поэт великолепно написал в своём цикле мемуарных рассказов «История одного посвящения».

Кстати, эти рассказы представляют собой ценность не только в художественном отношении, но и как важное дополнение к тому, что мы уже знаем о таких замечательных личностях, как Маршак, Хьюз, Левик, Виноградов, Квятковский...

Но хочется опять вернуться к стихам поэта. Особенно глубоки, пронзительны стихи последних лет. Это и высочайшего эмоционального накала гражданская лирика, и глубоко интимные переживания, и даже полные тонкого лиризма зарисовки. И всё-таки, мне кажется, с особой силой раскрылся талант Юрия Воробьёва именно в лирике.

*С высоты поднебесья
Пламенеет земля.
Журавлиная песня
Разбудила поля.
И приветствует осень
Недоверчивый скрип
Зеленеющих сосен
И желтеющих лип.*

Наверное, многие, даже мастеровитые, современные поэты могли бы позавидовать такой редкой прозрачности строк.

Но ещё больше поражает точность передачи внутреннего состояния. Надо сказать, что поэт не раз переживал кому, потерю сознания вследствие мучающего его всю жизнь недуга. И вот мы читаем, как «На мягких лапах входит лихо... / Не спеша садится у постели / Тёмное, как летняя гроза...» Или в другом стихотворении:

*Кто я? Где? Откуда? Что со мной?
Возвращаюсь как из небылицы,
И кошмара прерванного птицы
Исчезают за моей спиной.*

И как хорошо, что всегда рядом оказывались его верные спасительницы, любящие и любимые жена и дочь.

Поэт очень много посвятил прекрасных, по-настоящему талантливых стихов своей жене и дочери. Невозможно читать равнодушно его венки сонетов. Одновременно восхищаешься и изящностью сложнейшей формы, и испытываешь величайшее потрясение от проникновенности строк.

Но не меньшим, чем поэтический талант, Юрий Викторович обладал талантом человечности. С какой теплотой и добросердечностью он встречал своих друзей! Всегда с ним было интересно, всегда можно было с ним посоветоваться, как с самым близким человеком, зная, что он всегда тебя полностью поймёт.

Человек необычайного мужества, удивительного таланта. Каждодневно находясь между жизнью и смертью, он успел очень много в жизни сделать, умел любить и творить, и обаянием своей личности оставил глубочайший след в сердцах многих людей, с которыми встретился на своём жизненном пути.

Некоторые факты из его биографии. Юрий Викторович Воробьёв (1936 - 1995) родился в Ярославле. Окончил Омский педагогический институт. В 1968 году на кафедре стилистики при Московском педагогическом институте иностранных языков им. М. Тореза, под руководством профессора И. Р. Гальперина им была подготовлена и успешно защищена кандидатская диссертация «Некоторые особенности строфики в английской поэзии 18-го и 19-го вв.» Кандидат

филологических наук. Опубликовал более 30-ти научных работ, в 1993 году выпустил поэтический сборник «Ты мне нужна» («Любинский проект», Омск). Уже после его смерти были подготовлены его вдовой З.В. Воробьевой и изданы: книга стихов, переводов и воспоминаний «Мне в жизни очень провезло» («Восточный ветер», Москва-Омск, 1996), «Строфика английской поэзии» («Восточный ветер», Москва-Омск, 1997), сборник стихов для детей «Я знаю много разных тайн».

В последние годы жизни он работал заведующим кафедрой иностранных языков СибАДИ. До этого много лет заведовал общефакультетской кафедрой иностранных языков в Омском педагогическом университете, в котором учреждена стипендия имени Ю. В. Воробьева, выдаваемая студентам-естественникам, отличившимся в изучении иностранных языков.

Юрий Воробьев **СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ**

* * *

В жизни тревожной,
В жизни мятежной,
В шумном раскате дней
Светит мне память
Милой и нежной
Первой любви моей.

Где-то мелькает
Тенью туманной,
Морем больших огней.
И словно за странной
Фата-морганой
Я вечно иду за ней.

* * *

Из водостока в водосток
Весенний движется поток,
Бежит поток, шумит поток,
Спешит куда-то на восток.

Спустилась ночь, темна, сыра,
Застыли лужи до утра,
Заснули люди, и одна
Над ними плавает луна.

Но, убегая в водосток,
Ворчит по-прежнему поток,
Бежит поток, шумит поток,
Спешит куда-то на восток.

* * *

Я жду тебя, жду тебя, жду тебя
Сегодня, вчера, в воскресенье,
Палящее, жаркое, жгучее
Любви моей солнце весеннее.

Ну где же ты, где же ты, где же ты?!
Томит меня, душит и мучает
Тоска нетерпенья и нежности.
Я жду тебя, жду тебя, жду тебя.

Сонет

Я не хочу держать себя в руках.
Уздечка рвётся и слабеют путы.
Шальные молотки стучат в висках,
Отсчитывая звонкие минуты.

Сдана в архив привычная хандра,
Пришло опять знакомое волнение.
Пора, пора, уже давно пора
Найти рукам иное применение.

Осточертел размеренный покой,
Кислейший вкус намеренья благого,
И я хочу опять своей рукой
Держать в руках кого-нибудь другого.

Но, не желая дыма без огня,
Хочу, чтоб так держали и меня.

Сонет

Я от себя бегу, как от напасти.
Я сам себя сжигаю изнутри.
Моя беда, обида и несчастье,
Моя судьба с кудрями Самари.

Как к алтарю низвергнутого бога,
Я возвращаюсь к запертой двери.
Моя любовь, надежда и тревога,
Моя судьба с кудрями Самари.

Я вижу всё и ничего не вижу.
Я знаю всё и ничего не знаю.
Я перепутал все календари.

Гоню и жду, люблю и ненавижу
Тебя, моя чужая и родная,
Моя судьба с кудрями Самари.

* * *

Ах, дамы, дамы! Ваше время!
Опять настала Ваша власть -
И Вы куражитесь над теми,
Кто прежде Вас тиранил всласть.

Но упиваясь этой властью,
Играя роль самой судьбы,
Вы позабыли, что для счастья
Нужны мужья, а не рабы.

В прекрасный век матриархата
Вы, может, вспомните подчас,
Что было время, что когда-то
Мужчины дрались из-за Вас.

И Вы взгрустнёте, может случится,
И без особенных причин
Начнёте сами добиваться
Эмансипации мужчин.

* * *

Остановись! Ведь это жизнь уходит.
Кусочек жизни, незаметный с виду.
Уходит так, как свечи догорают,
Без жалобы, без стопа, без остатка.
А ты пройдёшь и даже не заметишь,
Что нанесла ему... Нет, даже не обиду,
А рану, от которой умирают.
Вот тает воск и с ним уходит жизнь,
И тонкий фитилёк всё ниже, ниже,
Сейчас погаснет, догорит дотла.
Ну обними его, ну обмани же,
Ну только не давай ему погаснуть.
Ведь это тоже жизнь была. Была...

* * *

У предков так велось давно, -
Воров гоняли на правёж,
К друзьям сходились на вино,
А на врага точили нож.

Ну, а у нас совсем не так,
Мы обогнали старину:
С врагами дружно пьём коньяк,
А у друзей крадём жену.

Кто друг, кто враг – не разберёшь,
Хоть бочку соли съешь до дна.
Вражда – обман, и дружба – ложь,
Всему теперь одна цена.

Теперь, мой друг, всего верней
Дружить не с другом, а с врагом.
Люби врагов! Они честней,
А от друзей беги бегом.

Девичьи слёзы

Глаза печальны
В росинках слёзных,
Как лотос нежный
В лучах рассветных.
Но солнце встанет,
Согреет воздух,
И нет печали:
Прошла бесследно.
(Из Джо Уоллеса)

Шутка

Они не спеша по дороге шли.
Им звёзды глядели в спину.
Молча к воротам они подошли,
И он засов отодвинул.

Она не кивнула ему в ответ
И не сказала ни слова,
Потому что ему было десять лет,
А она была просто королева.
(Из Р.Л. Стивенсона)

Страна покрывал

Когда я болен был и мал,
В подушках лёжа, я дремал
И все игрушки до одной
Делили горести со мной.

Неудержимо, как река,
Шли оловянные войска.
И без конца велась война
Среди холмов из полотна.

Я посылал мой верный флот
По простыням любых широт.
Во все края везли суда
Дома и даже города.

Среди подушек я один
Был полновластный господин,
И день и ночь повелевал
Страной из белых покрывал.
(Из Р.Л. Стивенсона)

Фантазия

Когда играть садится Энн,
Ещё нежней звучит Шопен.
Чуть тронет клавиши она,
Проснётся каждая струна.
Тогда и птицы, и ручей
Единогласно вторят ей.
Шопена нет, но жизнью нот
В сердцах, как прежде он живёт.
Так я пройду через года,
Не умирая никогда.
(Из Джо Уоллеса)

* * *

В закоулках души,
Где незримо колеблются тени,
Где по тёмным углам
Вечно прячутся наши грехи,

Обитает давно
Одинокий застенчивый гений.
Днём он спит, а потом
Мне ночами диктует стихи.

Он капризен и смел –
Этот милый мой Оле Лукойе.

И я знаю, что в час,
Когда люди усталые спят,

Он совет надо мной
Из лоскутиков небо цветное,
И красивые сны
В эту ночь надо мной пролетят.

* * *

Ах, какая тоска! Просто некуда деться.
Безнадёжные мысли гудят в голове.
Просто нет ничего – ни надежды, ни детства,
Ни покоя, ни сна, ни росы на траве.

Нет ни чистой воды, ни душистого хлеба,
И совсем не с небес к нам приходит гроза.
И молитвы свои мы возносим не в небо,
И не к небу свои обращаем глаза.

Дай нам Бог!.. Что же дать! Очень мало и много.
Чтобы мы не дрожали в жилище своём.
Чтобы страх по ночам не стоял у порога,
Чтобы голод в окно не заглядывал днём.

Чтобы ночь, как и прежде, сменялась рассветом.
Чтобы всё приходило во время своё,
Чтоб мороз был зимой, чтоб жара была летом.
Дай нам Бог тишины! Мы не знали её.

Сравнение

Бег времени подобен бегу вод.
Без устали спешат они вперёд.
И нет таких сокровищ у земли,
Чтоб их на месте удержать могли.

Они текут сквозь бури и туман,
Впадая в бесконечный океан,

Как близнецы похожие, но всё ж,
Задумавшись, ты разницу поймёшь.

Вода пройдёт по пустоши – и вот
Земля зазеленеет, оживёт.
Но время, что потеряно тобой,
Лишь пустоту оставит за собой.
(Из Уильяма Каупера)

* * *

Люблю навеки, навсегда!
Признаюсь перед целым светом.
Люблю в жару и в холода,
Люблю тебя зимой и летом.

Пока живу я в мире этом,
Пока горит моя звезда,
Люблю навеки, навсегда.

* * *

Я устал. Сегодня не до книг,
Ничего сегодня не хочу.
Только лягу спать и в тот же миг
Улечу куда-то, улечу.

Снизойдёт спокойствие во сне,
Разольётся сладостной рекой.
Ты приди, спокойствие, ко мне,
Успокой мне душу, успокой.

З.В.

Когда мы все сойдём с земли,
Туда, откуда нет возврата,
И наши души – журавли
Мелькнут за линией заката, -

Туда, где не дано любить,
Где ни вопросов, ни ответов,

Ты будешь жить! Ты будешь вечно жить
В живом венке моих сонетов.

Венок сонетов

*Моей жене З.В. Воробьёвой
посвящается*

1

Ты мне нужна, немислимо нужна.
Не знаю, уж не то ли здесь повинно,
Что ты – моя вторая половина,
Та самая, которая одна.

Толпа шумела, словно от вина.
Вокзал усыпан пухом тополиным.
Все шли в такси, садились по машинам.
Я был один и ты была одна.

Потом ты первый раз вошла в мой дом,
Не ночью и не вечером, а днём,
И озиралась в тишине украдкой.

А я поспешно накрывал на стол
И думал – вот и всё. Мой день пришёл
Непостижимо, радостно и сладко.

2

Непостижимо, радостно и сладко
Друг друга так среди толпы найдя,
Мы жили, целомудрие блюдя,
Не нарушая внешнего порядка.

Как прошлое, распавшись без остатка,
Не сохранив ни одного гвоздя,
За прежней жертвой тянется, следя,
И паутину выплетает гладко;

Вот так и мы, спасаясь от тенёт,
Ходили всё не прямо, а в обход,
К себе домой и то входя украдкой.

И я уж думал – так продлится год,
Но как случилось всё наоборот –
Моя неразрешимая загадка.

3

Моя неразрешимая загадка!
Ну кто же мне ответит, почему
Я, много лет не веря никому,
Вдруг за три дня влюбился без оглядки?

А кто влюблён, с того уж взятки гладки.
Я сразу поглупел на сотню лет
И даже, возомнив, что я поэт,
Куплетами исписывал тетрадки.

Кино, театры, реки и озёра
И даже восхождения на горы, –
Нам днём и ночью было не до сна.

Пока однажды протрезвившим взглядом
Я вдруг увидел, что со мною рядом
Любимая, подруга и жена.

4

Любимая, подруга и жена.
Как это много, ёмко и тревожно,
Что даже если черпать осторожно,
Не хватит жизни вычерпать до дна.

Ведь в этом всё – и лето и весна,
И то, чего представить невозможно.
И так легко, и так безмерно сложно,
Как будто это целая страна.

Одно я знаю твёрдо, без сомненья,
Ну просто как таблицу умноженья –
Я должен быть с тобой, пока живу.

При свете, в темноте, и днём, и ночью,
Всегда - в воображенье и воочью
Ты мне нужна во сне и наяву.

5

Ты мне нужна во сне и наяву.
Уж наяву-то я совсем не в шутку,
Чтобы тебя увидеть на минутку,
Вверх по ступеням лестницы плыву.

А ночью, встав, похожий на сову,
Не дам тебе ни спать и ни проснуться,
Чтобы к тебе хоть сонной прикоснуться
И убедиться в том, что я живу,

Семнадцать лет мелькнули и прошли.
Мы треть из них в постели провели.
Зачем? Смешной вопрос, пустые речи.

Но где бы ни был я, в любой дали,
Куда б меня дела ни завели,
Я помню губы, волосы и плечи.

6

Я помню губы, волосы и плечи,
Мою утеху, радость и мечту.
Не знаю, кто придумал красоту,
Но ей перед тобою хвастать нечем.

Когда темнеет ёлка, гаснут свечи
И Новый год стоит, как на посту,
Я жду минуту радостную ту,
Когда умолкнут праздничные речи,

И мы с тобою, без вина хмельны,
Спешим в постель не только видеть сны,
В такую ночь я снов и не замечу.

И так всегда, уже семнадцать лет.
Я не дожусь, пока погаснет свет,
Я не могу и дня прожить без встречи.

7

Я не могу и дня прожить без встречи,
Но если я уеду или ты,
Не буду зря исписывать листы,
Вернусь и руки положу на плечи.

Ведь письма не заменят милой речи,
Не возродят любимые черты
И не заполнят глупой пустоты,
Которая появится под вечер.

Нам врозь нельзя, как жить нельзя без хлеба,
Без синего безоблачного неба
И без росы, упавшей на траву.

И я, прожив хоть день с тобой в разлуке,
Во сне к тебе протягиваю руки.
Ты жизнь моя, и я тобой живу.

8

Ты жизнь моя, и я тобой живу.
Не всё так просто и не всё так ясно,
Но днём, с тобою прожитым напрасно
Я ни один из дней не назову.

Мы видели и моря синеву,
И над Эльбрусом вечер тёмно-красный,
И на лиане в чаще многогласной
Китайского лимонника листву.

Мы были на Малаховом кургане,
И нам вино цедили молдаване
Из тёмных бочек в светлое стекло.

Проходит время. Я не так уж молод.
Но если годы мне приносят холод,
Теперь всегда со мной твоё тепло.

9

Теперь всегда со мной твоё тепло.
Я это ощущаю постоянно.
Я без тебя как чайник окаянный,
В котором днище разом потекло.

Я знаю, в чём бы мне ни повезло,
И в чём бы я ни потерпел изъяна,
Лечить любую боль, любые раны –
Моей жены святое ремесло.

Я много раз болел и умирал,
Но каждый раз во мне не догорал
Твоей любви огонь, простой, как сказка.

И если снова станет тяжело,
Нужны мне, чтоб от сердца отлегло,
Твой тихий смех и сдержанная ласка.

10

Твой тихий смех и сдержанная ласка.
Моя утеха, радость и печаль.
Единственное, что мне будет жаль,
Когда придёт конец дороге тряской.

И я гляжу с невольною опаской
В мою непроницаемую даль.
Мне слышится оттуда сквозь вуаль
То реквием, то свадебная пляска.

Ну, что придёт, того не миновать.
Что толку плакать или ликовать?
На всём лежит загадочная маска.

Зато, пока мы живы и дружны,
И для меня, и для моей жены
Пусть сбудется несказанная сказка!

11

Пусть сбудется несказанная сказка!
Мы долго ждали, чтоб она пришла,
Но ей мешали важные дела,
Да и смущала, видимо, огласка.

Но вот, устроив всем подручным таску,
И наскоро собравшись, как могла,
Она явилась к нам из-за угла,
Сменив из осторожности окраску.

Мы оба живы, любим и любимы,
При нас всё то, что нам необходимо.
Как видно, нам и вправду повезло.

И сказка, поглядев на нас, решила:
Ну что ж, пожалуй, это очень мило.
Пусть будет так всему и всем назло!

12

Пусть будет так всему и всем назло!
Пускай считают все, что мы здоровы,
Что люди нам завидовать готовы,
А в нашем доме ясно и тепло.

Пусть тот, кто знает, охнет тяжело
И отойдёт, не вымолвив ни слова.
Пусть тот, кто видит, промолчит сурово,
Уйдя от сплетен, скажет: Повезло!

И знаем только мы, что в счастье нашем –
 Всё, что мы сами жнём и сами пашем,
 И высока за всё для нас цена.

Я ж счастлив тем, что, вывернув карманы,
 Я ни богаче, ни бедней не стану, -
 Ты для меня на всей земле одна.

13

Ты для меня на всей земле одна,
 И знаю только я, что в каждой ссоре
 Размолвка для меня большое горе,
 И я ночами мучаюсь без сна.

Признаюсь, что и в том моя вина,
 Что я тебя, единую, родную,
 За то к любимой дочери ревную,
 Что так похожа на тебя она.

Да, наши дети – наше повторенье,
 И разглядев себя в своём творенье,
 Мы чтим свой долг исполненным сполна.

Я ж не ищу ни в ком свои приметы,
 И важно для меня совсем не это.
 Ты мне нужна, невысказанно нужна.

14

Ты мне нужна, невысказанно нужна.
 И к твоему готовясь юбилею,
 Я об одном лишь только сожалею,
 Что я так стар, а ты почти юна.

И оттого мне нынче не до сна.
 Вторую ночь я мучаюсь, и млея,
 Венок сонетов сочинял тебе я,
 Всего себя в нём выложив до дна.

Я быть готов, седея и старея,
 Твоим портретом Дориана Грея.
 К тебе не прикоснётся седина.

Я – зеркало твоё, хоть и седое.
 Во мне ты будешь вечно молодою.
 Ты мне нужна, невысказанно нужна.

15

Ты мне нужна, невысказанно нужна,
 Непостижимо, радостно и сладко,
 Моя неразрешимая загадка,
 Любимая подруга и жена.

Ты мне нужна, во сне и наяву
 Я помню губы, волосы и плечи,
 Я не могу ни дня прожить без встречи,
 Ты – жизнь моя, и я тобой живу.

Теперь всегда со мной твоё тепло,
 Твой тихий смех и сдержанная ласка.
 Пусть сбудется несказанная сказка,

Пусть будет так всему и всем назло!
 Ты для меня на всей земле одна,
 Ты мне нужна, невысказанно нужна!

*К публикации поэтическая
 подборка подготовлена
 Зинаидой Васильевной Воробьёвой*

Андрей Дёмин
О «ВЕНКЕ СОНЕТОВ»
ЮРИЯ ВОРОБЬЁВА

Венок сонетов» Юрия Викторовича Воробьёва, вобравший в своё название и «форму и содержание», - предношение любовных сонетов своей жене Зинаиде Васильевне.

«Венок...» был опубликован в книге стихов «Ты мне нужна» (Омск, 1993) и переиздан в декабрьском (за 2005 год) номере омского журнала «Виктория». О нём говорят, мнения высказываются самые различные, - надеюсь, и мои размышления будут небезынтесны тем, кого эти сонеты не оставили равнодушными.

Первое впечатление по прочтению «Венка сонетов» – безыскусность. То, что мы ждём от поэтического текста: метафорическая образность, красочная чувственность, благозвучие, - здесь как будто проигнорировано автором. Но при всём чтении сонетов чувство высокой поэзии – её напряжённости, ясности, простоты, – тем не менее, сохраняется. Значит, для автора была важнее *иная* образительность. То есть, что-то, теряя в столь значимых средствах изображения, должно было приобрести другую, особую, выразительность.

Поэтический текст у Юрия Воробьёва в своей безыскусности похож на зарифмованное повествование. Есть расхожее мнение, что поэзии, в отличие от правдивости прозы, свойственна вычурность и лживая словесная усложнённость. Но все эти смысловые инверсии и тропы не более как средства: стремление к наиболее полному выражению образа, - к точности слова, которая семантически как раз и определяется своим контекстом. Если взять отдельную законченную фразу, то как раз в стихе она стремится к наипростейшей конструкции: ни одного лишнего слова, ни одной неоправданной инверсии, - каждое слово в ней выверено до естественной чистоты. «На холмах Грузии лежит ночная мгла; / Шумит Арагва предо мною. / Мне грустно и легко; печаль моя светла; / Печаль моя полна тобою...» Скажите проще, - а попытаете пересказать вычурней, всё обаяние пушкинской поэзии тут же улетучится. В «Венке сонетов» Юрия Воробьёва та же простота, привитая к русской поэзии Пушкиным.

Художественно «Венок...» словно бы написан карандашом (или пастелью, угольком, - чем-то таким). Фон сумеречный, тона однородные... Чёрных углов с их мистическими провалами нет, нет игры светотени. Контуры фигур размыты и заполняют собой всё пространство. Может, это их тень, - вечерняя, протяжённая в «непроницаемую даль», - то ли сами фигуры продолжают в окружающих их предметах. Всё окружение входит в мир человеческих отношений и, «сказочно» преображаясь во «всё – человек»,

обретают в своей обыденности реальную одушевлённость. А очертанья, размывая поэтическую дымку, размывая границу поэзии, приобретают мифическую осязаемость, - и сквозь «абрис сказочных фигур» проступает обнажённая непосредственность жизни.

Строгая форма сонета трудна для поэтического воплощения, а венки сонетов вообще считаются изошрённой конструкцией. Если в череде сонетов отражается чехарда событий, внутренняя связь которых только угадывается в пульсации словно бы случайных совпадений-повторов, то в магистрале смысл этих, будто разрозненных во времени и в пространстве, событий высвечивается раскрытием иного – единого для них – бытия.

Но то, что казалось сложными техническими изысками, оказалось простым средством магического действия, - средством, как раз и нужным автору. Повторы превратились в подхваты-заклинания. Какой подарок поэту: сама форма стихотворения уже не принуждает, а позволяет повторять и повторять, заклиная: «Пусть сбудется несбыточная сказка!», «Ты – жизнь моя и я тобой живу», «Пусть будет так всему и всем назло!» Но, кроме того, строка «Ты мне нужна, немисливо нужна» повторяется в «Венке сонетов» целых шесть раз! В этот стих оказываются закольцованными: четырнадцатый сонет, магистрал и сам венок сонетов. Пройдя круги земных колец, поэт преподносит своей возлюбленной тот единственный подарок, который и может преподнести Поэт: кольцо новой жизни, обручение с вечностью – «Ты будешь жить! Ты будешь вечно жить / В живом венке моих сонетов...»

По яркости любовной страсти «Венок...» вызвал у меня ассоциации почему-то с любовной лирикой Катулла и с «Любовью на кунцевской даче» Павла Васильева. Ассоциации странные, потому что поэты совершенно разные. Но чем противоположней явления, тем явственней точки соприкосновения. К Катулле «Венок...» близок мифической непосредственностью искреннего чувства, возвеличиванием честной, деятельной любви. С «Любовью на кунцевской даче» «Венок...» роднит ровная, сильная напряжённость страсти, - дыхание страсти, которое пронизывает оба текста (любопытно совпадение размера, ритмических интонаций и даже некоторых образов).

Во время чтения «Венка...» меня удивило, как откровенно, выпукло – но и целомудренно! - изображены близкие отношения. Конечно, выражение чистых чувств и безыскусность стиля находятся в прямой связи, но что же скрыто за этой безыскусностью?

Поэт – художник, а влюблённый поэт – уже творец. Природа в своих переливах, созвучиях и пульсациях открывается обнажённой душе поэта их сопричастием вселенской душе. Эта родственность – таинственна, легка, но - достаточна, чтобы стали слышны голоса земли и неба, чтобы поэт стал «языком» незримого мира. Но связь эта зыбка и в её разрывах таятся сильнейшие искушения. И есть тут один любопытный соблазн.

Поэт прельщается тем миром, который оживает в его душе, как Нарцисс своим отражением. Он обожествляет его - и этот, уже замкнутый мирок, становится для него смыслом существования, а предмет его любви оказывается действительно «предметом», утехой его самовлюблённого гедонизма.

Но чтобы этот «предмет» любви не разуверился в искренности его чувств и поддерживал это столь питательную для упырьствующего поэта влюблённость, «предмет» из средства любви становится её целью. Чтобы овладеть предметом своей страсти, его нужно обольстить. Как? Поскольку признаком влюблённости оказывается сладкозвучная и красочная вдохновенность поэта, тот украшает свои опусы изысканнейшими метафорами, устраивает карнавал образов и маскарад чувств. То есть, все эти изобразительные изыски оказываются не более как маской, под которой скрывается всемогущий Эрос, у которого один всегда оказывается средством (или целью) для другого, но один всегда пожирает другого...

И как найти пропорцию, которая даст то равенство чувств, - общность взаимного чувства, - когда оно становится действительно единым? Ответ простой: этой пропорции нет. И наш поэт приносит в жертву своей любви то, что только и может принести: свой дар, свой мир... И за безыскусностью его стиля оказывается скрытой жертвенная, истинная, любовь, которой чужд кружевной флёр нарцисстических изысков...

Так что же, безыскусность лучше красоты? Но в «Венке сонетов» получилось так - «Не знаю, кто придумал красоту, / Но ей перед тобою хвастать нечем» – и получилось это... прекрасно.

Исповедь

Александр Болотов
В БОЛЬНИЦЕ
Нечаянные заметки

Вере

1

Мне давно хотелось написать об этом чеховском рассказе, хотя прекрасно понимаю: никому, кроме меня, это не нужно, и никаких литературоведческих открытий ждать от этой затеи не следует.

Тут существуют два обстоятельства. Во-первых, эти мои заметки будут, видимо, интересны прежде всего тем, кто сам читал рассказ «Архиерей». Написан он за два года до кончины автора, и Чехов, врач по первой профессии, тогда, конечно, уже знал, что болел смертельно. Смертельной оказалась и болезнь героя рассказа - архиерея, владыки Петра.

Второе, чисто внешнее обстоятельство, это то, что начаты, эти заметки в весьма специфическом лечебном учреждении, в которое я иногда, к несчастью, попадаю. Здесь лечат страдающих хроническим алкоголизмом, а в последнее время и наркоманов. Все они - глубоко несчастные люди, особенно алкоголики. Что же касается наркоманов, то эта публика цинична и, как мне объяснили, приходит сюда отдохнуть от жизни на воле, где их рано или поздно ждёт смерть от передозы. Здесь врачи величину требующейся им ежедневной дозы снижают, наркоманы из больницы уходят, и начинается новый круг их безумной жизни. Я не медик и, может быть, объяснил всё это как-то неточно. Скажу одно: заносчивее и неприятнее наркоманов, этих мнящих себя полубогами наглецов, я не встречал. Если Бабель писал про одну из своих героинь, что в её глазах навсегда окаменело распутство, то в глазах наркоманов, которых мне приходилось встречать, навсегда окаменело презрение ко всем, кто не они. Алкоголики же, в частности я, оказываются здесь после очередного глубокого запоя. У меня он длится, как правило, месяц и выйти из него самостоятельно, т.е. без медицинской помощи, я не могу. После этого год или полтора не употребляю

Если хочешь стать оптимистом и понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вникай.

Антон Павлович Чехов

спиртного совсем, стараюсь побольше и поплодотворней работать, но вдруг на чём-нибудь опять срываюсь.

На чём именно срываюсь - это тема особого разговора.

Случаи бывали разные. Абсолютно не помню причины первого, весьма тяжёлого срыва, произошедшего летом 1994 года и сопровождавшегося слуховыми и зрительными галлюцинациями. Помню только, как обидно было валяться на больничной койке, когда интеллигенция нашего города наслаждалась общением с возвращавшимся в Россию и остановившимся у нас на несколько дней А. И. Солженицыным. Заведующая отделением, в котором я тогда лечился, высокая и статная женщина, несколько раз приглашала меня на беседу. Уже перед выпиской вновь позвали в её кабинет. Пристально взглянув мне в глаза, она спросила:

- А хотите, я скажу, о чём Вы в последние дни думаете?
- ?

- А думаете Вы, что, выйдя от нас, больше не станете пить помногу и подолгу, что перестанете употреблять всякую дрянь - только хороший алкоголь и только по праздникам - 2-3 рюмки, не больше, как и подобает интеллигентному человеку. Ведь верно - такие у Вас планы на дальнейшее? Культурное, как говорится, питьё?

Пришлось тогда сознаться, что примерно об этом я и в самом деле думал.

- Так вот, ничего из всего этого не получится. Вы - наш больной. Начнёте с 1-2 стопок самого благородного вина, а закончите встречей со мной вот в этом кабинете.

Права она оказалась на все сто процентов.

Не стану описывать случаи срывов, связанных с женщинами, - чтобы никого не компрометировать, а главное - чтобы ещё больше не обидеть моего самого большого друга в этой жизни - жену.

Приведу лишь два примера - вполне полуанекдотических, но и вполне реальных. Первый связан с обыкновенным солёным огурцом. Второй - со знаменитым французским коньяком «Камю» (хотя, вполне возможно, что, в отличие от мастерски засоленного огурца, это был фальшак, разлитый в красивые бутылки в каком-нибудь подмосковном сарае).

Года два назад я пришёл по делу к приятелю детства - младшему брату моего давным-давно скончавшегося от полученного в армии облучения лучшего друга детства и юности (история, о которой, кстати сказать, я просто обязан написать, но об этом в следующий раз). Так вот, зайдя к брату моего покойного друга буквально, как мне думалось, на минутку (даже раздеваться вначале не хотел - просто нужно было забрать забытую когда-то у них вещь), я увидел, что хозяйка - гостеприимная Галка, уже накрывает на стол.

- Ребята, - помнится, сказал я, - перекусить с вами, чтобы вас не обижать, я, конечно, сяду, но только, как говаривал Райкин, только без Этого: нахожусь в строгой завязке, т.к. объявил сам себе Год Трезвой Свиньи.

- Ну и не пей, никто тебе насильно в рот лить не собирается. Посидим, поговорим - сколько ж не видались...

И вот тут-то и выкатился на белоснежную тарелку из банки этот злосчастный небольшой огурец. Даже не притрагиваясь к нему, можно было понять, какой он, гад, ядрённый, как умело, с какой любовью засолен, как пахнет от него смородиновым листом и укропчиком, как он станет похрустывать на зубах после того, как она, мамочка, будет уже катиться вниз по пищеводу...

- Ладно, одну я приму. Вот под этот огурец. Но только одну...

- Огурцы, Шурка, нынче и правда удались, грех жаловаться, - сказала довольная хозяйка.

Надо ли говорить, что кончилось всё трёхнедельным запоем и больничной койкой - тоже, кажется, примерно недельки на три-четыре.

На этот же раз я оказался на шикарном банкете по поводу выхода Полного собрания сочинений Великого русского Классика. К выпуску одного из томов этого собрания сочинений я имею небольшое отношение - участвовал в написании комментариев к помещённым в нём «Запискам из Мёртвого дома». Я сидел за богатым столом, угощался всякими вкусными вещами, подливал водку в рюмку сидящей слева интересной дамы. Сам же пил только минералку. А потом заметил, что прямо передо мной стоит полная раскрытая бутылка французского коньяка «Камю», о котором до этого я только читал в художественной литературе.

Решил попробовать, а дальше... Дальше - всё, как по писанному - кошмар месячного запоя и больница...

Нынче всё почему-то проходило особенно тяжело. Должно быть, просто-напросто уже сказывается возраст.

И вообще: весело и приятно пить только первый, ну, может быть, ещё второй день. А потом начинается болезнь - изнуряющая, ничем незаглушаемая тяга к очередной порции спиртного. А главное – боязнь, что вот оно кончится, обнажится дно бутылки, и поэтому загодя, заранее нужно думать, чтоб была следующая, чтоб «керосин» не кончился ни на минуту. Чтоб он был, был... Совсем не обязательно прикладываться к бутылке поминутно, главное, чтоб она имела, чтоб было к чему приложиться, приклониться, чтобы грело душу само её наличие...

А сколько нужно силы воли, да потом уже и просто физической силы, чтобы в очередной раз сходить в магазин. Днём, особенно в первые дни запоя, терзает ещё и стыд: все кругом чем-то заняты, идут куда-то по делам, по дорогам снуют машины, у прохожих озабоченные, весёлые - живые лица. А ты, небритый с прошлой недели, насквозь пропитанный запахом дрянного портвейна, едва переставляя ноги, бредёшь с позорной в общем-то целью - купить очередную бутылку пойла...

Особенно тяжело ночью. И особенно, видимо, именно мне. Потому что чувство полного и абсолютного одиночества терзает меня острее, т.к., находясь в своей комнате, формально я не одинок. Да, измучившаяся со мной за день и вечер, жена спит тяжёлым сном где-то в своей спальне. Но видя, что не сплю я, не спят два других существа - закадычные подружки - старая овчарка Эльза и молоденькая ещё озорная кошка Муська. Они прекрасно чувствуют моё состояние, и мне кажется, стараются как-то помочь. Вот глубоко, по-человечьи вздыхает Эльза. Вот лижет мне руки Муська. И это присутствие двух живых близких существ, которым я ничего не могу объяснить, делает моё ночное одиночество особенно страшным и тяжёлым.

Впрочем, может быть, всё это мне просто кажется, мнится, как говорила моя бабушка.

Три часа. В окно светит полная луна. В бутылке кончается распроклятый портвейн, и опять нужно идти в круглосуточный

ларёк. Начинаю медленно одеваться. Прежде всего обуваю Эльзу - надеваю носок на ту её лапу, которая была когда-то травмирована и поэтому особенно мёрзнет на морозе. Беру с собой собаку совсем не потому, что боюсь идти по ночной улице, этого да и много другого я давно уже перестал бояться. Просто не хочется оставаться одному, да и ей не помешает заодно сделать свои нехитрые собачьи дела.

Эльза рада, она, как и все собаки, всегда рада, когда идёт гулять.

По-иному ведёт себя Муська: прыгает ко мне на колени, опять начинает лизать руки, тереться, как бы говоря: «Не ходи! Ну, не ходи, не надо! Ну, прошу тебя...»

Нервы давно, что называется, в разносе. Я глажу Муську, и слёзы текут по моим небритым щекам. Я испытываю, может быть, самое страшное и самое стыдное человеческое чувство – чувство мерзкой жалости к самому себе. Ссаживаю Муську с колен и иду в прихожую надевать пальто.

На улице ни души. Нам нужно пройти большой, застроенный гаражами двор и перейти широкий проспект, на другой стороне которого и стоит бдящий всю ночь киоск. Сделала свои дела собачка, ей весело и, видимо, даже интересно - не часто приходится гулять глубокой ночью.

Рядом с нужным нам «комком» бесшумно беснуется световая реклама открывшегося здесь недавно ночного игорного дома. Открылся он в помещении, где до этого располагался прекрасный, богатый хозяйственный магазин. Здесь можно было купить всё – от сапожного крема до холодильника, от хрустальной вазы до чугунной печки-буржуйки. Я, например, когда-то купил здесь портагивную пишущую машинку. Иногда просто заходил в этот магазин - полюбоваться на разные красивые и нужные вещи, которые в годы моей молодости были, как правило, ужасным дефицитом, а теперь: покупай - не хочу... И вот сейчас вместо всего этого - какой-то игорный дом... А я недавно приценился в «продвинутом» обувном магазине к импортному сапожному крему: тот, оказывается, стоит чуть ли не столько же, сколько хороший кусок мяса! Бред какой-то...

Вот и ларёк. Стучу. Гостеприимно распаивается амбразура, через которую общаются по ночам продавец и покупатель. Послышалась музыка, пахнуло тёплым и чем-то вкусным. Сквозь узкую амбразуру я не вижу лица девушки, оно где-то там, выше. Вижу только

стройную талию и замечательную, высокую грудь с дерзко торчащими сквозь тонкую ткань блузки крупными, выразительными сосками. Лифчика ночная продавщица явно не носит. Механически лезут в глаза все эти неуместные сейчас детали. Для чего мне сейчас всё это – сапожный крем, соски... Ведь еле ноги передвигаю...

Она берёт деньги, отсчитывает сдачу, подаёт бутылку и даже ласковым голосом благодарит за покупку...

Возвращаемся. Психологически мне становится легче. Делаю большой глоток, ставлю возле дивана почти полную бутылку. До утра, проклятого утра, которое опять принесёт столько проблем, - тяжёлых разговоров, упрёков, ненужных телефонных звонков или даже - не дай Бог! - чьих-нибудь визитов - до этого нежеланного утра ещё далеко.

Ложусь. Кошка тут же забирается мне на грудь. Где-то рядом с диваном, вздыхая, растягивается и Эльза. Постепенно нечто, похожее на сон, приходит ко мне...

Смутно помню, как ещё через несколько дней жена и друзья собирали меня утром в больницу.

- Хотя бы бутылочку пива! Последнюю бутылку пива!.. Я в машине, по дороге...

- Да, купи уже, купили! Не звери же мы...

*А последняя рюмка
из такой выползает тьмы,
что шевелятся волосы на голове у Неверующего
Фомы,
разлепляются губы, силась произнести
давно забытое имя:
Господи, пронеси!..
(Из стихотворения Вероники Шелленберг)*

2

Прошло уже больше половины положенного срока лечения. Я перестал тупо слоняться по коридору или сидеть на кровати, уставившись в пол. Перестал интересоваться только цифир, который,

избавляясь от пустоты, наступающей без алкоголя, здесь пьют почти все. Меня, наконец-то, потянуло читать.

Книг в больнице немного - один шкаф. Но среди них есть немало хороших. И надо же было случиться именно так, что одним из первых мне попался в руки Чехов - тоненький томик из старой серии «Классики и современники». Но «Архиерей» в этом томике был!

Я давно заметил, что книги - это такая удивительная вещь, что, если их собралось хотя бы с полсотни, то обязательно, непременно среди всяческой дряни найдётся и что-то хорошее, а, если повезёт, то и очень хорошее.

Лет двадцать с лишним назад я, вольный корреспондент одной, теперь уже несуществующей газеты, оказался на борту огромного сухогруза «Морской-5». Мы везли уголь за Полярный круг - в Тазовскую губу, но где-то примерно в районе Нового Порта застряли в губе Обской. Оказывается, местами она мелководна, а тут резко подул южный ветер и выдул из Обской губы почти всю воду. Судно наше легло на киль, и 13 суток мы сидели на мели. Вот уж тоска-то была неопишуемая!.. Усугублялась она ещё и белой полярной ночью, которая меня почему-то всегда тревожит.

Вначале я выпил те несколько бутылок водки, которые, следуя советам бывалых людей, захватил с собой для обмена у ненцев на рыбу. Потом, отлежавшись, сходил в душ и начал разыскивать боцмана Юру - помнится, тот говорил что-то о судовой библиотеке. Вся она разместилась в небольшом шкафчике, и всю её (т. е. буквально всю) я прочёл. Особенно мне запомнились толстенные переводные романы братьев-таджиков, узбеков, киргизов и туркмен. В романах рассказывалось примерно об одном и том же - о героическом становлении в этих экзотических республиках родной советской власти, о жестоких басмачах, сорванных паранджах, перерезанных от уха до уха горлах, арыках, хлопке и прочей среднеазиатчине, которой я наелся тогда на всю оставшуюся жизнь. Но даже там, посреди обмельевшей Обской губы нашлись замечательные двухтомные мемуары генерала Игнатьева «50 лет в строю». Не отрываясь, читал я эту прекрасную, умную и нужную книгу - и

тогда, когда, наконец-то, подул ветер с Севера, пришла вода, мы сошли с мели и двинулись дальше - к Тазу, и тогда, когда «Морской-5» выгрузил уголь и пошёл вначале в Салехард - загружаться попутным лесом для Хантов, а затем почти пустой пошёл обратно вверх.

Вот и нынче в этом доме скорби нашёл я не что-нибудь, а нечто из самого любимого – «Архиерея»...

Сколько раз перечитывал я его? Пять, десять?

(Как, замечу в скобках, когда-то бесчисленное количество раз перечитывал рассказ Хэмингуэя «Убийцы» - там я просто ловил кайф от мастерски выписанных диалогов.)

Но здесь-то, в случае с «Архиереем» было нечто совсем другое - гораздо более серьёзное.

Человек одинок. В этом, может быть, самая большая его трагедия. Это понимал Чехов, сочиняя «Архиерея». А ведь Чехов находился тогда на вершине славы, был окружён искренними друзьями и почитателями, за каждым его шагом благожелательно следила пресса, интеллигенция буквально молилась на него. Он видел всё это и всё-таки был одинок. Может быть, как раз потому, что точно знал о своей скорой смерти. Может, поэтому за 12 лет до написания «Архиерея» именно чувство одиночества погнало его во внешне бессмысленную поездку на Сахалин, которая многим до сих пор представляется загадочной и необъяснимой.

Герой «Архиерея» умирает всё-таки внезапно (для себя, во всяком случае). Ему просто нездоровилось в последние дни, но и мысли не было, что это конец. Он страдает от другого, может быть, более тяжёлого, более страшного, чем страх смерти, - от беспросветного одиночества. Родная мать, самый близкий человек, не воспринимает его как сына. Для неё он прежде всего - архиерей, владыка, высокий церковный чин.

Сам-то он искренне обрадовался приезду матери, которую не видел целых девять лет. Шла всенощная под вербное воскресенье. Уставший, ещё не подозревающий, что он заболел не чем-нибудь, а брюшным тифом, архиерей Пётр участвовал в раздаче вербы. «Дыхание у него было тяжёлое, частое, сухое, плечи болели от усталости, ноги дрожали».

И вот именно в этом полубреду ему показалось, что в толпе к нему подошла мать. Она взяла у него вербу и потом всё время хорошо смотрела на него. Архиерей в точности не был уверен, что это именно его мать, может быть, это была просто другая старая женщина, похожая на неё. Но по его лицу потекли слёзы. Вблизи его также кто-то заплакал, думая, видимо, что слёзы владыки вызваны самой молитвой. И вскоре вся церковь наполнилась, как пишет Чехов, «тихим плачем».

А после службы ему и в самом деле доложили, что приехала мать.

Но во-первых, она зовёт его на «вы» (хотя и не это главное), а во-вторых, он всей душой, всем своим существом ощущает, что настоящего-то материнского чувства у неё по отношению к нему, можно сказать, и не осталось. Мешает сан.

К великому сожалению, сам я не верю в Бога, хотя искренне и даже с некоторой хорошей завистью (если может быть хорошей зависть - чувство, как я понимаю, всё-таки греховное) уважаю религиозные устремления других людей. Ну, а отсутствие веры, возможно, мешает мне до самого конца понять рассказ «Архиерей». Однако всё-таки ещё порассуждаю на эту тему. Просто потому, что давно хочется.

«И несмотря на ласковость, с какой она (мать - А. Б.) говорила это, - читаем в рассказе, - было заметно, что она стеснялась, как будто не знала, говорить ли ему ты или вы, смеяться или нет...»

Вот архиерей рассказал, как сильно скучал по ней за границей.

«Мать улыбнулась, просияла, но тотчас же сделала серьёзное лицо и проговорила:

- Благодарим вас.

Настроение переменялось у него как-то вдруг, он смотрел на мать и не понимал, откуда у неё это почтительное, робкое выражение лица и голоса, зачем оно, и не узнавал её. Стало грустно, досадно».

Человек одинок. Каждый из нас шестерых, по самым разным обстоятельствам попавших в больничную палату, это чётко

знает. Каждый и говорит только о себе, редко спрашивает соседа об его бедах, они ему попросту неинтересны.

Хорошо это или плохо? Да и надо ли нам судить об этом? Так получается...

Но мы больны. И лечить врачам надо всех. Нас и лечат. Причём, относятся ко всем одинаково ровно, я бы даже сказал, хорошо. Всячески подчёркивают, что мы именно больные, а не преступники. Хотя среди нас попадаются ребята ещё те. Мне, например, дали почитать книгу «Отзывы и предложения пациентов».

Вот одна из записей:

«Я наркоман с многолетним стажем и для меня поспать в сутки 3-4 часа - это счастье... Ближе к делу. В 23.00 отбой, мне только что прокачали на ночь капельницу, и я решил попить чайку с вареньем. (На самом деле, наверняка захотел в полночь заварить себе шары - жуткой смеси из чифира, сгущёнки и таблеток димедрола - А. Б.) Еле нашёл чайник, набрал воды, поставил, прихожу, а там пусто, нету... Пошёл искать, а прихвостни вашего персонала его ташат...» И так далее - в таком же презрительном и скандальном духе.

«Какой я архиерей? - говорит герой чеховского рассказа перед предсмертным кровотечением. - Мне бы быть деревенским священником, дьячком или простым монахом... Меня давит всё это... давит...»

Только умирающего старая мать снова стала называть Павлушей, сыночком и голубчиком. Только умирающего...

- Не беспокойте владыку, - услышала она в ответ от одного из приближённых к архиерею.

Так ничего и не смог ответить матери умирающий.

А через месяц с небольшим уж мало кто и верил, что у неё был сын-архиерей...

Ну, а мы-то, мы-то что? Что нам-то делать со своими малопонятными жизнями?

Постараюсь быть искренним. Чувство вины после каждого срыва есть. И немалое. Запущены дела, не выполнены обещания... Но с выздоровлением всё это постепенно выправится, сделается. Работать я пока, вроде бы, не разучился. А людей,

которые не поймут, не простят, не помогут, вокруг меня пока, кажется, нет. Или почти нет.

Пустота в душе, одиночество - от них избавиться труднее.

Через какое-то время не все, повторю, верили, что у героини чеховского рассказа был сын-архиерей.

Тут легко провести нехитрую аналогию: пройдёт совсем немного времени после нашего естественного физического ухода из этого прекрасного, единственного и ужасного мира, и мало кто станет верить развесёлым и грустным рассказам других людей о наших делах.

Ну, чуть дольше, чем мы сами, чем рассказы о нас, проживут написанные нами книжки. Но «всё проходит», было, говорят, написано на кольце мудрого царя Соломона. А хороший писатель Всеволод Иванов усмехался, думая на подобные темы в конце своей жизни. «Всякая литература, - писал он в 1962 году, - через сто, двести (триста лет уже для Шекспира) отмирает. И почему ей не отмирать, когда гибнут целые цивилизации, уходя бесследно во тьму?»

А может, говоря об этом с некоторой, повторю, усмешкой, Всеволод Иванов - вольно или невольно (хочется думать, что вполне сознательно) бесстрашно смеялся над самым страшным в нашей короткой жизни - над одиночеством? На следующий год он умер от рака, не дожив и до 70-ти.

* * *

И маленький, чисто «литературоведческий» экскурс. Оказывается, Чехов работал над своим «Архиереем» долго и трудно. За год до появления рассказа признался жене, что тот «сидит у меня в голове уже лет пятнадцать».

При публикации болезненно ждал вмешательства цензуры («не уступлю ни одного слова»). Но с этим как-то обошлось.

Рассказ нравился Льву Толстому. Тончайший, придирчивый и завистливый Бунин утверждал, что «Архиерей» «написан замечательно», говорил об его красоте.

А вот современная Чехову критика, хоть формально рассказ и похвалила, но глубины его по-настоящему не поняла.

Критика же советская (например Г. Бердников в серии ЖЗЛ, 1974), как и во многих других случаях с Чеховым, сделала автора «Архиерея» неисправимым оптимистом, воспевающим могущество неостановимой, продолжающейся жизни.

Ну что тут поделаешь - махровый соцреализм стоял на дворе...

Да, недавно случайно узнал: сухогруз «Морской-5» продали с Иртыша куда-то на Каспий. Кто-то владеет им теперь, может быть, бывшие братья по Союзу ССР, а может, даже иранцы?.. Тоже грустно: когда-то я провёл в его каюте почти полтора месяца, и это были, как я теперь понимаю, не худшие полтора месяца в моей странной жизни. Ведь я не только пил предназначенную немцам водку, но и написал тогда немало - причём, не только обязательный очерк о «Морском-5» и его команде, но и ещё несколько вещей, которые вошли потом в книги. Именно в этой каюте решился попросить рекомендацию в Союз писателей у одного из самых уважаемых мною людей - у новосибирского литературного критика Николая Николаевича Я.: бросил ему письмо где-то, кажется, в Салехарде, а вернувшись потом домой, нашёл на столе пакет из Новосибирска, и, ещё не раскрывая, уже по его толщине понял: рекомендацию Н.Н. мне дал!

Из иллюминатора этой каюты я смотрел тогда на проплывающие мимо пустынные обские берега, вдыхал тянущий с Ледовитого океана ветер. Мне было уже сорок, но почему-то казалось - всё ещё только начинается...

В больнице на этот раз меня продержали недолго – ровно три недели. Двадцать один день. Счастливое – для игроков – число.

А что – может, поиграем ещё и мы? Может, не всё уже позади? И может, придут ещё к нашей скромной тройке желанные семёрка и туз?..

Цветы усопшим

ЧТО ДЕЛАТЬ С ПИСАТЕЛЯМИ?
Фрагмент записи выступления
Романа Солнцева
(круглый стол в Москве, 08.09.2005г.)

важные коллеги! Сегодня, за нашим Круглым столом в громко кричащем, бушующем море Всероссийской книжной ярмарки мы попытаемся услышать друг друга. Нам предложили обсудить проблему, болезненную и давно требующую хоть какого-то разрешения: издание книг современного писателя в российской провинции и распространение этих книг.

Конечно, об этом думает явное меньшинство писателей России, так как большинство членов всяких СП в Москве – там их около 7 тысяч, да в Питере – тысячи две. Во всей провинции нас, дай бог, наберется человек четыреста-пятьсот. Из них – руку на сердце положи – ярко работающих – сотня.

Так как же живет хотя бы этой сотне?

Прежде чем начать работу, я с вашего позволения зачитаю несколько фамилий из этой сотни. К сожалению, наше общество ныне лишено социальной направленности. Утеряны даже те крохи внимания со стороны государства, которые имелись при советской власти. Правда, тогда не было главного – свободы слова. Сейчас она есть, но под цензурой дикого рынка. Особенно поэзия никому не нужна. Выстоять удастся немногим.

Итак, *список русских поэтов*, которых мы потеряли за последние несколько лет:

ХАБАРОВСК. Покончил с собой самобытный, яркий стихотворец Виктор Еращенко.

ВЛАДИВОСТОК. Покончил с собой талантливый Анатолий Бочинин.

ИРКУТСК. Кто не помнит одаренного и бесшабашного Петра Реутского? Пил, не вписался в крутые повороты времени...

КРАСНОЯРСК. Николай Рябеченков, бывший строитель красноярской ГЭС, писал острые стихи, не мог издаваться, пил, умер от безысходности в пятьдесят три года. После его смерти мы (в учрежденной с В.П.Астафьевым серии “Поэты свинцового века”) напечатали итоговую книжечку Рябеченкова.

Смерть достаточно близка, чтобы можно было не страшиться жизни.

Фридрих Ницше

Заодно вспомним о том, как Иван Захаров, автор прекрасных песен, бедствовал, работал сторожем на рынке, был убит ночью неизвестными...

НОВОСИБИРСК. Остроумный и печальный Николай Самохин, поэт, писавший прозу, не мог напечатать, что хотелось бы, – покончил с собой...

КЕМЕРОВО. В 2000 году в Кемерово от передозировки наркотиков скончался одаренный поэт Максим Уколов. В 2002 году умер Владимир Матвеев, детский поэт, жил в общежитии, пил. Погиб Константин Акатнов, пил. На него наехала машина, когда шел к друзьям за картошкой. Владимир Ширяев, поэт, в состоянии алкогольной агонии сделал себе харакири... В 2003 году умер Анатолий Кругляков, впавший в депрессию, – получил отказ кемеровской администрации на издание книги к 60-летнему юбилею.

(Впрочем, надо сказать, в Кемерове несколько прикормленных поэтов, пишущих оды местной власти, издаются неплохо. Но это тема не нашей заботы.)

ТОМСК. В 1998 году при седьмой попытке суицида ушел из жизни талантливый молодой поэт Максим Батулин, не печатали. В 1986 г. умер Михаил Орлов, поэт и прозаик. Его главная книга вышла только посмертно, хотя даже Вениамин Каверин просил ее издать.

В 1995 году ушел из жизни Владимир Антух, молодой замечательный поэт, не дожидаясь приема в союз и издания второй книги. Павел Лобанов покончил с собой, не дожидаясь книги, которая уже была в производстве. Владимир Брусьянин, публиковавшийся в “ДИН”, поэт, выпустивший три книги, умер от болезни, водки и безнадёги. И старая Руфь Тамарина, после лагерей прожившая до преклонного возраста, умерла в нынешнем, 2005 году слепой и почти забытой...

ОМСК. Кто теперь не знает удивительных стихов Аркадия Кутилова? Поэт последние свои дни бедствовал и был найден мертвым в сквере...

ПЕРМЬ. Здесь несколько иных, но не менее страшных смертей. Убит Борис Гашев, гениальный, как считают коллеги, поэт.

Убит Николай Бурашников. Хороший стихотворец Владимир Сарапулов выбросился с 9-го этажа. Юрий Власенко, талантливый поэт и прозаик, ушел пьяным из дому в лютой мороз, – больше его никто не видел. Татьяна Геркуз (Кузьмина), поэт-сатирик, умерла от рака, отказавшись от операции, потому что не хотела жить...

ВЛАДИМИР. Талантливый писатель Владимир Шарипов умер, не дожив до операции, хотя за помощью обращались через ТВ.

ТУЛА. Погибла в пожаре на даче талантливая поэтесса Ольга Подчемутова. Успела с трудом напечатать один сборник в местном издательстве.

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ Поэт милостью Божьей Владимир Лёушкин при жизни не издал ни одной книжки, в 1999 году зверски убит в общежитии, по заказу родного сына. Фамилия убийцы – Ангелади. Нарочно не сочинишь. Виктор Колпаков, вечный разнорабочий и неприкаянный поэт. Мечтал издать книгу, но этому не суждено было сбыться. Четыре года назад его нашли мертвым в домишке, доставшемся ему от матери. Причина смерти до сих пор не установлена. По просьбе краеведов Менделеевска коллеги из СРП подготовили к изданию книгу Колпакова, но из-за отсутствия денег издать ее так и не удалось...

Я привожу лишь некоторую часть списка. Добавлю имена, известные всей стране: замечательный поэт Николай Дмитриев умер – это случилось совсем недавно – от безысходности и нищеты. У классика русской поэзии Юрия Кузнецова не было денег на лечение сердца. Глеб Кузьмин, молодой поэт, умер от пьянства и безработицы. Умерла Татьяна Бек – от тоски и неуверенности в себе... под злобными нападками коллег...

Конечно, трудно винить в этих бедах лишь одно государство, но то, что оно могло бы, хотя бы в этот переходный период, быть милосерднее, внимательнее к людям искусства, – несомненно...

*Цитируется по:
«Дни ночь», 2005, №11-12*

Виктория Кинг
НА СМЕРТЬ ПОЭТОВ

Нас, узкий кружок русскоязычных калифорнийских интеллектуалов, очень взволновала статья Романа Солнцева «Что делать с писателями». Поэты гибнут в стране, где метания человеческой души никому не нужны. Страшная статистика самоубийств!

Они находились в поиске прекрасного, были носителями божественного слова. Без куска хлеба, творили, потому что не могли иначе, но оказались выброшенными за борт. Кому нужны парение разума и страдания влюбленного сердца?

Сейчас в России, похоже, все предельно просто: в обиходе неприкрытая торговля собой и своим пером. Причем как можно дороже. Но не у всех это получается, и не все на это согласны. И закономерно возникает выбор: жизнь или выживание.

Неужели время теперь такое – «нищета духа и идеалов поражения»? Однако невозможно поверить, что люди не читают поэзию, и их больше не одолевает в ночи волшебство мира грез. Не может же, в самом деле, жизнь состоять только из повседневных материальных забот, из вечного бега в никуда, кружения в пустоте...

Несомненно, гибель поэтов – это признак трагедии общества, обнищавшего духом. Остается удивляться, почему модная ныне «благотворительность» не нашла пути к провинциальным литераторам.

Увы, удача всегда проходит мимо мечтателей. Конечно, сложно мечтать, «влипая» в электронные игры и часами просяживая за чатом в Интернете. Но душа ведь остается живой. И она саднит потихоньку, ее электронными чудесами не обманешь!

А, может, души нет, и болеть уже нечему? Тогда мы живем в страшное время, богатое на технические новшества, но скупо на сочувствие, добро и понимание.

Страшно и горько.

*Калифорния,
г. Санта-Мария*

Марианна Фаликова
**КОГДА БЕССМЕРТИЕ «КОЛЛЕКТИВУ»
НЕ НУЖНО...**

В Кемерово хорошо знали Володю Ширяева. Не очень складный на вид, немного заикается, когда спешит сообщить очередную новость. Пробует себя в издательской деятельности:

– «Горицвет» интересная газета, найдите спонсора, не пожалеете!

Но проект быстро увядает, и он пробует себя еще несколько раз на этом поприще – не получается. В конце 90-х настойчиво предлагает перейти в Союз российских писателей:

– Вот ведь нас трое, и еще у меня человек на примете, – чем не ячейка!

Не сбылось. Хотя время показало, что он был мудрее тех, кто пришел к этому решению позднее.

Он жил преимущественно в своем деревенском доме, завел огород. Выращивал тыквы какой-то сверхъестественной величины, и писательская братия по-доброму над ним подшучивала:

– Фермер!

Он писал стихи. Очень светлые, простые и добрые, как хлеб. Незадолго до конца писал прозу. Какая-то не по вкусу сотоварищей она была, проза Володи Ширяева. Небольшой кусок из чуть не последней повести про некоего Славу Букреева появился в газете «Кузнецкий край» в сопровождении любопытной преамбулы.

Из нее мы узнаем, что один из сотоварищей-писателей высказался так: «*Повесть Владимира Ширяева – это аксеновщина самого скверного пошиба... Мы знаем, что Аксенов в конце концов предал Родину и сбежал к американским сионистам. Ты, Владимир, идешь по их стопам. Что ж, мы тебя не держим. Катись колбаской в свою проклятую Америку!*» (это притом, что более выраженного «русича», чем Володя, трудно представить!).

Высказался и бывший машинист электровоза, ныне поэт, и в большой чести в своей организации, который возмутился слишком «абстрактными» размышлениями автора: *«Почему-то главный герой повести Слава Букреев все время думает о бессмертии. Он буквально зациклился на этом. Не о бессмертии, Володя, надо думать, а хорошими делами утверждать себя в коллективе!»*.

Что ж, тыквы – это было потешно, это прощалось, а вот бессмертие...

Надо сказать, что Ширяев всячески пытался избежать привычных возлияний, и это ему иногда удавалось, ведь жил не в городе.

А тут – повстречался с весьма почитаемым в Кузбасе, и, в частности, в писательской среде прозаиком, эссеистом (он же - известный мастер-иллюзионист, нередко выезжавший на гастроли за границу), который только что вернулся из Японии. Побывал у него дома – провести вечерок. Конечно же, выпили. Очевидно, говорили о харакири. И захмелевший Володя применил услышанное на себе. Иначе невозможно объяснить его самоубийство...

Такие поступки не бывают спонтанными. И Ширяев не выглядел человеком, подверженным аффективным действиям.

Возможно, он просто «задохнулся» в среде, где любое шевеление мысли, как, скажем, раздумья о бессмертии и о «философии жизни» объявлялось происками «американских сионистов».

Статья Романа Солнцева «Что делать с писателями?» как нельзя более своевременна. Жутко читать приведенный им список. Одаренные люди, поэты, уходят из жизни, за ненадобностью поэзии. Впрочем, «прикормленные» (выражение Солнцева) выживают...

«Непохожие» – гибнут. Они не просто спиваются, они именно «задыхаются» в климате, где выжить труднее, чем умереть...

Рецензии

Татьяна Багрова
ГОРОДОК, В КОТОРОМ НИЧЕГО НЕ
ПРОИСХОДИТ
(о рассказах Светланы Василенко,
«Новый мир», 2005-2006)

В старые добрые времена книги писали писатели, а читали все, теперь же книги пишут все, но не читает никто» – фраза английского драматурга Оскара Уайльда относится в наши дни даже к заядлым книголюбам, которые, – увы, – стали действительно меньше читать. Но не потому, что по каким-то причинам охладели к литературе. Просто среди огромного числа издающихся сейчас «опусов читателей» (ибо теперь создается впечатление, что пишут не писатели, а пишут, в основном, читатели, возомнившие себя творцами) отыскать настоящее живое слово стало сродни работе археолога, столько красочных – и не очень – томов приходится разгребать, чтобы обнаружить мысль, а не очередное «мыло», от которого мудрый организм защищает каждую наработанную годами извилину мозга, а потому насылает читающему головную боль, хотя нередко иным – «слезы умиления», бывает и такое...

Зато, если повезет, и судьба щедро подбрасывает тебе «алмаз» в куче мусора, – забываешь обо всем. Причем открытия происходят часто как бы случайно; я, например, искала бухгалтерский форум в Интернете, что-то не то нажала или не так набрала, и вот – пожалуйста – наткнулась на два произведения Светланы Василенко, – московского автора.

Пробежала глазами начало повести «Город за колючей проволокой» – заинтересовалась изложенной устами главной героини легендой о дочери Бату-Хана – красавицы Тубе и, недолго думая, нажала правой клавишей мышки на функцию «сохранить».

Потом, за делами, о скаченных произведениях забыла. И только через неделю, обнаружив в «Моих документах» Интернет-файлы, открыла, вчиталась в первые строчки, и...

Многоточие не передаст ступор, в который вогнали меня две эти небольшие повести. Было уже два часа ночи, когда,

Есть критики, считающие произведение автора эпиграфом к своей рецензии.

Станислав Ежи Лец

прочитав на два раза и «Город за колючей проволокой», и «За сайгаками», сидела над последним листом в благоговейном смятении, не шевелясь, чтобы не расплескать наполнившие меня чувства.

Это как в театре – после заключительных реплик, когда актеры замерли в немой сцене, занавес ползет с двух сторон к середине, а около выходных дверей суетятся контролерши с нераскупленными программками в руках, а зал – ставший вдруг единым организмом, замороженный, – молчит. Молчит минуту, другую, и только потом, постепенно приходя в себя, стряхивает волшебные тенеты высокого искусства, поначалу робкими, а потом переходящими в овацию аплодисментами.

Так и со мной – в первые минуты после прочтения мне не хотелось ни говорить, ни думать, только наслаждаться просветлением от соприкосновения с подлинной духовностью, от которой трудно оторваться и к которой, испив чистой и искренней правды, хочется припадать вновь и вновь.

– Поздно уже! Что читаешь, – муж заглянул через плечо, – о чем?

Задумалась. Это о романах некоей на диво плодovitой детективщицы можно сказать – о чем. Там – все просто. А здесь...

О чем? Про то, что киносъемочная группа, снимая документальный фильм в родном городе автора («Город за колючей проволокой»), «химичит», и так, и этак, чтобы сказать именно то, зачем приехали, притом не слишком «озадачить» начальство той голой истиной, что лезет из всех щелей?

Или про то, как две далеко не молоденькие женщины в ресторане, «сменив кожу» – привычные джинсы и свитера – на ласковый шелк модных платьев, ищут романтических встреч, устав от будней («За сайгаками»)?

Нет! Это, скорее, – всего лишь канва, по которой умелый мастер вышивает непростое повествование о человеческом бытии, каждый день которого приносит лишь новые испытания. Выстоять и не растерять самое драгоценное, что есть в душе, способны лишь те, кто не отсек своих корней, не забыл заветы предков и не утратил той детской непосредственности,

о которой в Новом Завете не раз упоминал Христос.

Все у Светланы Василенко оттуда – из детства. Малюсенький поселок Капустин Яр, засекреченный еще по недавним временам из-за постоянных испытаний ракет, – крошечная точка на карте, где почти все улицы имеют военные названия – имени Советской Армии, Авиационная, Победы, Солдатский Парк, Артиллерийская набережная. Этот населенный пункт с одноэтажными уютными домами и с очень разными жителями – хорошими и плохими, умными и простоватыми – вселил в худенькую девчущку такой крепкий жизненный стержень, какой не согнула даже взбалмошная московская суета с ее страстью ко всему гламурному, зыбкому, преходящему – и в искусстве, с «поп-притопами» и бессмысленными абстракциями, и в любви, сведенной к однодневным всплескам.

Автор протестует против этой «временщины», его корбит от «после нас хоть потоп». Глазами главной героини в «Городе...», где во время Карибского кризиса намечался атомный удар исконно-вредоносных Штатов, читай, – Апокалипсис, в этом маленьком городе, где «конец света» пронесло мимо и в котором ничего не меняется, вплоть до шаткого деревянного мостика, памятного героине еще с детства; в этом городке, где ничего не происходит, автор с ужасом наблюдает страшную картину: Апокалипсис-то все-таки произошел после проведенного с помпой разоружения – уничтожения ракет; распадается не только городок, в котором исчезла основа жизнедеятельности – производство этих ракет, а отсюда – гибель знакомых и дорогих сердцу людей; по политической прихоти высокого начальства они, лишенные смысла и средств существования, мыкаются по жизни, ища нового вектора, нового стержня, и не находят их. Кто-то спивается, а кто-то сводит счеты с жизнью. Это – Саша Воронин из «Города...», спившийся без любимой работы и в конце концов кончивший самоубийством. Это – Саша Ладошкин («За сайгаками»), отчаянно бросившийся спасти героиню от самой себя, то есть от глупого поступка, о котором – как он узнал? – она бы потом долго и мучительно жалела, самораспинаясь на мысленном кресте. Ее-то спас, а сам...

И не зря, ох, не зря даже имена у этих ребят совпадают, потому что Александр – с греческого – «мужественный защитник», выходит полным победителем в рассказах Светланы Василенко – победителем невежества, злобы, равнодушия, и даже победителем над костлявой старухой с косою, потому что остался бессмертным в памяти героини и у нас, читателей. Он, – который с самого начала повести невольно ассоциируется с погибающим от голода птенцом в гнезде, почему-то брошенном родителями. Но в детстве героиня пыталась спасти птенца, и – «заспала», положила под мышку и раздавила. А в колющей взрослой жизни «птенец» спасает ее, пожертвовав жизнью.

Нельзя не отметить, что натуралистичность описания голодающих птенцов не отторгает читателей, а заставляет щемить сердце, таково мастерство автора; необыкновенная «прямота», простота описания, добирается до самых «застылых душ», заставляет вздрагивать...

Еще о чем произведения Василенко? О «дураках» и «дурочках», – как принято в народе называть безобидных «даунов», – о тех, кто подвергается насмешкам и никогда не дает сдачи обидчикам. Потому что, – как дети, – умеют прощать и забывать. Вот эти самые презираемые персонажи «Города...» и «За сайгаками» Надьки и Лешки оказываются на деле библейским примером смирения, достойным подражания.

Эта сквозная тема – еще от романа «Дурочка», щемящего и символичного, снискавшего автору особую известность. В охмуренном мире кто сумеет сохранить праведность детства? Разве что «дурочки» – так и выглядят в глазах успешно несущихся по жизни обывателей те, кто, следуя древнейшим заветам, остаются «просты как дети».

Но Завет говорит еще такое: «Будьте мудры, как змеи, и просты, как дети». Так не в том ли мудрость, чтобы до конца жизни сохранить праведность детства. И не случаен эпизод: перед ожидаемым атомным ударом городок пытается спасти детей, погрузив в автобус, чтобы увезти в степь. Но «дурочке» Наде места в нем нет. Зачем? Ведь все равно – «дурочка». Пропадет – и не жалко. Но те, кого так многоумно вывезли в

голую степь – для спасения! – случись атомный налет, были обречены на неминуемую гибель. А вот «дурочка» Надя спряталась в яму, в которую упала, и, глядишь, шансов на спасение ее «дурацкая мудрость» предоставила ей хоть сколько-то.

«Господи, кто из нас даун, – думает Света в «Городе за колючей проволокой», внезапно озаряясь пониманием, – кто из них двоих с Надькой чище и праведнее? Кто мудрее в конечном счете?».

Покорил язык, которым ведется повествование. Только человеку исключительного таланта под силу нанизывать слова, как жемчуг на нитку, сотворяя из самых простых словосочетаний ужас маленькой девочки, впервые почувствовавшей – что такое *предавать* («Город...»), ведь она была «тихой девочкой» и, в общем-то, легко смирилась с тем, что в спасительном автобусе места для закадычной подружки Нади не оказалось...

Или как просто, без изысков, не опасаясь повторов слов, которые лишь подчеркивают основную мысль, передается стеснительность замужней женщины, открывшей вдруг для себя силу желаний, что начинают, довлея над разумом, управлять ею и заставляют делать то, что, казалось, никогда не смогла бы («За сайгаками»).

Автору совершенно чуждо многословие – два-три предложения, – и перед нами вся картина, – как эпизод в фильме – с декорациями, действующими лицами, костюмами и гримом.

Я, когда дошла («За сайгаками») до описания гибели под колесами «газика» малыша-сайгачонка, почувствовала, как начинаю задыхаться от возникшего в горле плотного кома, – так явственно описан, всего в шести строках – весь ужас крохотного животного перед надвигающейся смертью, а потом – котлеты, которые на завтра предлагаются героине – не пропадать же дичи, в самом деле...

Слезы сами собой катились из глаз, и я, вместе с героями, оплакивала кровь малыша, принесенную в жертву для искупления Сашки и Светы, от человеческой растерянности и недомыслия...

По легенде («Город за колючей проволокой»), хан Батый, умирая, приказал расплавить все его золото и отлить статую

любимого коня, которую велел закопать в степи, а где – никто не знает. С тех пор все его ищут...

Люди и в жизни ищут золото. Ищут в земле, океанах, на чердаках старых домов, и все – пустые хлопоты. Кто-то от бесплодных поисков сходит с ума, кто-то оказывается на краю нищеты.

И мне тепло от мысли, что в наш век всеобщей сумасшедшей погони за дармовым богатством еще появляются литературные произведения, которые – пусть всего несколько человек, – но заставят задуматься о другом пути, о поисках сокровищ, которые не подвластны ни ржавчине, ни глени...

На берегу речки Ах-Тубе, в которой русалкой пребывает утопившаяся от безысходности ханская дочь, бытует легенда: иногда золотой конь Батый-Хана высвобождается из захоронения и скачет по степи, цокая золотыми копытами.

Легенда живет в маленькой девочке из степного городка, ставшей известной писательницей. В разноголосице, реве и зловещем уханье мятущегося мира ей слышится золотой звон – несется на просторе ханский конь, что вырвался на волю...

*Кемерово,
май 2006г.*

Олег Курзанцев
«НА ДОБРЫЙ ВСПОМИН...»
(о новой книге
Александра Лейфера)

Недavno на глаза случайно попала книжка с портретом пожилого человека на обложке. Простое русское лицо, пытливый взгляд под круто изломанными бровями... Спросил знакомую, в доме которой и увидел эту книжницу – кто это? «Исследователь Омской области», - ответила она.

Александр Лейфер раскрывает нам интереснейший жизненный путь, не побоюсь этого слова – поистине великого

«На добрый вспомин...»: о новой книге Александра Лейфера

подвижника русской культуры.

Трудно представить гигантскую работу, которая была стержнем жизни Палашенкова. Он вмещал в себе одного археолога, этнографа, музейщика. Одним словом, - он был *Создателем*. По своей природе. «Собиратель земли смоленской», - так назвал его К. Федин. И, несмотря на это, ему пришлось Смоленск покинуть – ввязался в «нехорошую» историю: хотел помешать строительству нового здания то ли управления милиции, то ли тюрьмы, из стройматериалов смоленского Кремля. А ведь Палашенков еще был и *Спасателем*. Он хотел смоленский Кремль спасти. Стояли двадцатые годы. Пришлось покинуть Смоленск и музей, который он там создал, и уехать в Томск, потом – в Омск (предварительно пройдя через ГУЛАГ, как потом выясняется из его письма).

Мало кто знает, что он спасал и тобольский Кремль, уникальный в Зауралье. В 1938-1940гг. детально описал находившееся в запустении здание. Попутно – ибо он был и *Искателем*, нашел на Тобольском Завальном кладбище могилы Муравьева, Вольфа, Барятинского, Кюхельбекера...

Так, Кремль в городе Тобольске (Омская область) был принят под особую охрану и попал под реставрацию за два года до войны.

Ну, а будучи уже заморожен Тобольском, как было не спасти от сноса Дом Ершова, автора «Конька-Горбунка» - правда, это было много позже...

В Омске Палашенков, конечно же, тоже «создал» музей – с 1943 года был его директором. Бесценны записки посетителей в особой тетради военной поры...

Он был *Музейщик*. За семь лет, с 1950 по 1957гг., открыл несколько филиалов своего музея. Особо интересно кажется то, что к 150-летию смерти А.Н. Радищева рвением Палашенкова была установлена мемориальная доска и заложен памятник в селах Копьево и Артын.

Он был членом Географического Общества – заместителем председателя Омского отдела, открытого, собственно, тоже его стараниями.

Олег Курзанцев

А еще он был дружен с внуком Достоевского, инженером Андреем Федоровичем. Поддерживал связи с семипалатинском и с тамошним музеем Достоевского. В 1962г., когда там ремонтировали Дом Достоевского и выбросили весь деревянный декор с окон под предлогом «мы лучше сделаем», одну половину ставни увез домой. «Некоторые не чувствуют аромата прошлого, надо их приучить тонко воспринимать историю», – его изречение.

Он – аромат времени чувствовал. Он был радетелем за сохранение связи времен и связи людей во времени.

Он был беспокойным человеком, А.Ф. Палашенков, и за это «власти», если не наказывали, то и не поощряли, говорили о нем «сквозь зубы». А. Лейферу удалось деликатно и с глубоким сочувствием, не скрывая своего восхищения, написать об этом удивительно полифоничном человеке.

Читатель уже с Палашенковым сроднился и потому с радостью читает, что в 1989 году на домике его по улице Успенской установлена мемориальная доска, а в 1993-м краеведческий музей возобновил после многолетнего перерыва выход своих «Известий», причем первый выпуск (№2) «посвящается светлой памяти историка-краеведа Андрея Федоровича Палашенкова» и публикуется с его большой фотографией.

Писатель Виктор Григорьевич Утков, которого А. Лейфер считает своим учителем, сказал о Палашенкове, что такие подвижники – это «люди, принадлежащие, не только берегам Иртыша, а тому всемирному движению человечества вперед, к счастью, которое и осуществляется отдельными личностями».

А. Лейфер бережно, тонко, с истинной любовью сумел доказать, сколь достоин почитания этот удивительный Палашенков, который и в ГУЛАГе побывал, и в истории культуры Смоленщины и Сибири оставил незабываемый след. Былые же его недруги оставили – свой, недостойный «доброего воспомина»....

г. Кемерово,
июнь 2006г.

Ксения Тилло
«КОД ДА ВИНЧИ»: МОЖЕТ ЛИ
БЕСТСЕЛЛЕР ПОВЛИЯТЬ НА
МЕНТАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?

Существуют две истории: история официальная, которую преподают в школе, и история секретная, в которой скрыты истинные причины событий.

Оноре де Бальзак

Тягостное впечатление. Фильм поставлен по одноименной книге, бестселлеру Дэна Брауна, журналиста и писателя.

Но если в книге детективное действие разворачивается вокруг *Идеи* – злонамеренного стремления католической церкви уничтожить потомков Иисуса Христа, живущих по сию пору во Франции, в фильме – все наоборот.

Мы видим «крутой» детектив, в котором изобилуют погони, перестрелки, таинственные злоумышленники, плетущие сеть интриг. Здесь они всего лишь *Идею* обрамляют: потомки Христа в постоянной опасности – они представляют прямую угрозу католической церкви, поскольку сам факт их существования развевает двухтысячелетний флер божественной, неземной сущности Христа, а стало быть, его Воскрешения. То есть никакого *Чуда* не было, и два тысячелетия поклонения *Чуду* – обман, и, стало быть, Ватикан теряет свои мировые лидирующие позиции. В канве фильма явно превалирует Дэн Браун-журналист над литератором.

При чтении его одноименной книги первая мысль – все это уже где-то встречалось, мы имеем ввиду саму *Идею* (детективная часть, само собой, встречается повседневно, ныне это самый излюбленный жанр массового чтения).

И в самом деле – Дэн Браун, похоже, от корки до корки изучил серьезное исследование 70-х годов «Священная загадка» М. Байджента, Р. Лея и Г. Линкольна (еще десятилетие назад переведенное

на русский язык). Библиография этой книги составляет более трехсот академических источников и примерно столько же разъяснений в комментариях.

Хорошую службу сослужили Брауну, по-видимому, также книга Роббера Амбелена «Драмы и секретные истории» (Париж, 1981) и книги «Цари Грааля и потомки Адама и Евы», равно «Чаша Грааля и потомки Иисуса Христа» Лоренса Гарднера, написанные на основе изучения древних манускриптов, апокрифов и уникальных архивных документов.

Идея перечисленных книг – отнюдь не желание опровергнуть божественное начало Иисуса Христа, а взвешенная аргументированная попытка доказать, что существующие поныне потомки Спасителя – наследники древней Галльской династической линии Меровингов и, соответственно, злокозненные обстоятельства, сопутствующие их биографиям, – результат сопротивления тому, чтобы во Франции появился законный Монарх из этой династии.

Книги захватывают суммой аргументов, свидетельствующих о человеческой сущности Христа, он «Сын Человеческий», - но разве не все люди суть Божьи создания и дети Его?

Дэн Браун в своей книге мало что использовал из этой увлекательной аргументации, во многом основанной и на книгах историка и писателя первого века нашей эры Иосифа Флавия «Иудейская война» и «Иудейские древности». Из них мы узнаем – как версию – что, возможно, Христос сам участвовал в обороне Иерусалимского храма в войне с Римом в 69-70 годах нашей эры. И что отец его был зелотом, то есть последовательным борцом за освобождение от римского ига, равно как и два брата его, Яков и Симон: как версия – именно они были распяты вместе с Иисусом под видом разбойников, зелотов, то есть «отщепенцев», а зелоты – мощная политическая партия, которая добивалась освобождения от римского владычества, равно и от Храмовых первосвященников иудеев, во всем покорных Риму.

Мы узнаем, что Христос был «царем, который не царствовал», поскольку был прямым потомком царей Давида и Соломона, так что таблица, прибитая на навершии креста, «Царь Иудейский» - отнюдь не свидетельство жестокой римской иронии, а признание факта: вот за что распят этот человек, ибо он – прямая угроза

Риму.

И, наконец, о потомках: уточняется год рождения Христа и его статус: к моменту распятия ему 37 лет. Высокообразованный отпрыск царственного рода принадлежал к аристократии Иерусалима, и был женат династическим браком на Марии Магдалине, из царственного же рода колена Вениаминова. Объединившись, они укрепляли партию, которая боролась с Римом, поскольку такой брак вел к единению иудейской просвещенной аристократии.

После распятия, окутанного загадками (см. «Апокрифическую повесть», «ГС» №3), дети Христа и Магдалины – дочь Фамарь, что означает «Пальма», Иисус второй (Праведный), который впоследствии побывал в Риме, и Иосиф, вместе с матерью и родственником, Иосифом Аримафейским, бежали морем в Галлию и остановились в Марселе. По некоторым источникам, в 45 году нашей эры Христос короткое время пребывал с ними, потом вернулся в Рим и следы его теряются в Индии или Тибете.

Тщетно упоминать все эти увлекательные «за» и «против» человеческого начала Христа (например: поскольку его везде именуют Равви, то есть «Учитель», он просто не мог быть не женат, ибо иудейский закон неженатому человеку запрещал «учить», и более того, celibat почитал за смертный грех). Тщетно оттого, что самого Дэна Брауна они, похоже, ничуть не увлекли и он лишь поверхностно использовал почерпнутые сведения, чтобы создать «ядро», вокруг которого раскручивается детективно-полицейское действие.

В книге «Код да Винчи» эти «следы сведений» еще играют известную роль, чем и привлекают читателя – не любителя детективов.

Фильм же – навязчиво повествует о хитросплетениях тайных сообществ, единственная цель которых – уничтожить потомков Иисуса. Почему – остается лишь догадываться. Мотив желания восстановить в правах династию Меровингов, что как-то проглядывает в книге, теряется в фильме за перестрелками, кознями и погонями.

Обидно, что столь глубоко теологическая, а скорей даже философская, тема так лихо использована лишь как повод для очередного «улетного» детектива.

Но вот – размышление: слышно было, что наше духовенство с настороженностью отнеслось к публичному показу фильма.

Почему? Ведь речь, как будто, идет о злонамеренных «интригах» именно католической, а не православной церкви. Или смысл – иной? Не было, де, божественного начала Спасителя, стало быть, не было Воскрешения, а, значит, – и не было Чуда, лежащего в основе любой Веры?

Но разве сам человек, тем более – «Сын Человеческий» – не есть венец творения, и величайшее из всех чудес? А если этот «Сын Человеческий» обладает еще не только даром целителя, но и столь могучим интеллектом, что сумел прозреть и предугадать одряхление и будущее падение Рима в результате обреченности его идеологии, а отсюда – не только современность, но и необходимость нового Учения, основанного не на насилии над Личностью, а на укреплении внутренних сил человека и наилучших его побуждениях, разве же это не Чудо?

И разве не Чудо, что «Сын Человеческий» преподавал человечеству на две тысячи лет вперед столь мощное Учение, что на нем, как на нерушимом стержне, до сих пор держится значительная часть мира?

Да, он сказал и такое: «Я принес вам не мир, но меч». Но ведь он был убежденным противником и борцом с римским игом – многие члены его семьи погибли на крестах. И опять же – разве не могло это относиться к прозрению его необычного интеллекта: что сотворят человеки, вооружась Учением о добре и об уважении всех верований друг к другу, и во имя человеками придуманных догм прольют моря крови? И разве такое прозрение – не Чудо?

Вера и религия – равнозначны. Вера – от Всевышней Силы. Религия, свод догм и ритуалов, – сотворена человеком. Практически все ветви христианства преуспели в том, чтобы превратить то, что сопутствует Вере, в источник политической власти и доходов. И в основе всего этого – Чудо Воскрешения, а не Чудо пророческого прозрения именно «Сына Человеческого». Так что настороженность служителей и приверженцев самых разных конфессий – вполне объяснима...

Памятки истории

Алексей Тепляков
СИБИРЬ: ПРОЦЕДУРА ИСПОЛНЕНИЯ
СМЕРТНЫХ ПРИГОВОРОВ
В 1920 – 1930-Х ГОДАХ

Их нежные кости сосала грязь.
 Над ними захлопывались рвы.
 И подпись на приговоре вилась
 Струей из простреленной головы.
 О мать революция! Не легка
 Трёхгранная откровенность штыка...

Эд. Багрицкий, «ТВС», 1929 г.

Казнь негласная, в подвале, без всяких внешних эффектов, без объявления приговора, внезапная, действует на врагов подавляюще. Огромная, беспощадная, всевидящая машина неожиданно хватает свои жертвы и перемальвает, как в мясорубке. После казни нет точного дня смерти, нет последних слов, нет трупа, нет даже могилы. Пустота. Враг уничтожен совершенно.

Владимир Зазубрин, «Щетка», 1923 г.

Я всегда думаю о психологии целых тысяч людей – технических исполнителей, палачей, расстрельщиков, о тех, кто провожает на смерть осуждённых, о взводе, стреляющем в полутьме ночи в связанного, обезоруженного, обезумевшего человека.

Мария Спиридонова, 1937 г.

Что есть история, как не басня, в которую договорились поверить?

Наполеон

академик Д.С. Лихачёв как-то сказал, что одна из главных проблем нашей страны в том, что миллионы людей в России небрежно похоронены...

В конце XIX столетия штатных палачей в огромной империи можно было пересчитать по пальцам. Затем ситуация изменилась. Революционный террор периода первой русской революции вызвал жестокую реакцию властей: виселицы и расстрелы стали обыденным явлением, причём для расстрелов осуждённых военно-полевыми судами

использовались обычные солдатские взводы. За 1905 – 1908 гг. и первые три месяца 1909 г. военно-окружные и военно-полевые суды вынесли революционерам (в том числе многочисленным эсеровским террористам) 4.797 смертных приговоров. Исполнено было – 2.353. Назвать эту цифру экстремально высокой тем не менее сложно: число погибших при террористических актах оказалось в несколько раз больше, чем расстрелянных за государственные преступления.¹

Третья российская революция оказалась самой реакционной из всех возможных. Разрушительная её сторона оказалась самодовлеющей. И это самым роковым образом сказалось на всех сторонах российской жизни, сорвавшейся в штопор многолетнего террора. Советское государство создавалось карьеристами, идеалистами и палачами для обслуживания интересов именно карьеристов и палачей. После семнадцатого года началась совершенно новая страница в отечественной карательной практике. Массовое уничтожение «враждебных элементов» в пореволюционные годы породило разветвлённую расстрельную «промышленность», охватившую, по-видимому, десятки тысяч исполнителей. Смертная казнь в Советской России надолго стала бытовым явлением, и документы, относящиеся к этой теме, в изобилии обнаруживаются в ставших доступными архивных фондах.

Регламент

При старом режиме осуждённых к смертной казни вешали либо расстреливали. После большевистской революции власти остановились на расстреле как наиболее быстром и удобном способе, идеальном для массовых экзекуций. Поскольку до начала 1920-х гг. судебного кодекса и прокурорского надзора не существовало, то в процедуре осуждения, исполнения приговора и захоронения могли быть различные варианты. Так, осуждённых к высшей мере наказания могли подчас казнить публично. Именно таким образом были расстреляны бывшие царские министры в сентябре 1918 г. В те же дни по указанию председателя ВЦИК Я.М. Свердлова комендантом Кремля П.Д. Мальковым в присутствии жившего в Кремле поэта Демьяна Бедного прямо в гараже была расстреляна Фанни Каплан, причём труп террористки не был захоронен, а сожжён в железной бочке с помощью керосина.

Окончание гражданской войны способствовало оформлению процедуры исполнения высшей меры наказания. Если приговоры губернских и уездных чека часто исполнялись немедленно и без всяких апелляций, то военная юстиция оставляла осуждённому некий минимум времени для подачи апелляции. В конце 1920 г. появился приказ РВС Республики и НКВД №2611, подписанный Ф.Э. Держинским и К.Х. Данишевским, который гласил, что вынесенный трибуналами приговор должен быть исполнен через 48 часов со времени отсылки ревтрибуналом округа уведомления о приговоре в вышестоящий орган – РВТ Республики.

Процедура исполнения смертной казни в 1922 – 1924 гг. регламентировалась циркуляром Верховного трибунала РСФСР от 14 октября 1922 г., который в реальности постоянно нарушался. Изучение расстрельной практики вынудило власти ещё раз напомнить карательным структурам о следовании установленному порядку. В начале 1924-го на места прокурорам, председателям трибуналов и губсудов было разослано распоряжение Наркомюста СССР «о порядке расстрелов», из которого хорошо видны те нарушения, которые допускались при казнях. В соответствии с этим документом Сибпрокуратура 5 февраля 1924 г. получила предписание «не допускать публичности исполнения», абсолютную недопустимость мучительных для осуждённого способов исполнения приговора, «а равно и снятия с тела одежды, обуви и т. п.». Предлагалось не допускать выдачи тела казнённого кому-либо, а предавать его земле «без всякого ритуала и с тем, чтобы не оставалось следов могилы».

Техника расстрелов и даже сами казни обычно тщательно скрывались от общества. Печатно о них объявляли исходя из политической конъюнктуры; в газетах периода гражданской войны постоянно с целью устрашения печатали списки осуждённых контрреволюционеров, впоследствии объявляли о расстрелах после открытых процессов, в том числе по чисто уголовным делам. Но получить документы о казни близкого человека его родственники обычно не могли. В декабре 1925 г. прокурор Сибкрая П.Г. Алимов отвечал на запрос красноярской окружной прокуратуры: «Сообщаю, что объявлять о приговорах по внесудебной расправе при применении высшей меры наказания может, на основании имеющихся сведений, Прокуратура в устной форме, выдача же по этому поводу письменных справок не

допускается».

3 февраля 1926 г. Алимов получил сообщение прокурорских работников из Иркутска о многочисленных заявлениях родственников осуждённых к расстрелу во внесудебном порядке, которые просили выдать соответствующие справки, чтобы получить развод, установить опеку, вернуть вещи... Несмотря на прокурорское указание, Иркутский губотдел ОГПУ «всячески уклонялся» от устного объявления решения о ВМН, направляя родственников расстрелянных в прокуратуру либо объявляя им, что осуждённый «отправлен в Соловки». (Фраза о «Соловках» была очевидной предшественницей знаменитой формулы «10 лет в дальних лагерях без права переписки».) Алимов написал: «Сделать указание».²

Ачинский окружной прокурор Г.Н. Митбрейт 7 марта 1927 г. запрашивал крайпрокуратуру, что делать с обращениями родственников расстрелянных в период кампании борьбы с бандитизмом. Он сообщал, что Ачинский окротдел ОГПУ, «ссылаясь на директиву... по линии ПП ОГПУ, указывает на то, что расстрелы, произведённые в кампанию по борьбе с бандитизмом, объявлению не подлежат вообще».

В ответ исполнявший обязанности Сибкрайпрокурора Пачколин 25 марта 1927 г. всем окружным прокурорам разослал указание объявлять родственникам о расстрелах их близких только устно, а выдачу свидетельств о смерти должны были взять на себя подотделы ЗАГС в окрадмотделах. 19 апреля того же года Пачколин разъяснял Ачинскому окрпрокурору, что «одежда расстрелянных родственникам их выдаче не подлежит». Правда, на следующий день Пачколин запросил прокуратуру при ОГПУ СССР о законности запрета выдавать родственникам вещи осуждённых к расстрелу. Через три недели из Москвы ответили, что вещи казнённых «подлежат возврату». Но эта норма не отличалась устойчивостью: 22 марта 1933 г. в г. Каинске (Куйбышеве) Запсибкрая комендант барабинского домзака А. Крышка и райпрокурор П.И. Гуселетов после казни осуждённого составили акт о том, что «старый полушубок, старая меховая шапка, зипун старый и старый пиджак, оставшиеся после расстрелянного (А.Ф.) Агапитова, переданы на хранение Барабинскому ИТУ».

Традиционная советская волокита приводила к тому, что ЗАГСы не получали справок о расстрелах от Центрального архивного

управления НКВД и не могли отвечать на запросы граждан. В связи с этим летом 1927-го прокуратура при ОГПУ дала распоряжение местным органам ОГПУ самим выдавать ЗАГСам справки о приведении приговоров в исполнение. Чекисты избегали сообщать прокуратуре какие-либо данные о своей деятельности. По словам минусинского окрпрокурора, во время кампании борьбы с бандитизмом окротдел ОГПУ отказал ему в предоставлении сведений по большинству приговорённых за второе полугодие 1927 г.³

Секреты расстрельной практики охранялись строго. В январе 1927 г. из Минусинского исправтруддома был досрочно освобождён Л.В. Петрожицкий, который, однако, вскоре оказался под следствием за антисоветскую пропаганду: властям стало известно о его рассказах о расстрелах осуждённых органами ОГПУ прямо в тюрьме. Это нарушало как тайну процедуры казни, так и правило, установленное прокуратурой в 1924-м о необходимости присутствия прокурора в момент расстрела осуждённого – «с целью наблюдения за правильностью его (приговора – А.Т.) исполнения». 2 июля 1927 г. Сибпрокуратура обратилась к полпреду ОГПУ Заковскому с просьбой наложить взыскания на виновных «в несоблюдении правил приведения приговоров в исполнение» и указать окротделам сообщать в местные прокуратуры о времени и месте расстрелов, чтобы прокурор мог присутствовать при казни.⁴

Расстрелы, которые осуществлялись *тройками* в первой половине 1930-х гг., также были строго секретными. В июле 1937 г. приказ НКВД СССР №00447, положивший начало «массовым операциям», особо предписывал сохранять полную секретность с вынесением и объявлением приговоров троек. В соответствии с директивой НКВД СССР №424, подписанной М.П. Фриновским, осуждённым тройками и двойками приговор не объявлялся – чтобы избежать возможного сопротивления – и о расстреле они узнавали только на месте казни. (Неизвестно, существовала ли подобная директива в практике ЧК, но в первые годы советской власти осуждённых зачастую «ликвидировали», не сообщая им о приговоре.)

25 августа 1937 г. наркомвнудел Тагарской АССР А.М. Алемасов отдал распоряжение начальнику Чистопольской опергруппы П.Е. Помялову расстрелять десятерых осуждённых. Алемасов особо указал, что объявлять осуждённым решение *тройки* не нужно. Это

правило часто действовало и в отношении тех, кого судила военная юстиция – тайные приговоры о высшей мере наказания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР, вынесённые в Орле в августе 1938 г., маскировались словами председательствовавшего на заседаниях А.М. Орлова: «Приговор вам будет объявлен». В Новосибирске работники военного трибунала говорили обвиняемым, что приговор им будет объявлен в камере.

Специфическим образом в 1937 – 1938 гг. оформлялись приговоры на многих видных сотрудников НКВД, в том числе бывших. В их следственных делах отсутствуют как протоколы об окончании следствия, так и приговоры. Чекистов уничтожали в так называемом «особом порядке»: после утверждения Сталиным и ближайшими членами его окружения расстрельного приговора жертву без всякой судебной процедуры несколько дней спустя выдавали коменданту военной коллегии Верховного Суда СССР с предписанием расстрелять. Все эти предписания выполнялись от руки, что говорило об особой секретности данной категории расстрелов. В качестве основания для приведения в исполнение приговора в подшитой к делу справке давалась глухая сноска на некие том и лист. Когда исследователи получили в своё распоряжение 11 томов «сталинских списков», то оказалось, что номера томов и листов из справок полностью совпадают с номерами тех томов и листов данных списков, где значились фамилии осуждённых.

Что касается объявления о судьбе расстрелянных по 58-й статье УК, то с 1937 – 1938 гг. родственникам дежурно сообщалось об осуждении их на «десять лет лагерей без права переписки». Новосибирский облпрокурор А.В. Захаров в 1940 г. критиковал этот порядок как дискредитирующий прокуратуру, ибо многие родственники, запросив ГУЛАГ и получив официальную справку, что такой-то среди заключённых не числится, добивались от работников НКВД устного признания о том, что осуждённый на самом деле был расстрелян, а потом устраивали скандалы в прокуратуре и, жаловался Захаров, обзывали прокурорских работников «манекенами».⁵

Публикация сталинских расстрельных списков показала, что многие лица, попавшие в них, осуждались к высшей мере повторно. Часть из них продлила жизнь сотрудничеством с НКВД. Так, внутрикамерный агент С. Е. Франконтель был осуждён по первой категории

27 февраля и 27 марта 1937 г., а Б.М. Оберталлер – 27 марта 1937 г. и 20 августа 1938 г. Подчас даже двойное включение в расстрельный список не означало уничтожения узника. Ведущий агент-провокатор новосибирской тюрьмы С.Е. Франконтель был жив и в 1940 г., а бывший секретарь Алтайского губкома РКП(б) Я.Р. Елькович, с 1936 г. работавший внутрикамерным агентом УНКВД по Свердловской области, 27 февраля и 19 марта 1937 г. включался в списки осуждённых к ВМН, но впоследствии был осуждён к лишению свободы. Что касается известного агента-провокатора Ольги Зайончковской-Поповой, много лет доносившей на Тухачевского и других военных, то она, попав в расстрельный список от 31 августа 1937 г., уцелела: использовалась в качестве внутрикамерного осведомителя, а в 1939-м была освобождена.⁶

Многие известные деятели по инициативе Сталина неоднократно вычёркивались из одних списков, чтобы потом попасть в другие. Вероятно, что и они тоже оказывали услуги следствию. Так, М.И. Баранов с ноября 1937 г. по март 1938 г. оказывался в расстрельных списках пять раз. Три раза в них зафиксированы фамилии наркомпроса А.С. Бубнова (известно, что его подсаживали в камеру к П.П. Постышеву), комиссара госбезопасности Л.Г. Миронова, чекиста Н.А. Филатова (по некоторым сведениям, донёсшего о «совещании за чашкой чая», на котором в 37-м ряд членов ЦК обсуждали вопрос о снятии Сталина), наркома В.Н. Яковлевой, причём последней высшая мера в апреле 1938 г. была заменена на 20 лет заключения (это была награда за показания против Н.И. Бухарина на процессе «правотроцкистского блока»). В 1941 г. Яковлева снова оказалась в подобном списке и погибла в числе 157 узников Орловской тюрьмы. В расстрельных списках, подготовленных для региональных *троек*, мог оказаться человек, уже умерший в тюрьме, что выяснялось только при составлении списков на приведение приговора в исполнение. Такие случаи фиксировались повсеместно, а на Колыме из осуждённых к высшей мере *тройкой* УНКВД по Дальнему Северу свыше 40 человек умерли до приведения приговора в исполнение, что было связано с сильным истощением заключённых-лагерников, которые составляли основной контингент осуждённых к расстрелу колымчан.⁷

«Лишних», то есть прокурора, судью и врача, присутствовать при внесудебной казни обычно не приглашали. Если казнь совершалась

на основании судебного решения, прокурор мог присутствовать. В Москве прокурорские работники высшего ранга, включая А.Я. Вышинского, наблюдали за процедурой уничтожения видных государственных и военных деятелей, осуждённых военной коллегией Верховного Суда СССР. В апреле 1950 г. секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков приказал ответственному контролёру КПК при ЦК ВКП(б) Захарову присутствовать при расстреле сотрудника охраны Сталина подполковника И.И. Федосеева, обвинявшегося в разглашении гостайны. Маленкову требовалось знать, не признается ли Федосеев перед казнью в разглашении неких важных сведений.

На местах при казнях зачастую присутствовал начальник отдела управления НКВД – если казнь производилась в областном или республиканском центре. Обычно это был глава учётно-статистического отдела. Начальник учётно-статистического отдела УНКВД по Новосибирской области Ф.В. Бебрекаркле (его как «подозрительного латыша» перед арестом уже не пускали на оперсовещания, но ещё доверяли присутствовать при казнях) рассказывал сокамернику, что расстреливаемые кричали: «Мы не виноваты, за что нас убивают?!» и «Да здравствует товарищ Сталин!»

В Татарии в сентябре 1937-го был отдан приказ фотографировать осуждённых и перед расстрелом сличать смертника с фотографией. При этом была ссылка на приказ НКВД №00212 от 9 июля 1935 г. В следственных делах управления ФСБ по Новосибирской области наблюдается большой разнород: в большинстве дел фотографии отсутствуют, что касается осуждённых к высшей мере наказания, то фотокарточки налицо во многих делах 1921 г. и (не всегда) в делах первой половины и середины 1930-х. Что касается периода «Большого террора», то фотографии обычно можно найти в делах только тех лиц, которых осуждала выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР. В делах номенклатурных лиц, казнённых по приговорам военной коллегии Верхсуда в Москве в 1937 – 1941 гг., фотографии встречаются примерно в половине случаев.⁸

Факт смерти казнённого обычно устанавливали сами оперативники, приводившие приговоры в исполнение, тогда как по правилам это должен был делать врач. Между тем известно, что практика расстрелов сталкивается порой с необычайной живучестью казнимых. Отсутствие врача во время казней приводило к захоронению живых

людей, которые «на глазок» считались мертвыми.

Вот красноречивая выдержка из письма баптиста Н.Н. Яковлева председателю коллегии Всероссийского союза баптистов П.В. Павлову от 29 августа 1920 г., в котором живописалась расправа над отказниками от военной службы: «В Калаче были арестованы из 4 общ[ин] братья – одна часть баптисты и три евангельские христиане, всего 200 человек. Приехал трибунал 40(-й) дивизии и 100 братьев судили... 34 человека расстреляны, сначала ночью 20 человек, а потом на следующую ночь 14 человек; братья молились перед казнью, которая совершалась у могил. Некоторые, еще раненые, в агонии были брошены в могилу и зарывались живыми наскорю, одному удалось бежать, он, как очевидец, может лично подтвердить...»

А вот один из крайне редких для Западной Сибири 1930-х гг. случаев расстрела в присутствии врача. 8 августа 1935 г. начальник Каменской тюрьмы Классин, начальник раймилиции Кулешов, прокурор Добронравов и нарсудья Шулан расстреляли Г.К. Овотова. Врач судмедэкспертизы Соколов констатировал, что смерть осуждённого наступила только «по истечении 3-х минут». Это лишнее свидетельство того, что огнестрельное ранение головы далеко не всегда приводит к мгновенной гибели...

Местные власти, исходя из региональных особенностей, могли вносить определённые коррективы в процедуру расстрелов. Так, в Средней Азии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. во время подавления басмачества приговоры над осуждёнными повстанцами полагалось исполнять только лицами той же национальности.⁹ С точки зрения чекистов, такая «политическая корректность» помогала избегать возможных нежелательных толков среди многонационального населения о «пришлых чужаках», которые расстреливают «наших».

«Небрежность при расстреле»

Документы свидетельствуют, что в период гражданской войны во многих губчека практиковались расстрелы политзаключённых без всякого приговора. Так, работник Енисейской губчека Дрожников весной или в начале лета 1920 г. расстрелял в Красноярске (в подвале губчека) без суда и следствия гражданина Дергачёва, обвинённого в участии в контрреволюционной организации. Следователь Тюменской губчека Василий Колесниченко и несколько его коллег в ночь на

7 мая 1920 г. без суда и следствия расстреляли троих арестованных прямо во дворе губчека.

Власти хорошо знали о порядках, практикуемых в чекистском ведомстве. И недаром, ведь именно партийные структуры распоряжались не только жизнью, но и смертью советских людей. Сиббюро ЦК РКП(б) давало указания чекистам и трибуналам, какую именно меру наказания вынести подследственным. Протоколы заседаний Сиббюро ЦК полны примеров прямого вмешательства главного органа власти Сибири в ожидавшиеся приговоры: одни ужесточались и по ним требовали расстрелять, другие, напротив, смягчались. Один из характернейших примеров – решение судьбы колчаковских министров весной 1920 г. Отметим, что в сентябре 1921 г. Сиббюро особо выделило из своего состава С.Е. Чуцкаева в качестве представителя в полпредство ВЧК – для совместного с чекистами санкционирования приговоров к высшей мере наказания. До того времени полпред ВЧК по Сибири И.П. Павлуновский единолично давал санкции на расстрелы осуждённых.

Власти были осведомлены как о тонкостях карательной практики, так и о сбоях в её осуществлении. Например, 12 января 1922 г. Сиббюро рассмотрело «дело Левченко, бывшего члена Омгубревтрибунала, допустившего небрежность при расстреле одного осуждённого, следствием чего оказалось, что осуждённый остался живым», постановив исключить его из РКП(б), а дело передать в ревтрибунал.¹⁰

Аналогичные случаи были и на Северном Кавказе в 1923 г., о чём свидетельствует рассмотрение в партийных контрольных инстанциях дела А.Н. Пронина, с 1919-го работавшего в ЧК-ГПУ, а с 1922 г. подвизавшегося в ревтрибуналах. В 1923 г. Пронин, будучи членом воентрибунала Терской области Северо-Кавказского военokruga, был осуждён «за допущение расстрела и зарытия живыми до постановления заранее» (формулировка хоть и косноязычная, но всё же весьма красноречивая – *А.Т.*). Эта оплошность в глазах начальства выглядела пустяком: в декабре 1924-го Пронин отбыл во Владивосток на должность помощника прокурора, а в следующем году был назначен юрисконсультom Амурского губотдела полпредства ОГПУ по Дальне-Восточному краю.

Все смертные приговоры, вынесенные судебными органами, могли быть обжалованы в вышестоящие инстанции. В ходе вспышки

террора осени 1934-го, когда под предлогом борьбы с саботажем хлебозаготовок секретарь Запсибкрайкома ВКП(б) Роберт Эйхе получил от Политбюро ЦК ВКП(б) право лично утверждать приговоры о высшей мере наказания, произошёл случай с расстрелом Н.В. Лебина, осуждённого в крае и затем помилованного Москвой. За недосмотр пришлось отвечать председателю Запсибкрайсуда В.А. Бранецкому-Эртмановичу, которого сняли с должности и отдали под суд. Запсибкрайком ВКП(б) постановил, что Бранецкий совершил свой проступок «в момент исключительно тяжёлой работы» – и ограничился строгим выговором. В итоге наказание оказалось символическим: общественное порицание с запретом занимать руководящие судебные должности в течение двух лет. Бранецкий устроился в Москве (на 1936 г.) заместителем директора Всесоюзной правовой академии при ЦИК СССР, а затем работал в аппарате наркомюста СССР.¹¹

«Погрешности исполнения»

Как заметил узник Бутырской тюрьмы В.Х. Бруновский, большинство смертников в середине 1920-х гг. дожидались исполнения приговора довольно долго, нередко по несколько месяцев, ибо ОГПУ предлагало обречённому человеку рассказать всё, что могло интересовать чекистов, любой компромат на любых людей. И только выжав осуждённого «досуха», чекисты приводили приговор в исполнение. Подобная практика характерна и для начала 20-х годов в Сибири, и для второй половины 30-х в Москве и других регионах. Даже в период террора некоторые осуждённые высокопоставленные узники получали отсрочку. Так, знаменитый чекист и коминтерновец Б.Н. Мельников был осуждён к расстрелу в ноябре 1937-го, но один из лидеров Коминтерна Д.З. Мануильский официально попросил задержать исполнение приговора, так как смертник «мог бы ещё понадобиться». Мельников использовался как консультант по отделу международных связей Коминтерна (поскольку знал всю агентуру) и помогал руководить этим отделом прямо из камеры до июля 1938-го, когда надобность в его услугах отпала. Председатель спецколлегии Верховного суда РСФСР В.Н. Манцев был приговорён к расстрелу 25 декабря 1937 г., но оставлен в живых для того, чтобы в марте 1938-го дать показания на процессе «правотроцкистского блока». При повторном рассмотрении дела Манцев 22 июля 1938 г. был вновь осуждён к

высшей мере наказания, но приговор исполнили почти месяц спустя.¹²

В 1937 – 1938 гг. *тройка* УНКВД по Новосибирской области не раз выносила решения о расстреле по групповым делам, «но осуждённые после этого длительное время допрашивались, так как следствие не было закончено, решение *тройки* в отношении этих лиц было приведено в исполнение через месяц и даже больше со дня его вынесения». По распоряжению начальника управления НКВД некоторые из осуждённых к высшей мере заключённых долгое время оставались в живых и использовались как свидетели обвинения, если соглашались оговаривать тех, кто отказывался признаться.

Нередко смертный приговор не исполнялся вовсе, причём причины такого милосердия оценить обычно можно только приблизительно. В начале 1920-х годов в сибирских губернских чека не была приведена в исполнение заметная часть смертных приговоров. Так, в самом начале января 1920 г. в Новониколаевске были приговорены к смерти по одному делу комвзвода РККА Н.М. Левин и дезертир Г.Ф. Мясников-Дальский, похитивший у него документы – последнего расстреляли, но относительно Левина находившийся тогда в Новониколаевске полпред ВЧК М.С. Кедров дал указание доследовать его дело. В итоге Левин был освобождён и возвращён в армию. Е.А. Бабинчук была Новониколаевской ЧК «за службу в колчаковской контрразведке» осуждена первый раз к ВМН 20 мая 1920 г., но расстреляли её после повторного приговора, состоявшегося 13 января 1921 г. В 1920-м сотрудник Томской РТЧК А.А. Маркин был осуждён к расстрелу, но уже в декабре того же года его освободили по октябрьской амнистии. Секретарь югославской секции при Томском губкоме РКП(б) Мариус Циприяни был в 1920-м арестован и осуждён к расстрелу с последующей заменой на тюремное заключение; в 1922 г. его выслали за пределы РСФСР.

Активно вмешивались в судебные решения партийные власти. Так, в начале декабря 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б) сочло возможным передать на поруки товарищей по партии некоего Подпорина, которого Омская губчека приговорила к расстрелу, а в конце июня 1922 г. освободило также приговоренного к высшей мере наказания коммуниста Макарова.

Случалось, что центральные власти приказывали задерживать исполнение смертных приговоров над определёнными категориями

осуждённых. Так, 25 марта 1921 г. ВЧК разослала в свои местные органы циркуляр, приостанавливавший расстрелы осуждённых латвийских граждан – «до особого распоряжения ВЧК».

Процесс преобразования ВЧК в ГПУ привёл к мораторию на исполнение многих смертных приговоров. В конце 1921 г. Иркутская губчека приговорила к смертной казни Д.О. Тизенгаузена, бывшего вице-губернатора Якутии, но довольно скоро его освободили. Жена белого офицера Анастасия Шлюцер, осуждённая в июне 1921 г. Челябинской губчека за побег из концлагеря и распространение прокламаций, в итоге не была казнена именно из-за реорганизации, хотя до неё оставалось более полугода.

Немало осуждённых к высшей мере уцелело в 1920 – 1922 гг. на Алтае. Например, 13 августа 1920 г. Алтгубчека приговорила к ВМН жителя с. Енисейск Бийского уезда К.А. Горохова – как организатора ячейки «Крестьянского союза», к тому же вооружённого наганом. Возможно, его пощадили и освободили (нескоро, лишь в январе 1923-го) как провокатора, поскольку несколько месяцев спустя Горохов был принят в компартию.

Быстрое окончание «большого террора» после совместного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. оказалось спасительным для значительного числа арестованных. Как показал на допросе бывший оперативник отдела контрразведки УНКВД Запсибкрая Л.А. Маслов, к осени 1937-го камеры в «особом корпусе» новосибирской тюрьмы №1 были переполнены, а учёт арестованных – запутан. Некоторых это обстоятельство спасло: просидев забытыми под замком много месяцев, они пережили период массовых казней и вышли на свободу. В тюрьмах Ленинграда к середине ноября 1938 г. находилось 12.330 заключённых, из которых 2.529 были осуждены местной *тройкой*. Многие были приговорены к расстрелу, но уцелели благодаря ликвидации *тройки* и признания её последних постановлений недействительными.¹³

Терминология

Коммунистическая власть нередко избегала прямого наименования способа казни своих врагов. Слово «расстрел» считалось не совсем подходящим (кроме периода гражданской войны и 1930-х гг., когда газетные заголовки кричали о необходимости расстреливать

врагов народа). Секретность казней отразилась на терминологии. От лица государства официально употребляли термины «высшая мера наказания» или «высшая мера социальной защиты». В обиходе чекисты и военные массовые убийства также маскировали различными уклончивыми терминами: «разменять», «отправить в штаб Духони-на (Колчака)», «пустить в расход». В 1920-е годы в чекистском жаргоне появился особенно циничный термин для конспиративного обозначения расстрела – «свадьба» (надо полагать, имелось в виду венчание со смертью). Но расстреливавшие могли позволить себе и более «изысканные» выражения, вроде «переведены в состояние небытия».

В тридцатые писали так: «убытие по первой категории», «десять лет без права переписки», «спецоперация». Исполнители в объяснениях могли недоговаривать фразу, опуская уточняющее слово – дескать, «я приводил приговор». Характерно, что эсэсовцы также маскировали слово «убийство», употребляя такие эвфемистические выражения, как «особая акция», «чистка», «приведение в исполнение», «исключение», «переселение».¹⁴

Штучная должность

При создании органов ЧК в их структуре были предусмотрены особые комендантские отделы, призванные заниматься «ликвидациями». Активными участниками расстрелов были и начальники тюрем. Комендантская или тюремная должность, несмотря на кажущийся чисто технический характер, сразу стала значительной. Именно из комендантов ВЧК буквально прыгнул к высоким постам будущий заместитель Ежова Леонид Заковский. Обычно комендант либо начальник тюрьмы являлись доверенными лицами председателя губчека или руководителя отдела в центральном аппарате ВЧК.

Характерно, что назначенный в 1920-м полпредом ВЧК по Сибири Иван Павлуновский привёз из Москвы Эдуарда Зорка, работавшего в подведомственном Павлуновскому Особом отделе ВЧК помощником начальника тюрьмы, сделав его руководителем тюрьмы полпредства ВЧК. Дежурный комендант (то есть помощник коменданта) полпредства ВЧК по Сибири С.Н. Ценин в 1920-м сразу вошёл в состав бюро немногочисленной тогда гебистской партячейки. Феликс Гуржинский, комендант полпредства ВЧК-ОГПУ по Сибири

с 1920-го, был в 1925 г. членом Новониколаевской окружной контрольной комиссии ВКП(б), то есть являлся заметной фигурой в городской партноменклатуре.¹⁵

В первой половине 1920-х гг. начальником Внутренней тюрьмы на Лубянке работал К.Я. Дукис; в конце 1929-го он усилил своё влияние, будучи одновременно начальником Тюремного отдела ГПУ, начальником Внутренней тюрьмы и комендантом Бутырской тюрьмы. Просидевший четыре года в большевистском застенке бывший эсер и видный хозяйственник В.Х. Бруновский, обвинявшийся в шпионаже и приговорённый к расстрелу, но в конце концов освобождённый как иностранный подданный, в своих мемуарах весьма подробно описал характер и привычки этого видного палача. Также узник пытался вести статистику казней – за 1926 г. Бруновский насчитал 227 расстрелянных в Бутырской тюрьме, преимущественно политзаключённых. Совершенно точно Бруновский указывает на то, что групповые расстрелы производились в печально известном здании в Варсонофьевском переулке (до 1925 г. казнили прямо в тюремной бане). Выводили смертников на казнь обычно после девяти вечера.¹⁶

За три года нахождения в камере смертников внутренней тюрьмы Бруновский собрал немало сведений о палачестве Дукиса. В мае 1924 г. Бруновский услышал шум, крики и револьверные выстрелы: оказалось, что семеро анархистов (с некоторыми из них он наладил переписку) взбунтовались при выводе на расстрел, «оказали бурное сопротивление, и в результате 4 анархиста и 1 бандит были комендантом тюрьмы (палач Дукис) самолично расстреляны на площадке лестницы второго этажа, а 14 человек убили в подвале тюрьмы в бане». Несколько недель спустя при обходе камер комендантом один из анархистов ударил Дукиса медным чайником по голове в знак протеста против тюремного режима. В ответ Дукис застрелил и нападавшего, и его сокамерника.

С точки зрения чекистов, хороший начальник тюрьмы или комендант – это штучная должность, требовавшая человека закалённого и проверенного. Такими кадрами дорожили всё время, поэтому и в центре, и на местах исполнители приговоров были весьма важными персонами. Своеобразная «приватизация» комендантов региональных управлений ОГПУ-НКВД была общей и многолетней тенденцией. Глава чекистов Запсибкрая Леонид Заковский в 1932-м увёз с собой в

Минск коменданта западносибирского полпредства Н.М. Майстеров, а пришедший на смену Заковскому Николай Алексеев специально захватил в Новосибирск с прежнего места работы коменданта полпредства ОГПУ по Центрально-Чернозёмной области М.И. Пульхрова. В 1936-м Пульхрова заберёт в Красноярск Анс Залпетер, получивший повышение и с должности замначальника УНКВД Запсибкрая переведённый на пост начальника УНКВД по Красноярскому краю. Начальник УНКВД по Запсибкраю в 1935 – 1936 гг. Василий Каруцкий точно также не забудет про своего верного человека: С.С. Хайнал, в 1925 г. дежурный комендант ГПУ Туркмении, где тогда Каруцкий был начальником, прибудет в 1935 г. в Новосибирск вместе со своим прежним покровителем, став к тому времени личным секретарём Каруцкого.

Среди комендантов большой процент занимали латыши, например, Эдуард Зорк и Ян Вильцин в Омске и Новониколаевске; в Москве комендантами ВЧК работали Леонид Заковский, Пётр Магто и Карл Вейс (последний, кстати, был осуждён коллегией ОГПУ 31 мая 1926 г. на 10 лет лишения свободы «по обвинению его в сношениях с сотрудниками иностранных миссий, явными шпионами»).¹⁷ Встречались венгры, например, И. М. Хорват в Амурском губотделе ОГПУ. Латыши, мадьяры, китайцы были на заре ЧК и вспомогательным персоналом при массовых «ликвидациях».

Нередко рядовые коменданты переводились на оперработу и продвигались по службе. Показательна судьба Сергея Шкитова, красноярского слесаря с начальным образованием, анархиста-коммуниста. В 1907-м только что достигший совершеннолетия Шкитов «лично участвовал в убийстве начальника Красноярской тюрьмы Смирнова, старшего городского Юсупова, в Благовещенске при задержании убил городского и ранил агента охранного отделения, участвовал в нескольких экспроприациях в 1908 – 1909 гг.». В октябре 1907 г. был арестован, бежал; жил в Красноярске, ранив жандарма, скрылся от ареста и уехал в Благовещенск. Так он бежал от жандармов до самой революции, а затем вновь оказался замешан в уголовную историю: в конце апреля 1918-го Шкитова обвинили в убийстве красногвардейца Ночвина и арестовали. Через месяц с небольшим, впрочем, освободили. . .

В начале 1920-го он уже комендант участковой транспортной ЧК станции Красноярск и Минусинской уездчека, а в 1920 – 1922 гг. –

комендант Енисейской губчека. Возможно, именно работа Шкитова и ему подобных в расстрельном подвале Енгубчека послужила материалом для шокирующей своим натурализмом повести сибирского писателя В.Я. Зазубрина «Щепка» (Зазубрин для этой повести об адептах красного террора собирал сведения от всех чекистов, которых мог найти и разговорить, «вылавливая» их даже в психлечебницах). Далее Шкитову поручали руководство Хакасским, Тулунским и Каменским окротделами полпредства ОГПУ Сибкрая. Тряхнуть стариной он не забывал: так, 26 сентября 1930 г. Шкитов участвовал в расстреле 21 участника так называемой повстанческой организации «Чёрные». Но в начале 1930-х он работал уже начальником второстепенного отдела полпредства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в Иркутске и его карьера неуклонно шла вниз.¹⁸ Комендант Омской губчека М.И. Воевода в начале 1920 г. был назначен председателем Славгородской уездной чека. Можно указать и на помощника коменданта сначала Уфимской, а затем Омской губчека Василия Смирнова, ставшего в 1923-м помощником начальника контрразведывательного отдела полпредства ГПУ Сибири. Комендант ревтрибунала и губчека в гражданскую войну Григорий Сыроежкин, впоследствии выполнявший ответственные поручения Контрразведывательного отдела ОГПУ за границей, дослужился до звания майора госбезопасности. Другие спивались, не выдерживая конвейера смерти, и изгонялись из органов. Пьянство среди начальников тюрем и комендантов было беспробудным. Тем не менее немало их отработали по двадцать и более лет, уничтожив многие тысячи осуждённых – например, москвичи П.И. Магто, награждённый двумя орденами, и В.М. Блохин – комендант ОГПУ-НКВД СССР с 1926 по 1953 гг., уволенный с должности коменданта МГБ СССР в чине генерал-майора. Немало откровенных садистов находило свое призвание в палаческом ремесле, оставаясь на работе в комендатурах на многие годы.

Исполнители испытывали страшные психологические перегрузки. Профессиональные палачи дежурно жаловались на совершенно подорванное здоровье, прежде всего нарушения психики. Они часто болели эпилепсией, кончали жизнь самоубийством, совершенно спивались. Но начальство могло предложить им, помимо ведомственного уважения, только обилие алкоголя, премии, ордена да вещи казнённых по дешёвке.

Зная о специфике работы чиновников тюремного ведомства и комендантов, партийные власти снисходительно относились к их пьянству, воровству и другим преступлениям, подчас даже заступаясь за них перед чекистскими начальниками. Так, комендант Томской губчека (32-летний портной с двухлетним партстажем) Алексей Бырганов с 1 сентября 1920 г. был уволен и осуждён на полгода принудительных работ за хищение спирта из ЧК, пьянство и «распутную жизнь». Его откомандировали в комфракцию при профсоюзе рабочих-швейников, затем ненадолго арестовали, а после освобождения по инициативе губчека привлекли к партийной ответственности за «выпивку». Но Томская губКК РКП(б) в январе 1921 г. ограничилась вынесением Бырганову строгого выговора, «т. к. выпивка была при исключительно тяжёлой деловой работе перед расстрелом». Бывший комендант заведовал горсадом, затем магазином Синдшвейпрома, получил несколько выговоров за пьянство и халатность. И только в 1925-м партийные власти Томска исключили Бырганова из «рядов» как «примазавшийся элемент с тёмным прошлым, скрывший судимость».

Ведомственный контроль тоже не отличался строгостью. Комендант Славгородского политбюро М.С. Теплых (бывший командир эскадрона 26-й дивизии РККА, демобилизованный после трёх ранений) в августе 1921 г. вместе с сотрудником политбюро К.Ф. Дидякиным оказался под следствием. Чекисты брали взятки самогоном от жён арестованных граждан и обещали освободить заключённых, взяв их на поруки, но этого обещания не выполнили. В результате, как отмечал проверявший дело помощник уполномоченного секретного отдела Алтгубчека М.Г. Рыбаков, «у обывателей сложился взгляд на политбюро как на орган взяточничества и самопроизвола». Однако Рыбаков предложил простить обоих: Теплых – как имеющего «громкие» революционные заслуги, Дидякина – как неопытного и молодого работника.¹⁹

Тем не менее чистка 1921 г. закончилась для многих комендантов исключением из партийных рядов. В Иркутске коменданта губчека Никонова сгоряча приговорили к расстрелу – за разные злоупотребления, включая пьяные пристаивания к женщинам, но опомнились и совершенно амнистировали. Летом 1921-го Никонов безуспешно пытался восстановиться в партии. Старшие партийные товарищи

пытались бороться за Василия Рязанова, участника гражданской войны и партизана, который, будучи помкомеданта Новониколаевской губчека, разочаровался в коммунистах и подал заявление о выходе из партии. 26 сентября 1921 г. губкомиссия по чистке РКП(б), рассмотрев его заявление, отметила «малосознательность в политическом отношении» Рязанова и «неизжитый партизанский дух», постановив оставить вопрос о партийности чекиста открытым. Поскольку «малосознательный» экс-партизан Рязанов упорствовал, его в итоге всё-таки исключили из партии – за «несогласие с тактикой РКП». Комендант Тюменской губчека Л.Д. Болдырев с марта 1921-го был переведён в Енисейскую губчека, где во время партчистки его исключили из РКП(б) за пьянство.

В период 1920 – 1930-х гг. коменданты полномочных представительств ОГПУ и оперсекторов нередко держались на своих местах многие годы, пользуясь покровительством сменяющихся начальников. Наказывали их за пьянство и прочие злоупотребления не так часто, как прочих чекистов. Некоторые из них показывали – по крайней мере, на словах – желание исправиться. Комендант Иркутского окротдела ОГПУ Максим Прашман (украинский рабочий, в гражданскую войну работавший председателем ревтрибунала) летом 1929-го на партчистке заявил, что радикально уменьшил потребление спиртного: «ранее выпивал, сейчас (*пыю*) редко, и то пиво».

Биография другого выглядит более характерно. Михаил Зайцев с 1925-го служил курсантом в омской пехотной школе, три года спустя был отчислен по неуспеваемости и тут же поступил в Омский окротдел ОГПУ: сначала надзирателем, потом дежурным комендантом. 3, 4 и 5 мая 1933 г. он руководил опергруппой, приводившей в исполнение расстрел 281 осуждённого по «заговору в сельском хозяйстве». Далее, насколько известно, объёмы работы Зайцева снизились – с мая по октябрь 1934-го он участвовал в расстрелах десяти человек, осуждённых краевым судом. Не раз Зайцев получал партвыговоры «за пьянку»; в июле 1934 г. на партчистке в Омском оперсекторе НКВД, признав, что «с проститутками был в компании, пьянствовал...», оказался исключён из ВКП(б), но ещё некоторое время сохранял должность.

Тюремные работники «путешествовали» по всей стране точно так же, как и остальные чекисты. Вот начало биографии одного из многих

основоположников будущей системы ГУЛАГа, пришедшего в неё из военных рядов: Аукэ Фердинанд Вильгельмович, 1889 г. р., немец, образование начальное. С 1903 г. работал по найму, механик. С 1917-го служил в отдельной Латышской дивизии, комбат. Большевик с 1917 г. С 1921 г. командир 275-го полка 29-й дивизии. С 11 августа 1922 по август 1924 г. комендант Соловецкого концлагеря ОГПУ. С 8 августа 1924 по 1 ноября 1925 г. начальник исправтруддома в Архангельске. В 1925-м получил строгий выговор с предупреждением от Архангельской губКК РКП(б) за «вступление в брак по церковному обряду»; в 1926-м – строгий выговор «за выпивку». С 10 декабря 1926 г. Ф.В. Ауке работал начальником Канского исправтруддома в Сибирском крае.²⁰

Классовая месть

Чекисты воспринимали участие в экзекуциях как малоприятную, но совершенно необходимую обязанность М.П. Шрейдер в мемуарах, упоминая о коллегах, работавших комендантами, с полным сочувствием к ним замечал, что это были несчастные люди, вынужденные глушить себя алкоголем. Те, кто прошёл через гражданскую войну, попав затем в систему карательных органов, легко распорядились чужими жизнями и не боялись вида чужой смерти. Мотив классовой мести играл значительную роль при поступлении в ЧК: например, бывший узник «эшелона смерти» Г.А. Линке, этапированный из Новониколаевска на Дальний Восток, с июня 1921 г. работал комендантом Амурского облотдела Госполитохраны ДВР в Благовещенске. Н.М. Майстеров, с 1922 г. трудившийся комендантом Енисейской губчека, а затем работавший комендантом полпредства ОГПУ Сибкрая, потерял брата, убитого белыми в Каинской тюрьме летом 1918-го.

У столяра Барнаульского уезда и большевика с 1917-го А.Ф. Щербакова жену зверски замучили белые каратели. Ему передали последние слова супруги, которой палачи отрезали груди: «То, что вы делаете со мной, мой муж будет делать с вами...» 35-летний Щербаков дезертировал из полка и в марте 1920-го записался в свежееобразованную Новониколаевскую губчека. Проработав месяц, был арестован за самовольную отлучку из полка и ревтрибуналом 5-й армии приговорён к отправке в другой полк. Но уже с конца мая 1920 г. Щербаков числился сотрудником для поручений Новониколаевской чека.

Он исправно участвовал в арестах и давал свидетельские показания против некоторых арестованных, но этого Андрею Фёдоровичу было мало – и в 1921-м он в течение восьми месяцев работал помощником коменданта. Затем Новониколаевским губкомом РКП(б) Щербаков был отозван из губчека и назначен отделенным комендантом местного концлагеря. Впоследствии он год учился в комуниверситете им. И.Н. Смирнова, но выше кассира «Хлебопродукта» и заведующего выплатным пунктом Бийской страхкассы не поднялся...

Вокруг известных лиц из числа казнённых их палачами создавался некий мистический ореол. Труп видного врага вызывал острое любопытство. После уничтожения 10 апреля 1922 г. остатков повстанческой армии подьесаула А.П. Кайгородова отрубленная голова мятежника, много месяцев державшего в страхе коммунистов Горного Алтая, была послана начальником карательного отряда И.И. Долгих в Барнаул в ящике со льдом. Начальник 21-й дивизии Г.И. Овчинников принес голову Кайгородова в большой кастрюле со спиртом прямо на заседание Алтайского губисполкома, после чего трофей отправили в Новониколаевск – на любование вышестоящему начальству.²¹

«И именно расстреливать...»

Комендантские отделы, вопреки распространённому мнению, отнюдь не были монополистами в исполнении бесчисленных смертных приговоров. У чекистов 1920-х годов вообще считалось хорошим тоном лично приводить в исполнение приговор над осуждённым именно тем следователем, который вёл дело. Считалось, что такой порядок повышает ответственность чекиста за результат расследования. По воспоминаниям Г. Агабекова, в Екатеринбурге в 1921 г. руководящие работники губчека постоянно помогали расстреливать, после чего «напивались до положения риз и не показывались на службе по два, по три дня». И это не было их стихийной инициативой – в начале 1919-го ВЧК секретнейшей шифровкой обязало руководящих работников (членов коллегий) губернских и республиканских чека непременно участвовать в казнях «контрреволюционеров», о чём есть прямые свидетельства: объяснительная записка председателя Брянской губчека А.Н. Медведева в ЦК РКП(б) от 19 декабря 1919 г. и показания главы Тульской губчека Прокудина от 15 марта 1919 г.²²

Такое положение считалось чекистами вполне логичным. Сын дьякона Фёдор Богословский, убежавший сразу после окончания гимназии в 1917 г. из дома и работавший в 1920-м скромным завхозом в одном из отделов 5-й армии Восточного фронта, пояснял, уже будучи начальником Якутского облотдела ГПУ, что, под влиянием «ежедневного озлобления, испытываемого мною против белого террора, последствия коего я постоянно наблюдал во время работы на фронте», у него появилось «сильное желание, несмотря на совершенно другое воспитание в семье и школе, работать в органах ВЧК и именно расстреливать».

Пресловутый глава военной коллегии Верхсуда СССР В.В. Ульрих, в первой половине 20-х годов работник Особого отдела ВЧК и помощник начальника КРО ОГПУ, постоянно участвовал в казнях. В конце 1925 г. знаменитый английский разведчик Сидней Рейли был казнён прямо во время прогулки оперативниками КРО ОГПУ в присутствии К.Я. Дукиса.

Личное участие в казнях было в двадцатых и тридцатых годах также своеобразным посвящением в чекисты. Упоение «беспощадностью» запечатлелось в традиционной формулировке награждений 1920 – 1930-х годов – «за беспощадную борьбу с контрреволюцией». И действительно, многие сибирские расстрелы начала 1930-х гг. сопровождались привлечением к основным исполнителям (коменданту или дежурному коменданту) рядового оперативника. Было ли это личной инициативой полпреда Л. М. Заковского, столь хорошо знакомого со спецификой комендантской должности? Наверняка нет, ибо, например, в южной России в 1930 г. к казням «кулаков» привлекались даже партийные функционеры и трудно представить себе, чтобы рядовой оперсостав смог бы избежать участия в почётном труде по столь «массовидному» (как выражался Ленин) истреблению «врагов народа» в период коллективизации.

Например, начальник Барнаульского оперсектора ОГПУ И.А. Жабрев сознательно вязал свой аппарат кровавой поруклой, одновременно воспитывая у следователей чувство безнаказанности: сами арестовали сотни крестьян по поддельным справкам о кулацком происхождении, сами пытали, сами и расстреляли. Все концы в воду. Расстрел 327 осуждённых по заговору в «сельском хозяйстве» в ночь на 28 апреля 1933 г. был осуществлён 37 сотрудниками оперсектора под

руководством помощника Жабрева П.Ф. Аксёнова. Массовые казни остальных жертв этого «заговора» были осуществлены в большинстве подразделений полпредства, причём только в Омском оперсекторе основная нагрузка выпала на долю комендантского состава; в остальных оперсекторах, городских и районных отделах ОГПУ расстреливали в основном оперативные работники – как руководящие (начальник Томского оперсектора М.М. Подольский), так и рядовые. Отметим, что участвовавший в расстреле 327 «заговорщиков» барнаульский чекист М.А. Клеймёнов несколько месяцев спустя в знак протеста против незаконных дезертировал из ОГПУ и перешёл на нелегальное положение.

Полагаю, обязательно следует учитывать исключительное и переломное для чекистской жизни значение расстрельной практики начала 1930-х гг., ибо после гражданской войны в период нэпа чекисты обычно не практиковали массовых убийств, хотя и были к ним готовы (подавление постоянных мятежей на Северном Кавказе, карательные кампании в Якутии 1927 – 1928 гг., истребление бандитов в Сибирском крае в 1925 – 1927 гг.). Для периода 1930 – 1933 гг. характерен стремительный рост численности органов ОГПУ, приход огромного количества совершенно неподготовленных кадров. Их, похоже, поголовно «крестили кровью».

С конца 1929 г. в Новосибирске, основных городах края (да и во многих рядовых райцентрах тоже) начинается длившийся до 1934 г. период постоянных массовых расстрелов (в 1935 – 1936 гг., накануне «Большого террора», из-за отсутствия местных внесудебных органов с правом вынесения приговоров с высшей мерой наказания, расстрелов было намного меньше). И чтобы комендатуры справлялись со своими палаческими функциями, в помощь к ним привлекали и начальников горрайотделов, и начинающих оперработников, а нередко и фельдъегерей, и милиционеров. Так шла охота за двумя зайцами – комендатуры получали техническую помощь, а чекисты заодно с милиционерами – специфическую закалку.

Акт о расстреле составлялся в достаточно свободной форме. Старший горсудья г. Бийска Прапорщиков изошрлялся, в деталях, описывая способ казни во всех составленных им актах: так, над расстрелянным 27 марта 1933 г. «за хищение соц. собственности» Е.М. Чурилиным «приговор в 23 часа 25 минут приведён в исполнение

посредством произведения четырёх выстрелов из нагана в область затылочной части головы...»; осуждённого по указу от 7 августа 1932 г. А.М. Киреева казнили 7 апреля 1933 г. «через посредство выстрела двух пуль из нагана в голову»; двух осуждённых по этому же указу казнили 15 августа 1933-го «через посредство выстрела из револьвера системы «Наган» в область задней части затылка». Обычно стреляли в голову два-три раза: опергруппа НКВД ТАССР, расстрелявшая за 26 августа, 21 и 26 сентября 1937 г. 38 осуждённых, отчиталась за расход 84 патронов к револьверу «наган».

Среди палачей, вероятно, находились и добровольцы, не относившиеся к оперсоставу. Так, в казнях 1933 – 1934 гг. постоянно участвовал начальник кирпичного завода при бийском изоляторе коммунист М.Ф. Трунов, в 1937-м работавший в штате Бийского горотдела НКВД. Зафиксировано в те же годы участие в расстреле и еще одного начальника бийского кирзавода – Павлова.²³ Руководящие работники местных чекистских органов тем более постоянно практиковались в казнях: так, начальник экономического отделения Барнаульского оперсектора ОГПУ Г.А. Линке 2 ноября 1932 г. участвовал в расстреле группы из 13 осуждённых.

Не только суровые мужчины исполняли приговоры. Красноречивую информацию о полной эмансипации судейского сословия даёт следующий акт о расстреле от 15 октября 1935 г.: «Я, судья города Барнаула Веселовская, в присутствии п/прокурора Савельева и п/нач. тюрьмы Дементьева... привела в исполнение приговор от 28 июля 1935 о расстреле Фролова Ивана Кондратьевича». Старшая нарсудья г. Кемерово Т. К. Калашникова вместе с двумя чекистами и и. о. горпрокурора 28 мая 1935 г. участвовала в расстреле двух уголовников, а 12 августа 1935 г. – одного.

Участие в расстрелах «врагов народа» считалось партийными властями одним из наивысших проявлений лояльности. В марте 1925 г. при проверке партдокументов работника Кубанского окротдела ОГПУ Воронцова, работавшего в ЧК с 1919-го и исключённого из РКП(б) по подозрению в хищении ценностей при обыске, партийная комиссия сделала следующий примечательный вывод: «Участвовал во многих расстрелах и женат на жене бывшего офицера, ныне убитого. Считать проверенным и вполне достойным службы в органах ВЧК-ГПУ».²⁴

Технология

Способы расправ в гражданскую войну были разнообразны: главенствовал расстрел, но любили душить с помощью удавки (для бесшумности, или с целью экономии патронов, или из садистских соображений, чтобы наблюдать предсмертные судороги жертвы). Но также рубили шашками (особенно во время подавления крестьянских мятежей), топили, замораживали, сжигали, зарывали живыми в землю... Дикости гражданской войны во многом повторились позднее – в эпоху коллективизации и «Большого террора».

О том, как выглядели чекистские расстрельные подвалы в первые годы советской власти, яркое и достоверное описание оставил член Сибревкома В.Н. Соколов, в июне 1920 г. обследовавший работу Енисейской губчека, чьё руководство во главе с В.И. Вильдгрубе за несколько недель (с марта) расстреляло более 300 человек. В телеграмме, адресованной в Сиббюро ЦК РКП(б), он сообщал: «Расстреливали в подвалах на дворе. Говорят о попытках в этом подвале, но когда я его осматривал (*он*) оказался закрытым, и я подозреваю, что его подчистили. Кровь так и стоит огромными чёрными лужами, в землю не впитывается, только стены брызгают известью. Подлый запах... гора грязи и слизи, внизу какие-то испражнения. Трупы вывозят ночью пьяные мадьяры. Были случаи избиения перед смертью в подвале, наблюдаемые из окон сотрудниками чека».

В начале 1920-х в казнях участвовали нередко довольно большие группы чекистов во главе со своими начальниками. Дуревшие от спирта и крови расстрельщики не гнушались издеваться над обречёнными или даже уже мёртвыми людьми. Так, начальник оперпункта ОДТЧК станции Омск Ю. Я. Бубнов, присутствуя при расстреле пяти человек, 14 августа 1921 г. вместе с начальником Водного отдела Сибирской Окружной транспортной ЧК К. Лацем «допустил в пьяном виде хулиганские выходки, за что был арестован» – исполнители приговоров «издевались над трупами, стреляя в задние части тела». По этому делу Омская губчека проводила расследование, обвиняя чекистов в пьянстве при исполнении служебных обязанностей. Коллегией губчека Бубнов и Лац в начале ноября 1921 г. были освобождены из-под стражи по амнистии с зачётом предварительного заключения и изгнаны из органов ВЧК без права поступления (но впоследствии

Бубнова вновь приняли в ОГПУ-НКВД на руководящую работу).²⁵

Палачи цинично похвалялись своим умением убивать с первого выстрела. Агентурные материалы наблюдения за работниками новониколаевской тюрьмы (исправительно-трудового дома №1) свидетельствовали о том, что её начальник Иосиф Азарчик вместе с помощниками избивает арестованных, каждый день пьянствует и постоянно ездит в притоны к проституткам. Кучер Азарчика В. Борисовский в мае 1923 г. показал, что 30 апреля начальник тюрьмы вывел во двор связанного заключённого А. М. Никольского, приговорённого по ст. 60 и 66 УК РСФСР губсудом 23 марта к высшей мере наказания. Осуждённого «шпиона» посадили в коляску, куда забрались И.Е. Азарчик, его помощник Шереметинский и три надзирателя, после чего все уехали. «На другой день мне товарищ Азарчик говорил: «Вот вчера был интересный случай – расстреляли Никольского, не живучий, стерва, как ударил (*его из нагана*) в затылок, так не пикнул, а Шереметинский выстрелил уже в мёртвого». На мой вопрос, куда его дели, Азарчик ответил: «Бросили в Обь караулить воду».²⁶

Таким образом, традиция убивать пулей в затылок с последующим контрольным выстрелом установилась достаточно рано, также как и «захоронение» где-нибудь в ближайшей реке. В Ангару были сброшены тела адмирала А.В. Колчака и главы колчаковского правительства В.Н. Пепеляева. В декабре 1920 г. тюменские чекисты печатно оправдывались в связи с расстрелом и сбрасыванием в прорубь 17 трупов расстрелянных – об этом сразу узнало местное население, которое громко негодовало по поводу большевистских зверств.²⁷

Большого мастерства в ремесле палача достигали и обычные оперативники. Расследовавший убийство Павлика Морозова помощник уполномоченного Тавдинского райаппарата ОГПУ по Уралу Спиридон Карташов в 1982 г., будучи персональным пенсионером, дал интервью писателю и исследователю Юрию Дружникову. Этот чекист, не достигший каких-то заметных постов и уволенный из «органов» как эпилептик, вспоминал: «У меня была ненависть, но убивать я сперва не умел, учился. В гражданскую войну я служил в ЧОНе. Мы ловили в лесах дезертиров из Красной армии и расстреливали на месте. Раз поймали двух белых офицеров, и после расстрела мне велели топтать их на лошади, чтобы проверить, мертвы ли они. Один был живой, и я его прикончил. ... Мною лично застрелено тридцать

семь человек, большое число отправил в лагеря. Я умею убивать людей так, что выстрела не слышно. (...) Секрет такой: я заставляю открыть рот и стреляю (*туда*) вплотную. Меня только тёплой кровью обдаёт, как одеколоном, а звука не слышно. Я умею это делать – убивать. Если бы не припадки, я бы так рано на пенсию не ушёл».²⁸

Нередко на счету видных чекистов-оперативников первых лет советской власти были многие десятки и сотни исполненных приговоров. Осенью 1921 г. начальник секретного отдела Новониколаевской губчека Карл Крумин так характеризовал работу начальника секретно-оперативного отдела и зампреда губчека Сергея Евреинова: «Тов. Евреинов лично принимал участие и проявлял максимум энергии в раскрытии нескольких белогвардейских организаций. Сам лично расстреливал участников в количестве нескольких сотен человек. (...) Кто думает бросить тень сомнения на таких революционеров, тот враг Революции». Малограмотно, но ещё более эмоционально высказался, в свою очередь, о заслугах Карла Крумина сам Сергей Евреинов: «... Отправляя на тот свет десятки сволочи, безусловно, его место в рядах РКП!»

Сам Крумин похвалил себя в следующих выражениях: «В результате моей упорной работы в чека расстреляна масса видных белогвардейцев. Сам лично участвовал и действительно раскрывал: во Владимире – белогвардейскую организацию «Владимирский офицерский батальон». В Омске: «Организацию полковника Орлеанова – Рощина», организацию офицеров «Самозащита», и в г. Новониколаевске: «Сибирское Учредительное Собрание», организацию «Союз мира» (офицерскую), организацию белоэсеровскую «Сибирско-Украинский союз фронтовиков». (...) Интересующимся моей личностью советую обратиться за справками в архивы чека (*о*) расстрелянных белогвардейцах и (*спросить*) у уцелевших в лагере. Обычно белые меня не любят и считают сволочью, а это равносильно ордену Красного Знамени от Рабоче-крестьянского правительства».

Следственные дела говорят, что в Новониколаевске в казнях весны и лета 1921-го обычно участвовал С.А. Евреинов, но иногда его подменял секретарь коллегии губчека И.Е. Богданов, бывший начальник Сибмилиции. Изувер Евреинов, перенесший в 1920-м, работая в Омской губчека, психическое расстройство, был большим педантом: непременно указывал дату расстрела с точностью до минуты, писал

чётко, расписывался лихо, с росчерком...²⁹

Место казней в провинциальных актах о расстрелах фиксировалось обычно приблизительно. В начале 1920-х оно чаще всего не указывалось вовсе. В 1930-х гг. в зависимости от местных условий могли расстрелять в тюрьме, а потом вывезти труп для захоронения на кладбище. Так, 3 сентября 1933-го по указу от 7 августа 1932 г. два человека были расстреляны «в расположении Барнаульского домзакка». Однако очень часто хоронили прямо на месте казни где-нибудь в укромном месте. 19 октября 1932 г. в с. Западный Сузун Лушниковского района Запсибкрая «на местном кладбище в расстоянии 1-го км от села» расстреляли осуждённого райуполномоченный ОГПУ И.Л. Будкин заодно с запасным членом крайсуда Наумовым и райпрокурором А.К. Потёмкиным. Работники комендатуры полпредства ОГПУ по Запсибкраю 11 апреля 1933 г. составили акт о расстреле 84 человек, осуждённых по делу «заговора в сельском хозяйстве», отметив, что порученное дело было «исполнено в 24 часа за городом (*Новосибирском*)». Вот примеры за 1934 г.: «расстрелян и похоронен на новосибирском кладбище»; «тело Данилова предано земле, г. Томск»; «приговор исполнен путём расстрела в поле на Каштаке около Томска». Часто расстреливали в 1934-м в сёлах-райцентрах Западно-Сибирского края: Мошкове, Болотном, Алтайском. В 1935-м расстрелянных уголовников работники оперчекотдела Сиблага в г. Мариинске хоронили в «северной стороне» городского кладбища.³⁰

Нередко расстреливали и в весьма дальних окрестностях городов и посёлков. В актах Запсибкрайсуда за 1934 г. можно найти такие многочисленные примеры: «зарыты в окрестностях г. Сталинска», «за городом (Ачинском – *А.Т.*) в полутора километрах упомянутые лица расстреляны»; расстрелян «в 12 часов ночи в расстоянии от города (Ачинска – *А.Т.*) 3 км»; «Антипина расстреляли в 4 км за городом (Ачинском – *А.Т.*)»; «трупы их преданы земле и закопаны в 3 клм от ст. Топчиха»; «труп его предан земле и закопан в 4 клм от ст. Топчиха»; двух человек расстреляли «на территории ст. Алейская»; «погребены в могиле на степи, в расстоянии от г. Славгорода на 17 км»; расстреляли двух человек «в пяти километрах от гор. Черепаново» и «предали земле на глубину двух метров» (отметим, что нормы предписывали хоронить расстрелянных именно на двухметровой глубине).³¹

Подробности исполнения приговоров могли использоваться следователями для запугивания арестованных – так, особист Омского оперсектора ОГПУ М.А. Болотов в 1933 г. говорил одному из них: дескать, «поведут в подвал... при этом сотрудник, который меня поведёт, будет идти сзади и даст мне несколько выстрелов в затылок...» Арестованные в годы террора чекисты, отлично зная о способах расправы, иногда теряли самообладание: так, бывший начальник отдела УНКВД по Новосибирской области старый чекист П.Ф. Коломиец ночами часто будил своего сокамерника «и, указывая пальцем на левую сторону лба и затылок, жаловался, что он чувствует в этом месте боль, он даже чувствовал, где должна пройти пуля при расстреле».

Деформация личности палачей приводила к неудержимой потребности хвалиться участием в казнях. О собственном садизме отставные чекисты могли вспоминать как о законном революционном пыле, требуя уважения к бывлым заслугам. Скромный сотрудник Омского горстройтреста Андрушкевич в 1929-м получил строгий партвыговор с предупреждением за «невывержанность» в связи с тем, что во время чистки заявил: «Когда я работал в ГПУ, привели ко мне белого полковника, так я ему зубами прогрыз горло и сосал из него кровь». Недаром в сентябре 1922 г. появился приказ ГПУ, который отмечал, что в своих официальных заявлениях в различные инстанции, а также в частных разговорах многие бывшие и настоящие сотрудники ГПУ указывают на своё участие в тех или иных агентурных разработках, а также в исполнении приговоров, «что расшифровывает методы нашей работы».

Все чекисты обязывались дать подписку о сохранении в тайне сведений о работе ГПУ и могли разглашать только название своей штатной должности; нарушителей предписывалось «немедленно арестовывать и предавать суду». Но эта мера работала не очень эффективно – чекисты любили похвастать своей работой и в общении между собой, и в разнообразных ходатайствах либо доносах.

Например, заведующий снабжением механико-монтажного цеха Кузнецкого металлургического комбината 27-летний А.Н. Таран в июне 1933-го обвинялся Сталинской горКК ВКП(б) в том, что «клеветал на советскую власть и Красную Армию, заявляя, что, будучи работником ОГПУ на Украине, он, Таран, расстреливал десятки белых, а 5-й Лагатышский батальон расстреливал по 500 человек...»

Работавший в Омске и Томске арестованный в 1938-м особист П.А. Егоров, доказывая свою лояльность, в письме из лагеря Сталину уверял вождя, что всегда был «беспощаден к врагам народа, и не только агентурным и следственным путём боролся с ними, но много, много сам физически уничтожал их». Другой арестованный чекист – оперативник контрразведывательного отдела УНКВД по Алтайскому краю И.И. Виер-Ульянов – уверял судей трибунала: «Я сам боролся с врагами народа, не одну сотню я арестовал и расстрелял этих врагов».³²

Рядовой чекист С.М. Замарацкий в 1937-м упоминал о регулярных «свадьбах» в Кузнецком домзаке в конце 1920-х гг. (этот термин употреблялся и чекистами Белоруссии 1930-х, что говорит о его универсальности). В середине 20-х годов, когда численность работников карательного ведомства была наименьшей и когда на иной второстепенный сибирский округ приходилось в год всего несколько арестованных по политическим делам, порядки в тюрьмах были очень жестокими и бессудные расправы в них случались нередко. Крайней жестокостью к заключённым отличались начальник Щегловского (Кемеровского) домзака Ф.А. Брокер, начальник Минусинской тюрьмы Г. Керин. Начальник Тобольского исправтруддома И.С. Гомжин в 1926 г. оказался под судом за самовольный расстрел заключённых, но был осуждён условно и благополучно продолжил карьеру в тюремном ведомстве. Менялись начальники тюрем очень часто, поскольку самые разные злоупотребления в их среде носили повоальный характер.³³

«Произведено способом гражданской войны»

В Сибири, на Дальнем Востоке, Северном Кавказе в середине 1920-х гг. был развит уголовный бандитизм, с которым шла настоящая война. Чекистские начальники средств не выбирали. Начальник Забайкальского губотдела полпредства ОГПУ по ДВК В.С. Корженко в сентябре 1925 г. был отозван в Москву и отдан под суд за внесудебные расстрелы участников уголовных банд. Сильно наказывать его не стали – некоторое время спустя Корженко был возвращён на руководящую работу в ОГПУ.

Постановлением ВЦИК Сибирский край объявлялся неблагополучным по бандитизму в ноябре 1925 – январе 1926 г. и с 1 декабря

1926 по 1 марта 1927 г. Это означало, что власти края получали исключительные полномочия. Создавалась специальная двойка, состоявшая из особоуполномоченного полпредства ОГПУ по Сибкраю и крайпрокурора (либо его заместителя), которая заочно рассматривала дела на уголовников и большую их часть приговаривала к расстрелу. В первую кампанию было расстреляно около 500 чел., а с 17 декабря 1926 по 1 февраля 1927 г. чрезвычайная двойка на семи заседаниях рассмотрела 112 дел на 517 человек и большую часть осуждённых – 321 чел. – приговорила к расстрелу.³⁴ Массовые расстрелы уголовников вскоре «всплыли» в буквальном смысле, став достоянием гласности.

Органы ОГПУ оказались не готовы к захоронению большого количества трупов и проявили сомнительную самодеятельность. Расстреливая бандитов в конце 1925 г., чекисты Бийского окротдела ОГПУ из-за сильных морозов последнюю группу расстрелянных решили не хоронить, а обезглавили 8 трупов, после чего головы зарыли, а тела сбросили в р. Бия. Весной обезглавленные трупы всплыли, вызвав в округе самые невероятные слухи. Специальная комиссия полпредства ОГПУ наказала исполнителей административным арестом, но это ничуть не повлияло на методы «захоронения», практиковавшиеся год спустя, во вторую кампанию массовых казней уголовного элемента.

В июне 1927 г. пять сильно разложившихся трупов мужчин со связанными телефонным кабелем руками и пулевыми ранениями в голову либо сердце были выловлены из Оби в окрестностях Новосибирска, еще один – в окрестностях с. Молчаново Томского округа. Новосибирский окружной угрозыск, логично предположив, что милиция обнаружила «трупы расстрелянных органами ОГПУ на основании предоставленных им прав в отношении известной категории преступников», просил прокуратуру поднять вопрос о том, чтобы чекисты впредь зарывали казнённых в землю. Однако заместитель полпреда ОГПУ по Сибкраю Б.А. Бак 2 сентября 1927 г. направил Сибпрокуратуре циничную отписку: поскольку трупы уже захоронены как неопознанные и следствие провести невозможно, то неясно, кто расстреливал: ОГПУ или судебные органы... Хотя сам вид обнаруженных трупов довольно ясно указывал на почерк исполнителей.³⁵

Впрочем, не только чекисты ленились предавать трупы расстрелянных земле. Комендатура краевого суда также была не прочь схалтурить. 15 марта 1928 г. новосибирский окружной прокурор А.И. Гулевич сообщала председателю окрсуда Ф.А. Сове-Степняку, что исполнение приговора суда над С.Т. Нероновым было комендантом крайсуда Мерсяповым в полночь 5 марта «произведено способом гражданской войны», и просила, «чтобы дело приведения в исполнение смертных приговоров было бы налажено в надлежащем порядке (избрание заранее определённого места, вырытие ямы, крепкая утрамбовка и проч.)». Неделью спустя Гулевич в новом послании по тому же адресу раскрывала некоторые подробности инцидента: «Я как прокурор, только что прибывшая на работу в округ, была совершенно неосведомлена. . . и была поставлена перед фактом: не было готовой ямы, заступа, была одна только пешня, что устранить не представилось возможным». Надо полагать, что в мерзлой земле в темноте была наскоро выдолблена яма, в которой с трудом спрятали тело расстрелянного, либо труп вообще не хоронили, а сбросили в реку.³⁶

Практика небрежного отношения к процедуре захоронения характерна для всех двадцатых годов, поскольку надлежащее исполнение инструкций требовало конвойной команды, заблаговременного рытья могилы где-то в глуши, что было зимой не так просто. Поэтому в Новосибирске и в 1923-м, и во второй половине 20-х годов практиковалось сбрасывание трупов расстрелянных в Обь. Зимой осуждённых, не мудрствуя лукаво, казнили прямо в общественной теплушке для полоскания белья посреди Оби, после чего труп спускали в прорубь. Делалось это ночью, когда полоскать бельё в проруби никому из обывателей не пришло бы в голову. Потом в избушке прибирали – до следующего раза.

Вот акт от 4 марта 1926 г. о расстреле двух уголовников, подписанный комендантом крайсуда Мерсяповым и членом крайсуда Соколовым, которые отметили (орфография сохранена – *А.Т.*), что «расстрел учён вполне правильно и без каких бы то не было форм мучения, а именно: Булгакову сделано 3 выстрела из нагана в затылок и Констанову один. Трупы обеих спущены в прорубь реки Оби в теплушке для полоскания белья, где и приводился самый приговор в исполнение; от приведения приговора в исполнение признаков и следов в. . . теплушке не осталось».

Обыденность такой практики подтверждал член Сибкрайсуда А.З. Суслов в информации о том, что труп расстрелянного 14 декабря 1926 г. в Новосибирске Ивана Голендухина «спущен под лёд реки Оби».³⁷ В Новосибирске в течение двадцатых и тридцатых годов местом тайных казней также была Берёзовая роща на окраине, где располагалось большое кладбище. Еще в 1934 г. его возможности для захоронения казнённых не были исчерпаны. Десятки тысяч расстрелянных в столице Сибири в 1937 – 1938 гг. вероятно нашли могилу в нескольких местах. Они секретны до сих пор. В других крупных городах такие массовые захоронения обнаружены: Бутово и Коммунарка в окрестностях Москвы, Левашовская пустошь под Петербургом, Быковня под Киевом, Куропаты под Минском...

Таким образом, в течение 1920-х годов процедура исполнения смертных приговоров обрела свои постоянные черты: секретность исполнения и захоронения, определённая вольность в трактовке инструкций (сбрасывание трупов в реки, частое игнорирование прокурорского и врачебного надзора). После массовых казней начала двадцатых наблюдался сравнительно мягкий период, прерванный сотнями расстрелов в ряде регионов во время кампании борьбы с бандитизмом. Обычно была возможность апелляции на приговор, со стороны московских властей наблюдались частые случаи отмены смертной казни и помилований.

«Окольным путём... в расход не должны пускаться»

Конец двадцатых – начало тридцатых годов был ознаменован созданием внесудебных *троек* при полпредствах ОГПУ в регионах, расстрелявших в период до 1934 г. десятки тысяч людей. Огромный приток раскулаченных крестьян в Сибирь позволил в ряде случаев предельно радикально решить вопрос с тем, куда девать часть «кулаков». Слухи о том, что несколько барж с ссыльными были просто где-то заглоплены, имеют под собой основу (основательность их подтверждается и в новейшей монографии С.А. Красильникова «Серп и Молох»). В октябре 1943 г. начальник Александровского райотдела Нарымского окротдела НКВД И.В. Тарсуков (занимавший в начале 30-х рядовые должности в Бердском и Новосибирском райотделах ОГПУ), по сообщению секретаря тамошнего райкома ВКП(б) Кузьмина, во время плавания на пароходе из Новосибирска в Нарым

почти сутки пьянствовал, избивал жену, дрался и кричал по адресу пассажиров-«трудпоселенцев»: «Я их баржами топил!»³⁸

Массовые казни начались сразу после атаки на крестьянство. Уже в начале 1930 г. расстрельный конвейер работал на полных оборотах – комендатура полпредства ОГПУ Сибкрая приступила к физическому истреблению осуждённых *тройкой* «кулаков». Предписания на расстрел подписывал непосредственно полпред. В число палачей обычно включали рядовых оперработников. За раз команда из трёх исполнителей расстреливала до 20 – 25 человек. 59 крестьян-«повстанцев» Коченёвского района в марте 1930 г. в три приёма расстреливал дежурный комендант полпредства ОГПУ Михаил Рачков, ему ассистировали начальник отделения учётно-осведомительного отдела Александр Данченко, оперработники секретного и транспортного отделов. Всего за 1930 г. сибирские чекисты расстреляли около 5 тыс. осуждённых *тройкой*.³⁹

Подобные массовые расстрелы производились и в других регионах страны. Старший уполномоченный экономотделения Сальского окротдела ОГПУ Павел Финаков докладывал 26 января 1930 г. своему начальству об инциденте, связанном с обнаружением жителями станицы Пролетарской (ныне г. Пролетарск Ростовской области) захоронений расстрелянных. Получив в январе постановление *тройки* о расстреле 24 человек, Финаков выехал в Пролетарскую в сопровождении двух уполномоченных, отыскал в окрестностях балку и, углубив старые воронки, подготовил три могилы. Объявление о приговоре было сделано осуждённым в помещении местного райадмтдела в присутствии его начальника, а также председателя райисполкома и одного из коммунаров. В казни, помимо чекистов, участвовал и секретарь райкома партии.

Финаков упоминал, что другой чекист по фамилии Евтушенко там же расстреливал в заброшенных колодцах. Замаскировать как следует свою работу палачи не удосужились. Обнаружив у одного из колодцев подозрительные свежие ямы, колхозники их разрыли и нашли трупы в синих рубашках с руками, «связанными тонким шпагатом». Они писали в прокуратуру: «Мы, красные партизаны, требуем немедленного расследования... Мы знаем существующие законы Советской Власти, что окольным путём, кто бы они не были в расход не должны пускаться». Колхозники сильно идеализировали законы

советской власти...⁴⁰

Практика замены штатных палачей рядовыми оперативниками и руководителями местных отделений ОГПУ-НКВД характерна для всех 30-х годов: многие участники огромных сибирских «повстанческих организаций» в 1933 г. были казнены оперативниками, при этом чекистская специализация не играла роли – расстреливали особысты, работники КРО, СПО, ЭКО, транспортники. Часто к ликвидации привлекались и милиционеры всех уровней – от начальника горотдела до помощника уполномоченного угрозыска. В 1933 и 1935 гг. фиксируются случаи участия в казнях фельдъегерей райотделов ОГПУ-НКВД – и это только по осуждённым в «законном» порядке Запсибкрайсудом, среди которых преобладали уголовные преступники! Ясно, что политзаключённых, которых часто расстреливали большими группами, тем более «обслуживали» не только комендантские работники.

Молодые чекисты набора рубежа двадцатых-тридцатых годов, знавшие о порядках периода гражданской войны понаслышке, тем не менее очень легко и истязали, и отправляли на тот свет «классовых врагов». Так, в Барабинском окротделе в 1930-м начинающие оперативники А.Г. Луньков и К.К. Пастаногов назначались в наряды по приведению в исполнение многочисленных приговоров над «кулаками»; Луньков семь лет спустя, став видным оперработником, постоянно участвовал в расстрелах в бывшем Каинске, переименованном в Куйбышев. В декабре 1933 г. чекист-практикант Ленинск-Кузнецкого горрайотдела ОГПУ Николай Шеин (десять лет спустя дослужившийся до начальника Кемеровского сельского РО НКВД) минимум дважды входил в расстрельную группу горотдела, казнившую за эти два «захода» шестерых осуждённых.

Случалось, что иногда молодого чекиста брали на «смотрины» – так, уполномоченный Топчихинского райотдела УНКВД Запсибкрая А.С. Кюрс 19 октября 1934 г. присутствовал при казни осуждённого начальником РО НКВД М.П. Бирюковым – своим непосредственным руководителем, причём в акте о расстреле особо оговаривалось, что имярек только «присутствовал». Возможно, его использовали и в качестве охранника. Точно так же тренировали и фельдъегерей: так, И.К. Шахминкин – начальник пункта связи Гурьевского райотдела УНКВД по ЗСК – 8 июля 1935 г. «присутствовал» при расстреле осуждённого.⁴¹

Известные сведения о политических казнях по Западной Сибири, кстати, позволяют доказательно опровергнуть официальную цифру расстрелянных в 1933-м по всему СССР, обнародованную ещё в начале 90-х годов – 2.157 человек. Она абсолютно недостоверна – как оттого, что в неё не включили уничтоженных *тройками* ОГПУ по Западно-Сибирскому, Восточно-Сибирскому и Дальне-Восточному краям, так и в связи с занижением цифр казнённых по отдельным полномочным представительствам. Так, только по двум главнейшим политическим делам, сфабрикованным в 1933 г. ОГПУ Запсибкрая, было расстреляно народу немногим менее, нежели даёт основательно уже вошедшая в научный оборот цифра в 2.157 человек: по «белогвардейскому» заговору арестовано около 1.800 человек, в том числе несколько сот человек расстреляно, а по «заговору в сельском хозяйстве» осуждено 2.092 человек, в том числе казнено 976. А ведь были в Западной Сибири в 1933 г. и другие расстрельные дела, пусть и далеко не такие масштабные. Также следует учесть, что новейшие исследования учитывают 464 расстрелянных в Ленинградской области, а официальный чекистский отчёт за 1933-й – только 313.⁴²

Комендатуры на хозрасчёте

Местные палаческие расходы оплачивались из краевого центра. Так, 5 мая 1931 г. нарсудья Барнаула обращался в крайсуд: «Мною за погребение уполчено 25 рублей, которые и прошу выслать». Лиц, осуждённых краевым судом, полагалось расстреливать комендатуре крайсуда. В 20-е годы так и было, хотя, например, в Центрально-Чернозёмной области в конце 1920-х расстрелами лиц, осуждённых окружными судами, ведали сотрудники ОГПУ. А в 1930-х гг. большую часть осуждённых казнили именно работники комендатур при полпредствах ОГПУ и оперсекторах, а также чекисты-оперативники и милиционеры. В расстрельной практике наличествовали элементы хозрасчёта. Ведомственные финансовые интересы охранялись строго – чекисты берегли копейку и за свои услуги не забывали спросить с судейских коллег.

Например, в июне 1934 г. Омский оперсектор ОГПУ получил от Запсибкрайсуда (через старшего нарсудью Омска) 50 рублей на возмещение расходов по расстрелу трёх человек, которых казнили три работника комендатуры оперсектора. Таким образом, процедура стоила

чекистам недорого – менее 17 рублей за одного расстрелянного. Нацисты, как известно, с родственников осуждённых брали деньги за процедуру казни и кремации. Советское государство ограничивалось вычетом за услуги адвокатов. Так, в октябре 1932 г. по приговору Запсибкрайсуда был расстрелян 22-летний Н.В. Пренев, скосивший гектар пшеницы и овса, а также похитивший урожай с 30 соток картофеля. На основании циркуляра Наркомюста №200 с него предварительно было взыскано в пользу защитника 50 рублей.⁴³

У чекистов по сравнению с судами был приоритет: так, когда приговорённый Коллегией ОГПУ в декабре 1932 г. к высшей мере В.С. Фалалеев бежал, то после поимки в 1933-м его осудил уже Запсибкрайсуд. После этого беглеца передали в полпредство ОГПУ для исполнения первого приговора. Но наблюдалась и кооперация: так, 14 октября 1934 г. председатель Запсибкрайсуда В.А. Бранецкий-Эртманович предписал «своему» коменданту И.В. Балдину и чекисту – начальнику новосибирского изолятора – на следующий день привести в исполнение приговор над Т.А. Захаровым. В результате появился следующий документ:

«Акт.

В 21 час 35 минут 15 октября 1934 года в моём присутствии приведён в исполнение приговор над осуждённым к расстрелу по ст. 58¹⁴ УК кулаком Захаровым Тимофеем Андреевичем вблизи от завода горного оборудования в берёзовой роще. Труп Захарова предан земле.

Член Президиума Крайсуда Глушков

15 октября 1934 года   *подпись*
21 час 40 минут.
гор. Новосибирск».

Акты составляли нередко на случайных листках, используя макулатуру. Так, запись о расстреле 28 сентября 1933 г. в Омске составлена на чистой стороне какой-то ведомости, где зафиксированы расходы за май 1926 г. на содержание лабораторных животных: 285 морских свинок, 5 кроликов, 35 мышей и одного барана...⁴⁴

«Вопросы техники» великого террора

Середина 1930-х гг. дала кратковременное снижение числа казней, но на 1937 – 1938 гг. пришёлся апогей коммунистического террора –

тщательно организованный, когда было расстреляно почти 682.000 человек. Подготовка быстрого и секретного исполнения массовых расстрелов с помощью *троек* было уделено должное внимание. Во всех регионах создавались специальные полигоны для стремительного расстрела и захоронения огромного количества «врагов народа». Где-то природные условия «помогали» в этой задаче. Известно, что в Приморье трупы вывозили подальше от берега и сбрасывали в океан. Есть свидетельства исполнителей приговоров, которые говорят о том, что осуждённых сбрасывали в Охотское море за борт живыми, связав и привязав к ногам груз – в полном соответствии с практикой гражданской войны.

Начальник управления НКВД по Запсибкраю С.Н. Миронов-Король неоднократно разяснял подчинённым вопросы, касавшиеся исполнения приговоров. Летом 1937 г., защищая одного из ведущих следователей секретно-политического отдела УНКВД К.К. Пастаногова от обвинений в том, что последний в 1930 г. уклонился от расстрела своего родственника, он внушал оперативникам: «Приводить в исполнение приговор может не всякий чекист, просто иногда по состоянию здоровья... На его дядю первые материалы о контрреволюционной деятельности поступили от т. Пастаногова. И если бы даже Пастаногов заявил, что ему неудобно идти расстреливать дядю, здесь, мне кажется, не было бы нарушения партийной этики».

Практически в те же дни Миронов на совещании с начальниками оперативных секторов УНКВД 25 июля 1937 г. (то есть в день своей установочной речи перед всеми оперативниками управления, в которой были определены задачи рядовому и начальствующему составу в связи с начинающимися «массовыми операциями») дал приближённым конкретные установки относительно процедур, связанных с грядущими экзекуциями. Опираясь на ежовское указание в знаменитом приказе №00447 о необходимости полной конспирации массовых расстрелов, он заявил, что выполнение намеченных операций вызовет определённые «технические» проблемы:

«Стоит несколько вопросов техники. Если взять Томский оперсектор и ряд других секторов, то по каждому из них в среднем, примерно, надо будет привести в исполнение приговора на 1000 человек, а по некоторым – до 2000 чел. Чем должен быть занят начальник оперсектора, когда он приедет на место? Найти место, где будут

приводиться приговора в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дерн и потом этим дерном покрыть это место, с тем, чтобы всячески конспирировать место, где приведён приговор в исполнение – потому что все эти места могут стать для контриков, для церковников местом (*проявления*) религиозного фанатизма. Аппарат никоим образом не должен знать ни место приведения приговоров, ни количество, над которым приведены приговора в исполнение, ничего не должен знать абсолютно – потому что наш собственный аппарат может стать распространителем этих сведений...»

Эти цифры говорят о том, что Миронов изначально планировал расстрелять больше объявленного для УНКВД Запсибкрая лимита в 5.000 человек, ибо оперсекторов, по каждому из которых надлежало уничтожить 1000–2000 чел., было много: Новосибирский, Кемеровский, Сталинский, Куйбышевский, Барнаульский, Бийский, Каменский, Ойротский, Рубцовский, Славгородский, Томский, Черепановский, Нарымский. Из служебной записки мионовского помощника И.А. Мальцева видно, что первоначально данный Москвой лимит на расстрел планировался на 10.800 человек, а затем был временно урезан. Несмотря на конспирацию, многие чекисты среднего уровня были осведомлены о масштабах террора. Так, документ, найденный в сейфе начальника отдела контрразведки его помощником В.Д. Качуровским, говорил о совершенно ином порядке подлежащих уничтожению – в стенограмме одного из оперативных совещаний руководства УНКВД по Новосибирской области, проведённого после начала массовых операций, речь шла о десятках тысяч будущих жертв.

Это говорит о том, что чекисты, получив первые лимиты из Москвы, быстро поняли, что предстоит уничтожить всех потенциально опасных из «бывших» и их «связей» – и практически во всех регионах страны начали соревнование, стремясь арестовать и расстрелять как можно больше. Начальник УНКВД по Новосибирской области Григорий Горбач, доложив на совещании у Ежова в начале 1938-го об аресте 55 тысяч человек, тут же получил благодарность от «железного наркома». Преемник Горбача Иван Мальцев высмеивал начальника УНКВД по Алтайскому краю Серафима Попова за то, что алтайские чекисты не могли похвастаться такими цифрами арестованных и осуждённых «врагов», какие были на счету новосибирцев.⁴⁵

«Расстрельная нагрузка» на местные небольшие тюрьмы при провинциальных оперсекторах НКВД в этот период была небывалой. В Славгородской тюрьме 1 декабря 1937 г. расстреляно 114 человек, 2 декабря – 33 человека, 3 декабря – 74 человека, а 22 января 1938 г. – 298 человек (в том числе 288 немцев). Собственно аппарат Славгородского райотдела НКВД был невелик – несколько оперативников и персонал тюрьмы. Поэтому активно привлекали милицию и фельдъегерей. Такие же масштабы казней характерны и для других небольших городов вроде Тобольска (где 14 октября 1937 г. расстреляли 217 человек). Часто расстрелянных зарывали на территории самой тюрьмы: такие факты известны для Колпашева и Тобольска, Салехарда и Канска, Барнаула и Бийска.

Если взять совсем маленький Салехард, бывший центром едва заселённого Ямало-Ненецкого округа, то из жителей округа в 1937 – 1938 гг. расстреляли 379 человек, но большей частью в Омске, Тюмени, Ханты-Мансийске и Тобольске. В самом Салехарде казни начались 5 ноября 1937-го, когда было убито 20 человек; 9 декабря казнили девятерых. В 1938-м: 13 января – расстреляны двое, 17 января – один, 19 января – 45, 5 апреля – 58, 12 июля – 9. Таким образом, несмотря на вечную мерзлоту, салехардские чекисты и милиционеры расстреляли и зарыли на территории тюрьмы оперсектора почти 150 жертв.

Оперуполномоченный при тюрьме В.А. Скардин в Тюмени расстрелял с лета 1937 по март 1938 г. четыреста человек – примерно половину всех смертников. Остальные достались коменданту и оперсоставу горотдела. Как вспоминал периодически исполнявший обязанности начальника Тюменского горотдела НКВД Д.С. Ляпцев, оперативные работники в массе своей не горели желанием исполнять приговоры, обычно стараясь исчезнуть, так что их приходилось в приказном порядке отряжать на помощь коменданту.⁴⁶

В Минусинске, Абакане, Тюмени весь наличный оперсостав, включая милицию и фельдъегерей, привлекался в 37-м к расстрелам. Как вспоминал бывший начальник Новосибирской облмилиции М.П. Шрейдер, работники милиции в начале 1938-го постоянно участвовали в расстрелах в Новосибирске. Такая же ситуация была и в большинстве городов, где имелись тюрьмы и «условия» для казней. Слишком много надо было расстрелять, и имевшиеся кадры не справлялись, в

буквальном смысле захлёбываясь в крови.

Начальник УНКВД по Куйбышевской области 4 августа 1937 г. запретил допускать к расстрелам красноармейцев и рядовой милицейский состав. Но во многих других регионах эти лица привлекались к «ликвидациям». Подчас даже всего состава местного органа НКВД было недостаточно – и партийные органы шли навстречу, привлекая к казням собственные кадры. О конспирации уже и не помышляли. 22 апреля 1938 г. начальник следственной тюрьмы управления госбезопасности УНКВД по Омской области М.Г. Коньчев и начальник Тобольского окротдела НКВД А.М. Петров подписали «Акт обследования работы Тобольского окротдела НКВД по приведению приговоров к ВМН», где, в частности, предписывалось: «Прекратить приглашать для приведения приговоров товарищей из партактива и не осведомлять об этой работе лиц – не сотрудников НКВД».⁴⁷

Частым явлением были расстрелы по ошибке совершенно посторонних лиц. Чекист Василий Кожев показывал: «Когда я был арестован и находился в тюрьме г. Читы, то работал старостой корпуса смертников. С приведением приговоров в исполнение творилось вопиющее безобразие. Смертники называли другие фамилии тех, которые подлежали расстрелу, вместо них брали тех других, названных лиц, и расстреливали. Комендант УНКВД Воробьёв заявлял: «Стреляйте, после счёт сведём, лишь бы количество черепков было». А таких случаев неправильных расстрелов было много. Начальник 8 (учётно-архивного – А.Т.) отдела УНКВД Боев также присутствовал и когда начал проверять, то тех лиц, которые должны быть живыми, не оказалось. И он шутя говорил: «Наверное, Крысова расстреляли за Иванова как крысу», добавляя, что, мол, ошибку исправим. Во время проверки в 8-й камере таким образом было расстреляно 6 человек... Я писал об этом прокурору, он меня вызывал и допрашивал (это был военпрокурор Агалаков), но до конца выслушивать не стал, а сказал мне, что об этом скажете на суде...»

Путаница с однофамильцами и теми заключёнными, которые выдавали себя за других, была повсеместной и постоянной. Началась она куда раньше 1937-го. В феврале 1926 г. прокурор Сибкроя П.Г. Алимов предлагал прокуратуре Ачинского округа выяснить причину того, отчего вместо осуждённого Ивонина был расстрелян Акманов (Ивонина чуть позже тоже расстреляли) и доложить, был ли

причиной этого случая сговор заключённых или «невнимательность должностных лиц». М.Р. Аришак, возглавлявший райаппарат ОГПУ Александровского района Нарымского округа, 4 ноября 1933 г. был арестован и отдан под суд за преступную халатность, способствовавшую массовой гибели спецпереселенцев на о. Назино. Последняя из его вин формулировалась так: «без всякой проверки обвиняемого из деклассированных Лебедева, приговорённого к 10 годам концлагеря, подверг высшей мере наказания – расстрелу, перепутав имена и отчества обвиняемых».

В 1937 или 1938 гг. глава Бийского оперсектора НКВД В.И. Смольников «вместо приговорённых к расстрелу Тарабукина и Соколова допустил самоуправно расстрел других лиц, однофамильцев». Василий Зайцев – оперуполномоченный, а затем и начальник Канского райотдела УНКВД по Красноярскому краю – весной 1941-го был осуждён на 10 лет лагерей за целый букет нарушений законности, включая ошибочный расстрел двух заключённых.⁴⁸

Каинские душегубы и читинские «чистильщики»

Как вспоминал бывший политзек И.И. Чукомин, сидевший осенью 1937-го в барабинской тюрьме (она располагалась в г. Куйбышеве Новосибирской области и являлась одним из основных «предприятий» небольшого города), «каждый вечер из нашей камеры вызывали по 5-7 человек и уводили в городской (*отдел*) НКВД. Там раздевали их возле сарая и голых заводили в баню, а дальше их след терялся».

Многие из казнённых в Куйбышеве расстались с жизнью прямо в здании райотдела НКВД. Бывший начальник Куйбышевского оперсектора УНКВД по Новосибирской области Л.И. Лихачевский в августе 1940 г. показывал (будучи арестован в ноябре 1939-го за нарушения законности): «Осуждено к ВМН за 1937 – 1938 годы (по Куйбышевскому оперсектору) было ок. 2-х тысяч чел. У нас применялось два вида исполнения приговоров – расстрел и удушение. Сжиганием не занимались. Сжигали только трупы. Всего удушили примерно 600 чел. Постоянными участниками этих операций были Плотников, Мальшев, Иванов, Урзля, Вардугин и др. работники как НКВД, так и милиции. Операции проводились таким путём: в одной комнате группа в 5 чел. связывала осуждённого, а затем заводили в др. комнату, где

верёвкой душили. Всего уходило на каждого человека по одной минуте, не больше».

Лихачевский также добавил: «При исполнении приговоров в первой комнате сидел я и проверял личность осуждённого, затем после меня (*его*) заводили в другую комнату, где связывали, а затем оттуда выводили в третью комнату, где и расстреливали». По каким-то причинам одно время «в условиях Куйбышевского района» расстреливать было нельзя, «и я отдал распоряжение согласно указанию нач. Управления применять удушение. Всего было задушено человек 500 – 600».

Некоторые из палачей соревновались в умении убить осуждённого с одного удара ногой в пах. Казнимым забивали рот кляпом, причем у С. Иванова был специальный рожок, которым он раздирал рты, выворачивая зубы сопротивляющимся. Этот садист расхаживал во время «ликвидаций» в белом халате, за что его коллеги прозвали Иванова «врачом». Тройка каинских палачей трибуналом войск НКВД Западносибирского округа 27 – 29 августа 1940 г. была осуждена к высшей мере. Никто из них в последнем слове не выразил сочувствия к своим жертвам – говорили только о собственной невиновности и расстройстве здоровья от усиленной работы по исполнению. . . После утверждения приговора в Москве военной коллегией Верховного Суда и отклонения прошения о помилования Президиумом Верховного Совета Лихачевского, Мальшева и Иванова расстреляли в последний день октября 1940 г.

Некоторые из казнённых в 1938-м в Куйбышеве не были погребены, а вывезены в укромные места и брошены, так что в следующем году один подросток сообщил в милицию о трупе, обнаруженном им за городом. Приехавшие туда милиционеры опознали в покойнике одного из задушенных и закопали его, отметив, что у трупа «зубы были разбиты, во рту находилась тряпка». Отметим, что с цифрами казнённых в Куйбышеве (бывшем Каинске) близко совпадает число уничтоженных людей в одном из оперсекторов Омской области: 1.787 человек, расстрелянных в 1937 – 1938 гг. по делам Ишимского оперсектора НКВД.⁴⁹

Бывший начальник новосибирской облмилиции М.П. Шрейдер вспоминал о массовых расстрелах в тюремной бане в Новосибирске. О какой-то известной чекистам жуткой подробности свидетельствуют

предсмертные слова бывшего оперработника УНКВД по Новосибирской области Садовского, сохранённые сокамерником: «Меня везут к корыту стрелять...» Со слов начальника отделения дорожно-транспортного отдела УНКВД С. И. Политова, зафиксированных его 14-летней племянницей, осенью 1937-го под Новосибирском были оборудованы в труднодоступном месте некие расстрельные помещения: «НКВД расстреливает людей на одном озере или болоте, где построены специальные камеры, стена, к которой ставят расстреливать, и на полу вода...»⁵⁰ Впрочем, и настоящая баня была удобным для палачей местом: голые заключённые не могли пронести с собой ни оружия, ни каких-либо предметов, могущих за него сойти, чувствовали себя скованно и не оказывали сопротивления палачам. Сопротивления не было из-за невозможности осознать, что всех арестовали именно для того, чтобы сначала издеваться, а потом хладнокровно убить – это не умещалось в сознании... А смыть кровь в банном помещении было легко.

Тем не менее отдельные попытки смертников сопротивляться палачам имели место. Одна из них фиксируется в Чите, о чём есть свидетельство упоминавшегося выше чекиста В. Кожева. Он рассказал, как 9 января 1939 г. сорок смертников, находившихся в камере №6, «отказались выйти на расстрел, кричали, что они не виноваты и требовали прокурора, подняли бунт». Прибежал один из чекистов и отрекомендовался прокурором, но его узнали. Тогда начальник управления (им был П.Т. Куприн – *А.Т.*) «приказал расстрелять этих арестованных в камере. Было выпущено более 300 патронов в эту камеру (автоматов тогда не было, поэтому такое количество израсходованных боеприпасов говорит о массовости участников побоища – *А.Т.*). Таким образом, приговор привели в исполнение. За ночь очистили камеру, затёрли стены, побелили. Об этом случае хорошо знают работники тюрьмы».⁵¹

Расстрелянный дважды

Дело колхозника колхоза «Труженик» Ново-Борчатского сельсовета Крапивинского района современной Кемеровской области Григория Чазова – одно из тех, что проливает свет на технологию расправ периода ежовщины и беспредельный цинизм властей, в том числе тех, кто обязывался надзирать за соблюдением законности. Чазова

арестовали 5 декабря 1937-го, 19 февраля следующего года он был допрошен фельдгегерем Крапивинского райотдела НКВД Н. Молевым, протокол подписал не читая. Шесть дней спустя был переведён в Кемеровскую тюрьму, а 20 марта 1938 – в отделение Кемеровской тюрьмы в с. Ягуново, где содержалось 312 человек, в том числе и его 63-летний отец – Николай Чазов. 22 марта около девяти вечера всем заключённым было приказано немедленно собраться для отправки на этап. Их по одному выводили из камеры и направляли за дом, где уже была приготовлена братская могила.

Григория Чазова комендант тюрьмы сзади ударил по голове, «а двое неизвестных, насунув ему шапку на глаза, повели за дом и сильным толчком бросили его в глубокую яму. Упав в яму, Чазов почувствовал под собой тела стонущих людей. По этим людям неизвестные ему лица ходили и стреляли в них. Чазов, лёжа между трупами, не шевелился и таким образом остался жив. А когда расстреливавшие люди уехали, оставив яму незакопанной, – вылез и пошёл домой в колхоз, находившийся за 45 километров от места происшествия».

Вместе с братом Фёдором Чазов 4 апреля того же года приехал в Москву и из приёмной Михаила Калинина они оба были направлены в Прокуратуру СССР. На следующий день дежурный прокурор ГВП военюрист 1-го ранга Качанов их допросил и затем сделал доклад начальнице 2-го отдела ГВП Софье Ульяновой. С санкции Г. Розовского оба (Фёдор – как укрыватель беглеца) были арестованы. А Рогинский тут же написал первому заместителю наркома внутренних дел Фриновскому относительно проверки дела и привлечения к ответственности лиц, «небрежно выполнивших приговор о расстреле». 20 июня 1938 г. Чазов был расстрелян в Москве, а его брат 29 июля по докладу Рогинского осуждён как социально-вредный элемент на 5 лет заключения и отправлен на Колыму.

Дело № 33160 на 17 человек (все осуждены к расстрелу) было сфабриковано с образцовой грубостью и цинизмом: обвинительное заключение составлено 19 января 1938 г., а допросы проведены задним числом – с 16 по 19 февраля. Чазова обвиняли в поджоге Тайгинского пихтового завода, отравлении стрихнином трёх колхозных лошадей, поджоге тока с соломой и антисоветских разговорах. Ни документов, ни свидетельских показаний в деле не отыскалось. В 1939-м Прокуратура СССР внесла протест на решение по делу о расстреле

Чазова, абсолютно не озаботившись проведением расследования в отношении 16 его подельников. 26 ноября 1939 г. Прокурор СССР М.С. Панкратьев сообщал секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву об этом случае и о том, что дело на С. Ульянову передано для расследования.⁵²

Случаи с обнаружением могил и побегами из-под расстрела сильно компрометировали чекистское начальство. Из НКВД СССР в Новосибирск отправилось требование выяснить обстоятельства «небрежного» расстрела, тем более что случаи расконспирации казней были в Новосибирской области не единичны. Бывший начальник тамошнего УНКВД Горбач на следствии в конце 1938 г. показал, что в результате его «вредительской работы» в г. Ленинске-Кузнецком массовые операции по арестам кулацкого элемента задели также середняков «и, кроме того, там приговора в исполнение были приведены в таком месте и так, что на второй день какой-то человек натолкнулся на место, где был обнаружен труп». Указал Горбач и на промашку с Чазовым: в Кемеровском горотделе НКВД, согласно его показаниям, один из осуждённых к ВМН «фактически не был расстрелян, после операции ушёл и явился в Москве, кажется, в приёмную М.И. Калинина».⁵³

«Я приходил с операции, обмазанный кровью...»

Подробные сведения об уничтожении почти тысячи жителей Бодайбинского района оставил замначальника отдела контрразведки УНКВД по Иркутской области Борис Кульвец (всего этот чекист арестовал в 1937 – 1938 гг. около четырёх тысяч человек). В начале 1938-го он прибыл в Бодайбо и принялся осуществлять «массовые операции», из-за отдалённости района начавшиеся почти через полгода после соответствующих приказов.

Кульвец информировал иркутское управление НКВД: «Только сегодня, 10 марта, получил решение (*тройки* – А.Т.) на 157 человек. Вырыли 4 ямы. Пришлось производить взрывные работы, из-за вечной мерзлоты. Для предстоящей операции выделил 6 человек. Буду приводить исполнение приговоров сам. Доверять никому не буду и нельзя. Ввиду бездорожья можно возить на маленьких 3-4-местных санях. Выбрал 6 саней. Сами будем стрелять, сами возить и проч. Придётся сделать 7-8 рейсов. Чрезвычайно много отнимет времени,

но больше выделять людей не рискую. Пока всё тихо. О результатах доложу». Вот ещё письмо: «Операцию по решениям Тройки провел только на 115 человек, так как ямы приспособлены не более, чем под 100 человек». Третье послание в Иркутск гласило: «Операцию провели с грандиозными трудностями. При личном докладе сообщу более подробно. Пока всё тихо и даже не знает тюрьма. Объясняется тем, что перед операцией провёл ряд мероприятий, обезопасивших операцию». В 1938-м в Бодайбо было расстреляно 948 человек...

После суда Кульвец напоминал о своих недюжинных заслугах: «Заявляю ещё раз и с этим умру, что работал я честно, не жалею себя, получил туберкулез, не гнушался никакой работой, вплоть до того, что по приговорам из Иркутска сам же приводил их в исполнение и в неприспособленных районных условиях приходилось таскать (*трупы*) на себе, я приходил с операции обмазанный кровью, но моё моральное угнетение я поднимал тем, что делал нужное и полезное дело Родине». В мае 1941-го военным трибуналом войск НКВД Забайкальского округа Кульвец как «бывший эсер и белогвардейский прислужник, японский шпион и диверсант, харбинский прихвостень, готовивший убийство руководства Иркутской области, взрывы на Транссибирской магистрали с целью отторжения Дальнего Востока в пользу Японии» был приговорён к расстрелу, но вскоре оказался помилован, получив десять лет лагерей.

Наряду с Кульвецом известны и другие «чемпионы» по части массовых убийств. Капитан госбезопасности УНКВД по Ленинградской области М. Р. Магвеев был организатором и основным исполнителем расстрела 1.111 заключённых Соловецкой тюрьмы особого назначения НКВД 27 октября и 1-4 ноября 1937 г. под г. Медвежьегорском в Карелии; он расстреливал по 200 – 250 человек в день.

Среди его жертв лучшие представители украинской культуры (около 300 человек); среди них писатели Н. Зеров, Н. Кулиш, М. Ирчан, О. Слисаренко, В. Полищук, П. Филиппович, В. Пидмогильный, М. Вороний. От руки Магвеева погибли белорусский театральный режиссёр Лесь Курбас, адвокат А. Бобрищев-Пушкин (защитник Бейлиса и Пуришкевича), создатель Гидрометеослужбы СССР А. Вангенгейм, основатель удмуртской литературы Кузубай Герд, белорусский министр Ф. Вольнец, татарский общественный деятель И. Фирдевс, председатель московского цыганского табора Г. Станеско, грузинские князья

Н. Эрстов и Я. Андронников, католический администратор Грузии Ш. Батмалашвили, черкесский писатель Х. Абуков, корейский деятель Тай До, православные епископы Алексей, Дамиан, Николай и Пётр, лидер баптистов СССР В.И. Колесников, академик-историк Н. Дурново... В 1938-м Матвеев был арестован и осуждён за некое «превышение власти при проведении расстрелов»; впоследствии он жил в Ленинграде, где и умер в 1974-м. Могилы узников Соловков были обнаружены только летом 1997 г. Их оказалось около 150, размером четыре на четыре метра и двухметровой глубины.

Согласно приказу М.П. Фриновского от 5 августа 1937 г., смертные приговоры в отношении лагерников должны были приводиться в исполнение «специально отобранным начальствующим составом и стрелками военизированной охраны» под личным руководством начальника оперчекотдела лагеря либо его заместителя. 16 августа того же года Ежов предписал при производстве расстрелов осуждённых в тюрьмах приводить приговоры в исполнение начальствующим и надзорным составом под личным руководством начальника тюрьмы или его помощника по оперативной части.

В казнях заключённых лагерей участвовали и специальные эмиссары. Известный палач Ефим Кашкетин (упоминается как Кашкотин в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»), ранее увольнявшийся из НКВД в связи с психическим заболеванием, был затем принят в аппарат ГУЛАГа и отличился в массовых расстрелах узников Ухто-Ижемского лагеря НКВД. Вооружённый пулемётами взвод расстрельщиков под командованием Кашкетина весной 1938 г. расстрелял не менее 2.508 человек. В марте 1940-го Кашкетин был осуждён к расстрелу за массовую фальсификацию дел и избиения заключённых. В массовых убийствах постоянно участвовали и высокопоставленные чекисты с милиционерами. Так, 2 сентября 1937 г. замначальника УНКВД по Московской области майор госбезопасности С.И. Лебедев и начальник УРКМ капитан милиции М.И. Семёнов лично расстреляли 111 осуждённых.

В годы террора нередко казнили подростков и беременных женщин. В Грузии (Багуми) по обвинению в организации покушения на Берия была расстреляна группа подростков-школьников. В 1937-м *тройкой* под председательством наркома внутренних дел Грузии С.А. Гоглидзе была приговорена к расстрелу группа девушек.

О полном произволе региональных руководителей НКВД свидетельствует и дело начальника Житомирского облУНКВД Г.М. Вяткина, который был арестован с санкции Хрущёва 16 ноября 1938 г. в связи с побегом наркома внутренних дел УССР А.И. Успенского. На следствии он показал: «...Тягчайшим из совершённых мною преступлений я считаю расстрел по приговору *тройки* около ... (пропуск в документе – А.Т.) тысяч человек, арестованных Житомирским областным управлением и обвинённых в принадлежности к «ПОВ» и немецко-фашистской организации, не будучи уверенным в виновности значительной части их...» По единоличным распоряжениям Вяткина было расстреляно в Житомирской области свыше 4.000 человек, в том числе несовершеннолетние дети и беременные женщины, причём более чем на 2.000 расстрелянных протоколы членами *тройки* не были подписаны, а на многих расстрелянных не оказалось следственных дел. В феврале 1939-го Вяткин сам был расстрелян.⁵⁴

Ограбление расстрелянных

Раздевание до белья или донага было постоянным обычаем в советской расстрельной практике 20–40-х годов (обнаруженные в 1979г. многочисленные мумифицированные трупы на размытой Обью территории колпашевской тюрьмы были именно в нижнем белье). Правда, если казнили за городом, то, как показывают раскопки последних лет, в могилах обнаруживаются обувь, остатки верхней одежды и довольно многочисленные личные вещи. Верхняя одежда осуждённых обычно изымалась в доход государства, ценные вещи распределялись за бесценок (или расхищались) чекистами, ими также торговали в спецмагазинах. Эти спецмагазины были открыты в период «Большого террора», а в годы гражданской войны присвоение имущества осуждённых осуществлялось открыто.

ЧК изначально была не только карательной, но и мародёрской организацией. В августе 1919-го ВЧК издала приказ о том, что вещи расстрелянных концентрируются у видного чекиста А.Я. Беленького – начальника охраны Ленина – и распределяются по указанию президиума ВЧК. Награбленное шло в первую очередь начальству. Сам Ленин получил от хозотдела Московской ЧК счёт за полученные костюм, сапоги, подтяжки, пояс – всего на 1.417 руб. 75 коп. У Петрочка

«был свой счёт в Нарбанке, на который поступали конфискованные у осуждённых деньги и выручка за продажу их имущества; рядовые чекисты не брезговали торговать одеждой и обувью казнённых и, случалось, предлагали выкупить всё это их родственникам». По словам академика В.И. Вернадского, «чиновники чрезвычайки производят впечатление низменной среды – разговоры о наживе, идёт оценка вещей, точно в лавке старьевщика».

После расстрелянных в 1937 – 1938 гг. осталось много одежды, которую постоянно пытались расхитить (например, в Якутии); в Тобольске и Куйбышеве (бывшем Каинске) её в 1938-м по приказам начальства сжигали, но далеко не всю: чекисты присваивали себе костюмы, дохи, шапки, а «врач» С.К. Иванов не побрезговал и пирами.

Ограбление расстрелянных стало традицией со времён гражданской войны: А.И. Мосолова, зампреда Омской губчека, в 1921 г. губком РКП(б) исключил из партии (ненадолго) именно за распределение вещей расстрелянных среди подчинённых и красноармейцев. В 1939-м бывший начальник особой инспекции новосибирской облмилиции И.Г. Чуканов свидетельствовал, что начальником управления НКВД И. А. Мальцевым «поощрялось мародёрство, он не принимал никаких мер к тем, кто снимал ценности с арестованных, приговорённых к ВМН».

Подтверждая эти слова Чуканова, оперуполномоченный угрозыска Куйбышевского райотдела НКВД Михаил Качан показывал: «При исполнении приговоров изымались деньги, которые затем тратились на попойки. Однажды мы нашли мало денег, так Мальшев сказал, что сегодня были бедняки. Эти деньги никуда не сдавались... У одних китайцев были изъяты деньги 500 рублей, а затем их не нашли». Доставались каинским душителям и золотые вещи.⁵⁵

На Алтае было то же самое: помначальника алтайского управления НКВД Г.Л. Биримбаум и начальник оперотдела В.Ф. Лешин в 1938-м присваивали деньги, отобранные у арестованных. Биримбаума осудили, а Лешин, который исправно участвовал в расстрелах, получил всего лишь строгий выговор за систематическое пьянство и халатность, благополучно продолжая работу в НКВД и в 40-е гг. Точно также присваивали деньги и ценности своих жертв расстрельные команды УНКВД по Ульяновской области. А магаданскому начальнику

УНКВД по Дальстрою В. М. Сперанскому в числе разнообразных уголовных обвинений вменялась и трата 80 тыс. рублей, изъятых у арестованных, большая часть которых была отправлена на расстрел.⁵⁶

«Применение извращённых методов...»

Откровенный садизм практиковался очень многими расстрельщиками во всех регионах СССР. Один из бериевских подчинённых К. Савицкий в 1953-м утверждал: «К тем арестованным, которые давали признательные показания, меры физического воздействия в процессе следствия не применялись. Но при приведении приговоров в исполнение их обязательно избивали по указанию Берия, который говорил: «Прежде чем вести их на тот свет, набейте им морду». Очевидец расстрелов в Тбилиси эпохи «Большого террора» показал в 1954-м: «Жуткие сцены разыгрывались непосредственно на месте расстрелов. Кримян, Хазан, Савицкий, Парамонов, Алсаян, Кобулов... как цепные псы набрасывались на совершенно беспомощных, связанных верёвками людей, и нещадно избивали их рукоятками от пистолетов».

Сам Берия также лично издевался над уже осуждёнными. Так, в январе 1954 г. бывший начальник 1-го спецотдела НКВД Л.Ф. Баштаков показал следующее: «На моих глазах, по указаниям Берия, Родос и Эсаулов резиновыми палками жестоко избивали Эйхе, который от побоев падал, но его били и в лежачем положении, затем его поднимали, и Берия задавал ему один вопрос: «Признаёшься, что ты шпион?» Эйхе отвечал ему: «Нет, не признаю». Тогда снова началось избивание его Родосом и Эсауловым, и эта кошмарная экзекуция над человеком, приговорённым к расстрелу, продолжалась только при мне раз пять. У Эйхе при избивании был выбит и вытек глаз. После избивания, когда Берия убедился, что никакого признания в шпионаже он от Эйхе не может добиться, он приказал увести его на расстрел».

А.С. Алексеев в 1937 – 1938 гг. руководил Минусинским оперсектором УНКВД по Красноярскому краю и организовывал массовые операции по исполнению смертных приговоров. О том, как Алексеев экономил патроны, свидетельствовали его подчинённые. Так, «Никитин показал, что выполняя операцию по приведению постановлений о расстреле над большим количеством репрессированных, Алексеев должным образом проведение этой операции не организовал,

процесс носил мучительный характер, т. к. многие из репрессированных оставались ранеными и по указанию Алексева их добивали ломом». Когда подчинённый осенью 1937-го ему доложил, что один из своры пьяных палачей (А.И. Королев) пытался взорвать осуждённого с помощью электродетонатора, Алексеев заявил: «Не то ещё делали, главное – быстрее расстреливать да беречь патроны». Один из чекистов показывал: «...Один раз, в октябре 1937 года, пришлось быть в подвале при проведении одной из операций и видеть, что расстрел производился сотрудниками, находившимися в нетрезвом состоянии и в обстановке полной дезорганизации».

В 1938-м Алексеев и помначальника Хакасского облуправления НКВД И.И. Дзедатайс были признаны виновными в том, что, «являясь руководителями операций по приведению в исполнение приговоров над лицами, которым назначалась высшая мера наказания, проявили халатность и бесконтрольность за подчинёнными, что привело к систематическому употреблению спиртных напитков сотрудниками во время проведения данных операций и бегству 3-х граждан из подвала, где производились расстрелы, а Дзедатайс И.И., кроме того, совместно с Новоселовым И.К., Королевым А.И. и другими работниками оперсектора, лично участвовал в издевательствах над осуждёнными». За «дискредитацию звания сотрудника НКВД» Алексеев и другие Особым совещанием при НКВД СССР 22 октября 1938 г. были осуждены. В жалобах на необоснованность приговора этот старый чекист указывал, что им в 1937 г. лично арестовано 2.300 «троцкистов», из которых более 1.500 расстреляно. Власти вняли этим весомым аргументам. В январе 1941 г. Алексеев был освобождён из заключения, остался в системе ГУЛАГа и два года спустя добился снятия судимости (в 1944-м он при неясных обстоятельствах погиб в лагере при исполнении служебных обязанностей). Осуждённые вместе с Алексеевым И.И. Дзедатайс, замеченный в издевательствах над приговорёнными, и И.К. Новосёлов (этот инструктор ЗАГСа ещё и мародёрствовал), обращаясь с прошениями о помиловании, упирали на то, что ими при расправах двигало чувство классовой ненависти.

С.Р. Шишкин, возглавлявший один из райотделов НКВД в Ямало-Ненецком округе, в 1939-м был отдан под суд за участие в пыточном следствии, присвоение личных вещей расстрелянных, скрывание смертей заключённых от избиений, участие в расстрелах в пьяном

виде. Начальник Ямало-Ненецкого оперсектора НКВД А.И. Божданкевич, приводивший приговоры в исполнение в одном из служебных кабинетов, а также днём в клубе окротдела, получил пять лет, но вскоре был амнистирован. Всего под суд за нарушения законности, пытки и нарушения правил исполнения приговоров попали 13 сотрудников Ямало-Ненецкого оперсектора, но почти все они отделались минимальными наказаниями, зачастую не связанными с лишением свободы.

Есть свидетельство очевидца о массовых казнях в г. Канске: «Во дворе Канской тюрьмы расстреляли около 500 человек и тут же во дворе закопали... Когда убитые не вмещались в яму, их рубили шашками на куски, чтобы было плотнее...»

Среди работников барнаульской тюрьмы в 1940 г. ходили рассказы о том, как в 1937 – 1938 гг. по приказу начальника УНКВД по Алтайскому краю С.П. Попова уничтожали приговорённых к расстрелу крестьян: политрук тюрьмы Ю.Г. Логвинов рассказывал знакомому, что их пытали, а потом «убивали ломом и сваливали в большую яму, которую я, будучи на работе в тюрьме, осматривал». В мае 1940 г. военная коллегия Верховного суда СССР в Москве осудила 11 работников Вологодского УНКВД во главе с начальником управления С.Г. Жупахиным. Трое из них – Власов, Воробьёв и Емин – обвинялись в применении «извращённых способов приведения приговоров в исполнение». Семерых чекистов постановили расстрелять. О том, что это были за «способы», можно судить по материалам комиссии Политбюро ЦК КПСС, полностью опубликованным только в 2003 г.: в декабре 37-го работники Белозёрского райотдела НКВД Анисимов, Воробьёв, Овчинников, Антипин и другие вывезли в поле 55 осуждённых и «порубили их топорами». В том же райотделе двух женщин забили до смерти поленьями.

Василий Лебедев в 1937 – 1938 гг. был начальником Особого отдела УНКВД по Житомирской области УССР, пытал арестованных, участвовал в расстрелах. Известно, что тамошние чекисты одну 67-летнюю женщину забили в гараже лопатой. В 1940-м его исключили из партии за, в том числе, «применение извращённых методов при приведении приговоров в исполнение» и осудили на пять лет. Но уже в 1941 г. В.Е. Лебедев был освобождён из заключения в связи с отменой приговора военной коллегией Верховного суда СССР.

Отдельной строкой следует упомянуть и сексуальную окраску многих расправ. Те же сотрудники Куйбышевского оперсектора (не только расстрелянные в Новосибирске в 1940-м, но и оставшиеся безнаказанными милиционеры) в 1938 г. заставили совершать в своём присутствии половой акт осуждённую учительницу и осуждённого мужчину, обещая за это помиловать. Сразу после окончания «представления» несчастные были задушены. Оперативник Куйбышевского оперсектора С.К. Иванов оклеветал беременевшую от него уборщицу как шпионку и лично участвовал в её расстреле, причём начальник оперсектора Лихачевский при этом, смеясь, подсчитывал, сколько в результате Иванов сэкономил на алиментах... Новосибирский контрразведчик Отто Эденберг сожительствовавал со своим агентом актрисой Иолантой Мацур прямо в тюрьме, где та была внутрикамерной осведомительницей, а когда женщина забеременела, составил «альбомную справку» на неё с целью добиться расстрела наложницы как шпионки. В приговоре 1941 г. над руководящими работниками управления НКВД по Алтайскому краю глухо упоминалось, что начальник Бийского оперсектора В.И. Смольников допустил, а его подчинённый Г.С. Каменских «производил исключительные зверства и циничные издевательства над женщинами при приведении приговоров с высшей мерой наказания».⁵⁷

Побеги

Карательную практику определённым образом корректировали сравнительно частые побеги, в том числе осуждённых к высшей мере наказания. Побеги из-под стражи были частым явлением, хотя нередко заканчивались гибелью беглецов. Газета «Дело революции» в 1920 г. не раз публиковала сообщения Новониколаевской чека о таких попытках. Так, 17 июля при попытке бежать был застрелен заведующий химотделом райсовнархоза инженер В.Н. Скворцов. 28 сентября 1920 г. сообщалось, что выведенный на расстрел «агент польской контрразведки» А.Г. Остапкович воспользовался темнотой и бежал, но «попался в одну из устроенных засад в Нахаловке» и был застрелен – «смерть констатирована врачом». 3 октября сообщалось, что неделей ранее трое арестованных чекистами пытались бежать при конвоировании к станции Коченёво, но были убиты охраной. Был и групповой побег 12 «важных арестантов», произошедший 8 октября 1920 г. (арестованные, в

основном, бывшие офицеры, боясь расстрела, в темноте напали на караул и выломали ворота) и закончившийся, похоже, удачно для нескольких человек.⁵⁸

36-летний житель села Баган Василий Малашенко, будучи 26 сентября 1930 г. выведен в составе группы из 25 человек на расстрел в Новосибирске, воспользовался темнотой и бежал при «сопровождении его к месту расстрела». Как отмечали составители акта о расстреле и побеге – комендант полпредства Н. Майстеров, его помощник М. Рачков и дежуривший в те сутки по полпредству оперработник Захаров – беглец не был разыскан сразу. О дальнейшей судьбе Малашенко сведений нет, а его подельников, прошедших по известному делу «Чёрные», всех казнили в тот же день, в 11 часов вечера.⁵⁹

Материалы партийных органов о взысканиях за служебные проступки свидетельствуют о частых побегах приговорённых к высшей мере. Начальник Болотнинской раймилиции Запсибкрая Огневский постановлением райкома ВКП(б) в ноябре 1932 г. был снят с должности за допущение побега приговорённого к расстрелу по указу ЦИК СССР от 7 августа 1932 г. Лушкина. Другой начальник Болотнинского райотдела милиции – П.И. Лаворчик – в мае 1935 г. получил партвыговор за побег из КПЗ троих заключённых, включая двух осуждённых к расстрелу.⁶⁰

Тайные убийства

Специфическим способом тайной политической казни было использование инсценированных несчастных случаев. Один из первых известных – гибель Бориса Савинкова, относительно которой сохранилось свидетельство самого Сталина.

В своих объяснениях Л.П. Берии от 27 марта 1953-го С.Д. Игнатъев, экс-министр госбезопасности, цитировал слова Сталина, который с конца октября 1952 г. стал настойчиво требовать истязать «врачей-вредителей», отказывавшихся признаваться: «Бейте!» – требовал он от нас, заявляя при этом, – «вы что, хотите быть более гуманными, чем был Ленин, приказавший Дзержинскому выбросить в окно Савинкова? У Дзержинского были для этой цели специальные люди-латыши, которые выполняли такие поручения. Дзержинский – не чета вам, но он не избегал черновой работы, а вы, как официанты, в белых перчатках работаете. Если хотите быть чекистами, снимите перчатки». Игнатъев

докладывал о вещах недавних и вряд ли путал или придумывал. Информация любопытнейшая.

Само собой, что Ленин к смерти Бориса Савинкова, погибшего в 1925-м, не мог иметь отношения по определению. Очень похоже, что здесь товарищ Сталин свой собственный приказ Дзержинскому покончить с самым известным из тогдашних арестантов весьма нахально свалил на безответного Ильича... Раскаявшийся Савинков был уже не нужен, а его «самоубийство» дополнительно компрометировало этого бывшего боевика и политического лидера. «Люди-латыши», специализировавшиеся на тайных убийствах и подчинённые непосредственно Дзержинскому, тоже вряд ли сочинены. Вполне возможно, это были сотрудники комендатуры ОГПУ, в чьей твёрдости не могло быть сомнений.

В мае 1939 г. (с разницей в два дня) сокамерниками были убиты одни из виднейших большевиков Карл Радек и Григорий Сокольников. Оба они в январе 1937 г. были осуждены на 10 лет заключения, но товарищ Сталин в итоге решил, что эти его враги будут предпочтительнее в мёртвом виде. Бывших оппозиционеров сгубила откровенность: и Радек, и Сокольников, по сообщениям агентуры, постоянно в самых резких выражениях обвиняли Сталина в фальсификации тогдашних политических процессов. Иосиф Виссарионович, лично сохранивший им жизнь (в архиве отложился проект приговора, отправленный Ульрихом Ежову с предложением расстрелять всех проходивших по процессу «параллельного центра»; представить, что Ежов без одобрения Сталина изменил этот проект, нелегитимно), очень обиделся на такую неблагодарность.

Прочитав в очередной раз записку с информацией о том, что о нём говорили бывшие чекисты-ленинцы, он распорядился исправить свою ошибку двухлетней давности. По распоряжению Берии и Кобулова вскоре было организовано убийство и Радека, и Сокольникова, причём в качестве исполнителей выступили «специально подсланные» осуждённые за политические и должностные преступления бывшие работники НКВД. Они, надо думать, с радостью выполнили ответственное поручение по уничтожению заклятых врагов народа. Из объяснений видных работников центрального аппарата НКВД-МГБ П.В. Федотова и Я.М. Магусова, готовивших ликвидацию, следует, что «Кобулов, требуя безукоризненного их исполнения, подчёркивал,

что они осуществляются с ведома Сталина».⁶¹

Действовавшая по указанию Берии спецлаборатория НКВД во главе с Г. Майрановским многие годы испытывала на заключённых-смертниках различные яды, умертвив около 150 человек. В июле 1939-го тайком в поезде по приказу Сталина и Берии был вместе со своей женой убит полпред и одновременно резидент внешней разведки в Китае И.Т. Бовкун-Луганец. Потом была инсценировка автокатастрофы и торжественные похороны. Исполнителям операции объяснили, что тайное убийство «шпионов» осуществлено для того, чтобы иностранная разведка не догадалась об их разоблачении, а подчинённые полпреда не стали невозвращенцами.

В те же месяцы по приказу Сталина была тайно арестована, а затем так же тайно, без оформления документами, расстреляна жена маршала Кулика К.И. Симонич-Кулик, подозревавшаяся в шпионаже. Комендант МГБ СССР В.М. Блохин в 1953 г. показал, что перед войной он по приказу Б.З. Кобулова, помимо жены Кулика, расстрелял точно таким же образом одного мужчину, причём Кобулов заявил, что документы о расстреле будут оформлены задним числом. Фамилия этого расстрелянного осталась невыясненной. В 1947 г. на Лубянке тайно убили шведского дипломата Рауля Валленберга, в 1948-м в Минске – гениального актёра Соломона Михоэлса. Известно и о многих других тайных жертвах сталинской мести, в том числе за границей – эти эпизоды достаточно подробно описаны в литературе.⁶²

Награды палачам

Непосредственно исполнителям приговоров прежде всего давалась возможность пить вволю. Начальник Куйбышевского оперсектора НКВД Леонид Лихачевский показывал, что с «ведома управления участникам операций разрешалось употребление спиртных напитков, на что отпускались средства. (...) Выпивки после операций были как правило и проходили они в помещении райотделения или у меня на квартире. (...) Учёта вещам, оставшимся после расстрела осуждённых, не было, так как на этот счёт не было указаний».⁶³ Вполне вероятно, что отсутствие указаний было сознательным и имущество казнённых руководство УНКВД рассматривало как награду исполнителям приговоров.

Напряжённейшая работа чекистов в пиковые месяцы террора была по достоинству отмечена партией и правительством. И не только бесплатной водкой. В честь ударников смертельного ремесла не звучали фанфары, но их имена – в таком большом количестве первый и последний раз – были опубликованы в печати. В честь двадцатой годовщины «органов» по огромному (на 392 человека) наградному списку, заготовленному в НКВД, власти отметили многих палачей, опубликовав 21 декабря их имена в «Красной Звезде».

Ордена получили и видные работники комендатуры НКВД в Москве (например, П.И. Магто и В.И. Шигалев), и их коллеги на местах. В числе последних были: в Новосибирске – начальник внутренней тюрьмы и одновременно начальник тюремного отдела УНКВД С. И. Корнильев (орден Красной Звезды), дежурный ДПЗ, а в 1941-м начальник внутренней тюрьмы Г.И. Ершов (Знак Почёта), замначальника ДПЗ В.И. Пачуфаров (орден Красной Звезды) и рядовой работник комендатуры П.А. Гудков, который ещё в 1936-м был скромным фельдъегерем, а три года спустя стал начальником тюрьмы (Знак Почёта); в Красноярске – комендант УНКВД М.И. Пульхров (орден Красной Звезды) и дежурный комендант М.П. Ждамиров, к 1939 г. ставший начальником местной внутренней тюрьмы (Знак Почёта); в Барнауле – комендант УНКВД Д.М. Булгаков (орден Красной Звезды). Комендант УНКВД по Читинской области С.С. Воробьёв также получил орден Красной Звезды.

Фамилии этих людей значились по соседству с награждёнными начальниками управлений НКВД и руководителями отделов управлений и наркоматов. По всей видимости, так же были отмечены коменданты прочих региональных управлений по всей стране. Их портреты печатали областные газеты, но должности, естественно, не назывались – разрешалось лишь указать, какой орден получен данным сотрудником НКВД. Так, о Д.М. Булгакове «Алтайская правда» 24 декабря сообщала, что «немало врагов народа было разоблачено благодаря его чуткости и бдительности», отмечая, что ордена чекиста удостоили за «образцовое и самоотверженное выполнение специальных заданий партии и правительства».

Награждение исполнителей приговоров в декабре 1937-го было беспрецедентным по масштабу. Но и в дальнейшем служба комендантских работников щедро отмечалась как ведомственными, так и

правительственными наградами. Иван Сергованцев, бывший партизан и красноармеец, с 1929-го работал кучером Барнаульского окротдела ОГПУ, в первой половине 30-х стал дежурным комендантом Омского и Барнаульского оперсекторов. На 1937 – 1939 г. Сергованцев работал дежурным комендантом УНКВД по Алтайскому краю, заработав казнями очень ценный гебистами знак «Заслуженный работник НКВД». В 1945-м чекист-ветеран получил за выслугу орден Ленина.

Я.Г. Коновалов в 1919-м учился на курсах ВЧК в Москве, затем был откомандирован в Сибирь. Работал в комендатуре полтора десятка лет, расстреливая в Новосибирске с конца 1920-х гг. В 1945-м этот 50-летний капитан УНКГБ по Новосибирской области был награждён орденами Красного Знамени и Ленина, а десять лет спустя числился почтенным пенсионером КГБ. В 1946-м орден Ленина за выслугу получил и Д.М. Булгаков, доросший до должности начальника отдела «В» (цензура) УНКГБ по Алтайскому краю. Комендант УНКВД по Омской области И.Д. Шестаков в конце 1930-х гг. стал депутатом горсовета.⁶⁴

Из комендатур – в номенклатуру

Следует отметить, что неизвестны случаи (в Сибири, по крайней мере) привлечения к уголовной ответственности комендантов управлений НКВД, несмотря на их тесную связь с расстрелянными как «заговорщики» начальниками УНКВД. Зато начальники тюрем репрессировались нередко. В 1937-м по инициативе начальника УНКВД Г.С. Хорхорина был арестован и осуждён на пять лет заключения начальник Читинской тюрьмы И.П. Китицын. В ноябре 1939 г. в Чите были арестованы начальник тюрьмы Н.Я. Булгаковский и начальник тюремного отдела УНКВД Д.Г. Потапейко – похоже, единственный в Сибири случай репрессий в отношении тюремных чиновников такого уровня после окончания «Большого террора».

Глава управления НКВД по Алтайскому краю Серафим Попов, громя врагов в УНКВД по Алтайскому краю, арестовал многих тюремных работников и расстрелял начальника внутренней тюрьмы Станислава Стычковского, осмелившегося в конце 37-го обратить внимание Попова на то, что арестованных сажать уже некуда. Возможно, основную роль в его гибели сыграла национальность – Стычковский

был поляком. Сразу восемь работников Барабинской тюрьмы угодили за решётку в 1938-м: их сначала обвиняли в служебных преступлениях, но потом добавили и политическую статью. Портной этой тюрьмы был арестован «только за то, что проходя мимо будки, сказал, что здесь приводятся приговора в исполнение».⁶⁵ Но коменданты обычно были вне подозрений. Дежурные коменданты становились комендантами, начальниками тюрем и постепенно продвигались по служебной лестнице.

О работе комендантов в период, когда казней стало намного меньше, свидетельствуют показания Ю. Г. Логвинова, пожаловавшегося приятелю на тяжёлые условия работы в тюрьме и получившего за «разглашение государственной тайны о порядке приведения приговоров в исполнение» пять лет заключения. Политрук тюрьмы говорил, что в 1940 г. осуждённого ночью приводили к коменданту УНКВД по Алтайскому краю, после чего тот скручивал заключённому руки за спиной, а в рот заталкивал палку, которую фиксировали верёвкой. Обеспечив тишину с помощью такого импровизированного кляпа, комендант уводил обречённого к месту казни.

В мае-июне 1940 г. десятки работников центрального аппарата и местных органов НКВД участвовали в расстрелах почти 22 тыс. польских граждан, осуждённых решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. О мастерстве, проявленном палачами, говорят данные немецкой экспертизы трупов, обнаруженных в Катюни и убитых выстрелами в область основания черепа, причём, как правило, одной пулей: «Удивительное однообразие ранений и локализация выстрела в очень ограниченной части затылочной кости позволяют заключить, что выстрел производился умелой рукой». Полгода спустя Берия специальным приказом наградил 44 сотрудника НКВД (включая известных расстрельщиков из комендатуры НКВД СССР В.М. Блохина, И.И. Шигалева, Д. Э. Семенихина) месячным окладом, а 81 чекиста – премией размером 800 руб.

Меткий глаз и твёрдая рука вкупе с крепкой психикой давали палачам шанс хорошего продвижения. Лучшая карьера из известных нам сибиряков – у С. И. Корнильева, дослужившегося в конце войны до начальника УНКВД-УМВД по Томской области, но с позором снятого в ноябре 1946-го за огромные финансовые злоупотребления. Комендант Ивановского облУНКВД в годы террора Фролов впоследствии

работал заместителем начальника УНКВД по Калининградской области; правда, после войны он сошёл с ума и умер в психиатрической больнице. Б.К. Шаблинский, работавший в 1921 – 1922 гг. дежурным комендантом Екатеринославской губчека, затем перешёл на хозяйственную и партийную работу, а в 1939-м возглавил УНКВД по Винницкой области. Комендант ГПУ УССР с 1933 г. А.Г. Шашков пять лет спустя стал заместителем начальника УНКВД по Донецкой, а затем по Запорожской и Черновицкой областям. В 1941 – 1942 гг. Шашков возглавлял Особый отдел НКВД 2-й Ударной армии А.А. Власова и застрелился, попав в окружение.

Исполнители приговоров на местах, уйдя из ОГПУ-НКВД, тоже нередко дорастали до высоких должностей, входя в номенклатуру районного, городского и областного уровня. При этом карьере не препятствовало и увольнение из «органов» за уголовные преступления: так, М.А. Захаров, снятый в 1922 г. с работы в ВЧК за «самочинные расстрелы», в 1934 – 1937 гг. подвизался секретарём Исковского райкома ВКП(б) Свердловской области, пока за незаконные поборы не был осуждён на 10 лет заключения.

Вот примеры должностных метаморфоз тюремных работников. Комендант Якутского облотдела ОГПУ Г.А. Грицкевич с 1926 г. работал инструктором Легостаевского райкома ВКП(б) в Новосибирском округе. 25-летний П.И. Снегирёв как помначальника Барабинской тюрьмы весной 1936-го участвовал в расстрелах, а в 1937 – 1938 гг. допустил массовую смертность заключённых от голода. На 1938-й он ещё начальствует в Барабинской тюрьме, а на 1940-й – уже заместитель редактора районной газеты «Знамя стахановца» и член бюро Куйбышевского райкома комсомола. Затем Снегирёв заведует райздравотделом, а весной 1941-го становится председателем Куйбышевского горисполкома. Рядом с ним трудился Д. С. Фоменко, бывший чекист, партработник, в 1937-м мобилизованный в НКВД и в качестве секретаря Куйбышевского РО НКВД участвовавший в массовых расстрелах осуждённых. В 1939 г. Фоменко стал секретарём райисполкома и был выдвинут в депутаты Куйбышевского райсовета.

Л.Ф. Ернов, один из немногих чекистов из народности ханты, самоучка, до 1937 г. работал помощником коменданта Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) окротдела УНКВД по Омской области в Сургутском районе. В 1937-м его перебросили на партийную работу

и три года спустя Ернов уже был вторым секретарём Омского обкома ВКП(б). Партийная карьера Г.И. Мигучкина, до начала 1930-х гг. работавшего комендантом губотдела-окротдела ОГПУ в Омске, была скромнее: в 1940 г. его утвердили инструктором отдела кадров Вокзального райкома ВКП(б) г. Томска.⁶⁶

Некоторые исполнители приговоров дождались официального признания, как ни парадоксально, в перестройку. Так, в Барнауле с 1987-го существует улица имени Семёна Бабуркина (1890 – 1954). Этот алтайский крестьянин, доброволец Красной Гвардии, партизан и председатель волревкома, в 1921-м одновременно возглавлял коммунистический отряд по борьбе с политбандитизмом, за что был награждён орденом Красного Знамени. С 1925-го он работал начальником Барнаульского окружного адмтдела, но получил партвыговор за пьянство и устройство «грандиозной попойки» с участием почти всего начсостава милиции. Пьющего начальника всех милиционеров округа сняли и в конце 1927 г. взяли в Барнаульский окротдел-оперсектор ОГПУ на должность дежурного коменданта, в каковой Бабуркин проработал несколько лет. В первой половине 1930-х гг. в Барнауле были расстреляны многие сотни людей. Не выдержав перегрузок, Бабуркин заболел эпилепсией и в 1935-м был уволен из НКВД как инвалид. Работал председателем колхоза, умер где-то в деревне и много лет спустя в юбилейный год за свои заслуги в гражданской войне удостоился улицы...⁶⁷

На исходе «Большого террора»

Расстрелы в конце 1938-го в целом ряде регионов послужили способом спрятать концы в воду. Нарушая указание Москвы немедленно прекратить расстрелы с 15 ноября 1938-го, партийные и чекистские боссы тайком расстреляли фигурантов множества липовых дел, тем самым «подчистив» переполненные тюрьмы.⁶⁸ Третий секретарь Крымского обкома ВКП(б) А. Сеит-Ягьяев, будучи членом *тройки* НКВД, 25 и 26 ноября 1938 г. подписал несколько протоколов о расстреле большого количества людей, оформив их задним числом. Всего по спискам, оформленным и подписанным с 20 по 29 ноября, крымские чекисты расстреляли 822 человека. Об этом стало известно и в апреле 1939-го секретаря исключили из партии за «грубейшее нарушение революционной законности». Но он остался на свободе (по

крайней мере, ещё на год после изгнания из рядов) – в марте 1940 г. Комиссия партконтроля при ЦК ВКП(б) отложила рассмотрение апелляции Сеит-Ягьяева в связи с его неясностью на разбирательство.

В Киргизии замначальника отделения отдела контрразведки В.В. Куберский 6 декабря 1938 г. – по сговору с замнаркомом НКВД Киргизии М.Б. Окуневым, который написал фиктивный, датированный задним числом, приказ начальнику Каракольского горотдела НКВД – привёл в исполнение в г. Караколе решение *тройки* о расстреле 150 осуждённых. Окунев был осуждён 15 апреля 1940 г. «за производство необоснованных арестов и извращение революционной законности» – вероятно, к высшей мере; что касается Куберского, то ему высшую меру в 1939-м заменили на 10 лет заключения и на 1954 г. он был начальником стройуправления в Карелии. Есть сведения, что начальник УНКВД Немцев Поволжья И.З. Рессин также проводил задним числом после 15 ноября расстрельные решения *тройки*, но уже 19 ноября 1938 г. он был арестован и затем осуждён к высшей мере наказания.

Начальник УНКВД по Иркутской области Б. А. Илюченко-Мальшев был арестован 5 января 1939-го и в июле 1941 г. осуждён к расстрелу как участник «заговорщицкой организации» и активный участник массовых репрессий (в частности, «вопреки правительственному указанию от 15.XI. и 17.XI-1938 г. продолжал приводить приговора в исполнение на лиц, ранее осуждённых на тройке к ВМН»). Возможно, и упоминавшийся выше массовый расстрел в январе 1939-го, осуществлённый читинскими чекистами, был способом избавиться от ненужных свидетелей...

Следует отметить, что «Большой террор» не ограничился истреблением советских граждан. Чекисты многими тысячами расстреливали в 1937 – 1938 гг. монголов, в 1940 г. – польских военнопленных. А в 1937-м советские власти активно вмешались в гражданскую войну в Китае, поддержав лояльного СССР правителя (дубаня) провинции Синьцзян Шен-Ши-Цая. Разгромив восставших против «красного дубаня» дунган и уйгуров, полковник Норейко, командовавший группой из двух полков НКВД и одного полка РККА, 15 декабря 1937 г. отчитался в том, что из всей 36-й дунганской дивизии «убито и взято в плен 5612 человек, ликвидировано из числа взятых в плен 1887. (...) Из 6-й уйгурской дивизии убито и взято

в плен около 8 тыс. человек, из числа пленных ликвидировано 607 человек». К 7 января 1938 г. число «ликвидированных» превысило три тысячи: 2.192 по 36-й дивизии и 853 – по 6-й. Ещё неделю спустя начальник управления пограничной и внутренней охраны НКВД СССР комдив Н. К. Кручинкин в своём докладе сообщал, что среди арестованных китайских граждан «уничтожено 96 японских агентов, 318 английских и несколько шведских». Сам Кручинкин тоже не избежит репрессий – вскоре его отзовут, арестуют и уже в августе 1938-го расстреляют.⁶⁹

А дальше была страшная война, в период которой только военнослужащих было в судебном порядке расстреляно почти 158 тыс. Количество же расстрелянных без суда в боевой обстановке до сих пор неизвестно; по крайней мере, Берия после ареста в своём письме членам Президиума ЦК КПСС упоминал о десятках тысячах военнослужащих, расстрелянных в 1941-м. Массовые казни производились и в тылу. Пятнадцать тысяч расстреляли летом и осенью 1941 г. из числа неэвакуированных заключённых из западных областей Украины и Белоруссии. Так, в 23 тюрьмах Западной Украины на 10 июня 1941 г. находилось 23.236 заключённых, из которых значительная часть была ликвидирована при отступлении советских войск. Расстреливали в основном осуждённых за контрреволюционные преступления. Всего по Львовской области оказалось расстреляно 2.464 чел., Дрогобычской – 1.101, Станиславской – 1.000, Тернопольской – 500 в Тернополе и 174 – в Бережанах (из них 197 было погребено в подвале Тернопольского УНКГБ и, как отмечали чекисты, «мелко очень зарыты, операцию проводил нач. УНКГБ»), Ровенской – 230, Волынской – 231, Черновицкой – 16, Житомирской – 47, Киевской – 116. Казнили не только в тюрьмах. Во время эвакуации из тюрьмы г. Глубокое поляки, как потом сообщали чекисты, стали кричать: «Да здравствует Гитлер!»; начальник тюрьмы Приемышев, доведя их до леса, расстрелял до 600 поляков. В Витебске Приемышева арестовали по приказу военного прокурора войск НКВД, но секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко признал действия начальника тюрьмы правильными и освободил его из-под стражи.

Много расстреливали в оккупированной Германии и других странах Европы. Сотни немцев, осуждённых в советской зоне оккупации Германии в конце 1940-х гг., были затем расстреляны в Москве.

В 1953 г. в Восточной Германии казнили ряд советских военнослужащих, отказавшихся стрелять в восставших немцев. Впрочем, расстрелы послевоенного времени – пока совершенно неисследованная тема.

Михаил Шмулев ВОСПОМИНАНИЯ О КАРЛАГЕ

Приступаю к воспоминаниям с ощущением, будто стою перед глубоким бассейном, наполненным грязной, зловонной водой, в которую должен прыгнуть. Речь пойдет о самом темном периоде моей жизни. О лагерях советской поры, которые с полным правом можно назвать сталинским беспределом – все знают о нем по книгам Солженицына или Шаламова. Но я пишу о собственных впечатлениях – преимущественно для себя самого и узкого круга друзей, родственников, а также для моих потомков. Не ставлю цели воссоздавать события сколько-нибудь художественно, ярко, цветисто.

Сегодня, в мои 81 год, с трудом удается восстанавливать в памяти картинки прошлого, мозг как будто отказывается воспроизводить тусклое, тягостное, ненавистное. Хотя, конечно, были в лагерях и хорошие люди – общаясь с ними, я облегчал свою душу. Но общий фон, в целом, конечно, крайне гнетущ.

– Эй, вы, суки! Шаг вправо, шаг влево, стреляю наповал! – таким грозным, запомнившимся на всю жизнь, предупреждением, начиналось каждодневное движение колонны эков к месту работы.

И стреляли, и убивали наповал, и даже специально провоцировали делать этот последний для тысяч арестантов «шаг в сторону». Ох, как хотелось вертужаям показать свою власть, да и премия полагалась, если проявляли бдительность и пресекали – или создавали видимость, что пресекали – мнимые побеги.

За время войны люди разучились воспринимать человека, как себе подобного. Кругом враги – их надлежит убивать. И многие уже в мирных условиях стали испытывать сильное желание следовать этому новоприобретенному инстинкту.

Конвойные для Карлага набирались в те годы в Вологодской области. Там было бедно, скудно, голодно и демобилизованные охотно шли в надзиратели, не мудрствуя лукаво, не размышляя, насколько соответствует такая работа элементарным представлениям о порядочности.

То и дело слышалось:

– Вологодский конвой шутить не любит, шаг вправо, шаг влево – стреляю!

Что уж приятного в подобных воспоминаниях! Но писать надо. Чтобы в своем высокомерии всезнайства люди не забыли уроки прошлого.

Всем, конечно, понятно – любая власть есть насилие над Человеком. Она может сломать, придавить любого индивидуума, нивелировать потребности и запросы – чтобы из общего ряда не высывался. В цивилизованных странах тоже есть пределы допустимого, но там они вполне разумные. В тоталитарных же – иначе, все доведено до беспредела.

Когда главенствует немислимая, сумасшедшая идеология, вроде коммунизма, человеку внушают, вбуравливают в сознание, что все возможно, все допустимо и оправдано во имя якобы «высокой цели», даже если она недостижима. Троцкий часто повторял слова Бернштейна: «Движение все, цель – ничто». Движение – это развитие, достигнутая же цель – застой, затухание и смерть. В движении возможны различные эксперименты над человеком, якобы ради его блага. На деле же – насилие, жестокое принуждение, ломка вековых обычаев и устоев.

Неслучайно же лагеря назывались ИТЛ – исправительно-трудовые. Здесь «исправляли», а, вернее, ломали, переиначивали и калечили внутренний мир человека. Документально доказано, подсчитано – 20 миллионов находилось одновременно в лагерях, тюрьмах, на поселениях. А за 74 года коммунистической диктатуры прошло через такие костоломные, душеломные чистилища в два-три раза больше – миллионов 50-60.

В 1998 году известный писатель-диссидент Лев Разгон, отбывший в сталинских лагерях 17 лет, в интервью газете «Известия» горько посетовал: «Общество забывает, что был 37 год. Да, это так. Наши люди очень уж забывчивы на плохое. А надо бы помнить».

К его статье я бы добавил, что то время отмечено не только массовыми арестами и расстрелами по политическим статьям, но и по так называемым уголовным и бытовым, когда за малейшие нарушения давали чудовищно несоизмеримые сроки. За то, что в европейских странах наказывали днями и часами ареста или штрафами,

в Советском Союзе получали до 10 лет.

Я хорошо помню случай, когда один мой знакомый вынес с завода старую транспортерную ленту не более двух квадратных метров, из которой он шил тапочки. Ему отвалили 7 лет лагерей!

И дело не только в том, что социалистическая собственность, по утверждениям коммунистов – священна и неприкосновенна.

Сравним: за ограбление обычной квартиры «зарабатывали» всего 5 лет. А государственное добро пусть гниет, пропадает, но использовать его нельзя. Огромное количество отработавшего свой ресурс имущества сознательно рубилось, уничтожалось, но по принципиальным соображениям не отчуждалось в частные руки. Издевательство над здравым смыслом, контрастирующее с мировой практикой списаний, уценок и продажи по сниженным ценам. Какие нелепые извращенные принципы!

Мой случай не назовешь исключением из правила. Сталин и его команда в те поры видели основную опасность не со стороны узкого круга правой или левой «оппозиций» (они уже давно разгромлены и уничтожены). Оцените размах: беспокойство вождей вызывают миллионы – те, кто побывал на оккупированной территории, в плену и в окружении, повидал европейские страны и мог сравнить их уклад и обычаи с опостылевшими советскими порядками. Не случайно в анкетах того времени существовал пункт: «Был ли в окружении, на оккупированной территории, в плену».

У коммунистов в крови отложились недоверие, подозрительность, – одним словом, «бдительность». Сталин, устами своего секретаря по идеологии Сулова, провозгласил, что Партия произведет чистку не только своих рядов, но и общества в целом, потому что в нем после войны произошли изменения, оно засорено чуждыми элементами, разложившимися или попавшими под влияние врагов.

Заметим – тогда к врагам начали причислять и союзников по общей борьбе с фашизмом. Это было начало «холодной войны». «Генеральная зачистка» осуществлялась в таких масштабах, что пришлось строить новые лагеря в северных районах, Сибири и на Дальнем Востоке – естественно, силами самих заключенных.

Однако для режима, по понятным причинам, не очень-то было желательно, чтобы политические мотивы в судах превалировали. «Неблагонадежных» стали сажать, подводя их под бытовые или

уголовные статьи. Как тогда говорили: «Был бы человек, а статья найдется».

Так случилось и со мной. Очень любезный следователь сам ознакомил меня с доносом. В безграмотной записке платный стукач сообщал, что во время застолия я рассказывал, в каких прекрасных меблированных квартирах проживал в Австрии и Венгрии, а равно и то, что я не лоялен, поношу Советскую власть и возмущаюсь нашими порядками.

Донос, конечно, не давал никаких оснований для суда, – требовались более солидные и веские доказательства.

И тут – занятный пассаж! Встречался я тогда с одной девушкой. И оказалось, что она – сестра жены моего следователя. Его я раньше не знал, как и он меня, но если город невелик, то все новости быстро становятся известными – а тем более арест!

– Моя жена просила облегчить Ваше положение, и это по-человечески понятно, но для меня – не приемлемо, – сказал мне мой несостоявшийся свояк. – Я на службе и обязан нести ее достойно. Буду с Вами откровенен: Вы участник Отечественной войны, и у Вас есть награды. Однако участь Ваша предрешена. Идет зачистка тех, кто, как и Вы, побывали в плену. По этому доносу можно раскрутить Вас так, что потянет лет на пятнадцать ИТЛ. Найдутся и свидетели, и очевидцы, и даже, какие нужно, документы. Да по нынешним временам многое и не потребуется – вспомните 1937 год и «тройки»! К тому же Вы – бывший офицер Советской армии, а теперь просто «гвардии рядовой». Значит, какой-то грех за Вами все-таки числится!

Оправдываться и доказывать что-либо было бесполезно. Я только сказал, что ни разу не подавал никаких жалоб, заявлений о восстановлении в офицерском звании. Понимаете, *не подавал*, потому что считал себя уже как бы непригодным, неподходящим к дальнейшей службе. Точно также, когда мне предлагали вступить в Партию, отговорился своей неподготовленностью, а если откровенно – не люблю я собрания, заседания, поручения, задания:

– Я не против Советской власти, а просто не готов стать партийцем, ведь не каждый же из 200 миллионов чувствует призвание к общественной работе...

...Между тем, следователь предельно четко обрисовал ситуацию, которая радужных перспектив мне не сулила:

– Итак, мы Вас арестовали по доносу, потом у Вас был обыск, в кладовке нашли мешок муки и 17 кг курительной махорки. Зачем Вам столько? По карточке Вы получаете 450 грамм хлеба, а откуда мука? Вывод – хотели продать по спекулятивным ценам. Я Вам предлагаю признать себя виновным, что собирались реализовать все на базаре. Мы же знаем, что Ваша мать торгует на рынке, продает заграничные вещи. Откуда они?

– Тут нет секрета, я целый год после окончания войны оставался в Китае и, естественно, приобретал там кое-какие вещи за свои кровные – нам же платили. Ничего противозаконного я не совершал.

– Ну, законно или незаконно Вы поступали – об этом можно долго спорить: у нас есть комиссионные, скупочные магазины, не обязательно же продавать на рынке. К тому же Вы вернулись из Армии в декабре 1946 года, а сейчас январь 1948-го. Вы не работаете, не занимаетесь полезным трудом. Это называется тунеядство, паразитизм. Я бы посоветовал, не как следователь, а как человек, понимающий, что к чему, не упорствовать, а признать себя виновным и тем самым облегчить свою участь. Вы знаете не хуже меня, что лучше идти в лагерь по бытовой статье, чем по политической. Я думаю, с учетом Вашего участия в войне дадут не более 5 лет. А там, глядишь, амнистия, выйдете на свободу, как говорится, политически незапятнанным, идеологически не скомпрометированным.

Размышлял я день, другой, а потом пришел к выводу, что, пожалуй, он прав. В камере наслушался разных историй. Рассказывали, например, что те, кто служил у немцев, попадали в розыск, и сами сознательно шли на какие-нибудь незначительные уголовные преступления, получали срок 3-5 лет и тем спасались от срока в 20, 25. И выходили даже под чужой фамилией. Отследить их в Архипелаге ГУЛАГ, где 20 миллионов зеков – задача непростая.

...Суд для меня был скорый, не более 20 минут, без свидетелей, защитников и обвинителя. Поскольку воевал и имел ранения, дали 8 лет ИТЛ. А могли бы дать десять!

Как ни странно, следователю я был благодарен. Хотя он и лукавил: намеренно как бы подгонял адресованные мне советы к повсеместной обязательной установке – *сажать, но не по политической статье*. Между прочим, даже при Горбачеве КГБ использовал аналогичные, не менее инквизиторские, приемы: диссидентам подсовывали

наркотики, приходили с обыском, приводили понятых, свидетелей, – и, конечно, находили несколько грамм героина и тем решали судьбу человека. Суд не принимал во внимание никаких доказательств, кроме подброшенных улик. Так, например, пострадала одна ленинградская поэтесса, получившая 5 лет с дальнейшей высылкой в отдаленные места России. Это ли не коварство!

Мне прекрасно известно, что еще в перестроечные годы я состоял в списке подозрительных и находился под наблюдением – письма читали, телефонные разговоры прослушивали. Прикрепили даже постоянного стукача, который жил неподалеку, но я его скоро вычислил. Будь он немного умнее и не случись скорого развала Советского Союза, быть бы мне снова в местах не столь отдаленных. Мне тоже подкидывали наркотики, а потом пытались их «выявить». Так, я получил в подарок книгу с заложенным в нее зельем, но чутье подсказало – «бойся данайцев, дары приносящих». Выручила интуиция – на этот раз судьба была ко мне милостива.

... У меня богатый жизненный опыт. Мои тюремные университеты начались с Балхашского изолятора, где почти все знали друг друга. Я декламировал заключенным стихи, рассказывал о поэзии Есенина, Ахматовой, Цветаевой. О том, что мне довелось увидеть на Западе и на Востоке, в Корее, Китае, Монголии.

В пересыльной тюрьме Караганды порядки были не в пример жестче. Помещения полуподвального типа, грязь, теснота и произвол надзирателей, воров, «суку». Мы – «фраера», были как бы вне закона. В нашем бараке главенствовали «суки», а это тоже воры, но, как говорят, «сученые воры», то есть те, кто нарушил воровской закон, выдал на допросах своих, пошел работать в лагеря или самое страшное – стал тайным стукачом.

Воровскому главарю отдавали долю из передачки, иначе забьют! Иерархия такая же, как у коммунистов – ступенчатая. Это только в кино можно увидеть, как новичок, владеющий, допустим, приемами карате, отстаивает свою честь или заступает за слабого. Да, такое бывает. Но в целом – власть воров безгранично жестока. Не послушался – на первый раз делают темную.

Темная – это когда ночью приходят к тебе, спящему, несколько человек, набрасывают одеяло или бушлат, и начинают избивать, да так, что утром не сможешь встать. День-два отлеживаешься, отхаркиваясь

кровью. А если пожалуешься начальству – могут удушить, все тем же способом. Администрации пересылки нет дела до внутренних разборок. Главное, – чтобы происходящее не выходило за стены тюрьмы...

Продолжение следует...

Александр Водолазов
ТАМ, ЗА ДАЛЬЮ НЕПОГОДЫ
Описание жизни Александра
Васильевича Светакова

Попытка реконструкции на фоне реальных исторических событий, с использованием доносов, справок, протоколов допросов, газетных статей, а также другого архивного материала

Отрывки из неизданной книги
(окончание, начало в ГС №3)

Там, за далью непогоды
 Есть блаженная страна.
 Не темнеют неба своды,
 Не проходит тишина...

Николай Языков

Северный морской путь должен
 стать нормально действующей
 транспортной магистралью.

И. Сталин

«БРАТОК»

В августе 1938 года постановлением Совнаркома на судьбе «ледового наркомата» был поставлен крест. Главсевморпуть обретал новое, не столь героическое, качество. Параллельно продолжала молотить мясорубка НКВД. Через пару дней после «ликвидационного» заседания Совнаркома, 1 сентября 1938 года расстреляли Дмитрия Козьмина из «фашистской банды Бергавинова». Того самого Козьмина, который «разруливал» ситуацию в Тикси. Органы

управились с ним в рекордные сроки – со дня ареста прошло всего два месяца. И одновременно заместителем начальника Главсевморпути поставили Ивана Папанина.

Его звезда ярко загорелась годом раньше во время знаменитого дрейфа «папанинской льдины». Отто Шмидт тогда настаивал, чтобы экспедицию возглавил профессор Визе. Однако Визе отказался, ссылаясь на состояние здоровья и возраст (хотя ему только что исполнилось пятьдесят). Вместо всемирно известного ученого во главе экспедиции поставили Ивана Папанина, который был славен недюжинными организаторскими способностями и еще – зверствами в Крыму во время Гражданской войны (впрочем, в ту пору это считалось доблестью). По всем сценам страны уже десятилетие шла пьеса Тренева «Любовь Яровая». Молва утверждала, что образ матроса Шванди, «братка» – беспощадного борца со всяческой контрой – драматург писал именно с Ивана Папанина.

Из архивов

«Рабочий, большевик, он жестоко ненавидит паразитов, шкурников, эксплуататоров, всех врагов революции и рабочего класса. Боец, отважный исследователь тайн природы – он нежно любит своих товарищей, соратников по труду и борьбе.

Мы видим его в 1917 году, в Крыму, обыскивающим дворцы и виллы княжеских, великокняжеских и царских фамилий. Он беспощаден. С уверенностью в правоте своего дела он уничтожает эти гнезда родовитых бездельников и палачей...

Девятнадцатый год. Эшелон красных бойцов двигается по Украине на север. На одной станции Папанин ловит стрелочника на том, что тот перевел стрелки не туда, куда надо было, а в противоположную сторону, на юг, где – неизбежное окружение и гибель. Несколько вопросов, и Папанин выясняет, что это вовсе не стрелочник, а передетый белогвардейский офицер. Матросы расстреляли белобандита на месте».

Журнал «Советская Арктика»

На посту заместителя начальника, а фактически уже будучи полноправным хозяином Севморпути, Папанин решительно продолжил дело, которое «мягкотельный интеллигент» Шмидт никак не мог довести до конца.

Там, за далью непогоды

«Благодаря замечательной работе нашего славного Наркомвнудела во главе с всенародным любимцем т. Ежовым, – радовался Папанин, – мы в значительной степени освободились от врагов. Но в этой области сделано еще не все...». И полетели головы тех, кто еще продолжал верить, что «там, за далью непогоды, есть блаженная страна»...

Дошла, наконец, очередь и до ненавистного интеллигента Бориса Лаврова: «В Нордвикстрое, – стучал пухленьким кулачком Папанин, – царит бесконтрольность. Надо крепко взяться за Нордвикстрой и перейти от слов к делу». И перешли...

Справка: Борис Лавров не попал под топор «большого террора» 1937-38 годов. Еще в начале 1939 года он продолжал руководить трестом «Нордвикстрой». В том же году исключен из ВКП(б) «за невыполнение постановления правительства». Иными словами, соляные рудники, построенные заключенными еще в 1937 году, оказались никому не нужными, добываемая в них соль была крайне низкого качества. Разведка на нефть тоже показала бесперспективность промышленной добычи. Поэтому в 1939 году все работы пришлось остановить.

Арестован 9 августа 1939 года. Согласно материалам уголовного дела, завербован в антисоветскую право-троцкистскую организацию врагом народа Углановым. В 1936 году установил связь с Бергавиновым – руководителем право-троцкистской организации, существовавшей в Главсевморпути, по его заданию проводил вредительство в тресте «Нордвикстрой».

Согласно «сталинским спискам», расстрелян 6 сентября 1940 года. По другим данным, умер в тюрьме в 1942 году.

Спустя недолгое время Папанин возглавил Главсевморпуть. Академик Шмидт вахту сдал, «матрос Швандя» вахту принял. Это событие было отмечено в полярном фольклоре примечательными строками:

*Примеров много есть на свете,
Но лучшие, право, не найти:
Снял Шмидт Папанина со льдины,
А тот его – с Севморпути.*

А «волны революции», которые два десятилетия так счастливо носили киевского приват-доцента по бушующему большевистскому

Александр Водолазов

океану, тихо выплеснули его на берег. Почти невредимого. На «берегу» оказалась подмосковная академическая дача в благословенном местечке под названием Николина гора, посты первого вице-президента Академии наук СССР, главного редактора Большой советской энциклопедии. Отто Юльевич Шмидт успел сотворить еще очень много дел на благо своей страны. Но в этом качестве он для нас уже не представляет особого интереса.

Иван же Дмитриевич Папанин за свою длинную жизнь (а прожил он, дай Бог каждому, девяносто два года) стал доктором географических наук, контр-адмиралом, дважды Героем Советского Союза, а сколько у него было орденов Ленина, толком не знает никто – то ли десять, то ли одиннадцать. Вместо ответа на естественный вопрос – как один человек мог заслужить столько наград? – приведем отрывок из воспоминаний Александра Афанасьева, одного из руководителей морского флота СССР, начальника Главсевморпути с 1946 года. Вот как он описывает одно из совещаний в Кремле во время войны.

«Тут встал Папанин и начал настоятельно просить Сталина о награждении портовых рабочих Мурманска и Архангельска.

Сталин, нахмураясь, сказал:

- Вас только что наградили.

Папанин подходил то слева, то справа к Сталину. Тот отмахивался от него рукой. Как избалованный ребенок у матери, Иван Дмитриевич, зная, что ему, как правило, никто не отказывает, добивался своего:

- Многих не наградили, а они заслуживают, если не ордена, то медали. Разрешите обратиться к адмиралу Головки с просьбой наградить медалями рабочих портов – они отличились при разгрузке иностранного тоннажа.

- Обращайтесь, - улыбнувшись из-под усов, - тихо проговорил Сталин.

Тут Микоян передал ему какую-то бумагу. Мы почувствовали, что это, видимо, какая-то информация, компрометирующая докладчика. Так обычно бывало в конце личного доклада. «Жди сейчас бурю», - подумал я. Сталин молча прочел информацию и, хитро улыбаясь, сказал Папанину:

- Ты, северный король, говорят, там, на Севере, гарем завел?

Все громко засмеялись. Маленький толстый Иван Дмитриевич аж подпрыгнул и воскликнул:

- Что вы, что вы, товарищ Сталин! Да когда я еще на Северном полюсе был, тогда уже все мое «хозяйство» было отморозено.

Всеобщий смех стал еще громче. Искренне смеялся и Сталин.

- Говоришь, все отморозено? – продолжал смеяться Сталин и, в сердцах порвав бумагу, бросил ее на пол».

ПОСЛЕДНИЙ ПОБЕГ НА СЕВЕР

что же наш главный герой, беглец в «блаженную страну»? Тот год, что в столице бушевали страсти, шли процессы, летели головы, он провел в своем последнем арктическом пристанище, в чукотской бухте Провидения. С подачи начальника политуправления Сергея Бергавинова и начальника Морского управления Эдуарда Крастина (без преувеличения, спасших его от гибели в том самом 37-м) Светаков отправился на Дальний Восток, где десяток лет назад и началась его карьера инженера-гидростроителя.

В начале мая 1937 года поезд Москва-Владивосток уносил Светакова из столицы к спокойной, как он надеялся, жизни. Настроение у него было едва ли не приподнятое.

На второй-третий день пути столичные страхи мало-помалу отпустили, и вместе с нормальными заботами о будущей работе возвратилось и трезвое осознание реальности. Светаков не был наивным человеком, он ясно понимал, что после ареста начальника Дальневосточного территориального управления Михаила Пошеманского сейчас идет чистка «низов». Но должно же все это, в конце концов кончиться, убаюкивал свои страхи Светаков. Ну не может в стране быть столько врагов...

Но он остолбенел, когда, уже прибыв во Владивосток, обнаружил в «Правде» малоприметное сообщение: 11 мая 1937 года специальное судебное присутствие Военной коллегии Верховного суда СССР рассматривало дело «Анτισоветской троцкистской военной организации». В нее входили военачальники, которых еще вчера страна носила чуть ли не на руках, о них слагали песни, пионеры читали стихи: маршал Тухачевский, командармы первого ранга Якир, Уборевич, командарм второго ранга Корк, комкоры Примаков, Путна, Фельдман, Эйдеман. Но более всего поразило, что в то самое судебное присутствие (название-то какое, подумал Светаков) входили,

среди прочих, старые знакомые - Василий Блюхер и Николай Каширин, его партизанские командиры. Причем Блюхер и возглавлял то самое присутствие. Было от чего свихнуться.

В отличие от других «показательных» процессов, никаких подробностей о суде над военачальниками не публиковалось. Следующее сообщение появилось ровно через месяц, 11 июня: все обвиняемые были признаны виновными и расстреляны в тот же день.

С 1931 года, когда Светаков заправлял здесь строительством портов, во Владивостоке мало что изменилось. Лишь его любимый ресторан при гостинице «Версаль» после встречи здесь челюскинцев переименовали в «Челюскин». Старых знакомых почти не осталось. Не сразу, с оглядкой и на ухо, ему постепенно обрисовали ситуацию, в которой оказалось Дальневосточное теруправление. После ареста Михаила Пошеманского от Владивостока до Чукотки пронесся вихрь арестов. Работать практически было некому. Те же, кто еще оставался на своих местах, не решались пальцем пошевелить, опасаясь обвинений во вредительстве и контрреволюционной деятельности.

Однако, несмотря ни на что, надо было работать. Светаков довольно быстро понял, что здесь, во Владивостоке ситуация выглядит совсем иначе, нежели это рисовал ему в Москве начальник морского управления Эдуард Крастин. Одолев почти восемь тысяч километров, пересекши всю страну с запада на восток, он обнаружил, что бухта Провидения, куда он был направлен главным инженером строительства, отсюда, из Владивостока столь же недосыгаема, как и из Москвы.

Люди для будущей стройки были уже собраны, деньги отпущены. Ожидали только парохода, который мог бы забросить строителей и грузы в Провидения. Поэтому Светаков торопился. Надо было изучить все материалы предыдущих изысканий по бухте. Оказалось, что единой точки зрения относительно масштабов и даже места строительства будущего порта у руководства Севморпути нет. Никаких серьезных изысканий практически не проводилось. Предполагалось, что все это Светаков должен будет начинать практически с нуля.

Ну, точно, как на Диксоне, хватался за голову Светаков. Но там хоть в первые дни понаехало начальников, специалистов, ученых, решали сообща. Здесь же не было никого. Полагаться приходилось только на собственные силы и его величество случай. Светаков начал

понимать того чудака со странной фамилией – Долгий-Рапопорт, который год назад уклонился от «лестного» предложения. Но выбирать не приходилось.

Начальником Дальневосточного территориального управления Главсевморпути после ареста Пошеманского назначили Николая Иванова. Светаков его немного знал по давней работе на Сахалине. Иванов был тогда секретарем Сахалинского окружкома ВКП(б). В ту пору в дела Светакова он особенно не влезал, лишь однажды помог оформить поездку советских инженеров на японскую концессию в Дуэ. Он тогда и себя включил в группу, с интересом осматривал японские технологии, общался с японскими инженерами, даже интересовался их зарплатой, цокал языком. Еще пару раз встречались на банкетах.

Иванов был чисто партийным работником, без специального образования, ничего не понимавшим ни в арктическом судоходстве, ни в портостроении. Но он был энергичен, исполнительен, привык любой ценой проводить в жизнь линию партии и правительства.

Задерганный, насмерть перепуганный вихрем арестов, он мотался на пароходах, на самолетах, на санях по всему необъятному региону от Владивостока до Уэлена, надеясь самоотверженной работой на износ заработать будущее алиби. Но и здесь было то же самое, что и на Западе. Не хватало средств, поэтому повсеместно практиковалось «расходование не по назначению». Чтобы обеспечить людей хоть каким-то жильем, изымались средства со строительства вспомогательного флота. Из-за этого возрастали непроизводительные простои судов под погрузкой-выгрузкой. Простои, в свою очередь, приводили к тому, что товары и продукты в районы Крайнего Севера завозились несвоевременно, а то и вообще не завозились. И повсеместная беда от Архангельска до Владивостока: из-за тотального бардака грузы зачастую отправлялись не те и не туда. Лишь бесперебойно шли транспорт с заключенными...

Но самой, может быть, главной бедой оставалась удаленность территориального управления от театра действий. Две с половиной тысячи миль от Владивостока только до Берингова пролива (а зона ответственности управления простиралась далее на запад до Колымы) сводили на нет все усилия Иванова. С таким же успехом можно было пытаться управлять Черноморским флотом, скажем, из Мурманска.

Существовал план перевода теруправления в бухту Провидения, за него ратовал сам Шмидт, но когда и как, какими силами и средствами – никто не знал. Да и зачем?.. «Дальфлот» - специализированное пароходство НКВД, все более набирал силу, успешно справляясь с нарастающим потоком грузов и заключенных для Колымы. Но весь этот поток шел через Магадан. Северный вариант по-прежнему оставался вспомогательным. Потому и перспективы бухты Провидения, ключевого звена в шмидтовском варианте, оставались туманными.

У Светакова не было особой необходимости общаться во Владивостоке с Ивановым. Все производственные вопросы, связанные со строительством порта, решал в теруправлении начальник «Провиденстроя» Борис Михайлов. Светаков как-то раз зашел к Иванову, что называется, ради протокола. Вспомнили совместную работу на Сахалине. Больше разговаривать было не о чем. Да и время на дворе никак не располагало к неформальному общению, тем более – к сближению. В затравленных глазах Иванова явно читалось – вот еще фрукт свалился из Москвы на мою голову. Да и Светаков не без опаски думал – а не ты ли, друг любезный, сдал своего предшественника Пошеманского?

Под пытками

«Летом 1937 года во Владивостоке у себя в кабинете я завербовал в организацию главного инженера строительства порта Провидения Светакова (имя, отчество не помню).

Светакова я знал несколько лет. Он строил порт в Александровске-Сахалинском и в Тикси, а сейчас поехал строить порт в Провидения. Он болеет рвачеством. Как-то завел с ним разговор, что при сегодняшних условиях советский инженер получает гроши, тогда как при капитализме труд инженера оплачивается лучше.

Светаков с моими доводами согласился. Тогда я ему предложил вступить в существующую в Севморпути контрреволюционную террористическую антисоветскую организацию. Он согласился.

Я дал ему задание – не дожидаясь результатов изысканий дельты пресной воды для нужд порта Провидения, форсировать строительство портовых сооружений, чтобы забить в них как можно больше средств. У меня были основания думать, что для нормальной работы порта не хватит пресной воды и порт придется переносить

в новое место. Позднее Светаков мне рассказывал, что он вовлек в антисоветскую организацию начальника «Провиденстроя» Михайлова».

Из протокола допроса Николая Иванова. Москва, Бутырки, 1 февраля 1938 года

Все лето и до конца сентября Светаков оставался во Владивостоке. В самом Провидении делать было решительно нечего, да и добраться туда не было никакой возможности – парохода по-прежнему не было...

К тому времени, когда Светаков прибыл во Владивосток, штаты строителей будущего порта были уже сформированы, причем раздуты раза в два. Народ был разношерстный, немало людей с уголовным прошлым. Светаков опасался, что его ждут те же проблемы, что с грузчиками в Тикси. Но проверить это не представлялось возможным: весь штат строителей, самого треста «Провиденстроя» до 26 сентября 1937 года торчал во Владивостоке, быстро проедавая бюджетную статью по вербовке и содержанию рабочей силы. Даже не приступив к строительству, «Провиденстрой» оказался из-за этого в тяжелейшем финансовом положении.

Но если рабочих был избыток, то ни стройматериалов, ни запасов продовольствия не было вовсе. Самое главное – не было строительного леса, основного материала, из которого только и можно было соорудить будущий ряж. Теруправление запросило у крайисполкома 17 тысяч кубов. В крайисполкоме ответили, что леса на материке нет, если хотите – забирайте 6 тысяч кубов на Сахалине.

Начальник «Провиденстроя» направил на Сахалин приемщика, который до того леса в глаза не видел. На месте оказалось, что лес экспортный, предназначен для Японии, более того – короткомерный, то есть для строительства негоден. Тем не менее для этой авантюры нашелся пароход, и около трех тысяч кубов никому не нужных бревен и около сотни строителей были брошены в Провидения. О подготовке ряжевого причала не могло быть и речи. За неимением фронта работ строители возвели из «японского» леса здание будущей конторы, пару подсобных строений и остались совершенно без дела.

Светаков кожей ощущал, что все больше превращается во «вредителя». Не добавляли энтузиазма слухи, долетающие из Москвы. Последним из руководителей Главсевморпути, об аресте которого

Светаков успел узнать еще в Москве, был Иван Копусов, один из самых приближенных к Шмидту людей. Уже во Владивостоке Светаков узнал, что накануне его отъезда взяли Михаила Плисецкого. За время долгого сидения во Владивостоке как удары по голове сыпались сообщения об арестах Сергея Нацаренуса, Ильи Баевского, Александра Воробьева, Алексея Боброва, Юлия Лисса, многих других, рангом пониже (читатель уже знает о них из предыдущих глав). Светаков мучительно пытался постичь логику происходящего, но рассудок был бессилён.

Но когда в конце июня Светаков прослышал, что расстреляли Вячеслава Зофа, бывшего «ленинского связного», у него окончательно спала пелена с глаз. Как помнит читатель, у Светакова было мало оснований испытывать к Зофу теплые чувства. Но при всей сложности отношений, Светаков всегда продолжал относиться к нему как к представителю «ленинской гвардии», не подвергая сомнению ни святой для него образ Ленина, ни верность идеалам революции той самой «гвардии».

С расстрелом Зофа для Светакова рухнул последний оплот веры. Если режим считает врагом народа человека, который спасал Ленина, значит – этот режим сам преступен. И Светаков ушел в себя.

В поисках хоть какой-то опоры в жизни он хватался за Ираиду. Поначалу он не строил далеко идущих планов. Но то ли возраст начинал брать свое, то ли очень не хватало надежного пристанища, верного плеча рядом, но роман их стал крепнуть. В частном секторе на окраине Владивостока он снял для них небольшой домик, куда и стал все чаще возвращаться после работы. Почти полгода, до конца сентября они жили душа в душу. Светаков твердо решил строить семью, тем более, что вскоре выяснилось – Ираида ждет ребенка.

О их связи не знала ни одна душа. Похоже, Ираида разделяла его страхи и не настаивала на регистрации. Только благодаря этому в дальнейшем ее не постигла судьба жены врага народа. Спасло это и сына.

Оставалось последнее – бежать на Север, в спасительное Провидение. Но, похоже, кроме него в этом больше никто не был заинтересован – ни в Москве, ни во Владивостоке. Состояние вынужденного безделья, того хуже – вынужденной имитации дела, угнетало.

Сбору по сосенке собрали, наконец, лес, пригодный для сооружения рьяжа, выбили оборудование, технику, собрали строителей. 27 сентября 1937 года из Владивостока вышел, наконец, пароход курсом на Провидение.

По пути в Провидения пароход зашел в Петропавловск-Камчатский, где пароход простоял неделю. В местном представительстве Главсевморпути он встретил человека, который оказался ему знакомым. Память подсказала – да это тот самый Долгий-Рапопорт, с которым они были на совещании у Шмидта год назад, когда Светакова утверждали начальником Тикси.

Светаков представился, собеседник его тоже вспомнил. Поговорили о том, о сем, старательно избегая фамилий руководителей Севморпути. Светаков рассказал какие-то пустяки о московской жизни, о столичных новостях, в двух словах поведал о зимовке в Тикси.

Оказалось, что Долгий-Рапопорт возвращается с зимовки на острове Врангеля, где был начальником. Направляется во Владивосток и далее в Москву. Дней десять назад его пароход как раз заходил в бухту Провидения.

- Ну, как там? – Светакова интересовало мнение коллеги, который, в отличие от него, уже видел все своими глазами.

- Да как вам сказать, - с оттенком непонятого Светакову злорадства ответил собеседник. – Скажу одно – несладко вам придется.

- Ну, нам не привыкать, - только и ответил Светаков.

Говорить было решительно не о чем.

Плавание занялось почти две недели. Когда прибыли в бухту Провидения, зима уже вступала в свои права. Была середина октября 1937 года.

ЗВЕЗДА ШМИДТА ЗАХОДИТ НА ВОСТОКЕ

Донос (начало)

Наркому Внудел т. Ежову

В 1934 году правительство постановило развернуть строительство порта в бухте Провидения. Эту работу поручили начальнику Главсевморпути тов. О.Ю. Шмидту. В первую очередь необходимо было построить к 1935 году судостроительную базу. Однако в 1936 году ничего сделано не было, а когда правительство проверило выполнение задания, то в Главсевморпути зашевелились и решили этот прорыв заделать хоть кое-как.

25 мая 1936 года Шмидт собрал совещание замов, на котором присутствовали: Янсон, Бергавинов и его заместитель Серкин, Крастин, Ушаков и Копусов. Туда вызвали и меня, и мне было предложено поехать в бухту Провидения и разворачивать уже не судостроительную базу, а хотя бы ремонтную мастерскую.

Из заседания я вынес убеждение, что мероприятие является очковитательством, желанием тов. Шмидта замазать упущения перед правительством. Отказаться я не мог и согласился. Но когда на следующий день я узнал, что почти никакой подготовительной работы проведено не было, а 26 мая срок уже поздний и что средств на строительство начальника финансового управления Балагулом не отпущено, я начал шуметь. Но это не помогло, так как товарищи Нацаренус (начальник планового отдела), Крастин и Балагул между собою спорили и якобы не могли договориться (из этой тройки не арестован теперь только Балагул).

К Шмидту пробиться нельзя было, и я пошел к его заму Янсону, который созвал совещание из вышеназванных лиц и якобы их помирил. Но через день-два мне было предложено ехать не в бухту Провидения, а на остров Врангеля, куда я охотно и поехал.

В бухту Провидения был назначен начальником порта пьянчужка Дорошенко, бывший там агентом по приемке угля. Назначил его туда бывший начальник Дальневосточного территориального управления ГУСМП Пошеманский, ныне арестованный враг народа.

Что же сделали в бухте Провидения в 1936 году? Ничего! На строящуюся там машинно-промысловую базу возложили и ремонт судов, если таковой понадобится.

Осенью 1936 года через бухту Провидения проезжал сам О.Ю. Шмидт и он, конечно, видел, что никаких работ по порту не начинали, что нет не только ремонтной базы, но даже мастерской.

Не знаю, скрыл ли товарищ Шмидт это обстоятельство от правительства. Не знаю также, что он предпринял в отношении основного виновника, то есть начальника Морского управления Крастина. Но достоверно могу сообщить, что, наоборот, Крастин выдвинут Шмидтом в свои заместители, то есть получил повышение...

Н.Я. Долгий-Рапопорт, чл. ВКП(б). Октябрь 1937 года. Москва, Новинский бульвар, 3, кв. 20, тел. Г-1-00-24

Отвагу доносчика легко понять, если помнить, что на дворе октябрь 1937 года, весь арктический флот уже накрепко вмерз в лед, руководителей Главсевморпути одного за другим выдергивают на Лубянку, откуда они уже не возвращаются. Член ВКП(б)

Долгий-Рапопорт наносит удар (в этом нет никаких сомнений) по самому Отто Шмидту. Какие мотивы им при этом руководили, для нас не столь важно. Важно другое: если не считать очевидной подлости автора доноса, суть проблемы он изложил правильно - ни Шмидт, ни его замы не имели ни малейшего представления, что же делать с портом в бухте Провидения. Эдуард Крастин, благословлявший Светакова на трудовые подвиги, конечно же, лукавил. Хотя при этом и спасал Светакова от гибели.

Восточное крыло Севморпути было самым слабым звеном в системе. Из Владивостока старые пароходы с трудом добирались до бухты Провидения, практически на последних запасах угля. Порты, который бы мог стать стартовым для броска к устьям восточно-сибирских рек, в бухте Провидения не было. Грандиозные планы Шмидта и его команды по строительству здесь крупной базы снабжения, судостроительного и судоремонтного завода, как следует из доноса Долгого-Рапопорта, оказались очередным блефом (забегая вперед, отметим, что всерьез строительство порта в бухте Провидения началось только в 1940 году, перед самой войной).

Так разрешился исторический спор («упорная и жестокая борьба», которую обещал своим оппонентам Шмидт) между «титаном Возрождения» и «болтунами-пасквилянтами» вроде Молодых, профессора Воблого, а заодно и с собственной «пятой колонной» в лице Бориса Лаврова (моральные мотивы, которые двигали каждой из сторон, их представления о целях и средствах оставляем за скобками).

Но главным победителем стал «Дальстрой».

ЗИМОВКА

Провидение – промысел Божий, рок, судьба.
Владимир Даль. Толковый словарь

В бухту Провидения прибыли уже в середине октября. Для Чукотки это – почти зима. Надо было срочно разгружать пароход, пока бухту не сковало льдом. Пароход был набит пассажирами до отказа. Кроме собственно строителей, сотрудников «Провиденстроя», гидрологов, на Каряжскую культбазу следовала большая культурно-этнографическая экспедиция. Эти считали себя

привилегированной публикой.

Светаков, лучше других чувствующий ситуацию, к тому же так и не расставшийся с военкомовскими замашками, за которые его корил Бергавинов, объявил аврал. Мобилизовал и членов «интеллигентской», как он их называл, экспедиции. Пригрозил, что в случае отказа снимет с довольствия, перестанет кормить.

Так в краевое ОГПУ ушел первый донос. Затем их было много: и про невыносимую требовательность к строителям, и про спаивание казенным спиртом эскимосов, и даже про странный интерес, который Светаков проявляет-де к американскому материку, до которого через Берингов пролив, да еще по льду, рукой подать...

Несмотря на ограниченность ресурсов, Светакову предстояло построить современный порт со складами, площадками для грузов и угля, инфраструктурой - управлением порта, мастерскими, электростанцией, гаражом и прочими вспомогательными зданиями. Предстояло, наконец, соорудить главное – ряжевый причал (такой же, какой Светаков строил на Диксоне) и поселок на 500 человек.

Светаков ушел в работу, как в спасение. Из «японских» бревен продолжали строить жилые дома, подсобные помещения и кое-что по мелочам, чтобы обеспечить нормальным жильем и бытовыми условиями строителей. Из длинномерного леса начали сооружать ряж. Дело было привычное, лишь угнетала мысль, что все это никому, кроме него не нужно.

Строителей, как и опасался Светаков, оказалось в избытке, все или мешали друг другу или бездельничали. В конце концов Светаков потребовал вернуть половину строителей за ненадобностью во Владивосток.

Периодически доходили слухи о новых арестах, в том числе его спасителей - Янсона, Крастина. Но после Зофа душа как будто отупела. Единственный раз новость ужасом резанула по сердцу где-то перед самым Новым, 1938 годом, когда сначала в Москве, а потом через дыры в эфире до самой последней зимовки распространился темный слух: начальник политуправления Сергей Бергавинов то ли расстрелян, то ли покончил с собой, не выдержав пыток.

Это было как ночной кошмар – вот она, смерть, ты видишь и ощущаешь ее, в тебя входит тошнотворный ужас, от которого начинают шевелиться волосы на голове, и не разобрать, что это, откуда. Смерть бесформенна, черты ее не различить, только все существом ощущаешь – теперь конец. И нет сил ни отогнать навязание – воля парализована, ни проснуться.

Так ни шатко, ни валко протянули до Нового, 1938 года. 26 января Светаков получил телеграмму от Ираиды – у них родился сын, которого она назвала в честь мужа Александром. И буквально в тот же день стало известно – арестовали начальника Дальневосточного территориального управления Николая Иванова.

Дальше уже было как в тумане. За мартовским процессом над правотроцкистским блоком он отупело следил по радио. Его уже мало что могло удивить. Пил с кем попало спирт. Особенно любил застолье с эскимосами, которым не надо было ничего объяснять. Иногда подолгу смотрел на запад, где совсем неподалеку была Аляска. Какая-то смутная мысль закрадывалась тогда в голову, но он ее гнал. Она почему-то казалась ему страшнее, чем сообщения об арестах...

А в апреле Иванова приговорили к ВМН и в тот же день расстреляли.

Светаков теперь дивился собственной наивности, когда совсем недавно полагал, что после ареста Пошеманского с троцкистами будет покончено. «Чистосердечные признания», выбитые из Иванова, аукнулись десятками новых арестов...

В апреле же в Провидении узнали о мартовском постановлении Совнаркома по итогам ледовой катастрофы 1937 года. Опять были собрания, резолюции, из протокола в протокол переписывалось одно и то же: «плохая организованность...», наличие самоуспокоенности и зазнайства..., благоприятная обстановка для преступной антисоветской деятельности..., предупредить повторение ошибок».

Однако очередные «ошибки» последовали незамедлительно. Колыма требовала новые десятки тысяч заключенных на смену стигнувшим в зиму 1937-38 года. Охотское море еще было покрыто льдом, но «Дальстрой» не мог ждать. Старенькому, дореволюционной постройки ледоколу «Красин» (бывший «Святогор») в

апреле было приказано провести в Магадан караван судов с заключенными и грузами для Колымы.

Свидетельство

«Еще и сейчас, как ни странно, сохранились в живых кое-кто из арестантов, этапированных туда с известной миссией «Красина» весной 1938 года в нескольких старых пароходах-галошах - «Джурма», «Кулу», «Невострой», «Днепрострой», которым «Красин» пробивал весенние льды. Тоже оборудованы были в холодных грязных трюмах три яруса, но еще на каждом ярусе - двухэтажные нары из жердей. Не всюду было темно: кое-где коптилки и фонари. Отсеками поочередно выпускали и гулять на палубу. В каждом пароходе везли по три-четыре тысячи человек. Весь рейс занял больше недели, за это время заплесневел хлеб, взятый во Владивостоке, и этапную норму снизили с 600 граммов на 400... По сравнению с речными этапами здесь еще были штормы, морская болезнь, обессиленные изможденные люди блевали, и не в силах были из этой блевотины встать, все полы были покрыты её тошнотворным слоем...

Перед Магаданом караван застрял во льду, не помог и «Красин» (было слишком рано для навигации, но спешили доставить рабочую силу). Второго мая выгрузили заключённых на лед, не дойдя до берега. Приезжим открылся маловесёлый вид тогдашнего Магадана: мертвые сопки, ни деревьев, ни кустарника, ни птиц, только несколько деревянных домиков да двухэтажное здание Дальстроя.

Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ.

Это был тот самый «Красин», которого сменяющие друг друга начальники Дальневосточного территориального управления Пошеманский с Ивановым собирались вредительски вывести из строя к началу будущей войны с Японией. В дополнение к свидетельству Солженицына следует добавить, что для самого «Красина» все закончилось весьма печально. Он не просто «не помог», он сел на камни, серьезно повредив корпус. Но то был «сталинский» (так его официально называли) караван, и потому для капитана и команды все обошлось.

В начале июня Светаков запросился в отпуск. Его особо никто не удерживал, поскольку делать на строительстве было решительно нечего. Он добрался до Владивостока, повидал своего первенца, дал наставления Ираиде и поездом умчался в Москву. Что-то

ему подсказывало, что они уже вряд ли увидятся. В Москве он не задержался и, получив в профсоюзе путевку, уехал лечиться в Гагру.

Донос (продолжение)

Наркому Внудел т. Ежову

... А что же сделано Главсевморпутем по линии создания порта и ремонтной базы в бухте Провидения в 1937 году? Начальником «Провиденстроя» послан из аппарата некто Б. Михайлов, а главным инженером по строительству Светаков, который уже раз сорвал работу в порту Тикси и раз на острове Диксон. Но Светакова послали его друзья: все тот же, ныне арестованный, Крастин и замначальника полиуправления Серкин, который знал обо всей этой истории. Он же знал и о том, что Светаков неоднократно срывал работу.

Как же начал строительство Светаков? Вместо того, чтобы первыми пароходами выслать в бухту Провидения гидрогеологов, которые должны были установить возможность и место, где разворачивать порт, вместо того, чтобы первым пароходом послать строительство ремонтной базы, вместо этого были присланы рабочие-строители с одним небольшим строительным объектом, с домом-конторой. Этот дом был ими собран быстро, после чего строители гуляли без дела.

Проехал я через бухту Провидения во второй половине сентября 1937 года. Через нее к тому времени прошли из Владивостока разные пароходы, но Светаков, видно, действуя по вредительскому плану, ни сам не явился, ни прислал гидрогеологов, ни материалов не прислал, а все это оставил для последнего рейса из Владивостока, а вторая половина сентября для бухты Провидения – срок уже поздний для строительства.

Я сообщил бы Вам обо всем этом раньше, но уже второй месяц как нахожусь в больнице, и я это сделать не смог.

*Н.Я. Долгий-Рапопорт, чл. ВКП(б). Октябрь 1937 года.
Москва, Новинский бульвар, 3, кв. 20, тел. Г-1-00-24*

В столице тем временем НКВД подчищало аппарат Главсевморпути. Александр Догмаров, бывший помощник Бергавинова, под пытками дает показания против Светакова, Козьмина, самого Бергавинова (того уже полгода, как нет в живых).

19 июня 1938 года Светаков послал последнюю весточку жене и с сыну - открытка из Гагры с морем и пальмами. На следующий день расстрелян Николай Янсон. Следом арестован Козьмин, Зыбенко

(прораб из Александровска-Сахалинского, о котором Светаков и думать-то забыл). Все они указали на Светакова, как одного из активных участников и руководителей антисоветской контрреволюционной организации, орудующей в системе Главсевморпути.

А в середине сентября 1938 года пришла та самая телеграмма с вызовом к Отто Шмидту...

«ВЫШИВАЛ СЕРДИТЫЙ СТАЛИН...»

Был понедельник, 1 октября 1938 года, начало шестого утра. Всю ночь чекисты производили обыск. В коридоре маялись дворник-татарин и какая-то перепуганная баба - понытые. Соседи по коммуналке не рисковали высовываться из дверей, да им бы никто и не позволил.

Перевернув комнату вверх дном, чекисты забрали документы, личную переписку, записные книжки, «маузер». При виде пистолета у ищеек загорелись было глаза, но Светаков представил разрешение на право ношения оружия. Совсем недавно он сам был советской властью, а власть должна быть защищена.

Москва еще толком не проснулась. «Воронок» вывернул из переулка на Сретенку и покатил в сторону Сухаревки. В начале двадцатых, когда Светаков приехал в Москву поступать на рабфак, на этом месте царила над всей округой Сухаревская башня, а вокруг кипела знаменитая толкучка. Башню снесли, толкучку ликвидировали, теперь здесь была унылая, сплошь заасфальтированная площадь, посреди которой торчала нелепая Почетная доска передовых колхозов. На эту пустынную по утреннему времени площадь и выкатила машина.

Куда повернут? Сколько еще ехать? Хоть бы подольше...

В студенческие годы он достаточно хорошо изучил столицу. Но за прошедшие десять лет бывал здесь редко: или по служебным делам или в отпусках, да и те проводил в основном на юге. Многие в Москве изменились, но основные тюремные «узлы» любому москвичу были хорошо известны. Светакову еще предстояло на собственной шкуре изучить их подробную географию, усвоить, где следственная тюрьма, где пересыльная... Пока же он лихорадочно гадал: если со Сретенки машина свернет направо,

это может быть Таганка или Матросская тишина. Если налево – Бутырки, а то, может, по кольцу на Пресню и там, по слухам, где-то за пустырями, за железнодорожными путями есть еще громадная Пресненская тюрьма.

Регулировщик посреди площади наметанным глазом узнал принадлежность «воронка» и предупредительно махнул жезлом.

«Воронок» свернул налево и покатил по утреннему Садовому кольцу. Через пять минут все стало ясно. С кольца «воронка» свернул на Каляевскую, столько же занял путь до Бутырок. Машина въехала во двор, и створки железных ворот со скрежетом сомкнулись позади нее. Краткость поездки оставила чувство отчаяния и безысходности.

Вообще-то Светаков давно понимал, что кольцо, вот уже год неумолимо сжимающееся вокруг него, должно было сомкнуться, но рассудок не мог смириться с тем, что вот так, на исходе ночи, без всякого видимого повода можно оказаться в тесном кабинете, на жесткой, привинченной к полу табуретке, с сидящим против тебя малоприятным человеком в чекистской форме...

Сознание еще не перестроилось, хваталось за «вольные» стереотипы, не помогая ни осмыслить происходящее, ни выработать линию поведения. В голове занозой сидело: ну чего ради именно сегодня я оказался в Москве, да еще на Сретенке, в двух шагах от Лубянки. Загорал бы сейчас в Гагре, и ни одна рука не достала бы.

В Гагре он отдыхал с августа. На пляже, среди коричневых тел загорающих, он казался выброшенным на берег белым дельфином. Резким диссонансом с бледным телом выглядело лицо, обожженное полярным солнцем и ледяными ветрами. Старался больше есть кинзы и прочих кавказских трав. Сразу уменьшилось кровотечение из десен, первый признак цинги – спутник всех кадровых полярников. На открытке, посланной матери в Свердловск, так и запечатлелся: в панаме, под раскидистой пальмой, на фоне сказочного дворца в причудливом стиле, который после назовут сталинским.

В середине сентября неожиданно пришла телеграмма из конторы: Шмидт созывал совещание по порту в бухте Провидения. Как было сказано в телеграмме, требуется срочно обсудить ход изыскательских работ, планы строительства порта, завоз сезонных

рабочих и прочее.

Светаков особо не удивился: это был обычный стиль советских учреждений, да и самого Шмидта, который с людьми особо не церемонился. Полный еще отпускных настроений, он явился в субботу 29 сентября 1938 года на улицу Разина (в недавнем прошлом Варварку), где и размещалось Главное управление Севморпути. Прошли те времена, когда в это здание можно было попасть прямо с улицы, а в коридоре запросто побеседовать с мчащимся куда-нибудь Отто Юльевичем Шмидтом.

Время, а также соседство с комплексом зданий ЦК ВКП(б) уже наложило свой «режимный» отпечаток на всю округу. В дверях часовой в форме НКВД внимательно изучил пропуск, сличил фотографию с оригиналом. Выражение лица часового явно говорило, что сличением он остался неудовлетворен, но все же пропустил.

Светаков ожидал, что предстоит подробное совещание по строительству порта, потому принес с собой ворох бумаг, смет, эскизов, но помощник сказал, чтобы он все оставил в приемной. Как оказалось, совещание сдвинуто на неделю.

Шмидт сидел в кабинете один. Вопреки обыкновению, был хмур и немногословен. Доклад и просьбы Светакова выслушал без обычного интереса и не задал ни одного вопроса. Расстались, условившись переговорить подробнее через неделю, перед отъездом Светакова во Владивосток. Уже при расставании Шмидт вроде бы совсем не к месту, без всякой связи с предыдущим разговором, бросил: «Поукрывали там у себя всякого троцкистского сброда».

Светакова как кипятком ошпарило, он хотел было уточнить, кого имел в виду «ледовый комиссар», но вошел помощник с бумагами, и Шмидт на Светакова больше не глядел. Светаков ушел крепко озадаченный, перебирая в голове возможных «троцкистов», но легкомысленно не относя этого к себе.

Оперуполномоченный Алексеев раскрыл лежащую перед ним тонкую папочку, и Светаков увидел в ней несколько листов. Верхний из них – даже вверх ногами Светаков легко разглядел жирный шрифт – был ордер на его собственный арест и размашисто выведенная фиолетовыми чернилами дата выдачи – 29 сентября 1938 года. И опять в мозгу судорожно забила нелепая мысль:

29-го в субботу он как раз был у Шмидта, сегодня 1 октября, понедельник, стало быть, ордер почти двое суток лежал без движения, ведь можно еще было что-то предпринять, скрыться, уехать куда-нибудь... И сразу же следом: «Черт, о чем я?..».

Опер взял чистый бланк анкеты и бесцветным голосом задал дежурный вопрос:

- Фамилия?

Затем последовали традиционные анкетные вопросы, на которые Светаков отвечал не то, чтобы заискивающе, но инстинктивно стараясь расположить к себе «товарища»: год и место рождения, родственники, место последней работы и т.п.

Закончили довольно быстро. Заполнив бланк, опер заглянул в свой блокнот, сверился с какими-то записями и в левом верхнем углу анкеты жирно наискось написал какое-то слово.

- Арестованный, подпишите анкету, - тем же монотонным голосом произнес опер и развернул бланк к Светакову.

Светаков не успел даже прочитать собственные ответы. По глазам резануло то самое размашистое слово в верхнем левом углу - «Троцкист». Светаков увидел и похолодел.

Как троцкист? Кто, я троцкист? – пронеслось в голове, и память услужливо подкинула крупные заголовки недавних газет и фамилии, которые еще недавно все произносили с придыханием и восторгом – Бухарин, Рыков...

- Какой же я троцкист? Вы ж меня даже ни о чем еще не спросили. Я коммунист-ленинец, я в партии с 17-го года...

- Арестованный, подпишите анкету, - все так же заведенно, но уже на полтона выше повторил опер.

Оглушенный Светаков не глядя подписал бумагу и снова сел на жесткий табурет. Тогда опер достал другой чистый бланк, поверху которого было крупно выведено: «СССР. Народный комиссариат внутренних дел. Главное управление государственной безопасности. Протокол допроса».

Затем обмакнул в чернильнице перо.

- Фамилия...

Светаков продолжал отвечать на вопросы, но его рациональный от природы мозг уже начинал соображать, что говорить, что – нет. Он вполне осознавал, что почти за четыре десятка лет бестолковой

жизни в ней было много чего, о чем не стоило бы распространяться, особенно в этих стенах: и знакомств, и разговоров, и связей. Потому для себя он определил, что все дело в правильности ответов. Что-то подчеркнуть, о чем-то умолчать, глядишь, все еще обойдется. Он еще не знал, что от его ответов ровным счетом ничего не зависит...

Светаков ожидал – никак не мог смириться с иным развитием событий – что вот сейчас его детально расспросят, во всем разберутся и отпустят. Вместо этого после формального допроса началось что-то постыдное и омерзительное: его переодели, остригли наголо и обрили бороду, которую он отращивал «под Шмидта», но получилась как у Маркса, он где-то за что-то расписывался. Процедуры, которые он проходил, были из какого-то другого уклада жизни. Монотонность и непреодолимость происходящего начали сказываться, естественные реакции стали тупеть, когда он наконец оказался в камере.

Огляделся. Среди живых людей, не одетых в чекистскую форму он слегка воспрянул. Привыкший «работать с людьми», он почти сразу же перешел на начальственный тон, но быстро осекся, не встречая ни поддержки, ни интереса. Лишь в глазах соседа по нарам (какого-то слащавого кавказца) явственно виделось участие. Тогда, обращаясь к нему, он решил закрепить знакомство и рассказал какой-то анекдот из слышанных в последние дни. Тот рассмеялся, и разговор потихоньку завязался.

Сосед оказался словоохотлив и рассказал много полезного о порядках в Бутырьках, о правах арестованного, свиданиях, передачах, как себя вести со следователями и многое другое. Из чего Светаков понял, что не так страшен черт...

Донос

Помощнику начальника 2-го отдела ГУГБ НКВД капитану государственной безопасности Федотову от заключенного Саакяна

Заявление

Считаю своим долгом сообщить Вам, что 1 октября в камеру № 54 привели арестованного Светакова, который вел в камере антисоветские разговоры и рассказывал антисоветские анекдоты. 1 октября он рассказал следующий анекдот:

Там, за далью непогоды

«Одному еврею говорят: вы слышали – Теруэль взяли. Он спрашивает – как ее муж и дети? Ему отвечают – это город. Тогда он говорит – разве целыми городами стали брать?»

Контрреволюционное содержание этого анекдота не нуждается в комментарии. Кроме того, означенный анекдот дискредитирует идею коммунистического интернационализма, содержит насмешку над испанскими республиканскими войсками, которые огромной ценой взяли город Теруэль.

Кроме того, означенный Светаков периодически напевает известный по радио романс, в котором куплет со словами – «Вышел сердитый станет» переиначивает на антисоветский манер: «Вышивал сердитый Сталин».

Так как этот анекдот и куплет выдают антисоветскую суть Светакова, прошу поручить иметь это в виду. Это тем более нужно, что прибывший на его место какой-то начальник из Севморпути Адамович (или Абрамович) говорит, что Светаков исключительно хитрый человек и большой дипломат.

1 октября 1938 года. *А. Саакян*

Резолюция Федотова: «Алексееву. Учесть!»

«Я ОБРАЩАЮСЬ К СОВЕТСКОМУ ПРАВОСУДИЮ»

Брат мой! Не осуди тех..., кто оказался слаб и подписал лишнее.

Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ

20 октября 1938 года следователь Восьмого отделения Второго отдела Первого управления НКВД Ситников разбирал на своем столе служебные бумаги. Он имел все основания быть довольным собой и своей работой. Дело правотроцкистской контрреволюционной антисоветской организации, орудовавшей в недрах Главного управления Северного морского пути и Наркомвода, шло к концу. Наркомвнудельцы славно потрудились, прочесав частым гребнем страну от Дальнего Востока до Мурманска. Руководители организации были давно выявлены, арестованы, все признались в контрреволюционной деятельности и большинство из них расстреляно: Янсон, Бергавинов, Краснин, Серкин (правда, с Бергавиновым проморгали – изловчился

Александр Водолазов

таки повеситься в камере). Было достаточно материалов и на самого Отто Шмидта, но велено было – пока не трогать.

Дальше всех в саморазоблачениях и оговорах коллег пошел Николай Иванов – начальник Дальневосточного территориального управления Севморпути. Того не надо было даже подгонять, он дал показания на всю московскую банду и всех своих подчиненных по Дальнему Востоку – от Чукотки до Владивостока. Следователи между собой очень потешались, читая историю вербовки им завстоловой судовой: «Я знал о том, что она таскает мясо и другие продукты из столовой. Я ей пригрозил, что будем судить. Когда она начала каяться, я поставил ей условие: или ты будешь работать на нашу организацию, или передаю дело в суд. Она согласилась. Задание я ей дал такое: готовить обеды плохого качества и задерживать их выдачу ко времени обеденного перерыва. Тем самым вызвать озлобление и недовольство рабочих». Потешаться-то потешались, но ту завстоловой для счета тоже взяли.

Последними 1 октября арестовали портостроителя Светакова и электроинженера Толстопятова. Их объединили в одно дело. Эти двое, как, впрочем, и их коллеги, с ходу заявили, что никакой вины за собой не признают, ни в какой организации никогда не состояли. Дальше было как обычно. Три дня в общей камере, вызовы на ночные допросы, обработка. На четвертый день Толстопятов накатал собственноручные признания на двадцати страницах. А потом вошел во вкус и сочинил дополнение еще на двадцати листах.

Со Светаковым пришлось немного повозиться. Поначалу он слегка покочевряжился, но в конце концов тоже написал, что от него требовалось: выдал подельников и в Наркомводе (Зофа, его заместителя Розенталя, начальника «Водстроая» Лепина, начальника Владивостокского «Мортрана» Гончарова), и в Главсевморпути (Янсона, Бергавинова, Крастина, Серкина).

Заключительные абзацы его «собственноручных признаний» Ситников читал просто как стихи (как-никак он был их соавтором):

«Обращаюсь к советскому следствию и правосудию с просьбой: сейчас, когда я сбросил с себя всю накопившуюся грязь и прекратил

подлую гнусную антисоветскую деятельность, прошу дать мне возможность загладить вину честным трудом и положить на алтарь родины все мои силы, энергию и знания. Всю дальнейшую жизнь я посвящу не только труду на благо родины, но и на то, чтобы в корне пресекать все действия врагов родины, чтобы исправлять свихнувшихся и чтобы, искупив свою великую вину перед родиной и советским народом, смело смотреть всем в глаза и жить и умереть честным советским гражданином».

Ситникову особенно нравилось про «алтарь родины», он бы до такого не додумался, это Светаков сам придумал. Однако опытный следователь без труда раскусил маленькую хитрость Светакова: тот в своих показаниях назвал только тех, кто уже был или за решеткой, или расстрелян. Ни одного человека с воли он пока не выдал. Ну да лиха беда начало...

Первые дни Светаков держался довольно твердо, даже дерзко. Его не поколебали многочисленные показания против него, выбитые из Догмарова, Козьмина, Николая Иванова, Зыбенко, проходивших по этому же делу. Но он быстро сломался, когда ему дали почитать «признания» Николая Толстопятова, которого он считал чуть ли не своим крестником. Тот рассказал и про их совместные вредительские акты, и о всех светаковских женах, и о том, что Светаков, увольняясь из Тикси, умудрился получить зарплату в 40 тысяч рублей. И много еще чего. Однако главным средством воздействия на подсудимых, само собой, оставалась все-таки «обработка».

Так что, следователь Ситников, действительно, имел основания гордиться проделанной работой. Однако вчера, 19 ноября случилась досадная промашка – арестованный Светаков ни с того, ни с сего вдруг отказался от всех ранее сделанных признаний: мол, по малодушию и под влиянием обстановки. Получалось, что целый год изнурительной, кропотливой работы следствия псу под хвост? Какой-то инженериска хочет порвать так искусно сплетенную следствием право-троцкистскую сеть? Какая ж сеть без важного связующего звена?

Такое, хоть и редко, случалось в практике НКВД, поэтому Ситников знал, как поступать. На следующий день он опять вызвал Светакова на допрос. Начал с чисто формального вопроса:

- В собственноручных признаниях вы признали себя виновным в том, что являлись участником антисоветской правотроцкистской организации, орудовавшей в системах Наркомвода и Главсевморпути. Подтверждаете свои показания или нет?

Светаков был готов ко многому, но вот эта формальная простота вопроса ввела его в заблуждение. Он подумал, что следователь хочет убедиться, правильно ли он понял вчерашнее заявление Светакова, подтвердить его и дать делу обратный ход. Даже как будто мелькнул в глубине души какой-то лучик надежды. Потому он довольно решительно повторил вчерашнее:

- Нет, не подтверждаю. В признаниях я оклеветал себя: участником организации я никогда не был, а был честным членом партии и гражданином.

Не делая резких движений, Ситников потянулся к настольной лампе и развернул ее так, что свет ударил прямо в глаза Светакову. Слепленный, он даже не заметил, как Ситников спокойно встал, обогнул угол стола и, подойдя вплотную, с размаха ударил Светакова по лицу тренированным кулаком. Тот даже не увидел замаха. Зубы, и так еле державшиеся в деснах, изъеденных цингой, посыпались, как семечки. Из носа и из разбитых губ на рубашку и брюки хлынула кровь. Светаков не удержался на стуле и боком завалился на пол.

- Встать, сволочь, - завизжал следователь и с размаху ударил Светакова сапогом в живот, потом еще. – Так ты себя оклеветал? Может, тебя кто-то заставил? Может, ты органы хочешь обвинить?..

Светаков еще валялся на полу, когда Ситников неожиданно быстро успокоился, вернулся за стол и записал в протоколе допроса:

- Вы нахально врете, никогда честным членом партии вы не были. Вы трус и малодушный человек, боитесь своих кошмарных преступлений. Вы арестованы как активный участник антисоветской организации, следствие предлагает рассказать все без утайки о своей преступной работе.

И гнев и истерика следователя были вполне рутинными, многократно отретированными приемами. Кроме того, у него вошло в сладостную привычку – ударить смазливую морду, заставить жертву ползать у твоих ног. Он сам не понимал, в чем тут

дело, испытывая подчас состояние, сродни оргазму. Правда, иногда это приводило к тому, что страсть, действительно, становилась сильнее его. Он «заводился» и, бывало, бил уже без всякого контроля над собой. Потом он осуждал себя за это, поскольку излишний темперамент мешал работе.

Светаков, затея которого с бунтом на корабле явно не удавалась, из последних сил, зажимая грязным носовым платком кровоточащий рот, произнес:

- Я все же прошу учесть мое заявление и не верить тому, что я говорил раньше. Я говорил неправду.

Он с трудом взгромоздился обратно на стул. Таких «бунтарей» перед Ситниковым прошло немало. Ему даже доставляло удовольствие обламывать наиболее строптивых. Все они, особенно, из интеллигентов, были на одну мерку. Вначале при первой же угрозе или легкой «обработке» - полный самооговор и «сдача» подельников. Через некоторое время, особенно, если следствие затягивалось, интеллигентские самокопания, муки совести и прочие бабские штучки. И главное – притуплялось воспоминание о последнем допросе, побоях, собственном страхе. И тогда внутри темной интеллигентской души зарождался протест, бунт или как они там это называют.

Ситников не сомневался, что какой-то вшивый инженер, пусть даже главный инженер крупной стройки – из той же породы. Так что он взял себя в руки и произнес дежурную фразу:

- Вы пытаетесь ввести в заблуждение следствие и поэтому встали на путь обмана и лжи. Но из этого ничего не выйдет. Если не прекратите, следствие будет изобличать вас материалами и очными ставками.

В другое время Светаков поиронизировал бы над этими «изобличениями материалами». Чего ж до сих пор не изобличили? Но в душу уже вернулся смертельный страх перед новыми побоями. Уже понимая, что «бунт» не удался, что он вот-вот будет в очередной раз раздавлен, Светаков прошепелявил разбитым ртом:

- Я никогда не был в душе врагом советской власти, а был честным гражданином и членом партии.

Когда чуть ли не ежедневно пытаешь людей, когда наблюдаешь, как их воспитание, культура, чувство собственного достоинства

сводятся к одному-единственному – инстинкту выживания, когда набьешь на этом руку (в прямом и переносном смысле слова) – поневоле становишься психологом.

Следователь уловил вот эту оговорку – «в душе не был». Это результат компромисса бурлящих внутри подследственного чувств. Остатки гордости и человеческого достоинства еще толкают его на протест, но инстинкт кричит – только бы не били! Черт с ним, со следователем, нашептывал инстинкт, ты ведь уже сказал, что в душе не враг. А что там на самом деле, не в душе...

Ситников все уже понял и уверенно взял инициативу в свои руки. Он знал, что будет дальше. На этот раз он даже не стал вставать из-за стола. Он взял тяжелое пресс-папье и просто замахнулся. Этого оказалось достаточно. Светаков отшатнулся, в глазах его был нечеловеческий ужас.

- Вы намерены говорить правду на следствии или нет?

- Да, я буду говорить.

После этого Ситников еще с полчаса что-то переписывал из протоколов предыдущих допросов: про партизанский отряд, про подтасовку партийного стажа, про пятерых жен, одна из которых «дочь служителя культа», ну и главное – про вредительство на всем пространстве Крайнего Севера - от Диксона до бухты Провидения. Оставалось чистосердечное признание – царица доказательств, как учит прокурор СССР товарищ Вышинский.

- Признаете себя виновным в том, что, являясь участником право-троцкистской организации, по ее заданию вы проводили вредительскую работу?

- Признаю, - еле прошептал Светаков и, потеряв сознание, снова свалился со стула.

«Допрос прерван» - добросовестно зафиксировал в протоколе Ситников, взглянул на часы и проставил время - 2 часа 10 минут.

«ВЫ ОТЪЯВЛЕННЫЙ ВРАГ!»

Арест и следствие по делу Светакова пришлись на смутный период в истории Органов. Заканчивалась эпоха Ежова, к власти приходил новый фаворит вождя и суперпалач Лаврентий Берия. 22 августа, чуть более, чем за месяц до

ареста Светакова, Берия был утвержден первым заместителем наркома внутренних дел СССР. Спустя неделю, 29 сентября по совместительству его назначили начальником Главного управления госбезопасности НКВД (ордер на арест Светакова подписал именно Берия).

Ежов доживал на своем посту последние дни. Невиданное дело – приказы по наркомату стали выходить за двумя подписями - Ежова и его первого заместителя. А 17 ноября 1938 года произошло еще более невиданное - вышло совместное постановление ЦК и Совнаркома «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем были жуткие вещи: «Враги народа, шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, стараясь всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности засевших в органах НКВД».

Это не было покаянием за содеянное, как хотели бы представить дело многие нынешние последователи и поклонники советского коммуно-фашизма. Просто Сталину нужно было алиби, и он его себе оформил, списав все преступления на Органы.

Непостижимо, как обо всем этом узнал, по каким признакам догадался Светаков. Трудно допустить, что здесь простое совпадение (кто-то новенький принес с воли?). Однако не подлежит сомнению, что каким-то образом узнал (причем, судя по всему, едва ли не раньше следователя Ситникова). Новости легли на уже подготовленную внутренней душевной работой почву.

То ли в забытии, то ли в коротких снах перед его глазами вставали иной раз комсомолец Скобликов и инженер Потапов: «Александр Васильевич, а не боитесь?..». Через парализующий душу страх, через ужас нечеловеческих пыток, которые, кажется, стали его вторым «я», прорастала лютая ненависть к конкретному следователю Ситникову и, в его лице, ко всему режиму.

Вместе с ненавистью понемногу приходило понимание того, что многостраничные «чистосердечные признания» и поименная сдача коллег от гибели не спасут. Наоборот, самые говорливые и получали больше всех. Трагический пример его недавнего начальника –

Николая Иванова, «признания» которого похоронили и его самого, и едва ли не весь руководящий состав Дальневосточного территориального управления, стоял перед глазами.

Светаков не знал, какую «гуманную» цель преследовало ЦК своим постановлением, не знал, хватит ли у него самого сил и твердости, но он решил рискнуть. Так начался тот самый его «бунт» 18 ноября. В решимости его укрепляло то, что, как ни давил на него следователь, он все-таки ни словом не оговорил Николая Толстопятова, стоя на своем: не вербовал, никаких отношений, кроме производственных, не имел, выгнал с работы в Тикси и т.п. Тут его совесть была чиста.

Следователь Ситников с его простодушной верой в собственный кулак, как универсальное средство разоблачения врагов, с запозданием уловил новые веяния. 23 ноября он в очередной раз вызвал Светакова на допрос, «прерванный» три дня назад. Согласно установившейся методике работы, предстояло закрепить чистосердечные признания несостоявшегося бунтаря и поставить в деле точку. Поэтому он сразу взял быка за рога.

- Когда вы встали на путь борьбы с партией и советской властью?

Эти три дня Светаков с трудом приходил в себя после прошлой неудачи. Все-таки ему было всего 38 лет, да и здоровьем природа его не обделила. Он буквально за волосы вытаскивал самого себя из состояния первобытного ужаса. Когда его вызвали на допрос, он опять был твердо убежден: как бы ни было страшно, сколько бы ни пришлось стерпеть побоев, спасение в отказе от всех признаний, самооговоров. Другого благоприятного момента может просто не быть.

Поэтому вместо привычных «признаний», которые следователь Ситников уже готов был старательно переписать в протокол, он вдруг услышал тихое, но твердое:

- Прошу записать: с партией и советской властью я не боролся. Никогда, нигде, ни в какой антисоветской организации я не состоял. Никогда никем завербован не был, и ни одного сознательного действия, направленного против моей Родины, партии и советской власти, я не совершал...

- Что, что, что?! – перебил его Ситников. От небывалой наглости подследственного у него глаза чуть ли не полезли на лоб. –

Ты, сволочь, опять за свое?

- Кроме того, - упрямо продолжил Светаков, - прошу записать: считаю, что я арестован необоснованно и незаконно, по ложному доносу и оговорам.

- Ах, вот ты как заговорил! Не зря твой поделщик Адамович называет тебя «большим дипломатом». Ну, погоди, сейчас ты у меня не так запоешь...

Рука Ситникова уже привычно потянулась было к пресс-папье, но тут его как обожгло: ведь подследственный чуть ли не слово в слово цитировал постановление ЦК, которое только вчера им читал замполит. Как раз о том, что Органы «сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты» и прочее.

Рука его застыла на полпути, а глаза как бы потухли. Срочно надо было как-то увязать в голове эти два, вроде бы ничем не связанных друг с другом, факта – постановление ЦК и вот этого гнусного троцкиста Светакова. Но не увязывалось... Тогда Ситников нашел единственно разумный выход – отослал Светакова в камеру, а в протоколе записал - «допрос прерван».

А на следующий день, 24 ноября 1938 года, Николай Ежов был освобожден от должности главы НКВД. На время его оставили при должности наркома водного транспорта, но ни для него, ни для других не было секретом – его песенка спета.

А еще сутки спустя, 25 ноября народным комиссаром внутренних дел был утвержден Лаврентий Берия. Как и его предшественники, он начал с чистки собственного аппарата, чистки тотальной и кровавой. Люди стали исчезать один за другим. Куда-то исчез и следователь Ситников. О Светакове все как будто забыли.

Теперь уже не следствие, а он сам торопился закрепить свой отказ от показаний. 10 декабря из камеры он пишет заявление на имя Ситникова: «Прошу ускорить следствием мое дело». Ни ответа, ни допросов, ни самого Ситникова. 2 января 1939 года: «Еще раз подтверждаю свой отказ от всех ранее данных показаний». 10 января: «Категорически настаиваю и прошу ускорить следствием мое дело и закончить его, ибо весь процесс следствия за 102 дня моего пребывания в тюрьме выразался в нескольких днях допросов».

На беду Светакова, в тот же день, 10 января 1939 года всем секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий республик ушла шифрограмма, подписанная лично Сталиным:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Разъяснения вождя все расставили по местам. Чистки в рядах самого НКВД продолжались, но система в целом была непоколебима и должна была продолжать воспроизводство «врагов народа». Жернова, настроенные только на одну функцию – перемалывание людских судеб – должны были вертеться без остановки.

13 января дело Светакова принял уже другой человек – следователь Следственной части НКВД лейтенант госбезопасности Кучеренко. Он мало чем отличался от Ситникова и, будь его воля, на первом же допросе не оставил бы на Светакове живого места. Но еще не развеялась в Органах атмосфера неопределенности и смуты.

Никто вроде бы не отменял ноябрьское постановление ЦК и Совнаркома о незакониях в органах, да и в указаниях вождя оставалось вот это непонятное – «в виде исключения». Это через месяц-другой все встанет на свои места, возобновятся истязания как норма ведения следствия, но пока большинство следователей опасались откровенно бить.

Кучеренко брал «на психику», кричал, плевался, угрожал. Следствие он начал практически с нуля. С 13 января до 7 февраля он провел четыре ночных допроса Светакова, начиная, как правило, в девять вечера, заканчивая в два ночи. Все они сводились к тем же вопросам, что задавал Ситников: про шпионаж в пользу Японии, о сахалинском причале в Москальво, о вредительстве на Диксоне, «склоке» и американской журналистке в Тикси, уничтожение «Прончищева», ну и, конечно, о связях с «бандой фашиста Бергавинова».

Но Светаков уже перешел некий рубеж, за которым ему стало то ли все безразлично, то ли совсем не страшно. То есть он, конечно, с

ужасом думал о новых возможных попытках, но убежденность, что избежать их можно только избранной линией поведения была уже сильнее.

Кучеренко совал ему в лицо показания Толстопятова, Догмарова, Иванова, Козьмина, Зыбенко:

- Вы отъявленный враг! Вы изобличены множеством показаний соучастников по вредительской и шпионской работе.

Но Светаков стоял на своем:

- Все – клевета! Никогда, нигде, ни в какой контрреволюционной организации не состоял. Был честным коммунистом.

- Вы свою честь продали троцкистам, – орал Кучеренко, – вы пытались провоцировать следствие.

Посреди этих допросов Кучеренко приготовил Светакову сюрприз. 21 января тот привычно вошел в кабинет следователя, опустив голову и держа руки за спиной. Кучеренко в кабинете был не один. На его месте за столом сидел, как он потом узнал, старший следователь следственной части НКВД СССР Медведский. В углу на табурете согнулся какой-то человек, изможденный, с черными кругами вокруг глаз, со свороченным на сторону носом. Светаков с трудом узнал в нем Николая Толстопятова. Мелькнула мысль – неужели и я так выгляжу? Это была очная ставка.

Сломленный, какой-то, как сказали бы теперь, зомбированный, Николай, не поднимая глаз, монотонно отвечал на вопросы Кучеренко, повторяя почти дословно свои «чистосердечные признания». Да, завербован Светаковым в 1934 году. Да, выполнял его вредительские задания при прокладке кабеля на Диксоне. Да, по заданию Светакова вызывал недовольство населения Тикси, выключая свет под предлогом неисправности электрооборудования, и прочее, и прочее.

- Вы подтверждаете показания Толстопятова о вашей вредительской работе? – с видимым удовлетворением спросил Кучеренко.

- Нет, не подтверждаю. Показания Толстопятова считаю клеветническими.

- А вы на своих показаниях настаиваете? – это уже относилось к Толстопятову.

Николай, наконец, поднял на Светакова глаза, в которых была даже не мука, а безумие. Казалось даже, что он хочет что-то крикнуть

Светакову. Но это длилось мгновение. Он снова опустил глаза и, чуть не плача, прошептал:

- Да, я на своих показаниях настаиваю.

**«АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ,
Я ВАС ОКЛЕВЕТАЛ!»**

После последнего допроса 7 февраля Кучеренко передал дело в Военный трибунал Московского военного округа, поскольку любое дело с признаками шпионажа рассматривалось именно там.

Документ

Следствием установлено, что Светаков в 1930 году был завербован для шпионской работы в пользу Японии. По заданию японского разведчика Якусимо передавал последнему материалы шпионского характера о строительстве портов и причалов на Дальнем Востоке.

Помимо шпионской работы Светаков являлся активным участником право-троцкистской организации, существовавшей в системе «Дальводстроя». Завербован в 1931 году бывшим заместителем начальника Тихоокеанского бассейна Дейниченко. Вербовал новых членов в право-троцкистскую организацию.

В 1934 году Светаков, работая начальником острова Диксон и имея предупреждение о шторме, умышленно направил на мыс Кречатник баржу с радиооборудованием и продовольствием, которая в результате шторма потерпела аварию и затонула.

Светаков виновным себя признал, но потом от своих показаний отказался. Изобличается показаниями Зыбенко, Иванова, Козьмина, Догмарова, Толстопятова и очной ставкой с последним.

На основании вышеизложенного Светаков Александр Васильевич, 1900 года рождения обвиняется в том, что:

являясь агентом японской разведки, с 1930 года вел шпионскую работу против СССР, передавал японскому разведчику Якусимо сведения шпионского характера;

с 1931 года являлся участником право-троцкистской организации, существовавшей в системе «Дальводстроя», проводил вредительскую работу в проектировании и строительстве портов и причалов на Дальнем Востоке и острове Диксон,

то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6 часть 1 и 58-11 УК РСФСР.

Дело № 22125 по обвинению Светакова Александра Васильевича подлежит рассмотрению Военным трибуналом Московского военного округа.

Председатель Военного трибунала МВО
диввоенюрист Горячев

Из обвинительного заключения

Два с лишним месяца Светаков провел все в тех же Бутырках. 16 апреля их с Толстопятовым (они по-прежнему были повязаны одним делом) наконец-то доставили в «воронку» на закрытое судебное заседание трибунала в составе председательствующего Горячева, двух членов коллегии, «без участия сторон обвинения и защиты».

Толстопятов сходу заявил, что никаких ходатайств у него нет. Светаков, который решил идти до конца, каким бы он ни был, заявил ходатайство о вызове в суд свидетелей: Зыбенко (навесившего на Светакова шпионаж), инженеров Полякова и Тихонова (ездивших вместе со Светаковым на японскую концессию в Дуэ), а также Ходова и Доброжанского (строителей радицентра на Диксоне).

И тут произошла первая неожиданность. Трибунал постановил - рассмотреть эти ходатайства в ходе заседания по существу. Этого Светаков и ждал и внутренне весь подобрался.

Но сначала трибунал взялся за Толстопятова. Секретарь подробно процитировал его многостраничные «собственноручные признания», показания против Светакова, протокол очной ставки. Когда слово предоставили самому Толстопятову, он как-то весь распрямился и начал, как головой в омут. Бледный, с трясущимися руками, совсем не похожий на того человека, которого когда-то знал Светаков, он начал выгаликивать из себя давно заготовленные фразы.

- Да, все это писал я. Но сейчас честно заявляю, что ни в какую контрреволюционную организацию Светаков меня не вербовал ни 34-м, ни в 36-м годах.

Он запнулся, набрал в грудь больше воздуха и на одном дыхании выдал:

- Я оклеветал Александра Васильевича. Никогда в жизни я не слышал от него ни одного плохого слова. Ему я обязан многим хорошим в моей жизни. Но я не мог противостоять следствию, меня вынудили дать ложные показания. Поверьте, я много месяцев ждал этого суда, чтобы только на нем отказаться от всех своих показаний.

Согласно процедуре, секретарь трибунала стал зачитывать фрагменты его показаний против Светакова: про вредительские задания, про тот чертов кабель, про затонувшую баржу с радиоборудованием и прочее. Толстопятов отказывался от всего.

Но, наивная душа, когда речь зашла о нем самом, он просто-душно заявил, что до 27-го года был против политики партии, разделял троцкистские убеждения, но никогда не участвовал ни в каких заговорах. А после 27-го года он с троцкизмом вообще покончил, приняв линию ВКП(б). Трибуналу этого было вполне достаточно.

Как ни был сконцентрирован Светаков на своем, он все же успел подумать: «Эх, Коля, Коля, ничему-то тебя не научили ни жизнь, ни Бутырки».

До начала заседания Светаков очень опасался, что времени на подробные объяснения не будет. Но вот пошел уже второй час, однако никто их не подгонял. Теперь была его очередь. Секретарь снова процитировал необходимые протоколы, после чего слово предоставили Светакову. Он был готов.

- Граждане судьи, на предварительном следствии я действительно написал собственноручные признания, в которых... - следующие слова он произнес нарочито громко и раздельно, как когда-то на партсобрании в Тикси..., - в которых я себя оклеветал. После ареста мне в камере многие говорили, что на следствии прибегают к пыткам. На первом же своем допросе я убедился, что они были правы. Меня систематически подвергали жестоким пыткам и избиениям, я находился в невменяемом состоянии и в результате оклеветал сам себя и некоторых своих коллег. В этом я виноват и за это готов нести ответственность.

Далее последовали вопросы членов трибунала по конкретным «преступлениям», особенно по шпионажу в пользу Японии. Светаков парировал все обвинения, подробно рассказав и о контактах

с японскими инженерами, и о строительстве на Сахалине, и о диксоновской эпопее, и о «склоке» в Тикси. Когда его спросили про связь с Бергавиновым – главарем преступной банды, Светаков, поняв, что это и есть главная опасность, решил идти ва-банк.

- Никакой связи не существовало и не могло существовать. Бергавинов всегда испытывал ко мне неприязнь. Действительно, в Тикси я был послан с санкции политуправления Главсевморпути. По итогам навигации 1936 года я был даже представлен к правительственной награде, но Бергавинов лично вычеркнул меня из наградного списка, заявив, что я не достоин. По этому вопросу прошу допросить Отто Юльевича Шмидта.

Шмидта, естественно, никто вызывать не стал, как не стали вызывать и свидетелей, перечисленных в ходатайстве Светакова. Однако его убедительные опровержения и очевидная нелепость обвинений, состряпанных на скорую руку, судя по всему, поставили трибунал в сложное положение. В другое время это не стало бы препятствием для вынесения любого, самого лютого приговора. Но... продолжала действовать инерция (хоть и затухающая) постановления ЦК о «незаконных арестах».

Отработав два часа, трибунал ушел на совещание, а, вернувшись, определил: «материалы в отношении Светакова из настоящего дела выделить и направить на исследование».

Трибунал указал, что обвинение Светакова в контрреволюционной деятельности основывалось на его собственных «противоречивых и путаных признаниях», а также показаниях Толстопятова. Но и тот, и другой от них отказались. Обвинения в шпионаже, построенные исключительно на показаниях Зыбенко, следствием не проверены и документально не подтверждены. То же самое касается и вредительской деятельности – ни служебных расследований, ни актов экспертиз, ни других объективных данных. Короче – дело отправить на исследование, подсудимого Светакова из зала суда удалить.

Стало быть, словоч Ситников угодил-таки за решетку, мелькнула догадка у «дипломата» Светакова.

Конвой повел его из зала. Уже в дверях Светаков обернулся и увидел, как Толстопятов упал на колени и, колотясь головой о перильца перед скамьей подсудимых, сквозь рыдания кричал:

- Александр Василич, простите меня ради Бога, простите...
Но его уже за руки поднимал конвой.

Спустя полчаса судьба Толстопятова была решена: за его нелепый «троцкизм» трибунал вклеил ему восемь лет лагерей и пять лет поражения в правах. На этом мы навсегда расстанемся с Николаем Толстопятовым. Его дальнейшая судьба теряется во мраке «Норильлага»

Почти до конца года Светаков продолжал сидеть в Бутырках. Осенью 1939 года права Особого совещания при НКВД, которое выносило внесудебные приговоры в тех случаях, когда не было вообще никаких доказательств, были значительно расширены. Прошлогоднее постановление ЦК о «беззаконии НКВД» благополучно забыто. Светаков опять готовился к «суду», оттачивал аргументы, мысленно приводил новые, как ему казалось, неопровержимые факты своей невиновности. Но слушать его уже никто не собирался.

17 декабря 1939 года Особое совещание в пять минут слепило ему приговор: «За участие в антисоветской право-троцкистской организации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет, считая срок с 29 сентября 1938 года».

Так Александр Светаков выиграл игру, ставка в которой была жизнь. Он подсчитал: сидеть ему, с зачетом тюремного срока, оставалось три года девять с половиной месяцев. Подумаешь, подбодрил он сам себя, пара зимовок в Арктике.

НА СТАЛИНСКОЙ «СТРОЙКЕ ВЕКА»

О жизни Александра Светакова с 1940 года известно мало. Скучные данные можно почерпнуть только из протоколов допросов после его повторного ареста в 1949 году.

Из них следует, что до июня 1941 года Светаков трудился в СевЖелДорЛаге НКВД, что называется, «по специальности», то есть опять строил железные дороги и мосты. Затем до апреля 1946 года – в ПечорЛаге (поселок Абезь Коми АССР), строил железную дорогу на Воркуту. Нет никаких сведений о том, в каком качестве он там был: рядового заключенного или использовался на инженерно-управленческой должности.

Есть любопытный документ от 23 мая 1941 года, дающий представление об условиях, в которых жили и работали заключенные ПечорЛага как раз в то время, когда там находился Светаков. Это рапорт на имя наркома Берии начальника ГУЛАГА, старшего майора госбезопасности Наседкина.

Документ

Заключенные выводятся на работу в валяной обуви, старых брезентовых ботинках и в условиях весенней распутицы целыми днями простаивают в ледяной воде и грязи, что вызывает большое число простудных заболеваний. На 10 мая только по южному участку ПечорЛага коечно-больных было 1361 человек. Количество заболеваний ежедневно увеличивается.

Угрожающе возросло число цинготных заболеваний. На 10 мая на южном участке зарегистрировано 8389 человек, больных цингой, из них 3398 человек – второй и третьей степени заболеваемости и 4991 человек – первой степени.

Сушилками, банями, дезкамерами колонны обеспечены на 5-10 процентов. Из-за отсутствия кипятильников люди вынуждены пить сырую воду, кухонной посудой колонны обеспечены только на 40 процентов.

Баракы и палатки содержатся в антисанитарном состоянии, постельных принадлежностей и нательного белья крайне мало, вшивость среди заключенных достигает 70 процентов.

Полагающийся вновь прибывающим этапам 21-дневный карантин не соблюдается. Прибывающие этапы оправляются пешком к месту назначения за 150 километров в валяной обуви по грязи и воде.

Начальник ГУЛАГА НКВД СССР ст. м-р
госбезопасности Наседкин

Подчеркнем - описание бытовых ужасов ПечорЛага сделал не какой-то представитель европейского Красного Креста, а сотрудник НКВД. Следовательно, его данные должны быть «помножены», по меньшей мере, на два.

Вспомним, что срок заключения Светакова истекал в 1943 году. В действительности же, по установлениям военного времени, его освободили только в апреле 1946 года. Свобода была достаточно условной. В соответствии с особой директивой

№ 185 МВД и прокуратуры, вчерашних заключенных «освобождали без права выезда из ИТЛ», то есть переводили в разряд вольнонаемных и закрепляли за строительством до его окончания.

Светакова произвели в начальники отделения техинспекции ПечорЛага, и до мая следующего, 1947 года от жил на станции Хановой Воркутинского района. Затем его перевели в ОбьЛаг на должность старшего инженера производственного отдела строительства № 501. Отсюда, из забытого Богом Салехарда (тогда писалось Сале-Хард) должна была начаться так называемая «дорога смерти», сталинская стройка века. До последних дней жизнь Светакова оказалась связана с этой стройкой.

Как ни странно, идея строительства железной дороги через тундру и тайгу родилась все в том же Главсевморпути. Правда, первоначально она имела несколько иной вид, нежели во времена Светакова. Еще во время войны Арктический НИИ составил доклад «Перспективы деятельности Главсевморпути в 1944 году». В нем предлагалось создать на побережье Сибири крупный морской торговый порт, который бы опирался на сеть действующих железных дорог. В нем могли бы разместиться и основные силы военно-морского Северного флота. Активными сторонниками и лоббистами такого строительства были Иван Папанин и «папанинец» Петр Ширшов, ставший к тому времени консультантом Молотова по вопросам освоения Севера.

22 апреля 1947 года Совмин издал постановление: МВД срочно приступить к строительству в Обской губе порта, судоремонтного завода и поселка, а также начать строительство железной дороги длиной 500 километров от Печорской магистрали (где трудился Светаков) до нового порта. Вот почему уже в мае он оказался в Салехарде и стал работать «по профилю».

Темпы работ были бешеными, финансирование неограниченным, что называется, по факту. Район вокруг будущего порта стал обрастать лагерями, со всей страны сгонялись массы рабочей силы. Но, как это часто и случалось в стране самого планового в мире хозяйства, к концу 1947 года выяснилось,

что для строительства нужно огромное количество материалов, которых в округе нет. Требуются гигантские дноуглубительные работы, и все равно крупные суда не смогут заходить в порт.

Тогда, не прекращая его строительство, основные усилия переместили на прокладку дороги, соединяющей Печорскую магистраль и поселок Лабытнанги (напротив Салехарда, на правом берегу Оби). К концу 1948 года дорогу проложили, а на следующий год строительство порта и дороги к нему забросили в виду очевидной нецелесообразности. Гигантские средства и людские ресурсы оказались потрачены впустую.

Но машина гигантской авантюры уже была запущена, и она требовала все новых жертв. Тогда родилась идея: ну, не получилось завернуть железную дорогу на север, продолжим ее на восток, вдоль пунктира Полярного круга, через тундру, болота и вечную мерзлоту аж до самого Енисея. Там, в районе Игарки и отстроим гигантский порт.

Аккурат между Обью и Енисеем с юга на север течет река Пур, делящая длину будущей трассы примерно пополам. Западное крыло закрепили за стройкой № 501 с центром в Салехарде, восточное – за стройкой № 503 с центром в Ермаково (на левом берегу Енисея). Общая длина дороги должна была составить 1263 километра. Для переправы через Обь и Енисей уже были доставлены два железнодорожных парома. Кое-кому из самых отчаянных голов и этого было мало. Они предлагали в перспективе продолжить трассу дальше на восток до Берингова пролива, чтобы соединить Тихий океан и Балтику.

Светаков, сколько можно судить по архивной справке, так и передвигался вместе со стройкой: от первых шпал в Лабытнанги до консервации строительства в Ермаково. Жизнь «вольнонаемных» (кавычки здесь обязательны) была не сладкой. Они считались людьми второго сорта. Всякая связь с ними, помимо служебной, всячески осуждалась. Вступив в брак с бывшим заключенным (заключенной), можно было лишиться работы или даже партбилета.

Но вот здесь Светаков был верен себе. Сразу после «освобождения» в 1946 году он женился на такой же, как он вольнонаемной

Аннете Воронцовой. Она освободилась в 1940 году после двух лет лагерей и с тех пор трудилась инспектором в культурно-воспитательной части.

В июле тридцать седьмого, после выпускного бала в Ленинградском университете, она вместе со своим молодым человеком махнула на электричке в Сестрорецк, где у нее пустовала квартира, мать с отцом отдыхали на юге. Молодые люди не сразу пошли домой, кавалер стеснялся. От железнодорожной платформы, счастливые и слегка хмельные, двинулись, куда глаза глядят, намереваясь выйти к берегу Финского залива. И надо же им было в эту самую счастливую их ночь нечаянно забрести за какую-то колючую проволоку на окраине Сестрорецка, где в темноте угадывались такие пахучие и такие влекущие в свое теплое нутро стога прошлогоднего сена.

Там их и застучал молоденький пограничник, в обмотках, с несуразно длинной для его роста винтовкой Мосина. Аннете дали два года «за проникновение в пограничную зону без пропуска». Ее жениху десять, поскольку «при задержании пытался оказать сопротивление».

Мы не знаем, как складывалась жизнь Светакова в эти годы. Нечеловеческие условия труда, изначальный идиотизм и бессмысленность стройки, колоссальные людские жертвы достаточно подробно описаны в литературе. Светаков, судя по всему, изо всех сил старался держаться на поверхности, при своей специальности. Отработав семь месяцев старшим инженером производственного управления ОбьЛага, он переходит на чистое производство – становится старшим прорабом колонны, укладывающей путь на восток. Весной 1949 года жену переводят в Игарку, в ЕнисейЛаг. Светаков тоже устраивает себе перевод на должность старшего инженера водного ЕнисейЛага. Но в Ермаково (поселок южнее Игарки), он в тот раз так и не прибыл. Под датой 25 апреля 1949 года в его послужном списке значится – уволен по статье 47-Д КЗоТ.

Все было просто - тремя днями раньше его арестовали в Москве.

«ПОВТОРНИК»

А между тем на нашу страну, на всю Восточную Европу, а в первую очередь на наши каторжные места, надвигался сорок девятый год – родной брат тридцать седьмого.

Евгения Гинзбург. Крутой маршрут

1948-49 годы, во всей общественной жизни проявившиеся усилением преследований и слежки, ознаменовались небывалой даже для сталинского неправосудия трагической комедией повторников.

Так названы были на языке ГУЛАГа те несчастные недобитыши 1937 года, кому удалось пережить невозможные, непереживаемые десять лет и вот теперь, в 1947-48 измученными и надорванными, ступить робкою ногою на землю воли – в надежде тихо дотянуть недолгий остаток жизни.

Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ

В марте 1949 года «вольнонаемный» Светаков получил повестку, которая добиралась к нему на стройку из Москвы через Лабытнанги – 21 апреля явиться в Свердловский районный суд столицы. Это означало, что Ираида подала-таки на алименты. Сыну Александру к тому времени исполнилось уже 11 лет, и ей было трудно в одиночку поднимать его на ноги. Светаков вполне мог проигнорировать повестку – положением о паспортах ему запрещался въезд в столицу. Да и дело вполне могло быть рассмотрено без него. Когда его арестовали в тридцать восьмом, сыну не было и года. Он смутно его помнил и потому, спустя столько страшных лет, не испытывал к нему никаких отцовских чувств. Но он не хотел еще одного суда в своей жизни. Он собирался разобраться с Ираидой по-любовно. И, кроме того, хотя он не признавался в этом даже себе самому, страшно тянуло в Москву.

Его непосредственный начальник на основании судебной повестки выписал командировочное удостоверение, и 14 апреля Светаков уже был в Москве. Жил у родственников своих знакомых по Салехарду.

21 апреля состоялся суд, вынесший решение в пользу Ираиды, а на следующий день его арестовали.

На этот раз все было буднично. Пара формальных допросов, выяснение биографии, мест отбывания наказания, «понятны вам обвинения? – понятны». Ни эмоций, ни криков, ни пыток. Через неделю (!) было готово обвинительное заключение. Светаков обвинялся ровно в том же, в чем его обвиняли десять лет назад: в участии в антисоветской право-троцкистской организации.

Он даже не задал естественного, казалось бы вопроса – но ведь за это я уже отсидел! Он уже знал, как работает эта машина.

Ровно через месяц Особое совещание при МГБ постановило: Светакова Александра Васильевича за принадлежность к право-троцкистской организации сослать на поселение. Так, в середине августа он, наконец, возвратился из затянувшейся столичной «командировки». В Ермаково ему предоставили должность старшего инженера стройконторы Енисейлага. Аннета в его отсутствие сняла комнатку в общежитии, и они втроем с аннетиной дочкой зажили почти счастливо.

После амнистии 1953 года, объявленной в связи со смертью Сталина, они спорили только об одном: он рвался в Москву, Аннета в свой Сестрорецк.

- Да потом разберемся, - торопил Светаков, - лишь бы отсюда ноги унести.

Впереди была долгожданная свобода. Однако, ждать пришлось до осени. Не отпускали работы по консервации стройки № 503. Но даже когда разрешение на выезд было уже в кармане, они не сразу могли тронуться вверх по Енисею, к Красноярску. Предстояло теперь выправить документы жены, центральная контора которой была в Игарке. Так они оказались на «Громе».

ЭПИЛОГ. «ПРИЗНАТЬ УМЕРШИМ»

Морозным октябрьским днем 1953 года вниз по широкому Енисею шел старенький, замызганный буксир с неуместным при его малости названием «Гром». До прихода календарной зимы было еще далеко, но здесь, за Полярным кругом она уже давно вступила в свои права. Енисей в этих местах стремится прямо на север, на его раздольной ширине вольготно и беспрепятственно разгуляться

пронизывающему ледяному ветру. Встречные порывы иной раз почти останавливали пароходик, и, если бы не мощное попутное течение, его, возможно, просто сносило бы назад. Но, шустро попрыгивая черной трубой, он упорно продвигался вперед.

«Гром» был уже старой калошей, и потрудился он на своем веку предостаточно. В конце двадцатых под гордым названием «Клим Ворошилов» он таскал по Енисею баржи с раскулаченными, лесные плоты, в середине тридцатых - стройматериалы для сталинского мемориала в Курейке, в конце тридцатых и во время войны потоком шли грузы для Норильского горно-металлургического комбината, затем комбинату требовалось все больше и больше рабсилы, и «Клим» опять таскал баржи, уже с «живым грузом». После войны – снова Норильск, стройка № 503, все тот же лес и баржи с уголовниками, «повторниками», военнопленными, сменившими немецкие лагеря на сталинские.

Но капитану – что, его дело маленькое: набросил буксирный трос на как да и гребь себе. Правда, и при нем неотлучно находился часовой с винтовкой, а после войны и с автоматом – следил, чтобы между буксиром и баржей не было никакого контакта. Туруханск, Игарка, Норильск поглощали эти баржи десятками за навигацию. Особенно Норильск, в котором после войны ударными, сталинскими темпами возводился комбинат. Одно лишь поначалу удивляло капитана: туда баржи шли доверху набитые эсками, а обратно почти всегда порожняком. Потом перестал удивляться.

К навигации 1953 года «Клим Ворошилов» изрядно одряхлел. Из политических соображений его переименовали. Дали хоть и нейтральное, но все-таки звучное (после «Ворошилова»-то) имя «Гром». Кое-как подремонтировали и приписали к Ермаковской базе консервации стройки № 503. Под таким безликим названием скрывалась в отчетах ГУЛАГа одна из сталинских «строек века» – прокладка через вечную мерзлоту, болота и тундру знаменитой железной дороги Салехард-Игарка, справедливо прозванной «мертвой дорогой». В Ермаково, на левом берегу Енисея, находился штаб стройки.

Со смертью вождя новому руководству страны стало, наконец, ясно то, что не составляло секрета ни для одного зека: полная бессмысленность строительства. Стройку № 503, то есть целую сеть северных лагерей, от Воркуты до Енисея, решили ликвидировать. «Гром» при этом суетился «на подсобке», на большее он уже не был способен...

К вечеру пошли снежные заряды. Мелкая ледяная крупа ухудшила и без того плохую видимость. Немногочисленные пассажиры, в том числе жена и маленькая дочь Светакова, дремали на узлах в душном кубрике, где от табачного дыма еле просвечивала лампа на подволоке. Сам Светаков поднялся на палубу и, укрываясь от порывов ветра за надстройкой, курил «беломорину» и неотрывно вглядывался в ночь. Впереди по правому борту уже давно, по его соображениям, должны были появиться огни Игарки. Но из-за хлещущей по глазам снежной крупы ничего дальше форштевня нельзя было разглядеть. Иногда на мостике включали хилый прожектор, и тогда казалось, что пароход идет прямо на снежную стену, в которую упирался конус яркого света. Потом снежный заряд проваливался куда-то за корму и впереди опять была кромешная темнота, в которой капитан находил лишь ему одному ведомые ориентиры.

Судя по всему, встречный ветер здорово-таки сбил скорость. Опять наступила кромешная тьма, а впереди не было ни огонька. Светаков зашел в рубку, чтобы немного согреться и расспросить капитана – скоро ли?

- Если ветер совсем не засвежеет, то часа через два, по моим расчетам, должны быть, - расслабленно ответил капитан.

Немного поговорили о том, о сем.

- А, к примеру, до Диксона доводилось ходить? – поинтересовался Светаков.

- Да на что он нам? Мы ведь речники, а Диксон – это уже, считай, Карское море. Да и переть до него, пожалуй, еще с тыщу километров. А чего тебе Диксон-то? Бывал там что ли?

- Бывал, - ответил пассажир и, глядя на искрящийся снежный конус, образуемый лучом прожектора, вроде бы про себя добавил, - бывал... там, за далью непогоды.

И, заметив настороженный взгляд капитана, с усмешкой пояснил:

- Да это я так, стишок один вспомнил. А Диксон я своими руками выстроил на пустом месте. Был начальником острова в тридцатых.

Год назад капитан, сам «вольный», пожалуй, поостерегся бы такого разговора, да и пассажир вряд ли полез с расспросами. Но на дворе была осень 53-го. Больше полугода, как не стало вождя. Каких-то пару месяцев назад – страшно произнести - врагом народа был объявлен Лаврентий Берия, что-то стало заметно меняться в воздухе. Все

лето, после мартовской амнистии, когда раскрылись ворота многочисленных лагерей вдоль Енисея, все более полнясь, потекли по реке и далее по железным дорогам потоки освобожденных, пока все больше уголовников.

Но пассажир не был уголовником – капитан умел различать, поскольку навидался этой публики. Когда, войдя в рубку, пассажир снял шапку, под ней обнаружилась крупная, круглая, но почти лысая голова. Удивительным было то, что при почти голом черепе пассажир имел густую черную бороду, сильно смахивавшую на бороду Карла Маркса. При этом пассажир еще и сильно шепелявил, поскольку даже борода не могла скрыть того факта, что у него практически нет передних зубов.

- Так что, с Диксона прямо к нам так и загремел? - не столько из интереса, сколько из стремления не поддаться проклятому сну, спросил капитан.

- Нет, не с Диксона. Прежде чем загребли, я успел все главные порты на Севморпути построить. После Диксона строил Тикси, потом порт в бухте Провидения, да на Востоке сколько...

- Так ты, небось, и Ивана Дмитриевича Папанина знал? – воодушевился капитан, все более возвращаясь к жизни, а в этой жизни Папанин и в пятидесятые продолжал оставаться главной легендой Арктики, если не всего СССР.

- Как не знать, - ответил пассажир, однако без встречного энтузиазма.

- А Отто Юльевич Шмидт? - капитан уже давно понял, что пассажир не из рядовых, и в контексте великих имен решил, что лучше перейти с ним на «вы». - Доводилось вам с ним встречаться?

- Вот как сейчас с вами...

Было восемь вечера, время смены вахты, когда только что заступивший рулевой крикнул: «Прямо по курсу огни!» Разговор оборвался. Действительно, впереди был отчетливо виден огонек, правее – другой. Между ними сквозь редкий снежок пробивалось тусклое зарево то ли населенного пункта, то ли еще чего, а чего – пока не разобраться.

- Игарка? – нетерпеливо спросил Светаков.

- Кому ж тут еще быть, - весело отозвался капитан. – Она, родимая.

Светаков подобрался. Вот он, долгожданный рубеж. Позади были светлые революционные годы, партизанщина, учеба до хруста в

голове, невиданные заполярные стройки, пятнадцать лет лагерей, не зарегистрированные жены, разбросанные по свету дети. Впереди, там, где неясно виднелись огни – была долгожданная, хотя и весьма относительная свобода, была надежда...

- Держать между огнями, - уже вполне бодро скомандовал капитан, - гребем в Игарскую протоку.

Рулевой, вместо того, чтобы выполнить команду, затеял с капитаном непонятный Светакову разговор.

- Пантелеич, так ведь в Протоку нельзя - там зона.

Енисей в этом месте, как бы от избытка сил и полноводья, пускает мощную струю вправо. Струя эта почти строгим полукольцом огибает остров Игарский и опять возвращается в основное русло Енисея чуть севернее. На острове издавна располагались совхоз, огороды, всевозможные подсобные хозяйства. А на внешней стороне протоки громоздилась на возвышенном берегу сама Игарка. Суда, следующие из Карского моря, обязательно должны входить в Протоку с севера. Южный вход, где теперь шлепал буксир, был закрыт для плавания и по навигационным соображениям, и по режимным, известным только Органам.

- Ворочай, куда сказано, - раздраженно крикнул капитан. – Мы как-никак особое судно, да и осадка у нас, как у шлюпки. Чего бояться-то?

- Есть, - обиженно ответил рулевой и чуть выправил курс вправо. Теперь тусклое зарево было точно по носу...

Капитан повеселел. Он теперь, как ему казалось, ясно представлял себя и свое суденышко в пространстве и во времени. Не заладившийся с самого начала рейс подходил к концу. До Игарки было рукой подать, и он рассчитывал еще успеть в интерклуб – местный очаг культуры и единственное в городе место, где действовало невиданное заведение – бар. Бар был для иностранных моряков, но в нем работала знакомая капитана Зина. Потому он и решил сократить путь.

Пассажир с марксовой бородой еще не ушел из рубки. Хотелось порасспросить его о «Челоскине», о дрейфе папанинцев, то есть о том, что только и известно было советскому обывателю о героическом Северном морском пути. Но времени на разговоры уже не оставалось. Поэтому напоследок он задал вопрос, который неизбежно задают в такой ситуации:

- И сколько же вы отпахали?

- С 1 октября тридцать восьмого, - с вполне понятной точностью ответил пассажир. – Позавчера исполнилось аккурат пятнадцать лет... Такой вот юбилей.

Но радости по поводу состоявшегося «юбилея» капитан в голосе пассажира не ощутил...

Прошло не более минуты. Снежный заряд отнесло за корму, сразу как-то развиднелось и находящиеся в рубке с ужасом увидели, что буксир неудержимо прет на огромный транспорт, стоящий поперек фарватера на якорях. Два огня, столь легкомысленно принятые капитаном за береговые, оказались якорными огнями на носу и корме. Между ними-то, как оказалось, и собиралась проскочить старая калоша. А тусклое световое пятно среди ясной морозной ночи оказалось теперь палубной надстройкой, светящейся огнями окон и иллюминаторов. При этом они сливались с более далекими огнями, которые, как потом оказалось, действительно, были огнями Игарки.

Капитан все понял раньше других. Остатки хмеля и дремы сняло, как рукой. В стоящем на якоре пароходе он узнал «Армению», года два назад переоборудованную под плавучую тюрьму. Он рванул ручку машинного телеграфа, перевел ее на «полный назад» и, сколько успел, переложил руль влево. Но уже печенкой он ощущал, что траектория, по которой покатилося судно, неотвратимо упирается в борт «Армении».

Конвой на палубе плавучей тюрьмы обеспокоился, с мостика что-то кричали, затем включили прожектор и начали подавать тревожные гудки. «Гром» на крутой траектории резко накренился на правый борт. Пассажиры, почуяв неладное, повыскакивали из кубрика на палубу, еще больше увеличив крен. Внизу оставались Аннага с дочерью, видимо, дремавшие на тюках. Светаков бросился по трапу вниз, успев напоследок заметить, как нос буксира косо ударяет в высоченный борт «Армении». От мощного толчка Светаков сорвался с трапа и полетел в черноту люка, поскольку освещение сразу вырубилось.

Он еще слышал, как от удара сорвались привязанные на корме бочки с соляркой, но понять, что происходит, уже не мог. Со страшным грохотом бочки обрушились на тот же правый борт, который был уже почти в воде. И тут в бункерной яме сместился оставшийся уголь.

«Гром» совсем завалился на правый борт и черпанул всеми своими открытыми иллюминаторами, дверями и лючками ледяной

енисейской воды. Где-то в носу через пробоину внутрь корпуса врывалась вода. Пассажиры с криками бросались в ледяную воду, чтобы хоть как-то добраться до борта «Армении», который после столкновения стал от них быстро отдаляться. Это буксир по инерции все еще продолжал двигаться вперед. Сверху, с палубы «Армении» уже летели в воду спасательные круги, кто-то пытался спустить трап.

Понимая весь ужас и неотвратимость происходящего и абсолютную безнадежность собственных усилий, Светаков на ощупь пытался найти своих женщин, двигаясь в потемках на их крики...

«Гром», под завязку принявший воды в трюм и машинное отделение, задрал кверху нос и как-то мгновенно, с коротким всплеском ушел кормой под воду...

Последний документ

Народный суд города Игарки, рассмотрев в судебном заседании 10 июня 1954 года дело по заявлению Серебрянниковой И.И. о признании умершим Светакова Александра Васильевича,

у с т а н о в и л:

что гр. Светаков А.В. 3-го октября 1953 года в качестве пассажира следовал на буксире «Гром», принадлежавшем Ермаковской базе консервации строительства № 503. В результате аварии буксира, произошедшей от столкновения буксира «Гром» с теплоходом «Армения» 3-го октября 1953 года в 20 часов Светаков утонул, и труп его не разыскан. Серебрянникова просит признать Светакова умершим, что необходимо ей для выделения наследства своего несовершеннолетнего сына.

Суд считает, что требования истицы подлежат удовлетворению, так как доказаны имеющимися в деле документами. Поэтому суд

о п р е д е л и л:

Признать Светакова А.В., погибшего при аварии буксира 3-го октября 1953 года, умершим.

Нарсудья Сманцер,
Заседатели Дымченко, Буданова.

Так погиб Светаков. Так заканчивается описание его жизни, реконструированное на фоне реальных исторических событий, с использованием протоколов допросов, доносов, справок, вырезок из газет, а также другого архивного материала.

Сибирский дневник

Алексей Тепляков
ДНЕВНИК ЧЕКИСТА СЕМЁНОВА,
ИЛИ ГОЛГОФА ВОИНСТВУЮЩЕГО
ТРОЦКИСТА И БЕЗБОЖНИКА

Дневниковые записи работников госбезопасности – большая редкость. Для Сибири они не известны вообще. Предлагаемые документы посвящены любопытному эпизоду внутривнутрипартийной борьбы 1920-х гг. в сибирской провинции – попытке противостояния молодого чекиста-коммуниста натиску партийной бюрократии, рьяно борющейся за искоренение любого инакомыслия. Публикуемый дневник оперработника секретного отделения Минусинского окружного отдела ОГПУ Дмитрия Семёнова дополнен материалами, почерпнутыми из его партийного дела 1926 – 1929 гг. и следственного дела 1935 г. Дневник 1926 – 1929 гг., сохранившийся в следственном деле, публикуется полностью, за исключением некоторых плакатных стихотворений некоего В. Надольского, которые тот записал в дневник Семёнова (почти наверняка это В.А. Надольский, изгнанный в 1920 г. за злоупотребления властью с должности заведующего Кузнецким политбюро Томской губчека; публикуемый смачно-апологетический стишок о ВЧК свидетельствует в пользу соответствующего прошлого автора).¹

Дело Д.Н. Семёнова было одним из первых подобных в Сибири. С очень схожими обвинениями тогда же (25 сентября 1926 г.) столкнулся на заседании новосибирской окружной контрольной комиссии ВКП(б) бывший популярный партизанский командир В.П. Шевелев-Лубков: ему пришлось заплатить членством в партии за отказ раскрыть имя информатора, приславшего ему закрытые материалы – речи Троцкого и Каменева на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).²

Партия категорически не терпела каких-либо тайн от себя. И обычно её аппарату удавалось сломить своих диссидентов, заставив их каяться в заблуждениях. В случае с Семёновым произошла определённая осечка.

Дмитрий Семёнов – типичный молодой коммунист из того партийного меньшинства, которое активно размышляло над происходившими событиями, не всегда выбирая путь по течению.

Дневник - повседневная запись тех поступков и мыслей, о которых записывающий может вспомнить, не краснея.

Амброз Бирс

Поссорившись с провинциальной номенклатурной верхушкой на Урале, комсомольский функционер Семёнов оказался фактически отправлен в сибирскую ссылку. Он был человеком очень эмоциональным и общительным, сразу заводил широкий круг знакомств. В отдалённом сибирском округе, где отчаянно не хватало специалистов, жаждущего знаний Семёнова посчитали парнем развитым и вскоре взяли в ОГПУ, не особенно смущаясь прошлым. Или уже был расчёт его использовать для будущей борьбы с оппозиционерами как «перековавшегося» в чекиста?...

Семёнов для себя чётко различал позицию чекиста, обязанного разоблачать всеми способами внутреннего врага, и самоуважение коммуниста, который не может доносить на товарищей-партийцев. Но система советской политической полиции основывалась на всеобщем доноситељстве (культ доноса ввёл, как известно, сам Ленин), поэтому немногие чекисты осмеливались бросать вызов сложившемуся порядку. Семёнов, не успевший должным образом «провариться» в котле ОГПУ, смог отвергнуть партийно-чекистскую практику тотального доноса.

Отторжение неудобного винтика карательной системой хорошо прослеживается в документах контрольных партийных органов. Хотя встречи Семёнова с меньшевиком Юлием Цедербаумом, племянником Мартова, были исключительно «по специальности», их использовали для политической компрометации нашего героя. Молодой заводила Семёнов без труда нашёл общий язык с юным ссыльным. При этом Семёнов был болтлив и склонен героизировать своё и без того богатое прошлое, что было зафиксировано осведомительной сетью окружного отдела ОГПУ.

Семёнов яростно и бескомпромиссно защищал своё право коммуниста иметь собственную точку зрения и на политику партии, и на поведение её вождей. С ним долго возилось руководство окружка, специально приезжал из Новосибирска видный работник Сибирской краевой контрольной комиссии А.Н. Грецов. Контекст дневниковых записей свидетельствует в пользу того, что в Минусинском окружном отделе ОГПУ у Семёнова имелись единомышленники, хотя, возможно, это было лишь интуитивное ощущение опального чекиста, подвергнутого ostracismу в среде сослуживцев и потому фиксировавшего любые знаки нейтралитета

или доброжелательства. Определённый либерализм, немислимый для 1930-х гг., проглядывает и в политике окротдела ОГПУ: у арестованного Семёнова оставили оружие, обыски проводили спустя рукава, проверку нахождения арестанта в камере не осуществляли.

Наличие потенциальной оппозиционной группы вокруг молодого чекиста, активного коммуниста и популярного комсомольца Семёнова крайне тревожило власти. И методы давления на непокорного товарища по партии, активно к тому же вёдшего разговоры о материальных привилегиях начальства, не отличались щепетильностью – его переписка перлюстрировалась, а для дополнительной компрометации были использованы истории с давно снятым выговором и погибшим ещё в первую русскую революцию отцом – якобы эсером, которого Семёнов просто не помнил. Из зафиксированных автором дневника разговоров с функционерами компартии видна их абсолютная нетерпимость и желание морально раздавить неожиданного диссидента.

Зафиксированная в ряде документов бескомпромиссность молодого партийца не может не внушать уважения. Но последующие месяцы привели Семёнова к мысли о необходимости формально признать свои ошибки и вернуться в ряды ВКП(б). Для таких общественно активных и идеологически фанатичных людей состояние политической смерти, наступавшей после расставания с правящей партией, было невозможным. В итоге же Семёнов нашёл себе службу, полностью соответствующую убеждениям: он занялся искоренением религии, работая в 1932 г. руководителем Хакасского облсовета Союза воинствующих безбожников, а затем подвизаясь методистом крайсовета Союза в Новосибирске. При этом он полагал совершенно нормальным делом теснейший контакт с органами госбезопасности, чьим филиалом в сущности и выступал пресловутый Союз воинствующих безбожников.

Семёнов, будучи с 1929 г. беспартийным, был однако целиком включён в советскую систему подавления инакомыслия и осознавал престижность работы в карательных органах, в которых находился столь недолго. Он постоянно встречался с видным специалистом по искоренению церкви чекистом А.И. Юрмазовым, а в 1933 г. мечтал о возвращении в ОГПУ и надеялся по протекции одного из руководителей Сиблага получить там

должность уполномоченного. Однако прежнюю ненависть к Сталину и сталинцам он сохранил, одобряв выстрел Л. Николаева в Кирова.³

Семёнов презирал партноменклатуру, говорил, что в Запсибрайкоме ВКП(б) «сидят бюрократы, потерявшие всякое человеческое чутьё», отказывался от посещения политзанятий. Он активно впитывал самые разные слухи, касавшиеся высшей партийной верхушки, и охотно распространял их. Работавший в Союзе воинствующих безбожников И.В. Подольский сообщал, что Семёнов в 1933 г. рассказывал ему «о крупном инциденте между т. Сталиным и Ворошиловым, в результате которого т. Ворошилов якобы стрелял в т. Сталина», а в следующем году говорил, «что на т. Сталина подготавливался теракт путём отравления, но теракт не удался и вместо т. Сталина была отравлена (*его жена*) т. Аллилуева». На квартире Семёнов хранил так называемое «Завещание» Ленина.

Убийство Кирова стало сигналом для арестов бывших оппозиционеров. 15 февраля 1935 г. Семёнов на допросе заявил, что хотя и не является сторонником индивидуального террора, но «не одобряя целиком действия лиц, подготовивших и совершивших теракт над т. Кировым, я всё-таки был удовлетворён тем обстоятельством, что одним членом Политбюро, вёдшим большую работу по разгрому троцкистско-зиновьевской оппозиции, стало меньше. В то время я был бы ещё в большей степени удовлетворён, если бы этот выстрел был направлен в тов. Сталина...» В 1935 г. новосибирские следователи не рискнули процитировать в обвинительном заключении резкости Семёнова в адрес сталинцев, а привели вырванные из контекста выдержки (в публикуемом тексте дневника они отмечены квадратными скобками), которые своей запальчивостью должны были подтвердить якобы террористические намерения нераскаявшегося троцкиста. Семёнов получил пять лет лагерей, смог уцелеть (возможно, за счёт сотрудничества с НКВД) и прожил долгую жизнь, здравствуя ещё в 1982 г. Его старость прошла в Москве. 21 января 1989 г. Новосибирский обком КПСС восстановил Семёнова в членах партии.⁴

Дневник рисует образ типичного развитого молодого партийца, очень ортодоксального, закалённого участием в гражданской

войне и не понаслышке судящего о классовой борьбе. Семёнов страстно ненавидит «кулака» и мещанство, опасается, что самоубийство товарищи расценят как «обывательщину». Его приверженность идеям антисталинской оппозиции демонстративна: живший с Семёновым в общежитии его знакомый сообщал, что тот «не покупал портреты Сталина и Бухарина, а подбирал портреты оппозиционерских вождей... носился с этой оппозицией как курица с цыплятами».⁵

В дневнике, помимо прочего, интересны мимолётные подробности минусинского быта – автор дневника не рисковал ходить по ночным улицам без нагана и ножика. Все стороны провинциальной жизни (кроме собственно чекистской работы автора) зафиксированы на немногочисленных страницах записок. Мы видим и признанного лидера местной «комсы», бессильно отмечающего циничное дирижирование партийцами-чекистами ходом комсомольского собрания; не растерявшегося от наступившей безработицы и гордого поддержкой многочисленных друзей заводилу; человека начитанного, романтического, переживающего чувство влюблённости, склонного к любованию природой и философским размышлениям.

Как сторонник «новой оппозиции» он избегает упоминать Троцкого – в дневнике фигурируют Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Н.К. Крупская, М.М. Лашевич (мифическое назначение последнего комендантом Соловков – характерный штрих к слухам, сопровождавшим разгон видных оппозиционеров). В дневнике упоминается и известный авантюрист Г.И. Мясников, чьё тогдашнее заключение в томской тюрьме не было секретом для Семёнова⁶ (возможно, об этом он узнал от коллег-чекистов). Слова Семёнова о передовом вооружённом отряде партии говорят о том, как оценивали себя работники ОГПУ, а фраза о том, что был бы человек, а статья найдётся – достаточно раннее отражение специфического чекистского фольклора. Характерны иллюзии автора о скором выступлении «тёмных» масс, которые сметут «сталинских термидорианцев». Потом Семёнов «признает ошибки» и покается – но только осторожно и сугубо в тактических целях. Его дневник, а также последующие поступки рисуют автора человеком, который не отказывался от своих идей, причём не только в середине 1920-х, но и в гораздо более жестокие 1930-е годы.

ДНЕВНИК ЧЕКИСТА СЕМЁНОВА

С. Секретно

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ИЛИ ПАРТИЯ???

Начато – 25/IX-1926 г. – г. Минусинск

Окончено -

Дневник «Предательство или партия» был написан мною в 1926 г. и принадлежит мне. Д. Семенов [подпись]
5/1-35 г.

6 марта 1926 года после 2-х недельной дороги я прибыл по командировке ЦК партии в далёкий захолустный Минусинск. Ничем не отличающийся от сотен других мелких сибирских «центров»: та же грязь (в жизни), сплетни, небольшие домики с геранью в окнах, те же «кумушки», он на меня большого впечатления не произвёл. Я ожидал большего. Первое время устроился на работе в местном отделении «Хлебопродукт», а с 3 апреля окружком перебросил меня в распоряжение окротдела ОГПУ. Работой увлёкся, отдавая ей всё, что у меня было: время, здоровье, соображение. Я был горд. Ещё бы! Ведь партия мне, оппозиционеру, сосланному с Урала в Сибирь «для практического изучения географии, быта, населения и геологических особенностей бывшего места ссылки Ильича», доверила серьёзную ответственную работу, поставив в ряды бойцов своего передового вооружённого отряда. После поездки в Москву (12 мая – 7 июня), встречи с некоторыми ребятами и разговоров с ними о политике ЦК, о съездах (комсомольском и партийном) у меня старые настроения всплыли вновь. Письмо Кольки с указанием действий сталинцев дало толчок к энергичной защите взглядов «оппозиции». Занялся предварительно штудировкой В.И. (Ленина), проработал IX, XIV, XV, XVIII тома и пришёл к выводу, что т.т. Зиновьев, Каменев, Н.К. (Крупская) и др. правы.

В первых числах августа я встретил некоторых местных партийцев (Г., О., И., Л. и др.), разговорился и пригласил их к себе.

За чашкой чая в тесном товарищеском кругу О. спросил, как я попал в М-ск. Рассказал всё, не скрывая, разговор перешёл на взгляды

«оппозиции». Ребята опасались говорить, чувствуя, что среди них сидит чекист, данное мною честное слово партийца о том, что я никому ничего не скажу, разрядило атмосферу недоверия. Начались споры, брались за Ильича – доказывали, а часа через 4 разошлись.

На другой же день это стало известно окружкому. Янайт, вызвав меня, предложил назвать фамилии присутствовавших на «собрании»(?) Я отказался, он пригрозил Нарымом (это один из методов сталинской «демократии», широко применяемой в наше время).

«В борьбе с врагом все средства хороши» – говорит старая поговорка.

Не успокоившись, начинают создавать «дело». 10/IX т. Филичкин подал т. Иванову рапорт о том, что якобы я говорил Ю. Цедербаум(у) о своей поездке в Нарым и прощался с ним. Возмущённый такой ложью 11/IX я подал следующее заявление:

«Зам. нач. Минокротдела ОГПУ т. Иванову
Копия Бюро яч. ВКП(б) при окротд. ОГПУ
сотрудника окротд. Семёнова Дмитрия

Заявление

Ввиду циркулирующих слухов (в связи с подачей секретарём отдела т. Филичкиным от 10/IX – с/г заявления о моём антикоммунистическом поступке как оппозиционера) о том, что якобы я лично говорил политссылному меку (меньшевику) Ю. Цедербаум(у), что меня сылают в Нарым¹, считаю своим долгом заявить следующее:

В первой половине августа с. г. мною от одного из Ленинградских партийцев было получено личное письмо с кратким описанием положения дел «оппозиционеров» и «сталинцев» (как там упоминалось) в Ленинграде. При встрече с некоторыми членами партии, интересующимися этим вопросом и желающими ближе познакомиться с сутью дела (ибо т.т. Зиновьев, Лашевич, Надежда Константиновна (Крупская) и др., несмотря на море грязи, выливаемое на них, молчат и не отвечают на нападки в нашей прессе) я предложил им придти ко мне.

В середине августа у меня на квартире группа партийцев в 11 человек (из них 2 товарища из района) читали книгу т. Зиновьева «Ленинизм», некоторые из старых (предсъездовских) номеров «Ленинградской Правды» и письмо, полученное мною из Л(е)н(ин)гр(ада). На другой день т. Янайт, бывший в то время отв. секретарём окружкома (ВЛКСМ) и членом бюро ОК ВКП(б), вызвал меня к себе и просил

сообщить, кто из партийцев у меня собирался. Я отказался, и только лишь в силу того, что это могло повлечь неприятные последствия для вышеуказанных товарищей. Т. Янайт после 10 – 15-минутного разговора дословно сказал следующее: «Отказываешься? Хорошо. Поедешь в Нарым». Ответив, что и там люди живут, и указав – «так нельзя бороться с оппозиционерами» – я удалился.

Через несколько дней в отделе (ОГПУ) ко мне подходит т. Ястржембская (зам. секретаря партячейки) и предлагает сделать доклад «о единстве партии», ссылаясь на постановление бюро. Считаю не вправе брать на себя такую серьёзную тему в тот момент, когда я с «оппозицией» согласен, и как партиец, не скрывающий своих взглядов, – я отказался.

После партсобрания (на котором т. Зинуков делал этот доклад) я говорил с т.т. Сенаторовым, Авгулом и Петровым по вышеуказанному вопросу. Больше ни с кем, за исключением т. т., бывших у меня при чтении письма (а, тем более, с политссылными, являющимися нашими политическими врагами, могущими использовать этот разговор с целью агитации против нас, против партии) я не говорил.

Разговор по этому вопросу среди п/с (политссылных) быть может, но слухи, по моему мнению, распространяются исключительно с целью подрыва моего авторитета как партийца и чекиста, а для придачи им (слухам) большей «достоверности» говорят: «Мне это лично говорил Семёнов».

Дабы положить конец этим ненормальностям, я категорически настаиваю на быстрейшем выяснении этого вопроса и требую немедленного принятия мер в целях ограждения от того недоверия и косых взглядов, которые меня окружают в среде наших сотрудников».

Оно осталось без последствий. Обстановка стала невыносима. Друзья отшатнулись (опасно иметь дело с таким «типом»), недоверие росло.

23/IX меня вызвали в К.К. (ВКП(б)) Разговор с т. Лагздиным длился 4½ часа. Он меня убеждал отказаться от моих взглядов, предлагал выдать товарищей, осознать свою ошибку (какую?) и стать честным партийцем (а разве я бесчестный?).²

24-го (сентября) такая же, но менее продолжительная (двухчасовая) «история». Боялся, что я созову собрание. В тот же день я написал следующее:

«Зам. нач. Минокротдела ОГПУ т. Иванову
сотрудника Семёнова Дмитрия

Рапорт

Недоверие со стороны сослуживцев, резкие выпады против меня как партийца и чекиста, заявление т. Константинова Н. о том, что «...мы совершили крупнейшую ошибку, приняв тебя на работу в отдел...» (это мнение разделяется почти всеми отдельцами), его оскорбления, брошенные мне в присутствии Вас и секретаря Отдела т. Филичкина («провокагор ленинских идей» и т. д.) заставляют меня подать настоящий рапорт.

Реабилитировать себя в глазах сотрудников, не чувствуя за собой никакой вины, считаю излишним.

Я, как член Ленинской партии, не должен скрывать своих убеждений и взглядов на вещи (я их не скрывал и не скрываю). Продумав основные моменты дискуссии по вопросам политики нашей партии, я пока ещё не смог, на основании материалов ЦК, изменить метода своего мышления. **Может быть, я ошибаюсь**, но нет и не было достаточного количества данных, которые разбили бы мою точку зрения.

Каждый ленинец, каждый **честный** большевик, должен тщательно продумать свои поступки, учтя последствия, могущие возникнуть вследствие его действий. Я взвесил всё и пришёл к выводу, что с точки зрения ленинца я прав и поступаю честно.

Ввиду того, что положение, созданное в отделе в связи с моим «оппозиционным», «антиленинским» настроением, не изменится, в этом я больше чем уверен, атмосферу не разрядить – она чересчур сгустилась, выпады и недоверие ко мне не изживутся, а могут принять более резкую форму (всё это, безусловно, отражается на продуктивности работы, ибо в существующей обстановке работать нельзя – невольно впадаешь в пессимизм, находит апатия) я считаю, что «ошибку, допущенную отделом» (по словам т. Константинова) надо исправить, а посему прошу Вашего распоряжения о снятии меня с работы в отделе и направления в распоряжение ОК ВКП(б).

Это заявление согласовано, как и вопрос о моём снятии с работы, с председателем окрКК т. Лагздиным и он не возражал.

24/IX – 26 г.

(подпись)

г. Минусинск».

Какой будет ответ?

25/IX Сегодня с утра до 3^{1/2}ч. дня торчал в окружке и КК. Т. Лагздин опять старался доказать, что я не прав, указывая на необходимость выдачи товарищей. Т.т.(М.М.) Ноздрин и Прелов, к которым я пошёл позднее, тоже не отставали. Я был возмущён тем подходом, который они применяли. Вот черновик разговора:

Н(оздрин) – ... Или с нами, или против нас. Или за партию, или за группу. Что для тебя дороже – честное слово (вернее, фракционное слово) или интересы партии?

Я – Для меня дорого и то, и другое.

Н. – Ты за единство партии или против?

Я – Безусловно, за стальное единство **Ленинской** партии и за чистоту учения Ильича.

Н. – Как ты смотришь: к чему может привести политика партии?

Я – Это ясно. Во-первых, ввиду того, что партия из Ленинской начинает превращаться в Сталинскую, а следовательно, проводить линию последнего, Ленинская прямая линия начинает превращаться в зигзагообразную. Толка от такой политики не будет, она пагубна для дела Революции. Не видеть врага, затушёвывать вопросы, комкать учение Вождя – преступление перед массами, доверяющими нам, а, во-вторых...

П(релов) – Имеешь ли ты «завещание Ленина»?

Я – К сожалению, нет. Но постараюсь достать. Кстати, попутно вопрос: почему XIII съезд запретил его печатать и положил в секретный архив ЦК?

Н(оздрин) – Так было надо.

Я – Для кого и для чего?

Н. – Для партии.

Я – А именно?

Н. – Оставим этот разговор. Говори прямо – назовёшь группу или нет?

Я – Нет.

Н. – Это твоё последнее слово?

Я – Да.

Н. – Советую подумать до понедельника. Ведь вопрос идёт о твоём пребывании в партии.

Я – Я взвесил и обдумал всё. Последствий не боюсь. Делайте что хотите. Решения не изменю.

Н. – Так, хорошо, зайди в понедельник в 9.

Я – Зачем?

Н. – Без разговоров. Можешь идти.

Я – С конвоем или без?

Н. – Шутки в сторону. Я говорю не как партиец, а как секретарь *О(кружного) К(омитета)*.

Я – Коль так – то точка.

Н. – Подумай. Предупреждаю о серьёзных (так! – *А.Т.*) последствиях.

Я – Я не глухой, так что повторяться не стоит.

Я вышел. Хлопнула дверь. Кто-то прошёл мимо. В «общем», часы пробили 3^{1/2}. Злоба, обида душили, заливали сердце, оно сжималось... Голова трещит... Пошёл домой.

Мозг волнами электрического тока мысли сменяет одну за другой... Тяжело. Как быть? Продать убеждения, выдать товарищей, стать предателем... и взамен этого получить возможность спокойно существовать и остаться в партии – или действовать так, как мыслишь, скрыть имена присутствовавших у меня и остаться вне партии? Или – или. Средины нет!

Неужели партии нужно моё предательство? Неужели ленинец, большевик, коммунар должен быть предателем?

Нет. Нет. И тысячу раз нет!

Лучше лишусь партии, хотя это для меня равносильно политической смерти, но останусь честным. Пусть мои друзья не будут иметь возможности упрекать меня. Пусть в их глазах я останусь честным стойким революционером.

26/IX. Сегодня воскресенье, а мне с утра идти на работу. Отдел переезжает в дом профсоюзов.

Погрузка вещей на подводы, перетаскивание их в новое помещение, установка... Незаметно прошло время. В 2^{1/2}ч. – ушёл. Вернулся возмущённым.

Гриневич мне вручил письмо от М.(ихайлова) из Ленинграда. Оно оказалось вскрытым и заклеенным вновь. Это меня взорвало.

Проверять идущую на моё имя корреспонденцию, стараясь найти в ней что-то порочащее – подлость. Почему такое недоверие, с одной стороны, а с другой – работа в отделе (*ОГПУ*)? Не вяжется. После этого случая для меня стало понятным, почему я не получил 2-х писем с «посылками» от Г. из Л(*енинграда*). Они попали в руки К.(*онтерольной*) К.(*омиссии*) Чёрт с ними, получу, если нужно, ещё. Но как? Надо изыскать способ. Подумаю.

30/IX – 26 г. Все дни таскали в КК и окружком. Ничего не добились. Хотели взять на удочку, но ведь я держу ухо востро и на неё не попался – ребят не выдал. Наконец-то получил ответ на рапорт. Сегодня на работе часов около 12 ко мне подходит Филичкин и читает приказ: (почти дословно)

«Сотрудника окротдела Семёнова Дмитрия за манкирование службой (???) и оставление открытым своего кабинета подвергнуть аресту на 10 суток с исполнением служебных обязанностей. По окончании ареста направить в распоряжение ОК (*ВКП(б)*)».

Смешно! Неужели нельзя ставить прямо вопроса? Неужели нельзя сказать: «Может быть, арест сломит»?

«Манкирование»? В чём оно выразилось? Только в том, что меня в КК и окружкоме держали целыми днями (Иванову об этом было известно) и в силу этого я приходил на работу вечерами? Ведь не ходить по вызову Лагздина и Ноздрина я не мог! Как же я должен был действовать?

«Оставление открытыми дверей кабинета»? Ложь чистой марки! Подлость!

Я знаю порядки нашего органа и даже если уходил в соседнюю комнату – запираю дверь. Потом, неужели за это полагается десятисуточный арест, а не 3 наряда?

Я знаю истинную подоплёку ареста. Меня арестовали за то, что не умею пресмыкаться, лизать пятки и скрывать взгляды на вещи. Сталинцы на местах, партийные бюрократы, выработали ещё один способ «идейной» борьбы – каменный мешок! Труссы! Люди, держащиеся за свои места! Стремящиеся к улучшению своего благополучия, где ваша идейность? Вы надеетесь, что стены камеры сломят наше упорство? Заблуждаетесь! Они крепят в нас силу для новой борьбы!

Увеличивают уверенность в правоте начатого дела!

10 суток! Что ж, посидим, будем читать, писать, работать над собой.

Хорошо, что есть бумага, перо, чернила и свет. Что же ещё нужно? Правда, холодное помещение не располагает к письменному изложению своих мыслей, но как убить время? Может быть, отберут письменные принадлежности; тогда при всём желании написать хоть слово – не сможешь, пока использую возможность ведения дневника, а там хоть трава не расти. Случайно разговорился сегодня с П(*тровоным*?) и С(*енаторовым*?), оказались единомышленниками. Нашего полку прибывает. Жаль, что уехать придётся, а то бы развернули работу. Ну ничего. Поеду вернее всего в М-ск, там тоже «спать» не буду. Встречу Т.(*ихальскую*?), устроюсь на завод и, если она захочет, заживём вместе. Но... да что там. Приеду, встречу, поговорю, узнаю.

Сейчас 10 вечера. Мерцает лампочка, холодновато, тишина. Люди спят. И один я сижу, как зверь в клетке и бодрствую. Вот дверь... Только 1½ верхка отделяют меня от воли, а уйти не могу. Как ещё слаб человек! Не может преодолеть полуторавершковую полудеревянную, полужелезную преграду. Стыдно! Силы мало! [Эх, расправить бы плечи, сжать кулаки, двинуть, надавить и...] что за пустые мечтанья.

2/X Риск я люблю. Вчерашний вечер, осматривая свою камеру, заметил, что под досками, наваленными в беспорядке в углу, имеется какое-то углубление. Осторожно раздвинув их, установил подкоп. Вспомнил, что в этом подвале раньше был склад и через подкоп провели его «очистку». Яму засыпали. От нечего делать стал рыть – поддается. Через 2½ – 3 часа работы добрался до воли... На улице никого, проверка в 4 утра. Пошёл прогуляться. Встретил Т., он шёл в маскарад. Чёрт возьми! Эврика! Есть! Идея! Зашёл к нему. Взял костюм Пьеро и полёрлись. Весело провёл время – в 3 (*часа*) обратно. Осторожно влез. Вход зарывать не стал – прикрыл досками, за «выход» не боюсь, т. к. он в тёмном углу разрушенного колчаковцами дома. Решил каждый день выходить освежаться.

Сейчас только что вернулся в своё «зало» и засел писать. Чернил нет [куда-то исчезли ещё вчера днём]. Добыл карандаш, буду им царапать.

Сегодня произошёл интересный инцидент. По положению у арестованных отбирают все острые предметы и оружие. Мне предложили

сдать **наган** и перочинный нож; ответив «вещи мои, мне вы их не давали и поэтому не возьмёте» – отказался выполнить приказ [иначе как ходить ночью?] После толков, судов и разговоров – плонув, ушли. Я хохотал! И, пожалуй, первый раз в жизни так заразительно, что «бращка» (братия? – *А.Т.*) тоже не могла удержаться.

Написал письма *А.*, *Т. (ихальской?)* и матери, последней об аресте ни звука. Пишу, что, пожалуй, ненадолго заеду через месяц, и только.

Всё время думал о *Т. (ихальской?)*. Как-то там живётся «своейной» милости? Почему не пишет?

3/X Встал в 8^{1/2}. Выспался основательно, хотя было холодно. В 10 принесли передачу. Встретиться ни с кем не пришлось. Кто приходил? Ломаю голову. Ребят знакомых до чёрта, кто вспомнил? Откуда узнали? Неужели мой арест известен в Минусинске? Если так, то ребята примут соответствующие меры в целях конспирации себя, ибо [в] ок. (ротделе ОГПУ? – *А.Т.*) уже зашевелилось (после моей изоляции) с целью выявления «неблагонадёжных». Я уверен, что по списку, составленному ими, будут вызывать и говорить: «Сознался Семёнов, всё рассказал». Они способны на всё! Надо написать записку *Ч.* и передать ночью. Обязательно сегодня же! Во что бы то ни стало!

Сегодня дежурит *Гр-ч* (*Гриневич?* – *А.Т.*), парень хороший. Отпросился на 2 часа. Отпустил. Ребята все предупреждены. Воспрянули духом. О передаче не знают. Странно.

?/X Все дни прятал дневник, т. к. предполагался обыск. Произшёл он вчера в 11^{1/2} ночи. Явились **Мухачёв**, **Филичкин** и дежуривший **Думин**. Искали и... ни с чем ушли. После их ухода прошёл «прогуляться». В 2 ч. лёг спать.

Сейчас 8 ч. вечера «по-минусински», а в далёкой Москве только половина четвёртого. Здесь тишина, темь, обыватели на покое, там – кипящие, бурлящие, играющиеся толпы людей, спящих, торопящихся. Звуки рожков авто, шум трамвая, звон телефонов... Как бы я хотел послушать эту симфонию, но 5.500 вёрст отделяют меня от неё. Через час Танька будет дома. Вечером пойдёт на курсы, или в клуб, или в кино, а я сижу... Стены давят! Воздуху! Свободе! Жизни со всеми её курьёзами и ляпсусами! Откройте двери! К чёрту засов! Душно. Голова трещит... сердце усиленно бьётся... Шагаю по камере. Успокоиться не могу. Сегодня было 4 раза головокружение. Неважно, сил пока ещё хватит.

Сейчас 8. «Отсидки» – 13. Ничего, если высидел 17000 минут, остальное высижу. Всего мне дали 240 часов. 1.104.000 секунд пройдут бесцельно, а сколько бы пользы, за вычетом времени, уходящего для сна, я мог принести.

Сквозь решётку наблюдаю за звёздным небом. Оно сегодня необыкновенно красиво. По синему атласу кто-то разбросал мириады зёрен золотой чечевицы. Из гигантской невидимой трубки вылетают клубы дыма, заслоняющие временами блестящий стручок (*луны*). Скрывающийся великан, набрав воздуха, дует на землю, заставляя шептаться деревья. Кто-то метнул вверх блестящий камень, он пролетел, как мысль, оставив на миг светящуюся черту... Протока бурлит, волнуется, рвётся на простор, её, как и меня, удерживают стены... Спешит выйти на волю, обняться с Енисеем и, успокоившись его лаской, держать один курс.

Скучно! Дни тянутся долго. Скорей бы на волю. Надоело сидеть. Дни до невозможности похожи один на другой. Сегодня – как завтра, а завтра – как вчера.

18/X-26 г. С 10.10 (10 октября – *А.Т.*) свободен. Невозможно передать, что со мной творилось. Стремился всех обойти, со всеми поделиться моей радостью. 12.10 (12 октября – *А.Т.*) – по предложению Лагзина написал объяснительную записку в К.К. в очень резком тоне, но, к несчастью, что я думаю, то и пишу, не стесняясь резкости³, а с пятнадцатого (*октября*) меня «ушли» с работы, направив в распоряжение ОК [хотя ещё до сегодня безвозмездно работал, т. к. надо было помочь Кольке].

В конце занятий ко мне подошёл Филичкин, сообщив, что сегодня закрытое партсобрание, где будет разбираться вопрос о моём пребывании в партии. До шести осталось 15 минут, надо идти. Может быть, вернусь «бывшим»? Что ж делать? Ведь надо привыкать падать с высоты в бездну!

В 6 ч. 15 минут началось собрание, а в 8 ч. 54 минуты я стал беспартийным.

На собрании, как это было ни странно, присутствовали окружкомцы, вернее всего, боялись, что дело может принять невыгодный для них оборот.

В 7 ч. 12 минут началась разборка моих «нетактичных» поступков. Филичкин оперировал какой-то «справкой» из ОК, указывающей, что

у меня в личном партделе имеется выговор. (Сволочи! Неужели нельзя было не делать подлога, а когда я говорил, что это неправда, меня прерывали возгласами «не ври...», «у нас документ...», «нечего пыль в глаза пускать...» и т. п. Договорились до того, что я якобы имею связь с меками (!), кражу денег (*у меня*) в Красноярске превратили в растрату (мерзавцы), заикнулись о расконспирации работы (в чём она выразилась, так и не сказали, в этих обвинениях виновным себя не признаю, да было бы глупо говорить о расконспирации, раз её не было) и Мехедов дал заключительный аккорд – «Семёнов писал заявление Сорокиной о выходе из КСМ, он мне сам это говорил» (!?) Ложь! Ложь! и ложь на каждом шагу.

Оправдаться не дали. Приговор был заранее готов.⁴

Я знаю, что на основании подлога меня могут арестовать, посадить, а, может быть, и к стенке (ведь был бы человек, статья-то найдётся!)

Пришёл домой... Хотел писать открытое письмо... и... пустить пулю в лоб, но вовремя хватился. Ведь оправдать себя я и так не могу? Пуля возьмёт жизнь! Могут счесть за обывательщину! Не лучше ли борьба? Я выбрал последнее. К чёрту наган, нечего тратить пули, они ещё пригодятся! Ведь жизнь и (борьба – *зачёркнуто*) работа (ещё – *зачёркнуто*) впереди!

20/X Вызывали «раба грешного» в КК. Приехали из Сиб'а (*Новосибирска*). Говорят, что для разборки моего дела. Эх! Нужно ли было тратить такую уйму денег (командировочные, суточные, оплата билета в два конца)? Не лучше ли было вызвать меня в КрайКК, дешевле вышло бы?

Грецов и Лагздин применяли приевшийся метод, стараясь выявить, кто у меня был. Сообщить наотрез отказался. Просил дать копию справки в ячейку о «выговоре» – открутились, ссылаясь на ошибку. Хороша ошибка! Где же были ваши глаза, «многоуважаемые» т.т., когда вы просматривали личное дело?

С сегодняшнего дня стал загонять вещи. Скоро (если не посадят) поеду в Москву.

21/X Продажа вещей идёт туго. В наличии 22 рубля, на них далеко не уедешь. Надо будет искать работу (хотя здесь безработных масса) и скопить денег на дорогу.

Сегодня в 6 (*часов*) комсомольское собрание, вернее всего, будет разбираться мой вопрос. Что ж? Пусть «решают». Посмотрим, как

эта братия заговорит в будущем, когда всплывёт вся грязь, все подлоги, на которых построено моё обвинение.

С 2-х до 5½ был в последний раз в Мартыановском музее (*общезитии*), откуда пошёл в отдел.

Комсы собралось ещё мало. Ребятам откуда-то известно моё исключение. Встречаю массу сочувствующих взглядов.

6 ч. 15 м. Собрание открыто. Рогожин предлагает избрать председателя. Единогласно проходит моя кандидатура, несмотря на моё заявление об отказе «в связи с целым рядом причин». «Знаем, знаем, председательствуй... – кричат КСМ (*комсомольцы*), – ты ещё член Союза».

Веду собрание. Чувствую, что не в своей тарелке. Отчётный доклад бюро закончен. К(*онстантинов*) вносит предложение о пятиминутном перерыве, «необходимом для обсуждения кандидатур, намеченных в состав бюро». Возражаю. Большинством одного голоса (18 «за», 17 «против» при 11 воздержавшихся) проходит предложение Константинова, удалившегося вместе с Мехедовым, Филичкиным и Кузьминым в отдельную комнату. Перерыв окончен. Константинов берёт слово для внеочередного заявления и сообщает членам ячейки «новость» о моём исключении из рядов партии, предлагая меня переизбрать. Комса протестует. Слышны возгласы: «...Он ещё комсомолец... сами избирали... знаем, что исключён... Семёнову доверяем... пусть председательствует...»

Ставлю вопрос на голосование, подавляющим большинством предложение «дяди Коли» с треском проваливается. Мехедов не унимается, истерически кричит: «Что? Против партии идёте... сказано, переизбрать – и кончено... все поднимай руки...» (дословно).

Комсомолия напугана. Часть орёт о том, что «нечего затягивать собрание... вопрос решён...» Филичкин (не имея на то ровно никакого права) ставит вопрос на переголосование. Результат – 8 за переизбрание, 6 – против, 32 – воздержалось. Погирая руки, довольный «шпиндель» просит намечать новых кандидатов. Константинов, выдвинув Филичкина, предлагает закрыть список. Он «прошёл» (12 «за», остальные воздержались).

Нарушив самые основные принципы союзной демократии, прощали, в полном смысле этого слова, несмотря на возражения многих ребят, список, намеченный бюро.

После сообщения о том, что скоро будет на КСМ собрании вопрос о Семёнове, собрание закрыто. Ребята, окружив меня, спрашивают о исключении, о перспективах. Филичкин предложил всем разойтись (дипломатично).

22/Х-26 г. Сегодня меня предупредили повесткой о назначенном на завтра разборе моего дела. Невольно родилась мысль – стоит ли идти? Ведь решение есть. Я знаю, что меня исключат? Думаю всё-таки сходить на инсценировку суда. Интересно, как члены КК будут вести свои роли, выдержат ли их до конца.

Меня исключат! Что ж, одним меньше, одним больше – не всё ли равно. Ведь «рождённый ползать летать не может». Если они не могут выносить моих справедливых резкостей, если они прячутся за тихим спокойным стадом партийных овечек, то ясно, что один «непокорный» может расстроить их личное благополучие. Вспомнилась картина Годлера.⁵

«...Груда спящих тел, кругом тьма, молния огненными стрелами прорезает небо, всюду сверкают голодные взгляды диких зверей... но один проснулся... он гордо стоит среди спящих товарищей, сверля темноту...»

Масса, тёмная рабоче-крестьянская масса, когда же проснётся? Но долго ли будет длиться её сон?.. Скоро ли произойдёт пробуждение от тяжёлого кошмара?..

Сталинцы своими действиями сами взбудоражат трудовое море и тогда им несдобровать.

23/Х-26 г. С десяти в КК, в 12 приговор – исключить!⁶ Вышел совершенно спокойным... К этому я был готов. Взгляды на вещи после заседания во мне не изменились, наоборот, я убедился, что прав.

Сегодня т. Дорофеев сказал, что безработным по ж. д. – льготный проезд с 50% скидкой со стоимости билета. Надо будет в понедельник зайти к Афанасьеву и взять отношение о безработице. Если получу его и т. Ануфриев выполнит своё обещание о покупке на 1½ червонца книг, то я могу сказать, что «наши акции поднимаются».

Вечером ходил в клуб. Говорил кой с кем из ребят. В 10 дома читал Каутского «Путь к власти». Ещё не всю проработал, написана хорошо, но со многими положениями, выдвигаемыми им, согласиться, безусловно, нельзя.

24/Х-26 г. Келлерман⁷ устами одного из своих героев сказал: «...Надо уметь смеяться до безумия и плакать до отчаяния, но не отчаиваться и не становиться безумным...» Я не умею плакать – слёз нет, т. к. все уже израсходовал в детстве, но состояние, похожее на отчаяние, мною сегодня овладело. Получил письмо от М(ихайлова?) из Л(енинграда). Пишет о новом походе на оппозиционеров. Сталинская реакция распоясалась вовсю. Пачками гонят в глушь. Лашевич – комендантом Соловецкого лагеря, Мясников – в Томской тюрьме и т.д. [Чаша переполняется, ещё капля – и гнев массы выльется в открытое выступление против термидорианских главоверхов со Сталиным во главе.] Хочешь работать – нет поддержки. После исключения, формально оформленного постановлением ОкрКК, от меня отшатнулись почти все. Есть маленькая, ничего не значащая, неорганизованная группа ни на что не способных. Как быть? Неужели наше дело идёт насмарку? Неужели мозги массы, напичканные цекистской ерундой, будут долго ещё пребывать в тумане?

Неужели наконец ревизоры Ленинизма из Ц.К. сумеют придать учению Ильича необходимую им окраску?

Если сердца тысяч людей бьются в унисон, разве, слившись в одно, они (люди, владеющие этими честными сердцами) не могут совершить великое дело? Могут и обязаны. Наш долг – биться до конца, несмотря на все трудности борьбы! Наша обязанность – доказать, кто прав – и мы докажем!

24/Х. Сегодня общегородское закрытое партсобрание в Госкино. Решил не ходить. Может быть, я поступаю неверно, делая такой шаг? Но как же быть? [Слушать приевшуюся болтовню сталинских подголосков надоело до невозможности! Выслушивать «комплименты» насчёт оппозиционеров, пересыпанные магом, опостытело! Загушив на время огонь злости, очень часто пылающий внутри меня, разговаривая со своими бывшими товарищами по мысли и работе, строить весёлое лицо, когда внутри всё горит, рвётся наружу, я не могу! Как быть?]

Утром ходил к Афанасьеву, не застал. Забежал в отдел (ОГПУ) и говорил с т. Ивановым. Парень был очень любезен (может быть, это притворство с целью причинения большей боли при ударе?), согласился даже дать разрешение на мой фронтовой наган. Завтра зайду. Отъезд просил отложить до воскресенья, т. к. раньше выяснить вопроса обо мне не могут.

В 4 ч. получил телеграмму Щепкова из Кызыла. Пишет, что трубку и пр. выслал с Исламовым.

Хорошо бы он успел приехать до моего отъезда, если только он состоится.

В 9 ч. ходил к Т., вернулся от него возмущённым. К. передала, что Грецов на задаваемые ему вопросы обо мне говорил: «Семёнов – бывший анархист... Его отец с-р, это факт и т. д. ...»

Какая пошлость! Неужели и члены СибКК строят свои действия на лжи? Разве можно мне ставить в вину то, что 14-летним ребёнком я был в ассоциации (*анархистов*)? Что я тогда понимал? И разве моя последующая работа в Союзе (*комсомоле*) и партии не доказала, что я честный партиец? Разве я не заслужил (по смыслу: «искупил» – *А.Т.*) свою «вину» на фронте?

«Отец с-р»! Дальше этой лжи ехать некуда. Правда, я не знаю, к какой политической группировке принадлежит он, ибо мне (к моменту смерти отца – *А.Т.*) было только 1½ года. И потом, разве рабочий, вращающийся в кругу таких же рабов фабрики, как и он сам – мог быть эс-эром? Если даже допустить на миг мысль, что мог, то разве дети отвечают за дела своих родителей?

Завтра иду в КК для объяснений.

26/X-26 г. Объяснялся (по вопросу о эс-эртстве отца) с Грецовым. Говорит, что он якобы не заявлял определённо, а только делал предположение, т. к. «в то время Прохоровка была цитаделью эс-эровщины». Это с одной стороны, с другой, указав на мою прежнюю принадлежность к ассоциации, тем самым давал мне характеристику (!!?)

Предлагал, если мне дорога партия, выдать ребят в СибКК («останешься в партии»). («С пятном предателя!») – чуть не вырвалось у меня.)

Вечером заходили Г., Т. и Н. Благодарили за то, что скрыл имена ребят. Обещали помочь деньгами на дорогу.

27/X Сегодня был Над. (*ольский*) почему-то у меня. К этому парню недоверие, которое не стараюсь выказывать? Может быть, это объясняется тем, что парень любит порисоваться, прихвастнуть, выдвинуть себя на первый план, стушевав остальных? Возможно.

Он мне принёс свои стихотворения. Читая их, он упивался детским восторгом, время от времени, прерывая чтение, восклицал: «...Что? Здорово? Мы и почище (*1 слово нрзб*) накагаем». Переписывая часть

из них в тетрадку, просил, «если кто будет спрашивать, чьи стихи, скажи, мои и укажи адрес, ведь он тебе известен».

Услыхав это, невольно вспомнил гоголевских Добчинского и Бобчинского, просящих Хлестакова: «...Э-м-м-м... будете в Петербурге, обязательно скажите, что в таком-то городе проживает Пётр Иванович Добчинский...» «И Пётр Иванович Бобчинский...» – с расплывающейся до ушей улыбкой просит Пётр Ив. №2».

ПРИЛОЖЕНИЯ К ДНЕВНИКУ ЧЕКИСТА

Приложение 1

Песня о ВЧК

В тиши ночной среди Лубянки
Через туман издалика
Кровавым светом блещут склянки,
Алеют буквы «ВЧК».

В них сила сдавленного гнева,
В них мощь озлобленной души,
В них жуть свирепого напева:
«В борьбе все средства хороши».

Чарует взор немая сила,
Что льют три алых огонька,
Что массы в битве вдохновила,
Чем власть советская крепка.

К чему сомненье и тревога,
Зачем унынье и тоска,
Когда горит спокойно, строго
Кровавый вензель «ВЧК».
В. Надольский (не позднее 1926 г.)

Архив УФСБ по Новосибирской обл., д. п-15206 по обвинению Д. Н. Семёнова, пакет (рукописный текст чернилами в стандартной ученической тетради, л. 1-36).

Приложение 2

21/1-28 г.

Сегодня четырёхлетие со дня смерти Ильича. Сегодня СССР опять надел креп, облёкса в траур.

Четыре года! Только четыре! А как будто бы это было вчера, помнишь отчётливо каждую мелочь 7 дней. Четыре года! Так мало прожито, так много пережито за этот короткий промежуток времени.

За окном, как и тогда, плачут гудки... Сколько скорби, слёз и боли в этой грустной симфонии.

*Ленин уумер...
Нет Ильичааа...
Дело живёёт...*

Живёт ли? Семья, брошенное им, затоптано, ростки его дела, его мыслей стремятся сорвать. Вместо Ленинского красного мака вырастают сталинские розоватые «цветы» шиповника. Плохо приходится тому, кто вспомнит о маке, вспоенном кровью трудящихся, растущим на их костях, пропитанным кровью лучших из лучших.

Славный герб хозяев мира – серп и молот – на деле заменён тюремной решёткой. Политиканствующие ревизоры ленинизма придали учению Вождя Вождей нужную им окраску.

Тюрьмой и ссылкой борются они с теми, кто стоит на их пути.

Нет Ильичааа... - надрываются железные глотки паровозов.

Жив сталиниизм... - вторит им звонкий тенор кирпичного (*завода*).

22/1-28.

«Чем огромнее слон, тем сильнее претензии мосек на храбрость» (Белинский).

Да, гениальный критик прав! Огромнейшая, сметающая всё на своём пути лавина оппозиционных настроений (пока ещё полускрытых, ибо масса забита, запугана поднимающим голову термидором) заставляет кой каких «мосек» принимать вид «храбрецов», несмотря на сжимающие сердце спазмы, кричать о «троцкизме», «меньшевизме» и прочей ерунде.

«Люди, идущие на раскол, больше всего кричат об объединении» (Энгельс).

1/1-1929 г.

Сегодня новый год. 1929-й! Но, в сущности, изменилась только последняя цифра – вместо восьми – девять, а остальное? Остальное по-старому. Но долго ли так будет продолжаться?

С чем мы пришли к 1/1? С курсом влево, с огнём по кулаку, с самокритикой и пр., и пр.

Запоздалый манёвр. Надо было это делать 3 года тому назад!

Нас обвиняли во всех семи смертных грехах человечества, на нас лили грязь, нами чуть ли не пугали детей, над нами смеялись, на нас плевали, нас называли контрреволюционерами, наши предложения – меньшевистскими...

Прошедший год целиком и полностью подтвердил нашу правоту. Термидорианские элементы подняли голову, кулак распоясался. Волей-неволей пришлось изменить курс. «Лучше поздно, чем никогда», – говорят некоторые люди, но, по-моему, «лучше вовремя, чем поздно». Ибо когда **поздно**, тогда вряд ли предпринятые с опозданием шаги приводят к желанному результату. Капитулянты пристроились, а Вожди? В глуши, в ссылке, оторванные от кипучей работы, но «звёзды погасли уж давно, но всё ещё блестят для толпы», состоящей из людей, у которых ничего нет, кроме пары рук. Масса увидела, кто был прав, и имена Л.*(енина?)*, С.*(талины?)* и др. не сходят с её уст.

А И. С.*(талины?)*? Приспособливается, строит «политику» (вправо, влево – как маятник).

Наверное, Чехов намекнул на ему подобных, когда говорил: «самолобие и самомнение у нас европейские, а поступки и развитие азиатские»⁸, «тебе поверят, хоть лги, только говори с авторитетом». Что нам даст двадцать девятый?

Архив УФСБ по Новосибирской обл., д. п-15206, пакет (рукопись).

Приложение 3

Выписка - 15/VIII – 1926 г.

В частной беседе с барышнями некий Семёнов Дмитрий, служащий в ГПУ, рассказывает, что он был в Англии по командировке из Центра в политических целях и ввиду его полезной деятельности в 1924 году теперь командировается для подпольных работ в Болгарию. Хотя эта работа ответственная и опасная, но зато доходная!!

Верно:
Вр. Нач. Окротдела
(Иванов). *Подпись*
20 сентября 1926 года.

Выписка - 9/IX – 1926 г.

В конце августа м-ца с/г. при встрече с политссыльной Кемпер Розой на улице она мне сообщила новость о том, что как будто бы Семёнов ей сказал, что он встал в оппозицию, за что его будут высылать из Минусинска, при этом заявила, что Семёнов очень развит и прав в этом.

Сегодня, т. е. 9-го сентября пришёл ко мне политссыльный Рабинович Самуил Исакович, последний на мой вопрос, какие имеются новости, ответил, что Семёнов встал за оппозицию, об этом ходят разговоры. -

Верно:
Сведения проверены дважды и подтвердились. -
Вр. Нач. Окротдела *Подпись*
[Иванов].
ГАНУ, ф. п-6, оп. 2, д. 2975, л. 48 (машинописные копии).

Приложение 4

В Сибирскую Краевую Контрольную Комиссию
б. члена ВКП[б] Минусинской горорганизации
п/б №690512
Семёнова

Объяснение

С момента исключения меня из рядов партии я многое обдумал, взвесил и пришёл к определённом выводу, что я был не прав. В силу этого, несмотря на имеющееся сомнение по вопросам о кулаке, демократии и бюрократизме, я, как честный партиец, решил без уловок и дипломатических приёмов, недоговоренности и двусмысленности всё сказать КрайКК.

В начале мая 1926 г. я находился в командировке в г. Москве (по линии ОГПУ) и встретил там бывшего рабочего, исключённого из

ВКП(б) за оппозиционную работу, т. Михайлова Петра. Переговорив с ним, я был возмущён (увидя одну сторону медали) теми приёмами, которые применяло ЦК к своим идейным противникам. Решил об этом поговорить в Минусинске с товарищами, сочувствовавшими оппозиции. В начале августа п/г. у меня на квартире собрались т.т. Колачев Андрей, Тихальская Наталья (в настоящий момент оба в г. Киеве), Беляев, Артемьев, Сорокина Марфа, Илюхин и другие четыре товарища, фамилии которых не знаю (всех я пригласил не для собрания, а для товарищеской вечерки по поводу вступления мною в совместную жизнь с Тихальской). За чаем зашёл разговор о том, за что я попал в Минусинск, я рассказал. Разговор перешёл на взгляды оппозиции, стали читать отрывки из книг «Ленинизм», «Философия эпохи» и некоторые предсъездовские №№ «Ленинградской Правды», после чего разошлись. Оформления этой группы собравшихся во фракцию не происходило. Я думал это сделать после выявления истинного лица присутствовавших.

В этот же раз читали письма, полученные мною от Александра Буш(а) (в Ленинграде) и Киселёва (имя не знаю, там же, сейчас куда-то переброшен), где они писали о работе оппозиции.

Разлагающей работы среди КСМ я не вёл, точно так же отрицаю якобы бывший разговор с (И.) Китайкиной⁹. С ней, мешанкой до мозга костей, говорить на такие темы я и не собирался.

В своей объяснительной записке в Мин.(усинскую) ОкрКК я был очень резок, но это было вызвано моим арестом.

Признавая за собой целый ряд ошибок, прошу КрайКК восстановить меня в правах члена Ленинской партии, тем самым дав мне возможность исправить свою вину.¹⁰

24/III – 27 г. Семёнов
ГАНУ, ф. п-6, оп. 2, д. 2975, л. 10 (рукопись).

Приложение 5

Из заявления арестованного Д. Н. Семёнова начальнику секретно-политического отдела (СПО) УГБ УНКВД по Запсибкраю С. П. Попову от 2 февраля 1935 г.

«... (После убийства Кирова) во мне боролись 2 противоречивых чувства: с одной стороны, осуждение убийц (я никогда не был сторонником

индивидуального террора), с другой – некоторое удовлетворение тем, что «одним сталинцем стало меньше». Вечером 2 или 3 января я, взяв имевшийся у меня оппозиционный материал (завещание Ленина и дневник «Предательство или партия») пошёл в НКВД. Я дошёл уже до комендатуры, (но) раздумав, вернулся обратно. Я хотел сказать, что я враг, враг-одиночка, но мысль о том, что «я иду на поклон к сталинцам, зажавшим в крепкий кулак внутрипартийный режим» – удержала меня от этого шага и я ушёл домой. Там был припадок – результат чрезмерной напряжённости нервов. (...) *(В тюрьме)* продумав каждую фразу, каждую мысль *(сталинских)* «Вопросов ленинизма», я пришёл к выводу о том, что являюсь объективным рупором контрреволюции... по существу своему я сам был контрреволюционером. (...) Я знаю, что заслужил суровой кары и не боюсь её. Но элементарные правила политической честности заставили меня признать то, о чём я пишу. Пусть ваш приговор будет суров... я приму его как заслуженное».

Архив УФСБ по Новосибирской обл., д. п-15206, л. 52 – 53 (рукописный подлинник).

Приложение 6

**Из заявления арестованного Д. Н. Семёнова
начальнику СПО УГБ УНКВД по Запсибкраю С. П.
Попову от 7 марта 1935 г.**

«(...) Я, считавший себя большевиком-ленинцем, защитником интересов рабочего класса, очутился в одной компании с меньшевиками, кулачьём, шпионами, бандитами, валютчиками и т. п. отрепьем. (...) ДПЗ явился для меня хорошей школой политграмоты. Я стал другим и к своему контрреволюционному прошлому не вернусь. Оно мерзко, отвратительно. Упорной честной работой я хочу загладить свою вину перед партией и рабочим классом. В ссылке мне это будет сделать очень трудно, так как трудящиеся станут меня сторониться как врага; мне не будут доверять, меня будут отталкивать. Поэтому я прошу НКВД дать мне возможность доказать своё исправление в одном из концлагерей. Я знаю, что в лагерях очень строгий режим... что в лагерь направляют открытых врагов Революции (я им не являюсь), но в их окружении мне значительно легче будет доказать, что я

не враг, что я встал на путь борьбы со своим мрачным контрреволюционным «вчера»

Прошу не отказать в моей просьбе».¹¹

Архив УФСБ по Новосибирской обл., д. п-15206, л. 56 – 56 об. (рукописный подлинник)

БИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авгул Георгий Филиппович (1896 - ?). Чл. компартии с 1918. Из семьи сапожника, латыш, образование начальное. Рабочий, с 1915 служил в российской армии, в 1918-19 в РККА. С 1920 уполномоченный по политпартиям и следствию Татарского и Славгородского политбюро Омской губЧК. С 1921 дежурный комендант Омской губЧК, уполномоченный Омского губотдела ГПУ по Татарскому и Омскому уездам. В 1925-28 зам. нач. Минусинского окротдела ОГПУ; на 1929 пом. нач. ИНФО ПП ОГПУ Сибкрая.

Банкович Янис Мартынович (1883 – 20.11.1938). Чл. компартии с 1902. Из рабочих, латыш, образование начальное. Чл. Рижского и Федеративного парткомов ЦК Латышской СДРП, арестован в 1906 в Риге, осуждён на 8 лет каторги. С 1917 товарищ комиссара труда Латвии. В 1918-19 уполномоченный ВСНХ РСФСР. С 1919 нач. Особотдела ВЧК 15-й армии. С марта 1920 зам. пред. Енисейской губЧК, в 1920-21 зав. отделом управления Енисейского губисполкома. С 1924 чл. и зам. пред. СибКК РКП(б). В 1928-30 пред. Иркутского окрисполкома. С 1930 зам. торгпреда СССР в Турции, с 1932 пред. Одесской облКК ВКП(б). В 1934-37 секретарь Воронежской облКК ВКП(б), снят с работы за «примиренчество к врагам народа». Арестован 7.1.1938, расстрелян. Реабилитирован 13.10.1956.

Грецов Алексей Никанорович (1885 - ?). Чл. компартии с 1905. Уроженец Дмитриевского уезда Московской обл. Рабочий, русский, образование начальное. Работал литейщиком. В 1917-18 чл. Енгубисполкома и Чрезвычайной следственной комиссии при губисполкоме, чл. Енисейской губЧК. В 1920-21 служил в РККА. С 1925 партследователь и чл. партколлегии СибКК ВКП(б). В 1929-30 секретарь партколлегии Иркутской окрКК, в 1931-34 зам. секретаря, секретарь партколлегии Вост.-Сиб. крайКК ВКП(б). С 1934 чл. партколлегии КПК по ВСК, в 1935-37 секретарь ПК КПК ВКП(б) по ВСК.

Арестован 13.1.1938, по ст. 58-10-11 УК осуждён на 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 13.4.1963.

Думин Александр Андреевич (? - ?). Чл. компартии с 1926. С 1920 служил в войсках ВЧК-ОГПУ, телефонист. С 1926 нач. Минусинского и Ачинского пунктов фельдсвязи ОГПУ. До 1937 нач. Ленинск-Кузнецкого пункта фельдсвязи, с марта 1937 нач. экспедиции связи Сталинского ГО УНКВД ЗСК. По словам Д. (в июле 1938): «...Больше всего я принимал участие в особых оперативных мероприятиях УГБ... немного работал на следствии». С 1938 нач. пункта связи Нарымского окротдела УНКВД НСО.

Зинуков Николай Никитович (1890 - ?). Чл. компартии с 1920. Из крестьян, русский, образование среднее. Работал чернорабочим и канцеляристом. С 1913 служил в российской армии, с 1918 в РККА, с 1919 в угрозыске Новосильского уезда Тульской губ., «раскрыл два белогвардейских заговора». В 1921 нач. Сибирского отделения угрозыска Республики. С 1922 работал в Секретном отделе Омского губотдела ГПУ, нач. ЭКО и СО там же. С 1924 зам. нач. Омского губотдела ОГПУ. В 1925-28 нач. Минусинского окротдела ПП ОГПУ Сибкрая, 15.9.1928 был уволен из ОГПУ за допущение пьянства в аппарате окротдела. На 1934 нач. политотдела УРКМ УНКВД по Средне-Волжскому краю.

Зоф Вячеслав Иванович (1889 – 20.6.1937, Москва). Чл. компартии с 1913. В июле 1917 организовал тайный приезд Ленина в Разлив. С 1919 чл. РВС Балтфлота, в 1924-26 нач. ВМС и чл. РВС СССР. С 1927 пред. правления «Совторгфлота», зам. НКПС СССР, зам. наркома водного транспорта СССР. Директор завода «Компрессор» в Москве, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

Иванов Александр Гаврилович (1898 - ?). Чл. компартии с 1919 (с 1917?). Из рабочих, русский, образование начальное. Ученик ювелира, с 1916 токарь в Петрограде. Участник Февральской революции; красногвардеец. С 1919 в РККА, политработник; участник подавления Ишимского восстания. С 1921 уполномоченный по общим и военным делам Татарского политбюро Омской губЧК. На 1922-23 уездный уполномоченный Омского губотдела ГПУ по Татарскому уезду. В 1925-28 уполномоченный секретного отделения и зам. нач. Минусинского окротдела ПП ОГПУ Сибкрая.

Константинов Николай Петрович (1900 - ?). Канд. в чл. компартии с 1923. С 1919 следователь РВТ Восточного фронта и юридического отдела Омской губЧК. В 1920-21 уполномоченный и нач. отдела по борьбе с бандитизмом Омской губЧК. В 1923 обвинялся во взяточничестве. На 1925-26 пом. нач. ИНФО ПП ОГПУ Сибкрая. На 1927-29 уполномоченный КРО Минусинского окротдела ОГПУ. С 1929 уполномоченный ЭКО ПП ОГПУ Сибкрая.

Лагздин Эдуард Фрицевич (1893 – 21.10.1937). Член компартии с 1908. Латыш, образование начальное. Работал пастухом и печником. В 1914 мобилизован в российскую армию, в 1915 дезертировал. С 1924 чл. Томской губКК РКП(б), с 1925 (и на 1927) пред. Минусинской окрКК ВКП(б). На 1937 прокурор Курагинского района Красноярского края, арестован и расстрелян. Реабилитирован.

Лашевич Михаил Михайлович (1884 – 30.8.1928, Харбин). Чл. компартии с 1901. В 1917 чл. Петроградского ВРК, чл. Президиума ВЦИК, затем в РККА – командарм, чл. РВС фронтов. В 1922-25 пред. Сибревкома и ком. войсками СибВО. С 1925 зам. наркомвоенмора и зам. пред. РВС СССР. В 1918 чл. ЦК РКП(б), 1925-27 канд. в чл. ЦК ВКП(б). В 1926-28 зам. пред. правления КВЖД. В 1927 исключен из ВКП(б), в 1928 восстановлен. Погиб в результате дорожно-транспортного происшествия.

Лелевич Г. (Калмансон Лабори Гилелевич) (1901 – 10.12.1937, Москва). Чл. компартии в 1917-28 и 1930-35. В годы гражданской войны партработник, печатался с 1917. Поэт, критик вульгарно-социологического толка; один из лидеров журнала «На посту» и ВАПП. За участие в троцкистской оппозиции в 1928 выслан на 3 года, в 1930 досрочно освобождён. На 1934 зам. директора НИИ нацкультуры при ЦИК Дагестанской АССР, после убийства Кирова был осуждён на 5 лет заключения. Повторно осуждён и расстрелян. Реабилитирован.

Мехедов Николай Ильясович (Ульянович) (1908 - ?). Канд. в чл. компартии с 1931. Из крестьян, образование начальное. В 1926-30 делопроизводитель Минусинского окротдела ОГПУ, в 1930-32 райуполномоченный ПП ОГПУ ЗСК по Абаканскому р-ну; снят 7.2.1932 за ложную информацию и склоку, арестован на 15 суток. В 1932-36 оперуполномоченный особотдела 78-й стр. дивизии при Томском оперсекторе ОГПУ-НКВД, мл. лейтенант ГВ. В 1937 сотрудник УГБ Бийского РО УНКВД ЗСК.

Мухачёв Трофим Селивёрстович (1894 – ?). Чл. компартии с 1919. Из рабочих, русский, образование начальное. С 1918 сидел в колчаковской тюрьме, бежал. В 1919 партизан в Алтайской губ. В 1921 нач. Верх-Чумышской (Кытмановской) раймилиции Алтайской губ., в 1921-22 комендант концлагеря принудработ (Алтайская губ.). На 1926, вероятно, сотрудник Минусинского окротдела ОГПУ. На 1932 сотрудник Транспортного отдела ПП ОГПУ ЗСК в Новосибирске. На 1937 директор новосибирского Мехторга. На 1962 пенсионер в Новосибирске, пред. бюро секции истории гражданской войны и чл. совета военно-научного общества Дома офицеров СибВО.

Мясников Гавриил Ильич (1889 – 16.11.1945, Москва). Чл. компартии в 1906-22. Из бедной семьи, русский, образование начальное. Рабочий, профессиональный революционер. Пред. Мотовилихинского совета рабочих депутатов, в 1920 пред. Пермского губкома РКП(б). В 1918 организовал похищение и убийство великого князя Михаила, также организатор убийств архиепископа Андроника и ряда специалистов Мотовилихинского завода. Лидер оппозиционной группы «Рабочая правда», за критику властей арестовывался в 1922 и 1923. В 1923-27 отбывал заключение в Москве, Томске, Вятке, затем сослан в Ереван, откуда 7.11.1928 бежал за границу. Находился в иранских и турецких тюрьмах. В 1930-44 жил во Франции, работал на заводах. В янв. 1945 обманом вывезен в СССР, сразу арестован и расстрелян.

Надольский Владимир Андрианович (? - ?). Чл. компартии. В революционном движении с 1912. В 1917-18 маркшейдер на Кольчугинских коях в Кузбассе. Летом 1918 организовал Кольчугинский фронт и две недели защищал рудники от белочехов. Пленён и арестован, после 7-месячного заключения бежал и скрывался. Перешёл линию фронта и воевал в составе 5-й армии Восточного фронта. С нояб. 1919 служил в Петропавловской уездЧК, затем в Омской губЧК. С 20.2.1920 следователь Славгородской уездЧК Омской губ. С 1.5.1920 зав. Кузнецкой уездчека и политбюро Томской губ., нач. уездмилиции. В сент. 1920 снят с должности и привлекался к суду за самовольный арест уездного продкомиссара. На 1921 пред. Томского губревтрибунала, в июле 1921 губкомом РКП(б) снят как неблагонадёжный с передачей дела в ТомгубЧК.

Николаев Леонид Васильевич (1904 – 29.12.1934). Чл. компартии с 1924. Работал в советских и партийных учреждениях

Ленинграда. 1.12.1934 из личной мести в Смольном застрелил С.М. Кирова, арестован. Расстрелян. Не реабилитирован.

Ноздрин Михаил Михайлович (1885 - ?). Чл. компартии с 1905. Русский. Арестовывался за антиправительственную деятельность, трижды бежал из ссылки. В 1918-20 командовал партизанским отрядом в Енисейской губ. С 1920 зав. орготделом и секретарь Иркутского губкома РКП(б). В 1922-25 ответственный секретарь Донского и Ставропольского губкомов РКП(б). В 1925-26 секретарь Минусинского окружкома ВКП(б), затем секретарь Новосибирского окружкома и Анжерского РК ВКП(б). С 1932 зав. отделом кадров Запсибкрайкома ВКП(б), с 1933 первый зам. пред. крайсуда ЗСК. На 1939 зав. сектором кадров конторы Госбанка по Новосибирской обл.

Попов Серафим Павлович (1904 – 29.1.1940, Москва). Капитан ГБ (1937). Чл. компартии с 1928. Русский. До 1932 в ПП ОГПУ по Центрально-Чернозёмной обл., затем нач. отделения в СПО ПП ОГПУ ЗСК. С 1935 пом. нач. и зам. нач. СПО, с 1.2.1937 нач. СПО УНКВД ЗСК; с мая 1937 одновременно врид нач. Особотдела ГУГБ НКВД СибВО. С июня 1937 нач. Барнаульского оперсектора УНКВД ЗСК, с 7.10.1937 нач. УНКВД по Алтайскому краю. Арестован 23.12.1938, расстрелян. Не реабилитирован.

Семёнов Дмитрий Николаевич (1904 – после мая 1982). Чл. компартии с 1923, чл. ВЛКСМ с 1920. Из рабочих, русский, образование начальное. Отец погиб в 1905, мать – грузчица почтамта в Москве. В 1918-19 чл. ассоциации молодых анархистов в Москве. В течение полугода находился в партизанском отряде на Украине, с 1921 доброволец РККА, политрук роты. С 1923 комсомольский работник в Саратове и Шадринске (зам. секретаря окружкома). В апреле - октябре 1926 уполномоченный секретного отдела Минусинского окротдела ОГПУ. На 1932 руководил Хакасским облсоветом Союза воинствующих безбожников. На 1934-35 методист крайсовета Союза воинствующих безбожников в Новосибирске. Арестован 5.1.1935 за «антипартийную контрреволюционную деятельность». ОСО при НКВД СССР был осуждён по ст. 58-10 УК на 5 лет ИТЛ и отправлен в Дальлаг НКВД. На 1982 жил в Москве. Реабилитирован.

Сенаторов Константин Иванович (1891 - ?). Чл. компартии с 1920. Русский, образование начальное. На 1922 регистратор

Минусинского политбюро Енисейской губЧК. С 1928 (и на 1932) райуполномоченный ПП ОГПУ Сибкрая-ЗСК по Курагинскому р-ну Минусинского округа.

Филичкин Максим Максимович (? - ?). Канд. в чл. компартии с 1924. Из бедных крестьян. На 1926 секретарь и парторг Минусинского окротдела ОГПУ. На 1927-29 сотрудник Томского окротдела ПП ОГПУ Сибкрая.

Цедербаум Юлий Сергеевич (1907 – 1940). Сын С.О. Ежова (Цедербаума), отбывавшего ссылку в Минусинске в 1925-27. Арестован 28.4.1937 в Московской обл.

Шевелев-Лубков Василий Павлович (1892 – 22.7.1938). Чл. компартии с 1917. Из крестьян, русский, образование начальное. Участник Первой мировой войны, подпрапорщик, награждён Георгиевским крестом. В 1918 создал партизанский отряд, до конца 1919 действовавший в Мариинском, Кузнецком и Щегловском уездах Томской губ. С дек. 1919 ком. повстанческой армии из 8 тыс. чел., реорганизованной в Томскую советскую партизанскую дивизию. В сент. 1920 арестован чекистами, вскоре освобождён. В 1920-21 зам. председателя Щегловского (Кемеровского) совета рабочих и крестьянских депутатов, организатор «красного бандитизма», практиковал, опираясь на бывших партизан, массовые бессудные расправы над «контрреволюционерами». В 1926 чл. правления Сибохотсоюза, 25.9.1926 исключён из ВКП(б) в Новосибирске за связь с внутривнутрипартийной оппозицией. В 1930-х нач. строительства мельничного комбината в Сталинграде, арестован в 1936. Допрашивался в Новосибирске. ВК ВС СССР 22.7.1938 по ст. 58-2-8-11 УК был осуждён к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

Янайт Альфред Карлович (1904 - ?). Чл. компартии с 1923. Из рабочих, латыш, образование начальное. Работал кузнецом. С 1920 работал в Томском губкоме РКСМ, секретарь РК КСМ в Колпашеве и Томске. С 1925 секретарь Минусинского окружкома ВЛКСМ.

Ястржембская Мария Вячеславовна (1903 - ?). Чл. компартии с 1925. Окончила 5 кл. гимназии. В 1925 секретарь правления Минусинского отделения профсоюза работников искусств. В 1926 машинистка Минусинского окротдела ПП ОГПУ Сибкрая.

*Публикация и комментарий
А.Г. Теплякова (Новосибирск)*

К 185-летию Ф.М. Достоевского

Виктор Вайнерман
ДОСТОЕВСКИЙ В ОМСКЕ

Воспоминания, легенды и мифы

Уникальный материал для изучения биографии Ф.М. Достоевского дают воспоминания современников. Особую ценность имеют те из них, что посвящены сибирскому периоду его жизни. В это время Достоевский был вырван из круга родных и близких ему людей, потерял прежних друзей и знакомых. Он был помещён в чуждую, и если не враждебную, то неведомую среду. Жизнь для него начиналась с чистого листа...

Встреча сибиряков с писателем, с живым человеком, до тех пор известным лишь по произведениям, опубликованным в «Петербургском сборнике» и «Отечественных записках», произошла в очень непростое для него время. Он находился в точке переосмысления всей своей прежней жизни, всех прежних отношений с обществом, на грани перелома и перерождения всех прежних убеждений. Каторга и последующая солдатчина подвергли суровому испытанию и сугубо человеческие качества Достоевского, и его ощущение себя представителем определённого класса и определённой социальной группы. В Омске автору «Бедных людей» помогали, в основном, дворяне. Он не мог принимать эту помощь естественно, в простоте душевной. Ведь он, в прошлом дворянин, сослан в арестантские роты, лишен всех прав и закован в кандалы. Унижен и оскорблён... Одно дело, когда тебе подаст копеечку такая же нищая, бесправная девочка, другое дело, когда милость окажет человек, облечённый властью. Не хочет ли он, подавая, указать тебе твоё настоящее место?..

В свою очередь, огромная масса каторжан из простонародья, тоже ошельмованная, да ещё и клеймённая, «не могла устать в преследовании» бывших господ. Не будучи человеком выдержанным, уравновешенным, а, напротив, страдая от собственной чувствительности по отношению к окружающему, Достоевскому нелегко было сохранить, с одной стороны, доброжелательность, сердечность и человеколюбие по отношению к тем, кто стремился протянуть ему руку помощи, с другой – не озлобиться и не ожесточиться на преследователей и гонителей... Достоевский в сибирскую пору своей жизни – в некотором роде литературный персонаж, все чувства

Лавры иногда пускают корни в голову.

Станислав Ежи Лец

которого обострены до предела, все прежние убеждения подвергаются сомнению, каждый миг в настоящем может оказаться последним, и свобода в будущем кажется столь же ослепительно прекрасной, сколь недостижимой. Когда он впоследствии напишет о «горниле испытаний», сквозь которое прошла его «осанна», мы понимаем, что он пишет о своём пути к истинной вере, к отказу от бунтарства, к смирению и всеприматию...

Интерес к Достоевскому в Сибири традиционно проявляют не только профессионалы – литературо- и краеведы, журналисты, но и обычные читатели. Любопытство последних носит иногда болезненный характер. Обыватель хочет знать все слабости известного человека, всю подноготную его поступков. Он пытается, подглядывая в замочную скважину, увидеть то, что может оправдать его собственное, далеко не всегда образцовое поведение.

Как вёл себя на каторге и в последующей солдатчине закатый в тиски жёстких административных требований и лютой ненависти тот, кого мы называем властителем дум, тот, кто сам себя считал пророком? Не подличал ли в трудную минуту? Не становился жестоким, трусливым? Не кичился своим превосходством над слабым и не унижался ли перед сильным?... Быть может, именно обывательское любопытство и породило столько слухов и легенд, связанных с пребыванием Достоевского в Сибири? До сих пор некоторые местные краеведы не желают ничего слышать о страданиях Достоевского на каторге и в солдатах. Он, мол, здесь, как сыр в масле катался. Недавно автор из Алматы принёс мне для ознакомления рукопись своей статьи о Достоевском. В ней, в частности, говорится, что Достоевского «распределили при комендатуре, как знающего иностранный язык, с жильём и основным занятием уборкой улиц». Вместо ответа на вопрос, откуда почерпнул столь ценную информацию, автор ступешался и обещал изменить в статье этот фрагмент... Известный омский краевед постоянно сообщает детям, для которых проводит экскурсии по крепости, о том, что Достоевский, якобы, находился в Омске на каторге только номинально. Что мол, это за наказание, если арестант ходит в гости к начальству, работает не на каторжных работах, а в канцелярии, так сказать, по основной специальности... Имея на руках документы, позволяющие категорически не согласиться с подобными

утверждениями, смею заявить, что Достоевский ходил работать не только и не столько в канцелярию. Что в гости к начальству он не ходил, и, в лучшем случае, его могли позвать куда-нибудь к чёрному ходу, потому как за каждым шагом самого начальства пристально следили желающие подняться на ступеньку иерархической лестницы повыше. И что в живых среди каторжан он остался вовсе не благодаря помощи омских друзей, а лишь благодаря своему умению «быть человеком между людьми». И всё же от себя добавлю, что, вероятно, Достоевскому историю болезни из военного госпиталя на руки выдали по знакомству. Иначе она сохранилась бы в архивах, подобно «Статейным спискам арестантов Омского острога». Зачем понадобился Достоевскому его «Скорбный лист» (история болезни)? Наверно, потому, что недавний обожатель Миннушек и Кларушек¹ хотел бы скрыть, какую именно болезнь он лечил в арестантской палате. Хотя в сохранившемся письменном источнике определённо сказано, от какой именно болезни принимал лекарства в арестантской палате омского военного госпиталя прославленный автор «Бедных людей»...

Воспоминания об омских годах Достоевского можно разделить на две группы. Первая — это воспоминания, написанные теми, кто встречался с писателем в Омске. Момент авторской записи особенно важно подчеркнуть, потому что уже в первом пересказе трудно сохранить интонацию очевидца, а ведь некоторые воспоминания записаны со вторых и даже с третьих слов.

Ко второй группе как раз и относятся такие воспоминания, то есть, повторюсь, это воспоминания, записанные со слов очевидцев другими людьми. Впрочем, деление на группы может производиться и по иному принципу: например, по хронологии изложенных в них фактов или по времени публикации, по достоверности воспоминания как документального источника и т.д.

Много интересных сведений содержат письма, адресованные Достоевскому, а также переписка его друзей. Они, казалось бы, не являются мемуарами, т. к. содержат сведения об очень близком прошлом. Но все-таки о прошлом. Поэтому мы не раз будем обращаться к письмам, деля их по избранному принципу — рассказ о собственном отношении или поступке и пересказ услышанного от других.

В первой группе единственные законченные воспоминания принадлежат перу Шимона Токаржевского, поляка, товарища Достоевского по омскому острогу.² Впервые на русском языке они были частично опубликованы в шестом томе сборника «Звенья» за 1936 год. В.Б. Арндт перевёл на русский язык две главы из книги Ш. Токаржевского «Воспоминания каторжанина», изданной в 1911 году в Польше. Это не единственное обращение Токаржевского к годам, проведенным в Омске. В 1902 году на польском языке вышла его книга «Семь лет каторги», где также шла речь о Достоевском. Об этой книге и её первом переводе на русский язык мы поговорим чуть ниже.

Читатели, знакомые с «Записками из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского, с любопытством прочтут воспоминания Токаржевского. Их автор идёт вслед за Достоевским, описывая некоторые эпизоды жизни омской каторги. Так же, как и автор «Записок из Мёртвого дома», Токаржевский уделяет большое внимание сценам спектакля в остроге.

Невозможно читать без волнения страницы, рассказывающие об этом. Закованные в кандалы каторжане, надев сценические костюмы, играют свои роли не менее вдохновенно, чем профессиональные артисты. Силой воображения они уносятся за пределы острога на волю. И вот уже зрители — не безликая масса людей, а участники действия, происходящего на импровизированной сцене. Токаржевский называет две пьесы, сыгранные арестантами — те же, что упомянуты в «Записках»: «Филатка и Мирошка» и «Кедрил-обжора» (только почему-то имя Филатки у Токаржевского записано как Фирлатка). Конечно, есть расхождения в текстах Токаржевского и Достоевского. Так, Токаржевский иначе рассказывает содержание пьесы «Кедрил-обжора». Обжору-Кедрила у Достоевского забирают черти, у Токаржевского пьеса заканчивается тем, что слуга после того, как барина утащили в преисподнюю, принимается за его обед с «различными винами, пикантными и вкусными закусками».

Несопоставимо, конечно, писательское дарование обоих. Кроме того, текст Достоевского напоминает в отдельных местах режиссёрскую разработку пьесы, с установками для актёров и сценическими ремарками. Да это и неудивительно — сам Токаржевский признавал, что «импровизированными артистами, в качестве режиссёра, приглашён был писатель Фёдор Достоевский — для указаний, как по-театральному надо говорить и прочее».³

Сопоставляя воспоминания Токаржевского с соответствующими страницами «Записок из Мёртвого дома», читатель отметит, что Токаржевский повторяет или близко к тексту интерпретирует рассказанное Достоевским, добавляя, однако, любопытные подробности, которые ранее не были известны. Оказывается, у «артистов» была афиша. «Экс-канцелярист, каторжанин Баклушин, приготовил афишу, — пишет Токаржевский, — на большом листе бумаги, оклеенном толчёной, серебристой каймой, среди мистических и мифологических изображений, значился текст: «Афиша для Высокоблагородных господ офицеров караульных, а также Высокоблагородных господ офицеров дежурных, равно для Высокоблагородных господ офицеров инженерных, а также для благородных и высококорожденных особ». Далее были выписаны названия комедии и «пантомимы с музыкой», с указанием фамилий выступающих в них узников артистов».⁴ Токаржевский показывает, что некоторые офицеры приняли участие в подготовке спектакля. «Костюмы для артистов были выпрошены в городе. Жена коменданта крепости, г-жа де Граве, обещала поношенный мундир полковника, с массой золочёных гусарских шнуров и аксельбантами. Адьютант генерала Абросимова обещал свою поношенную шапку».⁵ Судя по этому сообщению, помощь от названных людей приходила систематически, иначе желание помочь каторжанам не выразилось бы столь явно. Фамилии офицеров, видимо, названы условно — так, генерала с фамилией Абросимов в Омске не было. Скорее всего, Токаржевский забыл их настоящие имена — прошло более 50 лет с момента его выхода из омского острога. Это же временное отдаление от событий позволяет думать, что, меняя фамилии, Токаржевский не думал о конспирации — тех людей уже не было в живых.

Основной мотив главки «Суанго» — дружба Достоевского с собакой. Он известен опять-таки по «Запискам из Мёртвого дома». В главе «Каторжные животные» говорится о собаке по кличке Шарик, которую Достоевский спас от голодной смерти. Собачка привязалась к Достоевскому. В обоих произведениях судьба этого животного трагична. Но, судя по «Запискам...» Достоевского, собака погибла от руки живоде́ра, а, по Токаржевскому, она была отравлена.

- Минуточку! — воскликнет требовательный читатель. — Но что нам за дело до какой-то собачки и её судьбы! Важны ли такие мелочи?

А где крупные проблемы, новые факты биографии Достоевского? Где «клубничка», наконец? Если её нет, то хоть изюминку-то предъявите!

Заметим на это, что там, где речь идёт о таких личностях, как Достоевский, важны все мелкие детали, вплоть до цвета новой заплатки на одежде соседа писателя по нарам. В истории же, рассказанной Токаржевским, важно то, что собака Суанго издохла от яда... предназначавшегося Достоевскому.

Официальные источники утверждают, что у Достоевского в каторге часто случались приступы падучей, и он после припадков попадал в омский военный госпиталь. Здесь его опекали врачи, фельдшеры и их жёны. (Опекали, хотя рисковали при этом жизнью). И вот один из докторов, Борисов (фамилия доктора с такой фамилией не встречается в документах. Вероятно, Ш. Токаржевский и в данном случае использует условную фамилию), уезжая к больному, передает Достоевскому деньги. Это заметил один из арестантов, Ломов (такой арестант действительно был в остроге при Достоевском. Семья Ломовых выведена и в «Записках из Мёртвого дома», правда, безотносительно к госпиталю).⁶ Через некоторое время фельдшер, находившийся в сговоре с Ломовым, принёс Достоевскому молоко. Тот хотел его пить, но собака Суанго, прирученная Достоевским, неожиданно вбежала в палату и, кинувшись к нему, стала выражать свой восторг. Молоко пролилось. Собака на радостях его слизала. Вошедший фельдшер выгнал собаку из палаты. И лишь позднее Достоевский узнал, что она издохла от принятого ею «угощения». Эта история не повторяется в других биографических источниках. Сюжет о покушении на его жизнь отсутствует и в текстах Достоевского.

Ярко и красочно рассказывает Токаржевский о некоторых работах арестантов, об их взаимоотношениях друг с другом. В переведённом В. Арендтом отрывке отразились политические дискуссии, которые вели между собой «государственные преступники» из России с участниками польского освободительного движения.

Яростно спорили они друг с другом, толча алебастр. «Разговор между нами и Федором Достоевским всегда начинался в минорном тоне, с обмена мнений в вопросах для нас и для него более или менее индифферентных, но он скоро переходил в острую полемику и страстный спор по другим вопросам.

Слова из уст быстро вылетали, под аккомпанемент наших энергичных ударов молота, из-под которых разлеталась пыль по воздуху, наполняя барак миллиардами белых, блестящих, как бы живых искорок.

При таком запальчивом, возбуждающем нервы и волнуящем кровь, споре мы ударили молотами с таким размахом, что даже инструктор наш, человек весьма добродушный, Андрей Алмазов, восклицал: «Легче, ребята! Легче!» и часто предлагал нам отдых раньше назначенного часа».⁷

По мнению специалиста, изучившего польский оригинал воспоминаний Токаржевского, «перевод Арендта (...) не идеален ни с точки зрения учета нюансов содержания, ни в смысле передачи тональности оригинала. (...) Отчасти это объясняется тем, что В.Б. Арендт умер до выхода в свет его перевода и, очевидно, не держал корректуры». Последнее замечание представляется весьма странным, т.к. чтение корректуры даёт возможность приблизить к идеалу готовый текст, но не даёт возможности улучшить качество перевода. В статье цитируемого исследователя упоминаются мемуары товарища Достоевского по каторге Ю. Богуславского, опубликованные под названием «Воспоминания сибиряка» в 1896 году в краковской либерально-демократической газете «Новая реформа». Эти воспоминания на русском языке не были изданы и упоминаются только в польской специальной литературе.

Ю. Богуславский, как сообщает В. Дьяков, «умер в 1857 (или 1859) г., из Сибири же он возвратился в 1855 <...> Богуславский не претендовал на художественные красоты и не думал о сколько-нибудь быстрой публикации своих воспоминаний»; ему хотелось зафиксировать факты и впечатления. Судя по массе мелких деталей, включённых в текст, можно предполагать, что мемуарист располагал какими-то заметками, сделанными в Сибири». Далее исследователь отмечает, что прежде чем попасть на страницы газеты, рукопись воспоминаний Ю. Богуславского попала в руки Шимона Токаржевского, «который, во-первых, дополнил текст, во-вторых, изготовил ту копию «Воспоминаний», с которой они печатались в «Новой реформе».⁸ Исследователь отмечает постоянное вмешательство в текст мемуаров Ю. Богуславского со стороны Токаржевского «как в смысле стилистики, так и по существу». Токаржевский, по словам Дьякова, получил рукопись воспоминаний Богуславского в то время, когда работал над собственными

мемуарами. Сопоставление текстов мемуаров Богуславского и Токаржевского обнаруживает, что «вмешательство» последнего было весьма творческим. «Токаржевский, с одной стороны, исправлял и дополнял Богуславского, внося в его «Воспоминания» те настроения польской общественности, которые были характерны для конца 80-х, а не для середины 50-х годов (время написания мемуаров — В.В.), с другой — заимствовал у Богуславского имена и конкретные факты, которые он сам едва ли мог удержать в памяти, прожив три бурных десятилетия и побывав в ссылке еще два раза».⁹

Не случайно исследователи, рассматривая воспоминания Токаржевского в ряду других источников сведений об омской каторге 1850-х годов, отмечали их вторичность по отношению к мемуарам иных авторов, а также к «Запискам из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского.

В «Воспоминаниях» Ю. Богуславского, как отмечает В. Дьяков, много фактов, не известных из других источников. Так, например, упоминается писарь ордонансгауза Омского гарнизона Ипат Семёнович Дягилев. Он был первым официальным лицом, с которым встречались в Омске партии каторжников. «Вежливый, пресмыкающийся даже, он такую сделал жалостливую мину, — рассказывает Ю. Богуславский, — так сочувствовал нам, так жалел, что я подумал было, что он вообще честный человек, а это был жулик, каких среди жуликов не часто встретишь. Был он собакой, которая ластится и кусает исподтишка».¹⁰ Исследователь отмечает, что в «Записках из Мёртвого дома» Дягилева нет, но человек этот совершенно реальный и наверняка известный Достоевскому». В. Дьяков прав: этот человек был известен Достоевскому. Более того, Достоевский упомянул его в... «Записках из Мёртвого дома». Там назван писарь Дятлов — «чрезвычайно важная особа в нашем остроге, в сущности, управляющий всем в остроге и даже имевший влияние на майора, мальй хитрый, очень себе на уме, но и не дурной человек. Арестанты были им довольны».¹¹ Очевидно, что воспоминания поляка отличаются от текста «Записок». Судя по последнему, писарь мог оказывать некоторую помощь Достоевскому.

Этот человек упоминается и в других воспоминаниях Ш. Токаржевского, «Семь лет каторги».¹² Писарь Дягилев, — вспоминает Токаржевский, — был «вежливый до слащавости», охоч до денег и не прочь услужить иностранцам. Книга «Семь лет каторги» добавляет свежих

красок в картину омской жизни середины девятнадцатого столетия. Хотя в каких-то моментах свои изрядно стёршиеся со временем воспоминания Токаржевский освежает и с помощью упоминавшихся мемуаров Ю. Богуславского, повторяя их почти дословно (например, в сцене драки чеченцев и «коренного» населения каторги), и с помощью «Записок из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского. При этом он вольно переставляет акценты в описании происходивших событий, создавая, в отличие от Достоевского, картину удручающе субъективную. Впрочем, Токаржевский настолько уверен в своей правоте, что даже не пытается приукрасить себя и своё поведение, полагая, что иначе, как положительное, читатели его не оценят. Он подчёркивает своё кичливое, надменное отношение к каторжанам, стремление держаться от них подальше. «Эти люди, последние из последних, — рассказывает Токаржевский о своей встрече с омскими каторжанами, — приближались и протягивали нам руки, те руки, которые столько раз обогрелись кровью и были причастны к тяжким преступлениям. (...) Я отдернул свою ладонь и, оттолкнув всех, вошел в каземат с гордо поднятой головой. С моей стороны это был весьма недипломатичный поступок. Все преступники и бандиты на меня обиделись, называли меня чёртом и дьяволом, все ненавидели меня, а кому только была охота, всячески унижали меня, каждый по-своему».¹³ Читая воспоминания Токаржевского, поражаешься тому, как со временем искажается представление человека о том, что было на самом деле. Известно, что в омской каторге в начале 1850-х годов было 150-170 человек арестантов. При желании они могли легко расправиться с любым человеком. Но Токаржевскому с высоты времени всё видится иначе. «Меня окрестили «храбрый», — заявляет он, — потому что, хотя никому я не перебежал дорогу, и был со всеми исключительно уступчивым, — что-то этакое внушал разбойникам, что они держались от меня подальше, но с оглядкой, опасаясь моих достаточно сильных кулаков».¹⁴

Ненависть к каторжанам всех поляков, находившихся в омской каторге, отмечает и Достоевский. В «Записках» арестант М-кий (Олех Мирецкий), сверкая глазами и скрежеща зубами, говорил, что он «ненавидит этих разбойников»... Отмечу, справедливости ради, что сам Достоевский, которого Токаржевский описывает весьма нелицеприятно, отзываясь о поляках взвешенно и весьма уважительно. Нигде в «Записках» он не позволяет себе описаний, подобных тем,

что оставил автор «Семи лет каторги». Так, поэт, член кружка Петрашевского Сергей Федорович Дуров описан им пренебрежительно как фат и низкий сплетник. Он «был и нудным, и смешным, – отмечает автор книги. – Иногда с ним можно было поболтать не без приятности, – конечно, не очень вдаваясь в смысл разговора».¹⁵ Характеристика Токаржевским Достоевского очень любопытна, особенно для читателя, привыкшего к пиетету по отношению к классику. Для такого читателя любые не парадные, а житейские, бытовые подробности поведения знаменитых людей порой производят впечатление разорвавшейся бомбы... Токаржевский недоумевает: «Как, каким образом этот человек заделался конспиратором? Каким образом принимал участие в демократическом движении, он, гордец из гордецов, притом гордящийся по той причине, что принадлежит к привилегированной касте? Каким образом этот человек мог жаждать свободы людей, он, который признавал только одну касту и только за одной кастой, а именно аристократической, признавал право руководить народом во всем и всегда? <... > Наверно, он невольно поддался минутному увлечению, так же, как невольно пришлось примириться со злосчастьем, которое случайно через конспирацию занесло его аж до омской каторги».¹⁶ Думается, автора «Семи лет каторги» более всего разделяли с Достоевским политические убеждения последнего, утверждавшего право России доминировать над Украиной, Вольной, Подольем, Литвой, Польшей как над исконно русскими территориями. Разумеется, участники польского освободительного движения, положившие свои жизни на борьбу за освобождение своей страны от российского влияния, никак не могли принять и, тем более, примириться с позицией Достоевского, утверждавшего, что «рука Божьей справедливости привела эти провинции и эти края под чужую власть оттого, что они не могли существовать самостоятельно и, не попав под власть России, еще долго оставались бы в невежестве, нужде и дикости».¹⁷ Не в силах переспорить страстного Достоевского, который буквально «чуть не прыгал мне в глаза, называл неучем и дикарем, кричал так страшно, что по всему острогу среди преступников пошел слух: – Политические дерутся!»¹⁸, Токаржевский и другие поляки решили, что Достоевский страдает маниями, и полностью отнесли его вспыльчивость к болезненному состоянию писателя. «Достоевский, – отмечает мемуарист, – был часто просто невыносим во

время споров. Самоуверенный и грубый, он принуждал нас к диспутам с ним, после чего мы с ним не только разговаривать, но и зняться не хотели. Возможно, такая неровность характера, такой вспыльчивый темперамент Достоевского были признаком болезни, поскольку, как мы уже говорили, казалось, что петербургские господа были чрезвычайно взвинчены и болезненны...»¹⁹ Впрочем, автор цитируемой книги всё же претендует на объективность. «Справедливости ради, надо сказать, – подчёркивает он, – что все мы, поляки, пребывавшие на омской каторге с Достоевским, видели в нём человека со слабым и низменным характером. Что он ненавидел поляков, ещё можно было ему простить – мы много чего перенесли и чаще всего ненависть прощали, а благосклонность господина Фёдора Достоевского никак не силились снискать, поскольку «прирученный волк не может быть приятелем».²⁰ Пытаясь найти дополнительные аргументы, обвиняя Достоевского в великодержавном шовинизме, Токаржевский напрочь забывает о реальных условиях, в которых он сам когда-то жил. Например, его утверждение, что каторжники могли сами выбрать себе стиль прически – обривать голову то ли вдоль, то ли поперек, явно не соответствует действительности. На этот счёт существовали чёткие предписания. «Бродягам, срочным, гражданского и военного ведомства» полагалось сбривать «спереди полголовы от одного уха до другого, а всегдашним от затылка до лба полголовы с левой стороны».²¹ Таким образом, «желавшие выглядеть франтами» обрели бы себя на «всегдашнее», то есть пожизненное нахождение в каторге... Подобную ошибку памяти Токаржевский допускает и по отношению к Достоевскому. «Как-то, – отмечает мемуарист, – Достоевский зачитал нам своё произведение: оду на случай будущего вторжения победоносной российской армии в Константинополь. Ода была довольно красивая, но никто из нас не спешил её хвалить». Токаржевский не мог не знать, что Достоевскому, как и другим политическим, было запрещено в каторге писать и хранить какие-либо рукописи. Ода, о которой пишет Токаржевский, называется «На европейские события в 1854 году». Она была написана Достоевским значительно позднее, в первые месяцы службы Достоевского в солдатах, в Семипалатинске.²² Таким образом, Токаржевский мог ознакомиться с этим стихотворением только вне острога и только из уст самого писателя, потому что она никогда не была опубликована. Попутно возникает вопрос,

на который у меня нет ответа – при каких же обстоятельствах участники описываемого диалога встретились? О факте их встречи в послеострожные годы в литературе до сих не было никаких упоминаний.

Не имея возможности дотошно проверить, насколько правдив Токаржевский, рассказывая о том, что происходило вокруг него, а, значит, и вокруг Достоевского, всё же сделаем скидку на бурное воображение состарившегося человека и на время, прошедшее со времени событий, о которых он вспоминает. Учтём, что мемуары ссыльного поляка едва ли не единственные в своём роде. Отметим его искреннее желание (я не говорю о возможности!) воссоздать реальную картину происходившего. И согласимся, что книга Токаржевского «Семь лет каторги» в её первом и единственном переводе на русский язык является источником уникальных сведений об омском периоде жизни будущего автора «Записок из Мёртвого дома», в особенности о людях из окружения писателя.

Так, в мемуарах Токаржевского приводятся дополнительные детали к портрету плац-майора В.Г. Кривцова, доставившего многим каторжанам, в том числе и Достоевскому, множество неприятностей. Упоминается Ян Возняковский (переводчик, стремясь быть максимально близким к польскому произношению, читает букву «Ж»). В других источниках, возможно, менее точных, в фамилиях ставится буква «З». Мне приходилось писать о Яне Возняковском. Я использую написание этой фамилии в соответствии с архивными источниками). «На каторгу в Омск его сослали лет на двадцать. Однако через четыре-пять лет в награду за какую-то научную работу в области математики, на которую обратили внимание в Петербурге, – его освободили от работ и направили в военную команду, и то всего лишь унтер-офицером!»²³

Ян (Иван) Возняковский – бывший студент Виленского университета. Иван Возняковский «на двадцать втором году своей жизни» был закован в кандалы и «сослан в Сибирь в крепостную работу». За что же? В этом пункте документа стоят слова, хорошо понятные тем, кто знаком с историей русского революционного движения — «за злоумышленность противу правительства». Было это в 1842 году. А уже в 1845 году по просьбе генерал-инспектора по инженерной части Возняковского освобождают от крепостных работ и оставляют в

Омске рядовым военно-рабочей роты № 25. Спустя три года за сочинение под заглавием «Некоторые геометрические опыты» опальный изобретатель был произведён в унтер-офицеры.²⁴ Прошло ещё три года - и на имя «важного генерала», приехавшего с ревизией в Западную Сибирь, Н.Н. Анненкова поступает докладная записка от И. Возняковского, в которой он просит помочь возвысить его труды, «сосредоточенные покамест в тесных пределах буквы» - «до степени практической пользы».²⁵ Из докладной записки видно, что Н.Н. Анненков посетил казарму роты, где начальник инженеров сибирского корпуса, генерал И.С. Бориславский, «засвидетельствовал» ему труды изобретателя по прикладной механике. Видимо, «важный генерал» одобрителем отзывался о них, потому что в записке, составленной вскоре после его отъезда из Омска, Возняковский говорит об «изъявленном великодушии и участии» к своим трудам. В феврале 1852 года инженер-генерал Ден в своём рапорте сообщал военному министру, что сочинение Возняковского было рассмотрено Академией наук и получило одобрительные отзывы.

Дарование изобретателя академики признали «несомненным». Среди тех, кто давал оценку сочинению Возняковского, были известные русские учёные математики В.Я. Буяновский, физик и электротехник Б.С. Якоби. Они отзывались о машинах омского механика с мудрой предусмотрительностью: «если успех оправдает предположения изобретателя, то они заслуживают во многих отношениях особенного внимания». А если не оправдает? Что тогда будет с его «несомненным дарованием»? Не высказав особого энтузиазма по поводу «трудов чистой логики», академики, по крайней мере, «изъявили желание, чтобы Возняковскому предоставлены были средства для исполнения модели и описания которой-нибудь из изобретенных им первых четырёх машин».²⁶ Что же это за машины?

При простом подсчёте количества машин, указанных в документах, их оказывается не четыре, а много больше. Это «самоткальная машина для самых тонких тканей, с приготовлением их в произвольную ширину и такие же узоры». Книгопечатная машина. Устройство парового котла, исключаящее «самые обыкновенные взрывы» его стен. Устройство круговращательной паровой машины. Два «механических двигателя», явно претендующих на роль перпетуум-мобиле - один из них основан на «разности относительных весов газа и

воды», другой — «имеющий основанием упругость воздуха»...

Можно было бы сообщить подробные описания каждой такой «машины», но перечисление чисто технических терминов — дело утомительное. Давайте посмотрим на одно из изобретений Возняковского. Это топографическая машина, «дающая в один раз все графические и вычислительные результаты, требуемые от всеобщей съёмки, с совершенно таковых непогрешностью и произвольными масштабами».²⁷

Попробуйте вообразить себе обыкновенную телегу, а на ней... подобие современной ЭВМ. Трудно, не правда ли? Но, представляя своё детище, Возняковский настаивал на том, что все указанные действия будет осуществлять стоящая на телеге машина, «ведомая тройкой впряжённых в неё лошадей», без помощи человека, а только «под его наблюдением». Конечно же, чтобы изготовить сложный прибор, нужно было преодолеть многие и многие трудности. Они, на первый взгляд, кажутся чисто техническими, но ведь там, где техника, там опыт, а любой опыт должен быть материально обеспечен. Где же брал деньги Возняковский? Выясняется любопытная подробность — его поддержал не генерал-губернатор и не директор какого-нибудь департамента, не представители государства, а частные лица. Коллежский советник Иван Дмитриевич Асташев, 1-й гильдии купец Владимир Петрович Кузнецов и... пермский крестьянин Савва Ушков. Они ссудили Возняковскому три тысячи рублей. На эти деньги он три года «производил постройку». Но деньги иссякли. «Две недели достаточны для окончания собственно механизма, — взывает к сильным мира сего изобретатель. — Останется только незначительная работа, около подставки числительных циферблатов со стрелками и упряжных принадлежностей».²⁸ Возняковский пишет докладные записки и рапорты с просьбой изменить его «настоящее положение более совпадающим с направлением и натурой» его занятий. Выходит решение, его производят в кондукторы и отправляют в Нарвскую инженерную команду, куда он и прибыл 3 ноября 1852 года. Что стало с топографической машиной, поставленной на телегу, так и осталось неизвестным...

Однако неправильно было бы думать, что в Омске Возняковский занимался только составлением проектов и моделей. Он проявил себя здесь как действительно опытный механик. Его знания пригодились

при «исправлении повреждений на сукновальной фабрике сибирского линейного казачьего войска». С заданием он справился так успешно, что его назначили заведовать всем суконным производством на этой фабрике. Умение Возняковского, видимо, хорошо знали офицеры инженерной команды Сибирского отдельного корпуса — в 1848 году он был командирован из Омска в Барнаул «для приготовления по сделанной им модели новой сукновальной машины». А в Семипалатинске он выполнял вовсе диковинные задания — например, «об изменении на казённой казачьей мельнице мукомольного механизма в лесопильный».²⁹

Более того, Возняковский настолько хорошо знал самые разнообразные науки, что ему доверили «приготовление шести военных кантонистов в кондукторы». Новоиспечённый педагог давал им уроки по всем предметам, относящимся к их назначению, в течение двух лет. За это время он приготовил их так, что все они были произведены в кондуктора «сверх комплекта, в уважение отличного выдержания ими экзамена». Для того, чтобы понять, что значат эти слова, вспомним, каких трудов стоило Достоевскому определить «сверх комплекта» в омский кадетский корпус Пашу Исаева...

Как же достиг Возняковский глубоких знаний наук, как приобрёл навыки для их практического применения, пришел к замыслам, названным впоследствии «открытиями»?

Сам изобретатель писал, что он «предался изучению точных наук» по роду своих обязанностей по службе. Но при этом, конечно, просто скромничал. Пробудило «логические силы его ума» не что иное, как «несокрушимое стремление просветиться даже в темнице узника». В докладной записке генерал-губернатору Западной Сибири Возняковский пишет, что идеи, с которыми он «одушевлялся на заре своей молодости, исчезли, как призраки утопий». Понятно, о чём он говорит, когда упоминает о «ложном учении, которое, к несчастью, хитрые свои сети столь дерзко и попадливо набрасывает на пылкое воображение юноши»...³⁰ В своей записке автор довольно туманно размышляет о взаимосвязи «количества и степени счастья государства» с «народным одушевлением», о символе «натуральной исторической власти» и т.д. Но в словах о том, что «всякое личное стремление противу народной логики (...) есть бесплодные покушения одного эгоизма либо безотчётной утопии» — всё же нет разочарования, уныния,

нет пораженческого настроения, хотя и говорится о «безотчетной утопии».

Докладным запискам, подобным той, что написал Возняковский, нельзя вполне верить. Ждать милости и прощения забытым в каторге или солдатчине талантливым людям было неоткуда, нужно было, во что бы то ни стало, освобождаться из неволи. И вот в письмах и официальных бумагах появляются покаянные слова. В какой-то степени они пишутся искренне — но в какой? Часто за ними стоит глубоко затаённое решение идти к прежней цели, но другим путем, нежели тот, что привел их на каторгу. Вместо открытого протеста некоторые избирали путь «малых дел». Достоевский, обращаясь к знаменитому инженеру Э.И. Тотлебену, участнику обороны Севастополя, герою Плевны, с просьбой помочь ему выйти в отставку и «печататься» пишет, что пострадал потому, что «был слеп, верил в теории и утопии».³¹ В связи с подобными заявлениями писателя многие обвиняли его в измене своим юношеским идеалам...

А ему необходимо было снова взять в руки перо, чтобы писать о людях и для людей, за них и для них, вновь и вновь пытаясь разгадать величайшую загадку. Помните? «Человек есть тайна. Её надо разгадать. Я занимаюсь разгадкой этой тайны, ибо хочу быть человеком». В этом было «малое дело» Достоевского. Мы знаем, какие плоды оно принесло. Это был принципиально иной подход к достижению поставленной цели, чем у других общих знакомых из польских политических ссыльных — никакой категоричности, никаких открытых проявлений своих чувств. Напротив, демонстрация лояльности по отношению к властям и смирения перед вынесенным наказанием...

Возняковский также решает направить свои силы в другое русло. Он жаждет освобождения из каторги для практической работы, которая могла бы улучшить жизнь народа — самоткальная машина, устройство невзрывающегося парового котла — это приспособления, обеспечивающие более безопасный труд. О пользе книгопечатной машины говорить, я думаю, не приходится... Упорство и воля Возняковского, его стремление принести пользу народу, реализовать свои силы в достижении самой недоступной вершины кажутся нам особенно привлекательными. Такой человек не мог быть совершенно забыт и никем не упомянут. В своих воспоминаниях Г.Н. Потанин упоминает об одном изобретателе, по описанию очень «похожем» на

Возняковского. Потанин писал свои воспоминания в преклонном возрасте и почти одновременно о двух людях — о Валиханове и Дурове. Какие-то детали о содержании разговоров с ними могли совместиться в сознании мемуариста и то, что говорил Валиханов, возможно, было вложено в уста Дурова и наоборот.

Так, Возняковский уехал из Омска осенью 1852 года. Дуров вышел на поселение два года спустя. Валиханов же учился в кадетском корпусе и мог видаться с нашим изобретателем... Вот что пишет Потанин о встрече с Дуровым: «он считал своей святой обязанностью уважать всякое стремление к знанию. Он мне рассказал, что к нему иногда заходит господин, помешанный на отыскании перпетуум-мобиле. Математические выкладки этого господина были безнадежны, но Дуров с удовольствием наблюдал в этом человеке бескорыстную преданность идее, настойчивость и твердость, с которой он переносил неудачи...»³²

В «Воспоминаниях» Ю. Богуславского, которые упоминались выше, говорится: «Было уже совсем темно, когда мы встретились с Яном Возняковским, который зашёл к нам всего на пару минут».³³ Возняковский не был узником острога. Может быть, поэтому он не упомянут в «Записках из Мёртвого дома». Но вполне вероятно, что писатель мог быть знаком с дерзновенным изобретателем вечного двигателя. Это и к нему тоже относится восклицание Достоевского: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж всё сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно». К этим людям принадлежит и Иван (Ян) Возняковский — талантливый механик, сгинувший в неизвестности...

Вытягивая едва заметную ниточку из воспоминаний прошлых лет, исследователь иногда извлекает на свет Божий клубок интереснейших фактов, деталей, подробностей. Порой они становятся недостающим звеном, восстанавливающим цепь событий, способным превратить отдельные наброски в цельную картину, фрагментом, помогающим решить сложнейший пазл.

Когда-то я по крупницам выстраивал портрет коменданта Омской крепости А.Ф. де Граве. Мучительно разгадывал загадку имени

женщины, упоминавшейся рядом с ним – Анны Андреевны. Наконец, обнаружив «Статейный список о службе и достоинстве коменданта Омской крепости», мне удалось установить, что она – урожденная Романова, купеческая дочь. Став женой коменданта крепости, помогала ему в светской части его жизни и деятельности. Создала в своём доме уютную гостиную, куда могли попасть, также, как и в салон Капустиных в их доме на Мокринском форштадте в Омске, только честные и порядочные люди, среди которых, кроме омичей, были ссыльные, путешественники, учёные.

В книге воспоминаний Токаржевского «Семь лет каторги» приводятся неизвестные мне сведения и о коменданте, и о его жене. Так, из них я впервые узнал о том, что генерал-губернатор Западной Сибири князь П.Д. Горчаков «незаслуженно преследовал Алексея Федоровича де Граве, полковника и коменданта крепости <...> Алексей Федорович, – отмечает мемуарист, – был славным человеком, и если не делал добра – то просто потому, что не умел, а если не делал зла – то потому что не хотел».³⁴ Оказывается, комендант подвергался преследованиям по причинам сугубо личного характера, – не хотел бывать на балах в доме губернатора и заискивать перед «женой генерала Шрама, директора кадетского корпуса»... «Шрамира», как неучтиво называет её Токаржевский, якобы состояла в многолетней связи с генерал-губернатором и фактически управляла Сибирью. Анна Андреевна де Граве тепло относилась к полякам (видимо, и к Достоевскому, которого опекал сам Алексей Федорович, тоже), «была весьма привлекательной женщиной, воспринимала жизнь с точки зрения важнейшего долга: вызволять людей из материальной нужды или моральной подавленности, словом, – охотно помогала каждому, кто нуждался в её поддержке. Стараниями Анны Андреевны в Омске был учреждён «Дом Опеки» для сирот, обездоленных девочек, где она сама была и учительницей – истинное доказательство её филантропической склонности, также как и организация театральных любительских представлений, в которых она сама и участвовала, как режиссёр и актриса. Во всё время моего пребывания в Омске, – пишет Токаржевский, – ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь дурно отзывался о госпоже де Граве. Я сам и другие поляки в тяжких и опасных обстоятельствах достаивались её помощи и покровительства. Когда люди, имеющие власть над нами, преступали границы этой власти – достаточно было

рассказать Анне Андреевне, как незаслуженно нас преследуют, и преследование тут же прекращалось».³⁵ Токаржевского снова подводит память. «Дом опеки», о котором он пишет, на самом деле назывался приют для девочек «Надежда». В его создании, действительно, принимала участие А.А. де Граве. Однако открытие в Омске девичьей школы и при ней приюта «Надежда» «последовало» 22 июля 1858 года.³⁶ Таким образом, Токаржевский мог видеть в гостях у А.А. де Граве двух воспитанниц «Дома опеки», которых он называет также сестричками жены коменданта, только после своего выхода из острога на поселение. Эта деталь интересна, в первую очередь, тем, что выясняется возможность закованному в кандалы политическому преступнику приходиться в дом к самому коменданту крепости. Токаржевский, по его признанию, частенько был приглашаем Анной Андреевной то под предлогом починки замков, а то и росписи стен или же проведения мелких ремонтных работ.

В «Записках из Мёртвого дома» Достоевский эмоционально пишет о Настасье Ивановне, вдове из города, которая чем могла, помогала каторжанам, особенно бывшим дворянам. «Казалось, назначением жизни своей она избрала помощь ссыльным, но более всех заботилась о нас. Было ли в семействе у ней какое-нибудь подобное же несчастье, или кто-нибудь из особенно дорогих и близких её сердцу людей пострадал по такому же преступлению, но только она как будто за особое счастье почитала сделать для нас всё, что только могла. Многого она, конечно, не могла: она была очень бедна. Но мы, сидя в остроге, чувствовали, что там, за острогом, есть у нас преданнейший друг».³⁷ Токаржевский в подобных же выражениях пишет о вдове польского политического ссыльного Кароля Кжыжановского (Крыжановского, как явствует из других русскоязычных источников). Его вдова «с двумя маленькими дочками, осталась в Омске. Эта добрая женщина была предана нам всем сердцем. Часто заглядывала в острог и нередко навещала нас, когда мы уже работали за городом. < > Она справила нам подушки, набитые мягкой шерстью, складные матрацы; нижнее бельё шила нам собственноручно, а также соорудила очень приличные одеяла. Именно оттого, что они получились такие красивые, пришлось их «упестрить» кусками старого сукна и придать им вид никчемных тряпок, чтобы они не взбудоражили Ваську, который, где бы в казематах ни увидел какую-нибудь вещь,

представляющую интерес для него, тут же порешал её изъять и пустить на распродажу в собственную пользу или просто конфисковал для себя».³⁸ Кстати сказать, именно этой женщине, как указывает Токаржевский, поляки (вероятно, и дворяне тоже, в том числе Достоевский), обязаны «знакомством с семейством де Граве».³⁹ Воспоминания Токаржевского позволяют утвердительно сказать, что и он, и Достоевский, пишут об одной и той же женщине – Наталье Степановне Крыжановской. Ещё в 1971 году было введено в научный оборот её письмо Ф.М. Достоевскому, которое относится к одним из немногих, но ярких мемуарных свидетельств, оставленных омскими знакомыми Достоевского.⁴⁰ Из этого письма ясно, что Достоевский и Дуров были в гостях у Н.С. Крыжановской. Обоих хорошо запомнила одна из дочерей гостеприимной хозяйки – Ольга. Наталья Степановна делится впечатлениями от прочтения «Записок из Мёртвого дома».

Письмо Н.С. Крыжановской исполнено глубочайшей преданности Достоевскому, сожалением о том, что не удалось встретиться с ним в дни, когда писатель проезжал через Омск, возвращаясь из Сибири. «Нынче с сердечной радостью слышу снова, благороднейший Федор Михайлович, что Вы стоите в ряду знаменитых писателей. Слышу одобрительную, полную справедливости, бесспорно приносимую лучшим произведениям господина Достоевского — этого дорогого автора. Как я рада-то, рада сердечно, что Вы на своём месте».⁴¹ Письмо от Н.С. Крыжановской отправлено из Омска 4 августа 1861 года. Неизвестно, как сложилась её дальнейшая судьба. Но доброе имя этой женщины, несомненно, останется рядом с именем Достоевского как имя человека, о тепле и душевной щедрости которого писатель рассказал в «Записках из Мёртвого дома». Слова эти складываются в обширную цитату, но привести её необходимо, т.к. в ней, как в зеркале, отразились облик Н.С. Крыжановской, её участие в судьбе Достоевского и его благодарность за это: «есть в Сибири, и почти всегда не переводится, несколько лиц, которые, кажется, назначением жизни своей поставляют себе братский уход за «несчастливыми», сострадание и соболезнование о них, точно о родных детях, совершенно бескорыстное, святое. Не могу не припомнить здесь вкратце об одной встрече. В городе, в котором находился наш острог, жила одна дама, Настасья Ивановна, вдова. Разумеется, никто из нас, в бытность в остроге, не мог познакомиться с ней лично. <...> Выйдя из острога и направляясь в

другой город, я успел побывать у ней и познакомиться с нею лично. Она жила где-то в форштадте у одного из своих близких родственников. Была она не стара и не молода, не хороша и не дурна; даже нельзя было узнать, умна ли она, образованна ли? Замечалось только в ней, на каждом шагу, одна бесконечная доброта, непреодолимое желание угодить, облегчить, сделать для вас непременно что-нибудь приятное. Все это так и виделось в её тихих добрых взглядах. Я провел вместе с другим из осторожных моих товарищей у ней почти целый вечер. Она так и глядела нам в глаза, смеялась, когда мы смеялись, спешила соглашаться со всем, что бы мы ни сказали; суежилась угостить нас хоть чем-нибудь, чем только могла. Подан был чай, закуска, какие-то сласти, и если б у ней были тысячи, она бы, кажется, им обрадовалась только потому, что могла бы лучше нам угодить, да облегчить наших товарищей, оставшихся в остроге. Прощаясь, она вынесла нам по сигарочнице на память. Эти сигарочницы она склеила для нас сама из картона (уж бог знает, как они были склеены), оклеила их цветной бумажкой, точно такую же, в какую переплетаются краткие арифметики для детских школ (а может быть, на оклейку действительно пошла какая-нибудь арифметика). Кругом же обе папиросницы были, для красоты, оклеены тоненьким бордюриком из золотой бумажки, за которою, может быть, нарочно ходила в лавки. «Вот вы курите же папироски, так, может быть, и пригодится вам», — сказала она, как бы извиняясь робко перед нами за свой подарок... Говорят иные (я слышал и читал это), что высочайшая любовь к ближнему есть в то же время и величайший эгоизм. Уж в чем тут-то был эгоизм — никак не пойму».⁴²

Вновь в книге «Семь лет каторги», как и в «Воспоминаниях каторжанина», Токаржевский пишет о работах, на которые его направляли в Омске. Судя по его мемуарам, это он, Токаржевский, «как сыр в масле катался» в Омске, а вовсе не Достоевский. Ведь это его приглашали в дом коменданта, где, вместо того, чтобы работать, он весело проводил время за чаем и разговорами с женой коменданта и её «сестричками»...

А вот Достоевский тяжело трудился...

Толчение алебаstra, о котором упоминает Токаржевский, не было единственной работой, которую выполнял в Омске Достоевский. Он

переносил кирпичи на кирпичном заводе, расположенном на правом берегу вниз по Иртышу, верстах в трёх или четырёх от крепости. По замечанию А.Ф. Палашенкова, работа на заводе считалась самой трудной. Каждому арестанту необходимо было выполнить «урок» — изготовить 2-2,5 сотни кирпичей, причём самому выполнить весь подготовительный цикл: вывезти и вымесить глину, наносить воды, а затем складировать готовую продукцию. Достоевский крутил тяжёлое точильное колесо в инженерных мастерских, осваивал и другие строительные специальности... Однако на какую бы работу ни попадал Достоевский, он, как дворянин, всегда находился в более тяжёлых условиях, чем остальные арестанты. «Странно было бы, - писал Достоевский впоследствии, - требовать с человека, вполнину слабейшего силой и никогда не работавшего, того же урока, который задавался по положению настоящему работнику». Как и любой подневольный труд, каторжный «урок» не приносил и не мог принести радость, но сам Достоевский отмечал, что, например, расчищать снег ему нравилось. Работа на свежем воздухе, к тому же не предполагавшая присутствие «ватаги», порой приносила сюрпризы.

В 1853 году в Омске состоялась одна встреча, о которой один из её участников, Е.И. Якушкин (сын декабриста И.Д. Якушкина), писал: «Достоевского я никогда до того времени не видел <> Его на другой же день привел конвойный очистить снег на дворе казённого дома, в котором я жил. Снега, конечно, он не чистил, а всё утро провёл со мной... Говорили о том, что делается в России, о текущей русской литературе. Он расспрашивал о некоторых вновь появившихся писателях. Тут же написал брату письмо, которое я доставил по возвращении моём в Петербург... При прощании со мной он говорил, что он ожил».⁴³

Согласно существующей легенде, Достоевский в Омске, якобы, штукатурил здание военно-окружного суда.⁴⁴

В качестве реплики замечу, что, слава Богу, писатель был избавлен от более тяжких и унижительных работ. Токаржевский вспоминал, что Александр Мирецкий – польский политический каторжанин – был направлен на чистку отхожих мест. «Очищение клоак происходит обыкновенно ночью – от десяти часов вечера далеко за полночь. Не раз несчастный Олех на верёвках спускался на дно тех мерзких мест. В этой работе он утратил обоняние». При Токаржевском

Мирецкий исполнял обязанности парашника в течение 4-х месяцев с кратким перерывом.⁴⁵

Знакомые и помощники Достоевского оказывались, чаще всего, людьми скромными, не стремившимися к яркому успеху и известности. Не будь это так, свет могли бы увидеть воспоминания о самых неожиданных встречах и событиях, выпавших на долю Достоевского. Но этого - увы - не произошло.

Поскольку молчали очевидцы, слово брали те, кто хотел приобрести некий общественный капитал на спекуляции именем Достоевского. В 172 номере «Томского листка» за 1897 год П. Кошаров⁴⁶ опубликовал свои воспоминания о Достоевском. Он приводит свой разговор с ним, якобы состоявшийся в Семипалатинске, «после обеда». Кошаров рассказывал Достоевскому, что присутствовал на Семёновском плацу во время гражданской казни над петрашевцами, видел «25 виселиц», построенных с этой целью. Потом, когда он якобы поведал Достоевскому, что служил в Бухтарминской крепости, тот оживился, сказал, что здесь находился в каторге и даже будто бы просил П. Кошарова зарисовать для него это укрепление «со всех сторон, а также окружающую местность».

... Кончался XIX век. Почти два десятилетия не было в живых Достоевского, прошло почти полвека с тех пор, как он вышел из каторги. Казалось бы, вранье Кошарова мог опровергнуть только исследователь, специализирующийся в сибирской части биографии Достоевского. Но вдруг 20 августа 1897 года омская газета «Степной край» публикует статью «Как иногда пишутся воспоминания».⁴⁷ Её автор, И.Ф. Соколов, полностью разоблачает Кошарова как враня и проходимца. Он пишет: «С Ф.М. Достоевским и его союзником (союзником? - В.В.) и товарищем по несчастью С.Ф. Дуровым я познакомился в 1852 году, когда оба они находились ещё в Омской крепостной арестантской роте инженерного ведомства, а по освобождении их в марте 1854 года, более сблизился с ними, особенно же с Дуровым, ещё около двух лет жившим в Омске, так как по неспособности к военной службе он был причислен к канцелярии пограничного управления области сибирских киргизов (ныне Акмолинское областное). Много я беседовал с ними о деле Петрашевского, о ссылке и обо всём пережитом в тюрьме, но ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь

из них когда-либо был в Бухтарминской крепости; да этого и не могло быть, прежде всего потому, что в этом совершенно ничтожном полевом управлении, а не крепости, как называет П. Кошаров, никогда не было ни тюрьмы, ни каторжных работ, к которым были присуждены Достоевский и Дуров, а во-вторых, потому, что укрепление это было упразднено в 1842 году, т.е. за восемь лет до ссылки Достоевского». Далее Иван Фёдорович развеивает все домыслы Кошарова - и о виселицах, и о тачке, к которой якобы был прикован Достоевский, и о рисунках, которые писатель будто бы просил сделать незадачливого мемуариста.

Для Соколова важно отстоять истину, а не подчеркнуть факт своего знакомства с писателем. Однако полностью «спрятаться» Соколову не удаётся. Сам тон статьи даёт читателю почувствовать не только осведомленность её автора, но и его характер. Так, чтобы не травмировать «нервную, болезненную натуру» Достоевского, он никогда не разговаривал с ним о том, что пережил писатель на Семёновском плацу. И.Ф. Соколов, как он пишет, «много беседовал с Достоевским и Дуровым». Он может судить о том, как писатель повёл бы себя в той или иной ситуации. «Зная замкнутый и крайне щепетильный характер Достоевского, я положительно не верю, - пишет И.Ф. Соколов, - чтобы с первой же встречи с совершенно незнакомым ему человеком он мог обратиться к нему с просьбой о такой серьёзной услуге, какова поездка в 300 вёрст от Семипалатинска (вперёд и обратно 600 вёрст) и только для того, чтобы срисовать осыпавшиеся, почти сровненные с землею, валы ничтожного укрепления».

Иван Федорович Соколов - один из первых редакторов омской газеты «Степной край». За два года, что он возглавлял редакцию (1895-1897), на страницах газеты трижды печатались сообщения о пребывании Достоевского в Сибири. Надо сказать, что ни до Соколова, ни после него редакция не напечатала ничего о Достоевском...

Но при каких обстоятельствах отставной генерал-майор мог встречаться с Достоевским, ведь в начале 50-х годов он был совсем мальчишкой?

После длительного поиска удалось установить, что И.Ф. Соколов в сентябре 1852 года вступил в службу унтер-офицером в линейный батальон № 4. Было в те годы будущему редактору «Степного края» всего 16 лет. Можно себе представить, с каким чувством смотрел

юноша на закованного в кандалы автора «Бедных людей»! О нём он столько слышал в Тобольской губернской гимназии, где окончил курс наук! Конечно же, когда товарищи по службе рассказали ему, что среди арестантов, которых он сопровождал на работы во время дежурств, - Достоевский, Соколов постарался проявить к нему самую живую симпатию и участие.

Иван Фёдорович Соколов был знаком и с другом Достоевского Ч.Ч. Валихановым. Шестого июля 1860 года отец писал Чокану: «адъютант Соколов и Кривоносов низко кланяются тебе».⁴⁸ Из разных источников известно, что И.Ф. Соколов руководил геодезическими работами в Степи. Как выяснилось, он был первым омским метеорологом, вёл наблюдения за погодой с мая 1875 года. А 25 октября 1877 года «наблюдатель омской метеорологической станции» подполковник Соколов был избран в действительные члены открытого в Омске Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.⁴⁹

Напомню, что И.Ф. Соколов выступил со своей статьей в 1897 году. В этом же году «Всемирная иллюстрация» поместила фотографию здания военно-окружного суда с такой аннотацией: «в настоящее время есть в Омске старожилы, которые знали нашего знаменитого писателя во время его пребывания в Омском остроге; они называют места и здания, где он работал вместе с другими арестантами».⁵⁰ Одним из таких «старожиллов» был И.Ф. Соколов. Он действительно «знавал» Ф.М. Достоевского и даже сопровождал его на работы. Совпадение года публикации и причастность И.Ф. Соколова к журналистской профессии позволяют предположить, что он имеет прямое отношение к появлению в печати фотографии здания, «стены которого штукатурил Ф.М. Достоевский».⁵¹ Это значит, что можно утвердительно говорить ещё об одном месте на карте Омска, связанном с именем Ф.М. Достоевского.

Выступление И.Ф. Соколова, состоявшееся спустя почти полвека после выхода Достоевского из каторги, не вызывает сомнений в своей достоверности. Сообщение о том, что И.Ф. Соколов разговаривал с Достоевским и Дуровым, не воспринимается как нечто неожиданное. А.Ф. Палашенков, например, приводит воспоминания о подобном общении с арестантами другого человека (нигде более не воспроизведенные): «по свидетельству Ильи Даниловича Павшенко, несшего как фельдфебель наблюдение за арестантами (о чём нам сообщила

его дочь Лидия Ильинична Попова), Федор Михайлович Достоевский часто на берегу Иртыша вместе с другими арестантами бил камень. Однажды, глядя на свободные широкие воды Иртыша, он, обращаясь к реке, с грустью, вполголоса продекламировал:

*Шумы, Иртыш, струитесь воды,
Несите грусть мою с собой.
А я, лишённый здесь свободы,
Дышу для родины драгой...⁵²*

Был и такой случай, передавал Павшенко: во время отдыха арестантов Достоевский обратился к нему:

- Служивенький, присядь-ка.
- Нет, нам закон не позволяет этого.
- Да, точно, ты прав, закон не позволяет... — согласился с фельдфебелем Ф.М. Достоевский».

Если И.Ф. Соколов и И.Д. Павшенко - новые имена, не упоминавшиеся в популярной литературе,⁵³ то имя А.И. Сулоцкого достаточно часто встречается в материалах, связанных и с декабристами, и с Ф.М. Достоевским. Опираясь на письма А.И. Сулоцкого, можно проследить все основные нити помощи Достоевскому, назвать имена друзей и врагов (упоминается «главный» враг — плац-майор Василий Кривцов). Особенно важно подчеркнуть, что, как видно из этих писем, первыми, кто поднял голос в защиту петрашевцев, были «тобольские» декабристы М.А. и Н.Д. Фонвизины и их ближайшие сподвижники — например, Мария Дмитриевна Францева. В своих воспоминаниях она рассказывает о последних предомских встречах декабристов и петрашевцев в Тобольске и перед самым выходом их на этап. Нельзя без волнения, не сопереживая, читать эти слова. «Узнав о дне их отправления, мы с Натальей Дмитриевной выехали проводить их по дороге, ведущей в Омск, за Иртыш, вёрст за семь от Тобольска. Мороз стоял страшный. Отправившись в своих санях пораньше, чтобы не пропустить проезжающих узников, мы заранее вышли из экипажа и нарочно с версту ушли вперёд по дороге, чтоб не сделать кучера свидетелем нашего с ними прощания: тем более, что я должна была ещё тайно дать жандарму письмо для передачи в Омске хорошему своему знакомому, подполковнику Ждан-Пушкину, в котором

просила его принять участие в Достоевском и Дурове.

Долго нам пришлось прождать запоздалых путников; не помню, что задержало их отправку, и 30-градусный мороз порядочно начал нас пробирать в открытом поле. Прислушиваясь беспрестанно к малейшему шороху и звуку, мы ходили взад и вперёд, согревая ноги и мучаясь неизвестностью, чему приписать их замедление. Наконец, мы услышали отдалённые звуки колокольчиков. Вскоре из-за опушки леса показалась тройка с жандармом и седоком, за ней другая; мы вышли на дорогу и, когда они поравнялись с нами, махнули жандармам остановиться, о чём уговорились с ними заранее. Из кошевых (сибирский зимний экипаж - В.В.) выскочили Достоевский и Дуров».

«Мы наскоро с ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь из провожающих не застал нас с ними, и успели только им сказать, чтобы они не теряли бодрости духа, что о них и там будут заботиться добрые люди. Я отдала приготовленное письмо к Пушкину жандарму, которое он аккуратно и доставил ему в Омск.

Они снова уселись в свои кошевые, ящик ударил по лошадям, и тройки помчали их в непроглядную даль горькой их участи. Когда замер последний звук колокольчиков, мы, отыскав наши сани, возвратились чуть не окоченевшие от холода домой».⁵⁴

Не один П. Кошаров пытался внести свою лепту в создание легенд вокруг пребывания Достоевского в Сибири. В начале 20 века документы о ссылке писателя всё ещё оставались неопубликованными, очевидцы молчали, а сострадающей и просто любопытствующей публике хотелось знать — где же всё-таки отбывал наказание Ф.М. Достоевский?

В 1926 году «священник и известный сибирский краевед»⁵⁵ Борис Герасимов посвятил этой теме очерк «Где же отбывал каторгу и ссылку Ф.М. Достоевский». В нём он, в частности, отмечал: «Относительно местопребывания Достоевского в Сибири — в печати в разное время появился ряд друг другу противоречащих сообщений. Так, в журнале «Русская старина» за 1883 год некто Г. в статье о Достоевском заявляет, что он видел Фёдора Михайловича за работой в Красноярске. В омской печати печатались сообщения о том, что Достоевский отбывал каторжные работы в Омской военно-каторжной тюрьме. От старожилов гор. Усть-Каменогорска мне приходилось слышать, что Достоевский был сослан в Усть-Каменогорское

крепостное отделение каторжной тюрьмы. Усткаменогорцы утверждали, что даже до сих пор сохранилась в здании каторжной тюрьмы камера-одиночка, где сидел Ф.М.

В «Сибирских огнях» за 1926 г. (№3) В.Я. Зазубрин в своей интересной статье «Неезжеными дорогами», по полученным в Кузнецке сведениям, отмечает Кузнецк, как место ссылки Достоевского, где до сих пор сохранились остатки тюрьмы, некогда приютившей великого писателя (194-я стран.)

В газете «Советская Сибирь» (1926 г., 17 октября, №240), была размещена статья Гл. Пушкарева «Сибирь в кривом зеркале», где автор, разбирая недостатки «Справочника по Сибири и Уралу за 1925-26 год», сетует, между прочим, на пропуск в «Справочнике» г. Кузнецка, места подневольного жительства Ф. М-ча: «города Кузнецка совсем не оказалось в Сибири, а в нем Достоевский отбывал ссылку».

Наконец, в недавней книжке «Сибирских огней» (№2 март-апрель, 1927 г.), в небольшом очерке «Заметки о Семипалатинске» И. Буркова мы читаем: «Между Павлодаром и Семипалатинском показывают заброшенные копи, где работал Федор Михайлович» (стр.150)⁵⁶

Анализируя доступные источники, автор статьи опровергает утверждения о пребывании Достоевского на каторге в Красноярске, Усть-Каменогорске и Кузнецке, а также «на каких-то копиях между Семипалатинском и Павлодаром»,⁵⁷ соглашаясь, что «остаётся Омск. Здесь-то Ф.М. и провёл четыре страшных года каторжных работ. Этот период его жизни убедительно подтверждается и литературными сведениями, и архивными данными (сведения, например, сибирского историка Катанаева, опубликованные в газете «Сибирский день», Омск, 15 апреля 1915 года)⁵⁸

Если петрашевцев от начала каторжного срока до его окончания опекали и декабристы, и высокопоставленные омские офицеры, то им в остроге жилось не так уж и плохо, — решит, пожалуй, вдумчивый читатель, каким, наверно, является и упомянутый в начале нашей статьи известный омский краевед. Мудрено не уцелеть, стыдно не сохранить бодрость духа... Однако, выйдя из острога и подводя итог пережитому, Ф.М. Достоевский писал брату: «впрочем, посуди,

велика ли была защита, когда приходилось жить, пить, есть и спать с этими людьми несколько лет и когда даже некогда жаловаться, за бесчисленностью всевозможных оскорблений». Достоевский на каторге в любое время мог быть подвергнут телесному наказанию. О том, как Достоевского спас от грозящей расправы комендант крепости А.Ф. де Граве, рассказывает в своей книге П.К. Мартыанов. Но есть мемуары, прямо указывающие на то, что Достоевский якобы не избежал участи большинства и был в Омске неоднократно выпорот.

Воспоминания, о которых идёт речь, якобы записаны со слов одного из арестантов омского острога А. Рожновского неким А. Южным.⁵⁹ Повествователь обладал определённым литературным талантом, т. к. смог создать текст, не поверить которому трудно.

Действие происходит в Старой Руссе, где много чистого воздуха, но мало комфорта для человека, привыкшего к жизни в роскоши. (Городе, в котором, добавим, в последние годы своей жизни подолгу живёт Ф.М. Достоевский). Постепенно А. Южный настраивает читателя на определённый лад, заставляя смотреть на всё, что происходит, глазами рассказчика. Укрывшись от нещадного солнцепека в своей комнате, А. Южный углубился в чтение газет. «В минуту самого напряжённого внимания, — пишет он, — я был поражен раздирающим душу криком, раздававшимся с улицы».⁶⁰ Далее следует эффектная сцена — высокий седобородый старик бросается на мужчину в «русской поддёвке и высоких сапогах», который «нещадно бил плетью молодую красивую женщину в нарядном костюме новгородской горожанки».⁶¹ Происходит небольшая потасовка. В результате старик повержен на землю. Ему нанесён удар, от которого он не может оправиться. Его приносят в комнату (она, совершенно случайно, конечно, оказывается рядом с комнатой А. Южного). Вскоре старик начинает ходить, но окончательно оправиться уже не может. Неожиданно во время прогулки он встречает Ф.М. Достоевского. Тот его не узнал. Болезнь окончательно приковывает старика Рожновского к постели. Перед смертью он рассказывает А. Южному историю своего знакомства с Достоевским в Омске, на каторге. Среди многих любопытных деталей, дополнявших сведения, известные из других источников, Рожновский говорит, что при нём Достоевского дважды подвергли телесному наказанию. Однажды за то, что он, выступая от лица «ватаги» и не поддержанный ею, один перед строем высказал «претензию»

плохим питанием, другой раз за то, что не бросил, по приказу плац-майора товарища, достававшего топор из проруби, а продолжал его поддерживать. После второго случая Достоевский якобы получил кличку «покойник» — в госпитале, куда он попал после порки, на койке рядом с ним умер арестант.

Фельдшер записал вместо него Достоевского.

На следующий день после смерти Рожновского А. Южный встретил Ф.М. Достоевского и рассказал ему об умершем. Достоевский якобы пришел к покойнику, «встал на колени, долго смотрел на бледное изможденное лицо страдальца и заплакал». Уезжая в Петербург, он будто бы дал согласие А. Южному на публикацию услышанного от Рожновского не теперь, а «после, когда-нибудь».

«Воспоминаниям» А. Рожновского верить нельзя. Слишком много вызывает сомнения, несогласие, да и, попросту говоря, входит в несоответствие с уже известными, подтвержденными документами, фактами. Я не говорю уж о том, что по какой-то причине имени А.К. Рожновского нет в списках арестантов Омского острога... Но даже если бы он был в списках, нельзя сбросить со счетов, что Достоевский никогда и никому не говорил о пережитом им наказании. В первой «Биографии» писателя, составленной О. Миллером со слов Анны Григорьевны Достоевской, несомненно гораздо более осведомленной в действительно происходивших событиях, высказано предположение, стоящее, на мой взгляд, значительно ближе к истине: «Для такого человека, как он (Ф.М. Достоевский – В.В.), чтобы занемочь подобной болезнью (Анна Григорьевна говорит об эпилепсии – В.В.), совершенно достаточно было всего заурядного, испытанного им <...>, не было никакой надобности самому быть наказанным, а совершенно достаточно было видеть чужие, вздутые и изборожденные кровяными подтеками спины». ⁶² Кроме того, остались до сих пор неизвестными «две объёмистые рукописи», заключающие в себе записки А.К. Рожновского. Они были завещаны А. Южному с одним условием: что будут опубликованы на русском языке после того, как появятся на польском. Алексей Южный отправил обе рукописи «сестре покойного Ц.К. Войцеховской, урожд. Рожновской (Варшава, Костельная улица, 6)». ⁶³ Но никаких следов ни рукописи, ни сестры Рожновского найти не удалось.

И последний аргумент. Сразу же после выхода книги Н. Успенского, где были приведены воспоминания Рожновского, журнал

«Русская старина» поместил заметку под названием «Полковник де Граве и Ф.М. Достоевский». ⁶⁴ Ее автор - Николай Тимофеевич Червин - служил в омские годы Достоевского адъютантом Сибирского отдельного корпуса. Он утверждает, что в силу своего служебного положения не мог не знать, если бы произошло такое бесчинство, как телесное наказание Достоевского. При наличии стольких людей, помогавших писателю в маленьком Омске, это невозможно было бы утаить. Особенно если припомнить, что Достоевского за его геройское поведение оба раза будто бы наказал плац-майор. Подобный факт несомненно вызвал бы пересуды в омском обществе, не избалованном яркими и запоминающимися событиями...

В истории Рожновского остаётся некая загадка. Она будет существовать до тех пор, пока не обнаружатся документы, которые смогут подтвердить или отменить все возникающие при чтении записей А. Южного сомнения.

После отъезда писателя из города слухи и легенды, связанные с его пребыванием здесь, распространились ещё больше. Трудно отличить в них правду от вымысла. Да и не всегда у непрофессионального читателя есть возможность этим заниматься. Но подчас и ему приходится обращать внимание на противоречия в книгах исследователей и просто ошибки, по-прежнему встречающиеся в них. Не в силах найти ответы на возникающие вопросы в доступной литературе, архивах и библиотеках, читатель не может найти их и при помощи «третьей стороны». Им мог бы стать свод воспоминаний о Достоевском в Сибири, оснащённый фундаментальными комментариями, отражающими современное состояние науки. В таком своде необходимо было дать сведения и о самих мемуаристах. Но такого свода воспоминаний до сих пор нет. Нет и проработанной научной биографии Достоевского. Её отсутствие позволяет время от времени появляться в периодической печати отдельным публикациям тенденциозного характера. Редакторы опубликовавших «утку» изданий спешат заявить, что «мнение редакции не всегда совпадает с мнением автора статьи». Мол, «наша хага с краю, ничего не знаю»... А между тем такие недоброкачественные публикации как раз и формируют общественное мнение, вырабатывают устойчивое отношение и к биографии, и к творчеству, и к личности Достоевского. Чего стоит упомянутая дискуссия в сибирских изданиях о том, где именно отбывал

каторгу писатель — в Усть-Каменогорске, Петропавловске, Бухтарминской крепости или в Красноярске?...⁶⁵ Или, к примеру, книги, подобные книге Э. Тополя «Влюблённый Достоевский», о которой мне тоже приходилось писать.⁶⁶ У дотошного читателя, конечно, теперь есть возможность обратиться к «Летописи жизни и творчества Ф.М. Достоевского в трёх томах» (Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проспект», 1993-1995 гг.). Но «Летопись» не включает в себя письменные источники, а лишь упоминает их (причём далеко не все). Тем более, в «Летописи» не рассматриваются биографии людей из окружения писателя. Свод сибирских мемуаров не только позволит определить степень «легендарности» автора всемирно известных произведений, но и откроет биографам писателя целый ряд личностей — каждый мемуарист, какими бы мотивами он ни руководствовался, интересен уже потому, что он писал о Достоевском...

Светлана Ананьева
ВРЕМЯ - ПРОСТРАНСТВО - АВТОР

Все мы встречали людей, которые не решаются, боятся просто-напросто читать Достоевского: больно. Слова жгут душу, слепят. Трагический мир, созданный этим гением русской литературы, не всем по силам.

Чингиз Айтматов.

Памяти О.П. Преснякова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное литературоведение все чаще обращается к истории филологической науки. Предпринимаются попытки нового прочтения работ выдающихся филологов прошлого, по-новому оценивается актуальность их идей для нашего времени. То, что было когда-то опрометчиво отброшено и забыто, теперь открывается заново и нередко подсказывает путь к решению важных теоретических проблем.

Стремясь осмыслить художественный мир произведений, литературоведы и критики все чаще обращаются к проблемам времени и

пространства. Академик РАН Вяч. Иванов, директор Института мировой культуры МГУ им. М.В. Ломоносова, в беседе с П. Капицей высказал следующую точку зрения на существование времени: есть время астрономическое и время внутреннее. Академик П. Капица дополнил это замечание тем, что прошлое гораздо ближе к нам, чем кажется.

Столь модные теперь термины «интертекст» и «интертекстуальность» (последний введен в литературоведение теоретиком постмодернизма французской исследовательницей болгарского происхождения Юлией Кристевой в работе «Семиотика» (1969) созвучны идеям М.М. Бахтина и А.А. Потебни о «диалоге культур», о полифонии романа, о внутренней форме слова и т. д. Классическую, на наш взгляд, формулировку понятиям «интертекст» и «интертекстуальность» придал Ролан Барт. «Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. - все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний: она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [1, с.78].

Интертекст всегда имеет свое внетекстовое, реальное окружение - свою «интерсреду». Относительно новой дисциплиной является культурная концептология, занимающаяся изучением так называемых «культурных концептов», т. е. «понятий, являющихся ценностями культуры и выражающихся прежде всего (но не единственно) абстрактными словами типа «Закон», «Беззаконие», «Беспредел», «Вера», «Радость», «Грех», «Семья», «Свои и чужие», «Любовь» и т. д.» [2, с.3]. Все эти культурные концепты наличествуют в прозе Ф.М. Достоевского, где они погружены в особый пространственно-временной континуум, в котором автор занимает исключительно важное положение.

О принципиальной значимости голоса автора в художественном произведении писал В.В. Виноградов [3]. Но, по мнению О.П. Преснякова, автора ряда монографий о вкладе А.А. Потебни в литературоведение,

о его «редком таланте масштабного филологического мышления» [4], «одно из краеугольных положений В.В. Виноградова о принципиальной значимости голоса автора в художественной речи, о структурной сущности его образа в поэтическом произведении генетически связано с мыслями Потебни о роли субъективного фактора в поэзии, о художественном слове и образе, и шире, в самом процессе поэтического познания жизни писателем» [5, с.196]. Представления самого В. В. Виноградова о взглядах Потебни на поэтику развивались и изменялись, причем в сторону все более глубокого их изучения и признания. Так, В.В. Виноградов отмечал, что «отголоски мыслей Потебни можно найти в трудах таких крупнейших наших исследователей литературы, как проф. Б.М. Энгельгардт, проф. Г.О. Винокур, акад. А.И. Белецкий, М.М. Бахтин, проф. Чичерин и многие другие» [3, с.5].

Исключительно важным для развития всей филологической концепции Потебни было научное осмысление внутренней формы слова. Вместо традиционного двучленного определения составляющих слова как «звука» и «значения» Потебня предлагает трехчленное: 1) значение (содержание), 2) внутренняя форма (компонент, посредствующий между формой и содержанием, одновременно и формальный и содержательный) и 3) форма внешняя (или, собственно, звуковая форма, «звучание слова»). Для того чтобы слово возникло, начало жить и употребляться, необходимо живое взаимодействие внутренней формы со значением и формой внешней.

«С удивительной прозорливостью, - отмечает О.П. Пресняков, - Потебня раньше многих понял, что такие сложные и многоаспектные явления как язык и поэтическое творчество очень нуждаются в системно-типологических приемах исследования» [5, с.30]. Для Потебни-филолога ни одна сторона языка и поэзии не могла быть понята вне исторических путей духовного развития общества. По мнению Потебни, при каждом новом употреблении слово как бы рождается заново. В художественном произведении слово включается в художественную речь, получает новое значение и качество.

М.М. Бахтин придавал чрезвычайно важное значение творческой активности писателя и читателя, что, в сущности, идет от Потебни, также, как и положение о слове и противослове, ставшее одним из основ научной концепции М. Бахтина.

Пространственно-временная организация художественного текста, концепция пространственно-временной предметности жанра - «важнейший узел соприкосновения и проникновения культуры в жанр» (М. Бахтин). Современные исследователи пишут о трансформации хронотопа, об основных проблемах теории интертекстуальности, о ее функциях в художественном дискурсе, организации художественного времени [6]. «О том, что способ интерпретации пространства и времени соответствует типу культуры, еще в 1920-е годы писал П. Флоренский. Жанровые формы представляют собой конкретно-предметное выражение хронотопа. Эти идеи о понимании жанровой типологии различного обращения со временем получили развитие и в западно-европейской эстетике (Н. Пирсон «Литературные формы и типы, или защита Полония», Р. Уэллек, О. Уоррен «Теория литературы», П. Хернади «Вокруг жанра» и др.)» [7, с.26].

К. Ясперс выделял осевое время, А. Ухтомский ввел в математическое естествознание понятие хронотоп, под которым объединял «живые и неизгладимые из бытия события... мировые линии, которыми связаны давно прошедшие события с событиями исчезающего вдали будущего» [8, с.398]. О хронотопе как обозначении типологических пространственно-временных моделей писал в своих трудах М.М. Бахтин, выделяя реальный исторический хронотоп, литературно-художественный, реально-эпический и «ценностный» хронотопы [9]. В характере хронотопов «он видел воплощение различных ценностных систем, а также типов мышления о мире. Так, - отмечает А. Есин, - в смене «эпического» хронотопа «романным» заявило о себе, по Бахтину, принципиально новое мышление о мире» [10, с.59]. А.Б. Есин уверен в том, что «установление и изучение таких художественно-культурологических соответствий», отражающих физическое понятие «пространственно-временного континуума», является достаточно перспективным для современного литературоведения» [10, с. 61].

В этом ключе написаны работы Аверинцева С.С., Лотмана Ю.М., Гуревича А.Я., Топорова В.Н., Успенского Б.А. и др. [11].

Создавая мир произведения, писатель «структурирует его, помещая в определенном времени и в пространстве» [12, с.200]. В художественном произведении, по мнению Д.С. Лихачева, различаются время автора и время персонажа, время фактическое и время изображенное. На авторское время может накладываться «изображенное читательское

время» и «изображенное авторское время» [13, с.212].

Литературные произведения «пронизаны временными и пространственными представлениями, бесконечно многообразными и глубоко значимыми. Здесь наличествуют образы времени биографического (детство, юность, зрелость, старость), исторического (характеристики смены эпох и поколений, крупнейших событий в жизни общества), космического (представление о вечности и вселенской истории), календарного (смена времен года, будней и праздников), суточного (день и ночь, утро и вечер), а также представления о движении и неподвижности, о соотносении прошлого, настоящего и будущего» [14, с.248].

В первых трех главах нашего монографического исследования мы рассматриваем художественное время в произведениях Ф.М. Достоевского, а именно: соотносённость прошлого, настоящего и будущего. Герои Достоевского показаны писателем в переломные моменты их жизни, поэтому в зависимости от душевного состояния один и тот же промежуток времени воспринимается по-разному. Субъективное время, таким образом, имеет свои основные свойства и может развиваться с различной степенью интенсивности, так как неразрывно связано с мироощущением героя, его чувствами, переживаниями. Оно может в произведениях Достоевского замедлять и ускорять свой бег, обращаться вспять, менять направление своего течения, нередко вводится контрапункт (встречное течение времени). Время может «обесмысливаться и превращаться в фикцию», «может подчиняться реальному времени и быть независимым от него» [15, с. 136]. «Для Достоевского... художественное время было одной из самых существенных сторон художественной изобразительности... - убежден Д.С. Лихачев. - Через время он догадывался о вечном, раскрывал это вечное и вневременное» [16, с. 97].

Таким образом, различается понятие концептуального и перцептуального времени. Если первое – это отражение реального времени, в течение которого происходят изображенные писателем события, причем концептуальное и реальное время могут не совпадать, то второе – это время, возникающее в воспоминаниях и сновидениях персонажей. Анализ хронотопа в прозе Достоевского позволяет раскрыть особенности мировоззрения писателя, так как, по мнению Ю. Карякина, является «основным жанрообразующим принципом» его прозы [17, с.639].

«Живое течение мысли» прослеживает мастерски А.В. Чичерин в прозе Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского [18]. Он, в частности, убедительно доказал, что «внутренняя форма сказывается и в особо характерном для произведения слове, и в строе его речи, и в образах, и в идеях, и в главном, все образующем строе произведения в целом» [18, с.52]. Именно А.В. Чичерин дал свое толкование понятиям «образ-идея», «смысловое ядро образа», а «внутреннюю форму слова», учение о которой «ведет читателя внутрь отдельного слова и речевого потока, и произведения в целом», он сумел понять в произведении «как смысловую категорию».

Мы исходим из того, что «литературный текст не замкнут в себе, он живет в определенной социальной и культурной среде, и между ним и этой средой происходит постоянный обмен смыслами» [19, с.174], идет диалогический процесс культуры. Формы хронотопа проявляют себя очень интересно при исследовании как древних мифов, так и при взаимодействии фольклора и современной литературы. Об этом пишут И.С. Лисевич, С.А. Каскабасов, Ш. Ибраев. Так, пространственно-временная парадигма, выработанная в процессе мифотворчества в эпоху глубокой древности, продолжала играть огромную роль в культуре традиционного Китая [20, с.138]. Механизм «встречного течения», выявленный в казахском фольклоре С. А. Каскабасовым, согласно которому происходит освоение ионациональных традиций, соответствует одному из видов литературных взаимосвязей [21, с.19].

Одна из глав монографии Ш. Ибраева «Мир эпоса. Поэтика казахского героического эпоса» посвящена поэтике эпического художественного времени, специфике времени исполнителя и сюжетного времени. Забегание сюжетного времени вперед, в будущее и назад от основного времени не характерно для эпоса. В контексте настоящего времени может восприниматься время сновидений, воспоминаний, предчувствий. Нельзя говорить и о замкнутости эпического времени, которое путем внесюжетных повествований о генеалогии батыров имеет выход ко дню сегодняшнему. Таким образом, сюжетная структура эпоса позволяет использовать различные временные измерения [22].

Увеличение антагонизма между личностью и обществом, по мнению В. Бадикова, служит материалом романного характера [23, с. 31].

Не это ли в основе произведений Достоевского?

Проблемы хронотопа разрабатываются на современном материале. М. Ауэзов считает, что именно роман «способен собрать воедино раздробленное обстоятельствами время и пространство», разрушить навязанное время и обрести свое суверенное [24, с.13].

Ш.Р. Елеукинов связывает возникновение романной формы в казахской литературе с «усложнением пространственно-временных отношений, составляющих основу художественного мира». Структуру произведений данного жанра определяют, по его мнению, хронотопы, «характеризующиеся переплетением и пересечением различных пространственно-временных планов» [25].

Интересна точка зрения Н. Джунаньшбекова на то, что для современной литературы характерен особый хронотоп, через который осуществляется обращение писателей «к фольклору, мифу и их трансформации в современной виртуальной художественной действительности» [26, с.357]. Савельева В.В. в монографии «Художественный текст и художественный мир» выделяет циклический хронотоп, подчеркивающий идею вечной повторяемости, линейный хронотоп, выражающий идею историзма, поступательного движения от прошлого к настоящему и будущему, и хронотоп вечности, создающий в художественном мире «ситуацию покоящегося пространства и остановленного времени», в котором время «существует все сразу», пространство предстает как «состояние, в котором одновременно потенциальны все пространства» [27, с.121-122].

В последнее десятилетие появились интересные работы, в которых идеи хронотопа, идеи поэтики рассмотрены на материале казахской прозы и современных литератур. Это монографии Каскабасова С.А., Исмаковой А.С. и др. [28].

Художественное время в произведениях различно в зависимости от его интенсивности, т.е. «насыщенности событиями» [10, с.54]. Чрезвычайно насыщено оно у Достоевского. В то же время редко совпадают время изображенное и время изображения. В большинстве случаев художественное время короче «реального». В этом, по мнению А. Есина, «проявляется закон «поэтической экономии» [10, с.55].

Художественное время, в свою очередь, связано с таким концептом как память. В современном литературоведении стилистически маркированный прием, представляющий собой эхо жанра автобиографии,

получил определение автобиографизма. «Он появляется, - отмечает Магдалена Медарич в статье «Автобиография/Автобиографизм», - в текстах, которые сами по себе не являются автобиографией, не писались и не воспринимались как автобиографии» [29, с.5]. Он может проявляться в дневниках, мемуарах, письмах, исповедях.

Поэтому мы предлагаем вниманию заинтересованного читателя, исследователя, студента анализ мемуарной литературы о Пушкине, как большой русской, так и русской литературы Казахстана. В четвертой главе монографии речь пойдет о воспоминаниях А.П. Керн о великом поэте и о жанровом своеобразии книг Н. Раевского «Когда заговорят портреты» и «Портреты заговорили», посвященных исследованию новых материалов о жизни и творчестве А.С. Пушкина.

Книги Н.Раевского, по-прежнему, актуальны, свидетельством чего является следующий факт. В рубрике «Архив» первого выпуска альманаха «Голоса Сибири» (Кемерово, Кузбассвузиздат, 2005) напечатан очерк Сергея Папкова, Владимира Сергиенко, Анастасии Темниковой и Марианны Фаликовой «Древо с могучими корнями» (Памяти Дмитрия Орестовича Тизенгаузена), авторы которого проводят интересное расследование о судьбе сибирского общественного деятеля, литератора Дмитрия Тизенгаузена, чья биография поразительна и наводит на многие размышления. Он принадлежал к древнему Лифляндскому роду Тизенгаузен, многоветвистое дерево которого уходит в 1198 год. Примечательно, что они ссылаются (в ряду цитируемых источников) на книгу «Портреты заговорили» известного казахстанского пушкиноведа Николая Раевского, озвучивая его версию о том, что сцена посещения «Пиковой дамы» Германом списана с ночного визита Пушкина к «обворожительной посольше» Долли Фикельмон (Дарье Тизенгаузен, жене австрийского посла в России Шарля Луи Фикельмона), которая любила и была любима поэтом. По этой же версии – визит был первым и последним...

Альманах сибирских писателей примечателен еще и тем, что центральной на его страницах является рубрика, посвященная 185-летию Ф.М. Достоевского. Профессионально написаны очерки Юлии Зародовой об истории создания Омского государственного литературного музея им. Ф.М. Достоевского («Первый в Сибири, единственный в мире») и Екатерины Алешинной «Там, где рождаются образы» (Некоторые особенности художественной реальности

Ф.М. Достоевского и создание Новокузнецкого Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского).

По-новому освещают роман и женитьбу русского писателя на М.Д. Исаевой, знакомство с которой состоялось в Семипалатинске, авторы «Кузнецкого венца» Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века» Мэри Кушникова, Ксения Тилло, Вячеслав Тогулев. Они разгадывают «загадочные» загадки, увлекая читателя за собой, подтверждая свои догадки цитатами из писем Ф.М. Достоевского – М.М. Достоевскому, Врангелю, В.М. Карпиной, Варваре Дмитриевне – сестре Марии Дмитриевны и др. Они прослеживают любовный треугольник в повестях и романах Достоевского, убедительно доказывая, что «Достоевский – «человек пути» и его возбуждает сама борьба за женщину, и чем тернистее путь, тем она желаннее. Достигнутая цель уже не волнует, как сам путь к ней. Именно поэтому, думается, излюбленным сюжетом в его романах был треугольник. Как только «конструкция» рухнет, игра в любовь теряет остроту. Обвенчавшись с Исаевой, Достоевский как бы сравнивает восторженное чувство, сродни творческому подъему, с унылой прозой, и от игры устает, или вовсе отказывается от нее».

Как известно, доверительная дружба установилась между Ф.М. Достоевским и Ч.Ч. Валихановым, несмотря на разницу в возрасте (14 лет), разное социальное происхождение и положение. 14 декабря 1856 года именно Ч. Валиханову пишет Ф.М. Достоевский о предстоящей свадьбе (это письмо тоже цитируют авторы исследования): «В Кузнецке... я много говорил о Вас одной даме, женщине умной, милой, с душою и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил ей о Вас так много, что она полюбила Вас, никогда не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил Вас самыми яркими красками...»

М.Кушникова, К.Тилло и В.Тогулев выявляют основные темы и мотивы в творчестве Ф.М. Достоевского, освещая их через призму личных отношений писателя и его первой супруги. Так, тема жизни и смерти в «Идиоте» и «Вечном муже», так же, как и в «Преступлении и наказании», является сквозным мотивом. Рогожин, побратавшийся с Мышкиным, пытается его убить, но убивает Настасью Филипповну – объект их общей любви. Трусозцкий, обнимавшийся и целовавшийся с Вельчаниновым, пытается зарезать его бритвой. «Memento mori», вкупе с обидами «обманутого мужа» - тот логический мостик,

который связывает его до конца дней со столь бурным и грозно-насыщенным периодом его биографии, что прошел под знаком Исаевой...» Более того, нередко писатель давал персонажам имена прототипов. В романе «Бесы» в главе «У Тихона», которая не вошла в окончательный вариант романа, примечательна сцена бракосочетания Марьи Лебядкиной, жених которой радуется, что ему удалось «отбить» невесту у Николая Ставрогина. «Под Марьей Лебядкиной, - отмечают исследователи, - довольно прозрачно проглядывает Мария Исаева, под женихом – Достоевский, а Николай Ставрогин ассоциируется с Николаем Вергуновым».

Еще одним свидетельством популярности творчества Ф.М. Достоевского могут служить параллели, проводимые между романами современных писателей и его наследием. Об этом – речь в последней главе нашей книги. Основное кредо современного писателя Пауло Коэльо, книги которого завоевали мировую известность, имеет прямое отношение к Достоевскому: «Более разумно, более практично быть добрым, чем злым». Так думал и Алеша Карамазов, олицетворяющий совесть всей семьи, так думает и главный герой романа П.Коэльо «На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала». Повседневный опыт любви становится камнем преткновения для героев П. Коэльо и для героев Ф.М. Достоевского, которых «жизнь хватает врасплох и тащит к неведомому». Повествовательная структура романов определяется переплетением прошлого и настоящего. Сущность и своеобразие романного хронотопа русского и бразильского авторов заключается в том, что он ориентирован на исследование и воспроизведение судьбы главных героев.

ПРОБЛЕМА ДВИЖЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ПЕРЕЖИВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Отличительная черта прозы классика русской литературы XIX века Ф. М. Достоевского заключается в показе своих героев в наиболее напряженные моменты их жизни, в напряженной внутренней борьбе с самими собой. Характеры его героев раскрываются в острых драматических ситуациях, неожиданных поступках, с

особенной полнотой передающих душевные кризисы и потрясения.

Особое значение для выявления переживаний героев Достоевского имеет движение художественного времени, в котором можно выделить три пласта: прошедшее, настоящее и будущее. Писатель довольно часто стремится показать, что кроме времени «общего», присущего всему действию романа и движущегося по законам его внутреннего мира, есть еще «частные», или, вернее, индивидуальные потоки времени, которые с этим общим временем и совпадают и, вместе с тем, расходятся. Случай встречного течения художественного времени, когда писатель создает своеобразный контрапункт, ускоряя один временной поток и замедляя другой, довольно часто включается в повествование. И именно это создает напряженность эмоциональной атмосферы произведения, вовлекает в нее читателя, помогает ему проникнуться настроениями и переживаниями героев.

У Достоевского своеобразна конструкция фразы, каждое слово в ней продуманно и имеет свое четко определенное место. «По почерку, - писал В.Г. Белинский, - узнают руку человека... по слогу узнают великого писателя... Если у писателя нет никакого слога, он может писать самым превосходным языком, и все-таки неопределенность и - ее необходимое следствие - многословие будут придавать его сочинениям характер болтовни... Если у писателя есть слог, его эпитет резко определен, каждое слово стоит на своем месте, и в немногих словах схватывается мысль, по объему требующая многих слов» [30, с.38].

Достоевский как раз и демонстрирует такое умелое владение художественным словом, передавая насыщенность и интенсивность душевной жизни своих героев. «Переживания и мысли, в отличие от других процессов, протекают быстрее, чем движется речевой поток, составляющий основу литературной образности. Поэтому время изображения практически всегда длиннее времени субъективного», - приходит к выводу А. Есин [10, с.55]. В произведениях Достоевского это осознанный художественный прием.

Временной контрапункт возникает и развивается особенно остро в финале романа «Идиот», когда все стремительнее и неотвратимее надвигается на Мышкина сознание и настроение ужасной катастрофы, когда он все чаще и ужаснее начинает приближаться к грани безумия. Мы разделяем точку зрения Е. Фарыно на то, что поведение значимых героев Достоевского «постоянно реализует две крайние

фазы: «Альфу» и «Омегу», «начало» и «конец». Позиция писателя манифестируется именно способом заполнения промежутка между двумя фазами поведения героя. Две крайние точки в поведении и идеологии героев являются делимитирующими точками, т.е. жестко их разграничивающими», что порождает фигуры двойников, мотивы помешательства и безумия [31, с.247].

Неторопливо, с величайшей подробностью, акцентируя внимание читателя на казалось бы ничего не значащих деталях, описывает Достоевский путь Рогожина и Мышкина по направлению к Гороховой (спустился под ворота, вышел на тротуар, шел на полшага впереди). Дорога в произведениях Ф.М. Достоевского - «преимущественное место случайных встреч. На дороге пересекаются в одной пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей... Здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы... Это точка завязывания и место свершения событий» [32, с.290].

Следует и точное указание времени (спустя две минуты). Далее: Рогожин перешел улицу, ступил на противоположный тротуар, поглядел, махнул ему рукой, пошел, поминутно оборачиваясь.

Князь вначале удивился, сообразив, «испугался и стал приглядываться». Что-то помимо собственной воли влечет князя, он уже не может стоять на месте, но в то же время не просто идет, а всю дорогу размышляет, пытаясь найти ответ на вопрос, который, по-видимому, мучает и Рогожина: «кого смотреть надо?»

Идут медленно, словно бы боясь ускорить шаг. А между тем время переживаний движется все быстрее и быстрее.

Прошли шагов пятьсот - «князь начал дрожать». Чем ближе они к цели, тем тревожнее стучит сердце, так стучит, что «трудно говорить». И Рогожин молчит. Снова замедление, подробность: было уже около 10 часов вечера. Точное указание времени позволяет фиксировать события.

Вот они повернули с двух разных сторон в Гороховую, подходят к дому. «У князя вновь стали подсекаются ноги». Но не одного Мышкина охватывает усиливающееся волнение, и Рогожин был в «какой-то внутренней глубокой тревоге». Пока еще не ясной, это лишь предчувствие. Что-то должно произойти, что-то должно сейчас разрешиться. Мышкин противится этому, но... входит в дом.